

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

А.А.Леонтьев

ДЕЯТЕЛЬНЫЙ УМ
(Деятельность, Знак, Личность)

Смысл
Москва
2001

УДК 316.6
ББК 88.5
Л 478

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 01-06-16009д

Леонтьев А.А.

Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл,
2001. — 392 с.

Новая фундаментальная монография одного из ведущих отечественных психологов, в которой дается историко-научный и теоретический анализ одной из наиболее актуальных проблем современной психологической науки — проблемы соотношения отражения и деятельности. В книге впервые по-новому поставлены и рассмотрены такие проблемы как значение для психологии гуманитарных исследований М.М.Бахтина и Ю.М.Лотмана, проблема единого субъект-объектного континуума, проблема знака и значения, вопросы психологии деятельности и другие методологические проблемы «неклассической» психологии.

ISBN 5-89357-106-1

© А.А.Леонтьев, 2001.
© Издательство «Смысл», 2001.

Действительная противоположность есть противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а вовсе не противоположность сознания, как внутреннего, предметному миру, как внешнему.

А.Н.Леонтьев

Нельзя понять происхождение деятельности у отдельного человека без раскрытия ее изначальных связей с обществом и со знаково-символическими системами. <...> Перспективы полидисциплинарной теории деятельности в значительной степени связаны с объединением деятельностного и знакового подходов.

В.В.Давыдов

Знаковая система является продолжением естественного аппарата отражения.

М.К.Мамардашвили, А.М.Пятигорский

Каждую человеческую индивидуальность можно считать особой позицией в видении мира.

Вильгельм фон Гумбольдт

ВВЕДЕНИЕ

В основе настоящей книги лежат два курса, которые автор читает на факультете психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, — «Деятельность как психологическое понятие» и «Знак и личность». Если вслед за А.Н.Леонтьевым (см. об этом ниже) рассматривать предмет психологии как «деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредованную отображением этой действительности» (Леонтьев А.Н., 1994. С. 163), то в целом они составляют, как видно из книги, как бы единый курс: первая часть книги посвящена анализу отображения, прежде всего в историко-научном аспекте; вторая — анализу деятельности; третья часть посвящена попытке пересмотра структуры и некоторых понятий психологии под углом зрения, очерченным в предшествующих частях, она носит более фрагментарный характер; и, наконец, в четвертой части мы постараемся синтезировать взгляды, ранее изложенные в других частях.

Вместе с тем у книги есть и другая задача. Мы стремимся не просто изложить сущность психологической теории деятельности, как мы ее понимаем, но и показать, как она складывалась, какая научная логика привела к ее появлению. Иными словами, мы попытались вписать данную книгу не только в контекст *психологической теории*, но и в контекст *истории психологии* и гуманитарного знания вообще.

Концепция, излагаемая в настоящей книге, в целостном виде представлена впервые. Однако некоторые ее фрагменты публиковались ранее¹.

---

¹ Перечислим наиболее существенные из этих публикаций (они были широко использованы нами при написании книги): Психологическая структура значения // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М., 1971; Знак и деятельность // Вопросы философии. 1975. № 10; Знак // Философские проблемы психологии общения. Фрунзе, 1976; Психолингвистический аспект языкового значения //

Книга рекомендуется как учебное пособие по названным выше двум курсам, а также по курсу «Психолингвистика», так как в опубликованном учебнике «Основы психолингвистики» отсутствуют разделы, прямо трактующие вопросы психологии значения и знака. В настоящей книге не освещается собственно психолингвистическая проблематика семантики, поэтому позволим себе отослать заинтересованного читателя к прекрасным книгам А.А.Завелевской — в особенности к ее «Введению в психолингвистику» (М., 1999).

Как и большинство других наших книг, данная работа писалась прежде всего в расчете на студентов. Это гораздо больше учебное пособие, чем монография. Отсюда ее композиция и обильное цитирование взглядов анализируемых авторов, особенно тех, кто обычно не попадает в поле зрения студентов-психологов.

Автор приносит глубокую и искреннюю благодарность всем, кто способствовал выходу этой книги, а в особенности — коллективу Отделения общей психологии и психологии личности факультета психологии МГУ, сделавшему возможным само появление книги.

Принципы и методы семантических исследований. М., 1976; Язык, познание и общение // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976; «Единицы» и уровни деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1978. № 2; Некоторые проблемы психологической теории деятельности на современном этапе // Тезисы докл. Всесоюзной конференции «Развитие эргономики в системе дизайна». Боржоми, 1979; Деятельность и общение // Вопросы философии. 1979. № 1; Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983; Генезис семантической теории: античность и средневековье // Вопросы языкознания. 1988. № 1; Эссе Номо: «Вершинная» психология и перспективы исследования деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990; Л.С.Выготский. М., 1990; Личность, культура, язык // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Иваново, 1994; Психология общения. Изд. 2. М., 1997; Основы психолингвистики. М., 1997; Нереализованные идеи А.Н.Леонтьева. Смысловое поле // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н.Леонтьева. М., 1999. Многие из этих работ публикуются в составе книги: Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М., 2001 (в серии «Психологи Отечества»).

Часть 1. Психология отображения: знак и значение

Глава 1. Вводные замечания

Соотношение знания и действия (образа и действия) не является предметом анализа только психологической науки, но и — быть может, даже в большей мере — предметом философского анализа. С другой стороны, его собственно психологическая трактовка уходит корнями в философскую мысль не только Нового времени или Просвещения, но и античности, и средневековья. Чтобы понять до конца, например, ход мысли А.Н.Леонтьева, не говоря уже о В.В.Давыдове, следует соотнести его с позициями Э.В.Ильенкова и раннего М.К.Мамардашвили. В свою очередь, чтобы правильно интерпретировать этих авторов, необходимо знать не только Маркса, но и Гегеля, и Канта. А мысль Гегеля или Канта останется нераскрытой без обращения к Платону, Аристотелю, Фоме Аквинскому.

Настоящий раздел книги, во всяком случае, его первые главы, как раз и посвящен историко-генетическому анализу трактовки знака и значения (в их соотношении с деятельностью и личностью). Это ни в коей мере не история понятия значения или подходов к языку в мировой науке, а тем более — не история семиотики. Мы берем из истории философской, семиотической, лингвистической мысли только те основные вехи, без знания которых нельзя понять внутреннюю логику того подхода к проблеме соотношения знака и деятельности, который связан с именами Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева. Поэтому множество ученых и вообще мыслителей, без которых невозможно представить себе общую картину истории учения о языке, о знаке, даже о значении, сознательно отсутствуют в нашем обзоре. Читатели, желающие составить себе более широкую картину эволюции трактовки знака и

значения в мировой научной мысли, могут обратиться к соответствующей литературе. Из наиболее ярких книг этого рода назовем следующие: *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985; *Семиотика*. М.: Радуга, 1983; *Чертов Л.Ф.* Знаковость. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1993; *Портнов А.Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994; *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.

Обозначим основные направления нашего исторического анализа. Он начнется с истоков — античной философии и продолжится средневековой философией. Из более поздних философских направлений мы остановимся на английской материалистической философии XVII века (Бэкон, Гоббс, Локк). Естественно, особо рассматриваются (хотя и весьма выборочно) идеи Канта, Гегеля, В. фон Гумбольдта, Маркса. Дальнейшее философское развитие будет только обозначено, хотя, например, такие мыслители, как Кассирер, Хайдеггер, Ясперс, Бубер, не говоря уже о Гуссерле, вполне заслуживали бы подробного рассмотрения. Из лингвистов мы ограничимся школой Гумбольдта (Штейнталь, Потебня), Бодуэном де Куртенэ и, естественно, Ф. де Соссюром. Будет дан также предельно краткий очерк истории семиотики от Ч.С.Пирса до Ю.М.Лотмана. В главе о Выготском мы остановимся, кроме его собственных идей, на некоторых позициях его замечательных современников — в особенности Бахтина и Шпета. (Мы лишь попутно упоминаем А.Ф.Лосева, ибо его взгляды никак не соотносятся с интересующей нас в первую очередь *психологической* проблематикой знака и значения.)

Хотелось бы предупредить читателя-психолога, особенно студента, что чтение исторических глав этой части — дело не простое. Но они, эти главы, направлены, помимо всего прочего, на решение важной дидактической задачи — задачи *поднятия философской культуры молодых психологов*. Ради этого, как нам кажется, стоит и потрудиться.

ГЛАВА 2. ЗНАК И ЗНАЧЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Гераклит и Платон. Историю проблемы значения в философии следует, вероятно, начинать с понятия «логос» у древних греков и соотнесенных с ним понятий. У Гераклита логос выступает как «всеобщее, универсальное, объективное значение вещи» (*Науменко*, 1968. С. 35). «...Хотя логос всеобщ, большинство людей живет так, как если бы имело собственное понимание» (см. *Материалисты...*, 1955. С. 41). Иначе говоря, логос есть абсолютная мера вещей, объективно существующая, но недостижимая полностью. Лишь философ, человек, обладающий разумом, способен приблизиться к природе вещей. Он, философ, судит о сущности вещи — логосе — и выражает ее в слове. Суждение, рассуждение и есть переход от частных, преходящих случайных свойств вещи к ее объективной «логике», отраженной, закреплённой в слове. Но познание (и закрепление в слове) сущности вещей — не самоцель. «Мышление — великое достоинство, и мудрость состоит в том, чтобы говорить истинное и чтобы, прислушиваясь к природе, поступать с ней соответственно», — говорит Гераклит (см. *Материалисты...*, 1955. С. 51), четко соотнося тем самым слово и дело, поступок. Для Гераклита именно это — поступок, дело — и является главным: не сама вещь в ее сущности, а поступок в соответствии с сущностью вещей. Логос и есть для него внутренняя мера социального поведения (*Науменко*, 1968. С. 35—38; *Степанов*, 1985. С. 9—10; *Драч*, 1973. С. 102), позволяющая отказаться от ограниченного, субъективного, эгоистического образа действий в пользу истинного, то есть социально одобряемого и соответствующего сущности вещи, поступка. Поэтому знаменитый античный спор «о правильности имен», во всяком случае в своих истоках, был спором о том, насколько имя — «онома» — приближается к «логосу», а следовательно, насколько оно способно служить орудием философского познания сущности вещи и орудием «истинного» социального поступка. «Слово есть ведущее начало, образующее

разумное вообще, и в смысле мирового разума (“всемирного ума”, или логоса), и в смысле разумности отдельного человека <...>. Вот почему слово <...> требует к себе особенно внимательного отношения. Слово нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушается порядок в обществе <...>. Таким образом, смысл теории именовании состоит в том, чтобы уметь устанавливать гармоническую целесообразность общества и мировой порядок одновременно» (*Рождественский*, 1975. С. 34—35)¹. У Гераклита же наряду с понятием «логос» возникает «номос». Это не божественная или абсолютная сущность, но нечто «обще-принятое» (*Петров*, 1973. С. 75), соответствующее нормам полиса, это — закон. Можно поступать по природе («фюсей»), а можно по закону («номо»). «Нет, не софисты, но благороднейшие умы эллинов [Гераклит, Парменид, Эмпедокл. — А.Л.] противопоставили то, что они по своему убеждению считали себя обязанными полагать истинным, и всеобщее мнение — номос» (*Steinthal*, 1863. С. 44). Как пишет один из последователей Гераклита, «номос определяют люди сами для себя, не зная, во имя чего определяют; природу же устраивают боги» (*Там же*. С. 51—52).

Итак, логос — абсолютная, природная (божественная) сущность, номос — закон или общепринятое мнение. Но есть и имя (или слово) как таковое — «онома». Сам Гераклит, по-видимому, этого термина не знал (во всяком случае как термина). И соотношение имени и логоса (и номоса) лучше всего раскрыть на классическом примере платоновского диалога «Кратил», не забывая, что у различных греческих мыслителей конкретное толкование перечисленных понятий было различным, и одно и то же понятие толковалось неодинаково.

В диалоге Платона три собеседника: Кратил, Гермоген и Сократ. Кратил придерживается гераклитовского мнения, что у всякой вещи «есть правильное имя, врожденное от природы» (*Античные теории...*, 1936. С. 36). Гермоген же считает, что «никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так

---

¹ Едва ли можно, однако, согласиться с тем, что в основе теории именовании лежит «словесная магия» (*Там же*. С. 34), и считать, что для греков разумность рождена словом (*Там же*. С. 35). Это — недопустимое упрощение. Не слово, а именно разум стоит в центре гераклитовской, а затем платоновской гносеологии: слово же — орудие разума.

называют» (*Там же*. С. 37). Сократ, к позиции которого в споре мы вернемся, является, по-видимому, своеобразным псевдонимом автора — Платона; но в первой части диалога, излагая концепцию «мимезиса», или подражания, он, как отметил И.М.Тронский (*Тронский*, 1936. С. 36), скорее всего выражает мысли Демокрита.

Позиция Кратила кое в чем близка учению софистов. Так, для него всякое конкретное слово (точнее, имя, онома) «правильно», поскольку оно существует: если оно не правильно, это не имя. Кратил анализирует лишь одну сторону вопроса — отношение вещи к имени, полностью игнорируя социальный контекст именованного. Гермоген делает другую столь же явную ошибку: он объявляет именование делом каждого отдельного человека, продуктом совершенно свободного выбора, фактически отрицая саму идею «правильности» и сводя ее к простому «договору и соглашению». На этих ошибках и «ловит» спорщиков Сократ. Он рассуждает следующим образом: «...Не для каждого каждая вещь существует по-своему, <...> вещи сами по себе обладают некоторой прочной сущностью безотносительно к нам и независимо от нас» (*Античные теории...*, 1936. С. 39), то есть сущность проявляется и познается нами в действиях с вещами. «Имя, чтобы быть правильным, должно истинно именовать вещь, то есть верно отражать ее объективные и не зависящие от человека свойства» (*Рождественский*, 1975. С. 41). Но именование, да и вообще речь, есть то же действие («праксис»), а имя, онома, — орудие. Орудие чего? «Поучения и разбора сущности» (*Античные теории...*, 1936. С. 40). Но оно ни в коей мере не источник познания о вещах: такой источник — сами вещи.

Кто же, спрашивает Сократ Гермогена, создает слова? Ответа нет. Кто же тогда передает нам употребляемые нами слова? Опять нет ответа, и Сократ его подсказывает: номос, то есть обычай или закон. А тот, кто создает слова, — законодатель («номотетес»).

Имя, онома, — частный случай закона, номоса, и среди законодателей реже всех встречается «ономатург», который, создавая имя, обязан как можно больше приблизиться к истинной сущности вещи — а она в том, что Платон называет идеей или образом («эйдос») этой вещи. Что соответствует идее, является ее адекватным воплощением, то и «правильно», соответствует природе («фюсей»). Тот закон или то имя природосообразны, правильны, в которых отражена идея вещи, — но не всякое имя, будучи «номическим», одновременно «логично». Во всяком случае, оно всегда отвечает обычаю (то есть номо).

Конкретное звучание слова неважно: если «не каждый законодатель влагает <образ или идею> в те же слоги, то из-за этого не надо испытывать сомнение; ведь и не всякий кузнец влагает <образ> в одно и то же железо, делая для одних и тех же целей одно и то же орудие» (Античные теории..., 1936. С. 42). Важно, чтобы был воспроизведен «образ (эйдос) имени, подходящий для каждой вещи» (*Там же*. С. 42): здесь мы находим, по-видимому, зачаток «лектона» стоиков. Впрочем, И.А.Перельмуттер отождествляет «образ имени» с внутренней формой (*Перельмуттер*, 1980. С. 132). Но дальнейшее рассуждение Платона мешает такой интерпретации.

Однако Сократ еще раньше подчеркнул, что сущность вещи проявляется в ее объективном использовании в деятельности. Не только сама по себе идея орудийности, но и то, чего мы этим орудием достигаем, входит в сущность вещи. И судить о правильности имени (и вообще номоса) вправе лишь тот, кто его использует, употребляет, а именно — диалектик, то есть тот, кто «умеет ставить вопросы и давать ответы». Интересно, что именно диалектик, так сказать, «мыслящий вслух», рассматривается как «потребитель» труда ономатурга (подобно тому как кормчий — «потребитель» труда корабельного плотника). И здесь мы приходим к очень важному тезису Платона, а именно к тому, что правильность имени определяется его соотношением с речью — логосом (как раз в этом смысле термин «логос» встречается и у Демокрита, где он понимается как «сплетение имен»). Дело в том, что именно речь, — не само по себе имя как таковое, — раскрывает суть вещей. Обозначение того, что мы говорим, мысля, чтобы сделать это обозначение понятным собеседнику, и есть истинное именование. «Правильность языка лежит в возможности сообщения, то есть выражения или изображения того, о чем мы мыслим, и понимания выраженного» (*Перельмуттер*, 1980. С. 132). Это — сократовское положение, согласно которому обрести истину можно лишь «в совместном диалогическом мышлении» (*Фишер*, 1906. С. 23).

Имя, онома — не единственный составной элемент логоса: наряду с ним выступает «рема». Штейнталь дает интересный анализ содержания этих понятий у Платона, подчеркивая, что это не субъект и предикат в грамматическом и даже логическом смысле и тем более — не имя и глагол, как они понимались впоследствии, особенно в Александрийской школе. Логос есть соединение идей, выраженных в словах или «членораздельная, четко ар-

тикулированная и отчетливо выраженная вовне мысль» (*Васильева*, 1979. С. 298). Эти идеи — двоякого рода: идеи действия или признака, то есть собственно идеи (эйдосы), и образы вещей. «Ономата» и «ремата» и суть звуковые знаки («семейа») для образов вещей и идей признаков или действий. Логос — не оперирование словами (знаками), но сущностями при посредстве слов. Он — словесный предикат к истинному бытию, и поэтому логос есть всегда логос чего-то. «Для Платона говорить значит выражать соотношение вещей с идеями» (*Steinthal*, 1863. С. 143); вещи (как единичные чувственные образования) обозначаются при помощи ономата, а идеи, им приписываемые, — при помощи ремата. Логос Платона и есть акт приближения и приобщения мира вещей к миру абстрактных сущностей, к гераклитовскому логосу этих вещей, при помощи номоса.

Сама по себе идея знаковости языка у Платона заслуживает внимательного рассмотрения. Его концепция такова. Слова (ономата и ремата) суть знаки вещей и идей. Отдельные идеи, сочетаясь друг с другом, дают диалектическую структуру особого рода — «дианойю», или рассуждение. (Кроме идей, компонентами дианойи являются восприятия или представления вещей. Они обладают свойством истинности, то есть правильно или неправильно отражают сущность. Поэтому дианойя и ее продукт — докса относятся к сфере номоса; только в общении, в платоновом логосе мы приходим к подлинному, абсолютному знанию.)

Дианойя есть диалог, «беззвучная беседа с самим собой». Результатом же этого диалога является «докса», то есть мнение (утверждение или отрицание): оно-то и отображается при помощи знаков — в логосе, который есть структура особого рода, отличная от дианойи. Иначе говоря, докса — это содержание, которое человек выражает в речи, в логосе. Платон определяет ее как «словесное выражение, но без участия голоса и обращенное не к кому-то другому, а к самому себе, молча» (*Перельмуттер*, 1980. С. 149).

Попытаемся подвести итог изложенной выше позиции Гераклита и ее развитию у Платона.

У вещей есть универсальные, сущностные характеристики: и «не то, что изменяется и проходит, как чувственные вещи, а то, что пребывает неизменным, общие свойства и отношения, родовые формы обладают подлинной действительностью» (*Трубецкой*, 1915. С. 30). Это и есть истинная «природа вещей», выступающая у Платона как система эйдосов, идей. Чтобы в эту природу проникнуть, требуется рассуждение. Но нас не может интересовать сущ-

ность вещей как таковая, она нужна нам, чтобы истинно, природосообразно действовать с этими вещами, получая адекватный результат.

Орудием «поучения и разбора сущности», то есть рассуждения, является слово. Только через него идеи становятся доступными, соединяются в нашем разуме с вещами. Но оно само по себе не обязательно отражает сущность вещи, «логос» (в гераклитовском смысле) или «идею» (по Платону), но лишь номос — закон или обычай. Мера соответствия номоса вообще (и слова в частности) логосу и есть их природосообразность, соответствие сущности. Поэтому сами по себе слова (имена) не являются источником познания свойств вещей, как утверждает в диалоге «Кратил». Ономатург, словотворец, создает слово, стремясь как можно больше отобразить в нем скрытый логос, или идею, вещи. А диалектик судит о том, насколько это ему удалось, на основании практического применения слова в общении. Именно общение, диалог и делает необходимым существование слова как особой реальности, различие логоса и номоса. И именно общение, то есть логос, верифицирует «правильность» имен.

Слово выступает в двух видах деятельности: в рассуждении (дианойя), результатом которого является мнение, докса; и в общении, то есть в логосе, который при помощи знаков обозначает и выражает для другого мнение. Первое есть акт индивидуальный; второе — акт совместного целесообразного действия при помощи слова. Докса может быть верной или ошибочной, и лишь в логосе это выясняется.

Но ономатург создает не вообще слова, не вообще слово соотносимо с вещью и выступает как «правильное» или «неправильное»: речь идет пока только об *имени*, об онома. Чтобы построить логос, мало иметь ономата: необходимы и ремата, в которых отображены идеи действий или сущностных признаков. Логос и есть процесс приписывания вещи определенных свойств, процесс утверждения бытия или небытия вещи, описание действий этой вещи (субъекта) или действий с ней. Он — предикат к реальности, опосредованный дианойей (и не случайно Я.Хинтикка (1980) видит в доксе идею пропозиции).

Все это хотя и не до конца последовательно, но по-своему очень логично. Поэтому странно читать в современной монографии о «довольно путаных рассуждениях о языке в диалоге “Кратил”», о «низкой оценке Платоном языка и его функциональных возможностей» и т.п. (Жоль, 1984. С. 14—15).

Платон никоим образом не «устраняет проблему языка из своей философии», как утверждает К.К.Жоль; он пытается решить ее, причем глубже, чем это удалось многим мыслителям более позднего времени. А именно, он четко противопоставляет: а) содержательную отнесенность имени к той или иной чувственно воспринимаемой вещи и отображение в имени сущности вещи, ее «идеи»; б) объективное содержание понятия (значения, слова) и отображение в нем того, что является обычаем или законом, номосом; в) содержательный аспект отдельного слова (имени) и содержательный аспект логоса (высказывания), выражение которого опосредовано словесными знаками. Это уже очень много для одного из основоположников теории значения. Прибавим к этому идею диалога, общения как способа верификации «правильности имен», а также понятие знака, хотя у Платона он еще совпадает с означающим. Впрочем, это понятие существовало у греков и в доплатоновский период. Ср. у Парменида: «Каждой же вещи, как знак, людьми было придано имя» (Античная философия..., 1940. С. 50).

Многое из того, что описано выше, находит параллель в китайской и древнеиндийской философии. Так, понятию логоса (в гераклитовском смысле) или платоновой идее довольно близко отвечает китайское «дао», которое, являясь сущностной основой мира, не может быть выражено словами и постижимо лишь умозрительно. Соответственно понятию номоса можно приравнять «дэ», которое может быть низшим или высшим. В этой связи весьма показательна приводимая Ю.В.Рождественским (1975. С. 35—36) цитата из древнеиндийского филолога Патанджали, где очень много общего с платоновской концепцией слова.

Аристотель и стоики. Следующим этапом в развитии семантической теории следует считать деятельность Аристотеля. Он исходит из универсальности вещей и рассматривает «возбуждения души» как образы вещей; эти «возбуждения души» тоже универсальны, но язык, слова как знаки для «возбуждения души» или «знаки состояния души» уже не носят всеобщего характера. Слова суть также знаки для родовых и видовых свойств вещей. Они суть орудия познания вещей, как и для Платона. Но не сами имена, а способы их соединения и разделения обеспечивают истинность. Следовательно, нужно изучать разные такие способы: здесь исток аристотелевой логики. Именно поэтому Аристотель говорит о понятии отдельно от слова. Ведь «применение» слова не всегда соответствует сущности понятия. «Одно и то же предложение и одно и

то же имя <неизбежно> должно иметь много значений. И тот, кто не знает значения слов, при умозаключении будет обманываем...» (Античная философия, 1940. С. 149). «Значение слов» здесь обозначается, кстати, как их «логос» — то есть истинное значение, противоположное «свойству» или «применению» этих слов. По Аристотелю, понятие может отражаться в целом высказывании, а не только в отдельном слове, или не соответствовать определенному слову. Впрочем, на практике Аристотель, говоря о логическом выводе, то есть о формах мышления, часто отождествлял их с формами языка и, лишь обращаясь к художественной речи, четко указывал на их различие.

Г.Штейнталь отмечает, что логика Аристотеля была, в сущности, учением о соотношении несловесных понятий, а не о правилах построения суждения или высказывания: отсюда в его «Аналитиках» в качестве исходного понятия выступает термин («орос»), а не суждение («протасис»). Эти собственно логические отношения понятий по объему и соответствующие им правила силлогистического вывода находят свое выражение в формах языка.

Особенно интересно соотношение у Аристотеля понятий «просегория» и «категория». Просегория есть использование имени (онома) для обозначения вещи, это — операция, соответствующая идее знаковости имени. «...В разговоре мы <...> вместо вещей пользуемся именами и знаками» (Античная философия, 1940. С. 149). В этом отношении интересна мысль Аристотеля о том, что имя получает значение «лишь тогда, когда становится символом» (цит. по *Перельмуттер*, 1980. С. 157).

Напротив, категория есть использование слова (именно ремы, а не ономы) как предиката к действительности (рема, говорит Аристотель, есть знак того, что говорится о субстанции или существует в субстанции).

Рема вне связной речи, логоса — это онома, она также что-то означает, но не утверждает и не отрицает. Ремой она становится, когда к ее значению присоединяется какая-то динамическая характеристика, какая-то «бытийность». Но сама по себе эта характеристика тоже есть онома: следовательно, рема есть результат сочетания одной ономы с другой, придающего одной из них свойство ремы. Это сочетание для Аристотеля и есть логос. «С одной стороны, онома — любое слово вообще, слово *an sich*; с другой, это такое слово, которое в логосе образует противостояние реме. Ремой может служить любое слово; ибо оно не само по себе рема, а становится таковой благодаря применению ее в высказывании»

(Steinthal, 1863. С. 237). Кстати, для Аристотеля и атрибутивное словосочетание является логосом. И онома, и рема суть «значащие звуки», знаки. Что они обозначают? Либо образы вещей, то есть «первые сущности», либо не отдельные образы или предметы, но понятия, ноэмы, то есть «вторые сущности» — виды и роды. (Впрочем, термин «ноэма», который мы до сих пор переводили как «понятие», на самом деле имеет несколько иное содержание: это «результат переработки опытных данных с помощью разума» (Попов, Стяжкин, 1974. С. 52) или «всякое необразное, отвлеченное от условий восприятия предмета в определенный момент времени и в определенном пункте пространства содержательные мысли» (Ахманов, 1960. С. 76).

Итак, перед нами мир вещной действительности, реальные «предметы, отражением которых являются представления», и сами эти «представления, находящиеся в душе, которых непосредственные знаки суть слова» (Античные теории..., 1936. С. 60). С другой стороны, эти «первые сущности», или субстанции, могут обобщаться при помощи понятий, также реализуемых в слове. Ноэмы (понятия) выступают в логическом рассуждении как термины («орой»). Само это рассуждение (протасис) соотнесено с понятием логоса, который есть соединение слов, выражающее утверждение или отрицание бытия чего-то и являющееся категорией, поскольку оно преддицирует действительность через просегорию — отношение имени (онома) к этой действительности.

Мы не случайно так подробно остановились на рассуждениях Аристотеля, как раньше — на высказываниях Платона. Как мы увидим далее, к платоновской и аристотелевской концепциям восходят практически все проблемы современной семантической теории, и раскрыть их без подробного исторического экскурса попросту невозможно. Слишком часто современные авторы понимают концепции авторов древности слишком упрощенно либо приписывают им более позднее понимание анализируемых вопросов (например, Аристотелю — стоическое). Отрадным исключением является Л.К.Науменко, которому принадлежит, в частности, предельно тонкий и объективный анализ взглядов Платона и Аристотеля на проблему идеи (понятия) в ее отношении к вещи. «Абсолютизация инобытия вещи» у Платона, составляющая основу его идеализма, соединяется у него, по Науменко, с вполне материалистической мыслью о том, что сущностей столько, сколько у вещи функций, сообщающих ей устойчивость, определенность и целостность. Идея вещи (которая представляет собой

персонификацию сущности, а значит объективной функции вещи) потому и рассматривается Платоном как что-то независимое от чувственно воспринимаемой вещи, что эта последняя, лишенная своих внешних связей (сущностей), превращается в аморфный материальный субстрат. «Мы слишком привыкли рассматривать идеи Платона просто как гипостазированные абстракции индивидуальных тел, как отвлеченные образы единичных вещей, которым придано самостоятельное существование. В действительности же идеи Платона — это образы не индивидуальных тел, а функций» (Науменко, 1968. С. 100).

Чтобы покончить с античным периодом в развитии семантической теории, кратко остановимся на взглядах стоиков. Логос (как высказывание) понимается стоиками как проявление универсального разума, своего рода «мирового духа», одухотворяющего мертвый субстрат и тоже носящего название «логоса» (хотя он здесь и отождествляется с номосом — «всеобщим обычаем»). Он проявляется через индивидуальный разум. Стоики знали четыре основных категории. Первая из них — вещь, предмет. Вторая — «эннойя». Штейнталь переводит это слово как «представление», но на самом деле это — понятие, которое образуется либо в результате деятельности разума, либо на основе чувственного представления, образа вещи в душе (фантасма). Третья категория — слово, или, точнее, голос, членораздельный звук («фоне»), служащий орудием обозначения (он обозначает эннойю и через них — вещи). Наконец, четвертая категория, самая интересная — это «лектон», на котором мы остановимся чуть дальше. Сейчас достаточно отметить, что это содержательный аспект высказывания или слова как части высказывания. У слова как такового тоже есть свой лектон, но он «недостаточен».

Таким образом, речь есть значащий звук, направляемый мыслью. «...Речь всегда что-то значит: слово (фоне) может ничего не значить <...>, а речь (лексис) не может» (Диоген Лаэртский, 1979. С. 206). «Лексис» позже, у Псевдо-Августина («Начала диалектики») выступает (под названием *dictio*) как единство членораздельного звука (*verbum*) и лектона (*dicibile*). Но именно позже! В классической Стое «лексис» — это синоним «фоне», а «лектон» лежит вне слова.

Секст Эмпирик в одном месте противопоставляет «внутреннее слово» — «произнесенному слову». А.Ф.Лосев (1979. С. 100) считает, что можно приравнять это «внутреннее слово» к знаку (семейон); но даже у Псевдо-Августина знак (*signum*) определяет-

ся лишь как «то, что обнаруживает чувственному ощущению и самого себя, и что-либо помимо самого себя». Слово же и есть «знак какой-либо вещи» (*Steinthal*, 1863. С. 287). Именно в этом смысле, то есть как функционально используемый членораздельный звук, знак и понимается на протяжении всей античности и в раннем Средневековье. Собственно, и у Псевдо-Августина *dictio* есть слово, произносимое ради обозначения.

Остановимся на понятии «лектона», очень важном для нас, подробнее, воспользовавшись образцовым историко-философским и историко-филологическим анализом, проделанным А.Ф.Лосевым (1979. С. 23). Вот основные результаты этого анализа (ср. также *Степанов*, 1985. С. 144—146).

Во-первых, лектон не имеет физической реальности и не имеет смыслового содержания, отличного от содержания соответствующего предмета или вещи. Он и есть само это содержание, значение вещи, являющееся в каком-то отношении самой вещью. Не случайно Секст Эмпирик определяет «обозначаемое» как «тот предмет, выраженный звуком, который мы постигаем своим рассудком», и даже говорит, что «обозначаемая вещь» (а она и есть «высказываемое», лектон) бестелесна (*Античные теории...*, 1936. С. 69). Диоген Лаэртский, излагая мнение стоиков, прямо пишет: «Высказываются вещи, которые и являются *lecta*» (*Диоген Лаэртский*, 1979. С. 286).

Во-вторых, лектон четко отграничивается стоиками как от эннойя, то есть осмысленного представления (понятия), так и — тем более — от «фантасма», то есть чувственного представления, лишённого смысла. Он возникает «согласно» тому и другому. Акт «отпечатывания» в душе вещи не требует означения при помощи лектона. Это очень ярко демонстрирует в своем изложении стоической философии Сенека: «Я вижу, что Катон гуляет. На это указало чувственное восприятие, а ум этому поверил. После этого я утверждаю: “Катон гуляет” <...>. Вовсе не является телом то, что я сейчас высказываю, но оно есть нечто возвещающее о теле» (цит. по *Лосев*, 1979. С. 105; ср. *Попов, Стяжкин*, 1974. С. 96).

В-третьих, лектон имеет у стоиков реляционную природу, это система смысловых отношений. В этом смысле он соответствует не только вещам (предметам) и предметно отнесенным словам, но и выступает как содержательная сторона функционально-языковых категорий, конституирующих высказывание. Отсюда «вопросительный лектон», «модальный лектон».

В-четвертых, для стоиков только «реальность, осмысленная через лектон, и есть подлинная реальность, которая и телесна, и

осмысленна» (Лосев, 1979. С. 114). Возникающую при этом опасность дуализма стоики снимают за счет любопытнейшего учения об «энергейе», то есть о вещественных качествах вещи (ее функциях, как сказал бы Л.К.Науменко). Эти вещественные качества совершенно неотделимы от сущности вещи, но они и осмысленны.

Современные семиотики, и в частности Т.Себеок (*Sebeok*, 1972) и Р.О.Якобсон (1983. С. 4), возводят именно к стоикам понятие знака как единства означаемого и означающего. Означаемое у Якобсона соотносится с «понимаемым» («ноэтон»), а означающее — с «воспринимаемым» («эстетон»). Эти понятия, принадлежащие Хрисиппу, встречаются у него совершенно в иной связи — он считал род за понимаемое, а вид за воспринимаемое (Попов, *Стяжкин*, 1974. С. 98). Другим стоикам они не свойственны, да и здесь явно произвольно вырваны из общего категориального контекста. Что касается самого исходного понятия «знак» («смейон»), то, как мы помним, это повсюду у античных философов синоним «фоне», то есть членораздельного артикулированного звучания, или по крайней мере «лексиса» — осмысленного, функционального, значащего звука. Другое употребление этого термина чуждо античным мыслителям, и если где-либо и встречается (хотя нам такой случай неизвестен), то не принадлежит к числу характерных.

Следует иметь в виду, что другая (помимо стоиков) популярная философская школа античности — эпикурейская — вообще отрицала «среднее звено» между предметом и словом. «Вы (эпикурейцы) полностью отвергаете род высказываемых, составляющий существо речи, и оставляете только звуки и предметы, вы считаете, что <...> обозначаемого <...> вовсе не существует», — пишет Плутарх (цит. по: *Перельмуттер*, 1980. С. 205).

От Филона до Абеяра. Чтобы ясно представить себе историко-философский контекст, в котором возникли и развивались средневековые семантические теории, необходимо учесть два основных момента. Первый: все раннесредневековые философские концепции находились под сильнейшим влиянием платонизма (точнее, неоплатонизма). В них, во всяком случае на первом этапе, широко используется — хотя и употребляется иначе — концептуальная система позднеантичной философии, в частности, основные категории, свойственные учению стоиков и восходящие к Платону. Второй: невозможно понять суть воззрений средневековых философов на значение, если не уловить главного, доминирующего направления их мысли. Мы имеем в виду свой-

ственную всей средневековой философии идею, выраженную в наиболее яркой форме Псевдо-Дионисием Ареопагитом: «Воистину, вещи зримые суть явленные образы вещей незримых» (цит. по *Аверинцев, 1977. С. 331*). Остановимся на этой идее подробнее.

Предшественником анализируемой концепции, как и христианской теологии вообще, является александриец Филон. Опираясь на учение стоиков о мировом логосе и его отображении в языке через разум отдельного человека, Филон объявил логос силой, посредством которой бог творит мир (ср. известную формулу в начале Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. <...> Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть <...>»). Логос есть то, что соединяет бога и мир, бога и человека через разум последнего. Более того, он так же относится к космосу, как человеческий разум к человеку. Разум превращается, таким образом, в слабое подобие Логоса. Слово дано человеку, в частности, в форме Священного Писания: правильно истолковать писание значит проникнуть в скрытую премудрость, приблизиться к божественному знанию. Отсюда целое направление в теологии — экзегетика, или герменевтика². Но подлинный смысл Писания связан с духовным постижением, а не с разумом как таковым, хотя совершенствование разума необходимо для постижения (экзегезы).

Блаженный Августин, развивая идеи экзегетики, рассматривает важность для нее теории знака (в частности, языка как системы знаков), являющейся чем-то вроде пропедевтики наук. Но, как правильно замечает В.В.Бычков (1981. С. 264), теория знака («семейон») как условного обозначения вещей или мыслей (встречающаяся уже у Татиана и Арнобия), хотя и была развита Августином, но не характерна для раннехристианской философии в целом. В ней довольно рабски воспроизводится позиция стоиков. Впрочем, Августин был едва ли не первым, кто попытался построить общую теорию знаковых систем, частным случаем которой является теория языка. Прежде всего сюда входит разграничение искусственных и естественных знаков. Как уже говорилось, не это является самой важной чертой раннесредневековой семантики или семиотики, но сама концепция вещи как символа (знака) идеи. Это звучит парадоксально, однако есть все основания для подобной формулировки.

---

² Строго говоря, герменевтика — не синоним экзегетики. Однако здесь мы не имеем возможности вдаваться в анализ их соотношения.

«Символ в средневековом его понимании не простая условность, но обладает огромным значением и исполнен глубочайшего смысла. Ведь символичны не отдельные акты или предметы: весь посюсторонний мир не что иное, как символ мира потустороннего; поэтому любая вещь обладает двойным или множественным смыслом, наряду с практическим применением она имеет применение символическое. Мир — это книга, написанная рукою бога, в которой каждое существо представляет собой слово, полное смысла <...>. Символ, следовательно, не субъективен, а объективен, общезначим. Путь к познанию мира лежит через постижение символов, их сокровенного смысла» (Гуревич, 1972. С. 265—266).

Символы (понимаемые здесь расширительно) или образы могут иметь разную природу. В.В.Бычков выделяет три основных типа образов: миметические (подражательные), символические или символично-аллегорические и знаковые. «Отличаются они друг от друга характером *выражения* духовного содержания в материальных образах или степенью *изоморфизма*» (Бычков, 1981. С. 251). К первому типу относятся, по концепции раннехристианских философов, изобразительные искусства античности — простые (для них) копии действительности. Аллегии (символично-аллегорические образы) наиболее распространены. Именно сюда относится глубоко разработанное в апологетике различие «образа» (миметического) и «подобия». Телесность человека, его плоть, создана «по образу» бога, и она «является материальным выражением божественной духовности» (Там же. С. 260). Подобие же относится к чисто духовной сущности человека.

Экзегетическое толкование Священного Писания — это, в сущности, и есть расшифровка системы заключенных в нем аллегорически-символических образов: «Изреченное в словах — лишь символ скрытого смысла, который обнаруживается при толковании», «Тело закона — словесные предписания, душа же — заключенный в словах невидимый смысл», — писал еще Филон (цит. по Бычков, 1981. С. 268). Примером может служить символика апокалиптических животных, имеющих соответственно лики льва, тельца, человека и орла. По Иринею, это символы разных сторон деятельности Христа; отсюда они становятся символами четырех евангелий и даже евангелистов (Иероним), а затем — символами воплощения, смерти на кресте, воскресения и вознесения.

Наконец, третий вид образов — знаковые образы — выступает в раннехристианской культуре прежде всего как знамение — не-

кое чудо, возвещающее собой сверхъестественное событие (знамение второго пришествия Христа и др.) — или вообще как чудо — знак божественной сущности Христа. Так, у Лактанция говорится, что страдания и чудеса Христа имеют «великую образность и знаковость» (*significatia*).

Интересное исследование символики раннехристианского средневековья принадлежит С.С.Аверинцеву. Так, он указывает, что византийский император воплощает в себе идею божественной власти, является ее живой эмблемой (Аверинцев, 1977. С. 314). «Весь мир полон символов, — констатирует Д.С.Лихачев, — и каждое явление имеет двойной смысл. Зима символизирует собою время, предшествующее крещению Христа; весна — это время крещения, обновляющего человека на пороге его жизни; кроме того, весна символизирует воскресение Христа <...>. Олень устремляется к источнику не только для того, чтобы напиться воды, но и чтобы подать пример любви к богу <...>. Такими же символами “вечных” и “вневременных” отношений были растения, драгоценные камни, численные соотношения и т.д. Средневековье пронизало мир сложной символикой, связывавшей все в единую априорную систему» (1979. С. 162—163).

В основе этого понимания лежит платоновское, а затем стоическое понимание мира как отображения божественного Логоса, а самого Логоса — как своего рода порождающей модели. Применительно к платонизму это четко сформулировал А.Ф.Лосев: «Идея вещи в платонизме есть вечная и порождающая модель вещи» (1982. С. 81). Уже в рамках христианской апологетики Ориген прямо утверждает: «Логос — <...> образец, по которому сотворен мир. В нем план мира и идеи всего сотворенного...» (цит. по Майоров, 1979. С. 95). «Ясно, что в свете такого Логоса все существующее превращалось в некоторого рода *аллегорию*...» (Лосев, 1979. С. 769). К тому же источнику восходит так называемый «экземпляризм» философии Августина: «Для творимых вещей идеи выступают как образцы, по которым они творятся, как прообразы, основания и причины их бытия» (Майоров, 1979. С. 303). И, наконец, тот же источник, что для нас особенно важно, лежит в основе широко известного направления «реализма» в средневековой схоластической философии.

Концепция реализма представлена в раннем Средневековье Ансельмом Кентерберийским и Гийомом из Шампо. С точки зрения реалистов, общие идеи (роды и виды) служат — как и для Августина — идеальными прообразами для создания единичных

вещей, которые являются истинными в меру соответствия этим идеальным прообразам. Эта точка зрения находит дальнейшее развитие у Фомы Аквинского, согласно которому универсалии (идеи) имеют тройное существование: до вещей (*ante res*) — в божественном разуме; в вещах (*in rebus*) — поскольку они воплощают идеи божественного разума; и, наконец, после вещей (*post res*) — в интеллекте человека, открывающего их в мире. Предмет отражается в душе человека через свое «подобие» (ибо телесный объект не может взаимодействовать с бестелесной душой) — чувственное впечатление. Затем эти «подобия» проходят первичную обработку так называемыми «внутренними чувствами», к которым относятся, в частности, память и воображение и которые организуют первоначальный хаос впечатлений: возникает система чувственных образов. Следующий этап — обработка их разумом, то есть процесс абстракции, приводящий к выявлению видовых и родовых форм, — превращает чувственные образы в образы «умопостигаемые», помещающиеся в так называемом «возможностном разуме» (*intellectus possibilis*) — здесь формы телесных тел освобождаются от физической оболочки и начинают вести чисто духовное существование. И, наконец, последний, самый высший (для человека) этап — обработка умопостигаемых образов «активным разумом», продуктом чего являются понятия, в дальнейшем используемые при образовании суждений. Интересно, что для понятий Фома Аквинский, кроме «концепта», использует термины «*species expressae*», то есть «выраженные виды», или же «*verba mentis*» — «слова ума». Дальнейшие этапы познания уже не свойственны, по Фоме, людям, но только ангелам или богу: ангелам доступно озарение, но для него им нужны умопостигаемые образы (точнее «виды») — чувственные же образы им чужды; а бог для познания не нуждается и в умопостигаемых образах.

Противоположная позиция известна под названием номинализма. Его возникновение связано с именем Росцеллина. Для Росцеллина единственная реальность — индивидуальные вещи: следовательно, универсалии возникают только «после вещей», то есть в человеческом разуме. «Роды и виды — это только звуки речи, слова, имена (*nomina*)» (*Джохадзе, Стяжкин, 1981. С. 44*). Они выражают не отношения вещей (субстанций), но служат только для классификации слов. Точно так же трактует Росцеллин и аристотелевы категории.

Менее крайнюю позицию, известную под названием концептуализма, отстаивал в рамках номинализма Пьер Абеляр. Для него

слово — не просто «пустой звук», но носитель значения (*significatio*). Слово в этом смысле способно определять предметы, выступать предикатом к ним, и не само слово, но речь является универсалией (или в ней заключаются универсалии). Общие понятия есть продукт деятельности человеческого ума и существуют только в речи (*sermo*). Они возникают в процессе абстрагирования чувственных впечатлений: есть единичная, «реальная» вещь, и есть множество ее признаков, определяемых ее «формой». Работа разума заключается в отсеивании признаков индивидуальных и синтезе таких признаков, которые объединяют вещь с другими вещами в понятия (*concepti*). Нетрудно увидеть и здесь влияние платонизма. Джохадзе и Стяжкин считают даже (но, по нашему мнению, без достаточных оснований), что Абельяр «трактует универсалии как бестелесные абстрактные предметы, обладающие значением, или, короче, как сигнификаты (*significata*)» (1981. С. 51).

Слово есть для Абельяра инструмент мысли, оно создается для обозначения мысли так, чтобы это слово можно было понять, — перед нами снова идея, которую находим у Платона. Ср. у томиста Ричарда из Миддлтона понимание единичного как «не подлежащего сообщению» (*incommunicabile*) (Джохадзе, Стяжкин, 1981. С. 125).

Но слово ни в коей мере не есть смысл вещи, оно самоценно. Противоположное мнение высказывал Ламберт из Осера, также умеренный номиналист. Он определял значение как «разум (*intellectus*) вещи, к которой прилагается слово»: значению у него противостоит суппозиция (*suppositio*), то есть отнесенность слова к единичным предметам.

Подводя предварительный итог, попытаемся сформулировать еще раз позиции реалистов и номиналистов в интересующем нас плане.

Для реалиста универсалии имеют трансцендентное существование. Они «суть некое реальное, существующее вне мыслящего субъекта и отличное от единичной вещи, <...> сущностью вещи является единственно лишь идея» (Гегель, 1935. С. 141). Понятия, образуемые при помощи слов (вспомним «*verba mentis*» Фомы Аквинского), суть более или менее полное приближение к этим идеям («формам» у Фомы), для чего необходимо, однако, познание единичных вещей, которое не может не быть чувственным (Фома Аквинский, Жильбер Порретанский и др.). Но именно поэтому понятие по определению ограничивает глубину познания, оно не может привести нас к «конечным сущностям» (*essentiae*),

для чего необходимо озарение, вообще имманентная деятельность души. Ультрареалистом можно считать философа XIV в. Иоанна Богоугодного, который как значение термина (в конечном счете как понятие) рассматривал обобщенное наглядное представление (представление об идеальном предмете). Слово для реалиста — орудие проникновения в сущность, условие понятийного, рационального познания трансцендентной идеи. Для крайнего номиналиста универсалии имеют единственное реальное существование в словах. Они возникают *post res* и являются лишь продуктом анализа и классификации слов. Для концептуалиста универсалии существуют в человеческом уме, они связаны с его аналитико-синтетической работой над признаками конкретных вещей, то есть над результатами их чувственного познания. Понятие и есть продукт такой аналитико-синтетической работы. Слово не есть орудие этого анализа и в особенности синтеза, оно — орудие мысли как предсказания абстрактных признаков реальным предметам, и его способность быть орудием коммуникации является для него сущностной характеристикой. Другой вопрос, будем ли мы считать носителем значения слово (Абеляр) или вещь (Ламберт).

И, наконец, о понятии значения, которое утвердилось именно в трудах концептуалистов. Даже из сказанного выше ясно, что у умеренных номиналистов значение как отнесенность к предмету или классу предметов не совпадает с обобщенным, «понятийным» значением, прежде всего присущим слову-предикату, реме. Так, Абеляр говорит о двух различных значениях в слове или речи — «интеллектуальном» и «реальном». Ср. у Иоанна Солсберийского: «Следует различать то, что апеллятивы означают (*significant*), и то, что они называют (*nominant*). Единичные предметы называются, а универсалии означиваются» (цит. по Пурс, 1983. С. 208).

При этом способность слова быть ремой неотделима от идеи первичности «речи» (*sermo*) по отношению к отдельному слову и от «коммуникабельности», от выполняемой словом (точнее, речью) функции общения.

Дунс Скот и Оккам. Концептуализм получил свое окончательное оформление в начале XIV в. в трудах Иоанна Дунса Скота. Его концепция — одна из самых сложных философских систем Средневековья, и Скот недаром получил в истории схоластики титул «изошренного доктора» (*doctor subtilis*). Остановимся здесь только на одном аспекте этой системы — скотовской гносеологии, несущей на себе, как мы увидим, и явные следы влияния умеренного реализма.

Для Скота конечный объект разума — реальное бытие индивидуальных вещей, связанное с их формой (в смысле близком Абельяру, а не томистам). У каждой вещи благодаря форме есть своя индивидуальная природа, ее «этовость» («*haecceitas*»). Виды и роды (универсалии) не менее реальны, не менее сущностны — они так же существуют в природе и вносят в бытие индивидуальных вещей порядок, систему, а именно на их основе возможны суждения. Слово, обозначающее универсалию, таким образом, есть «знак чего-то известного, но еще не познанного» (Попов, Стяжкин, 1974. С. 169) — ибо познание должно происходить в умозаключении и отталкиваться от конкретной, единичной вещи. Первоначальным орудием такого познания является чувственная интуиция. Она постигает «чувственные виды» (*species sensibilis*), в результате чего образуются представления — «фантасма», а затем при помощи разума — *species specialissima*, чувственный образ. Наряду с последним и на его основе возникают «умопостигаемые виды» (*species intellegibilis*); познание их связано с идеей ментального или идеального предмета, который в одном отношении бес-телесен, в другом — материален, то есть связано не с самим предметом, но с его свойством, предикатом.

Слово, таким образом, выступает для Скота в двух ипостасях. С одной стороны, «любую сущность можно постигать на собственном ее основании и даже обозначать (*significare*): такому пониманию соответствует абстрактный модус обозначения» (Попов, Стяжкин, 1974. С. 172). Эта абстрактная сущность, умопостигаемый вид, ментальный предмет и есть в первую очередь понятие — «концепт». Но, с другой стороны, есть «конкретный модус обозначения», связанный с сущностью, формирующей конкретный предмет. Но это не первичное познание индивидуальной вещи (которое может быть лишь чувственным), а «эквивалент генерализирующей абстракции» (Там же). Кстати, Скот очень ясно сознает и прямо пишет, что концепт может быть употреблен и для отдельного индивида: «человек» — как «этот человек».

В этих двух ипостасях слова следует разобраться более детально, потому что Скот здесь, как всегда, вводит множество тонких различий. Так, понятие интерпретируется им как «среднее между вещью и речью или звуком (“*vox*”)». Как это надо понимать? Попробуем это сделать через скотовскую концепцию предмета логики. Для него предметом логики являются «понятия, формируемые деятельностью разума». Если средневековый реализм считал первичными предикаты, то есть идеи, выраженные в реме, а

субъекты, имена, соответствующие конкретным вещам, для него вторичны, то скотизм перевернул это отношение: для него реальные и первичны субъекты, универсалии же, отображенные в рамках, вторичны. Как и Абеляр, Скот четко разделял два рода понятий и соответствующих им слов: понятия для субъектов (платоновские ономата, имена) и общие понятия (платоновские ремата, предикаты или предикабилии). Отсюда и его различие «конкретного» и «абстрактного» модусов обозначения — в зависимости от функции соответствующего термина в суждении. В первом случае это «конкретное понятие», во втором — «абстрактное понятие». Соответственно выступают два вида «интенции» (по определению Попова и Стяжкина, интенция у скотистов — это «познавательное отношение мысли к объекту, связанное с чувственным или понятийным “воспроизведением” последнего», — 1974. С. 170): первичная, направленная на конкретные объекты, и вторичная, направленная на ментальные объекты. Во втором смысле он вслед за Фомой Аквинским употребляет выражение «*verbum mentis*» («слово ума»). Это и есть «понятие, формируемое деятельностью разума». Если «речь» понимать как платоновский логос, то понятие как «слово ума» совершенно естественно занимает среднее место между вещью (*res*) или чувственными видами и речью (*sermo*).

Наряду с указанным различием Скот вводит «активный модус понимания» — это «способ конципирования, при посредстве которого интеллект обозначает, конципирует либо воспринимает свойства вещи». Пассивный же модус понимания есть «свойство вещи, поскольку <оно> воспринимается интеллектom». Очевидно, что пассивный модус понимания не имеет отношения к слову. Слово «появляется на сцене» (и начинает «обозначать» нечто) только при активном модусе. При этом и тот и другой соотнесены с первичной интенцией, с «ономата».

Интересное различие проводит Скот и между разными видами предикабилии, понятий как таковых (абстрактных понятий). Абстракция может быть двоякой; например, понятие «человек» «отвлечено и от того и от этого человека и от материи, например, от человека белого или черного». При этом «отвлечение от того или этого» отождествляется с абстракцией от суппозита: это такой общий термин, которому соответствует квантор общности «всякий» (*omnis*). Но возможен и иной вид абстракции, когда мы, например, имеем дело с понятием «белый человек»: оно отвлечено от «того и этого», но не от материи — ведь «белое» есть след-

стве материальных качеств». Здесь действует квантор общности «любой», «каждый отдельно взятый» (*unusquisque*). Иными словами, понятия (собственно понятия) могут в разной степени зависеть от восприятия конкретных вещей, в разной степени нести в себе их «материальность».

Таким образом, суппозит здесь — эквивалент «того и этого», то есть конкретных денотатов общего понятия или слова. И едва ли следует, по крайней мере у Скота, искать какой-то иной смысл этого термина. Соответственно и виды суппозиции — это разные виды замещения, где в качестве «индивидов», суппозитов, выступают различные элементы: скажем, конкретные люди или же слова, обозначающие людей. Так, «человек» и «белый человек» в приведенном выше рассуждении Скота — разные суппозиты, которым соответствуют разные виды или уровни суппозиции.

Многие мысли Скота (и затем Оккама) нельзя понять до конца, не зная влиятельного в свое время трактата его старшего современника Петра Испанского. Это относится как раз к понятию суппозиции (ср. также *Степанов*, 1985. С. 45—50). Именно у Петра четко сформулирована мысль о различных аспектах семантики: сигнификации (соотнесенность с понятием, например «человек»), суппозиции (соотнесенность с разными по уровню суппозитами, например с «белым человеком» в отличие от «всякого человека», «всех людей») и апелляции (соотнесенность с конкретным человеком, индивидуальным денотатом). Именно к Петру и его последователям («модистам») восходит и скотовское понятие «модуса обозначения». Суппозицию Петр определяет следующим образом: «Суппозиция есть предпринятое с фиксированной целью употребление термина, выраженного именем (существительным). Понятие суппозиции отличается от понятия сигнификации, поскольку сигнификация возникает в связи с впечатлением, произведенным звуковой речью в ее функции обозначать что-либо <...>. Сигнификация есть свойство звуковой речи, тогда как суппозиция есть свойство термина, уже состоящего из звуковой оболочки и смысла» (цит. по *Попов, Стяжкин*, 1974. С. 186, с некоторым исправлением перевода). Петр различает 10 видов суппозиции (*Там же*. С. 187—191).

Итог развития средневековой семантической теории — концепция «непобедимого доктора» Уильяма Оккама, от взглядов которого в дальнейшем отталкивались почти все мыслители Ренессанса и Просвещения. «Так называемый “терминизм” Вильяма из Оккама <...> пожалуй, не отличается в основном от концепту-

ализма Абеяра», — считает Т.Котарбиньский (1963. С. 414). Но в действительности это не совсем так, и главная разница здесь — в оккамовской теории интенций.

«Первая интенция», то есть устремленность сознания и мысли на объект, и является условием для его познания. Однако эта «первая интенция» возможна только в том единственном случае, когда существует «вторая интенция», наличная еще до отнесенности к какому-либо объекту. Но вот эта «вторая интенция» как раз и является той первичной смысловой устремленностью, которая имеется в виду в слове как таковом и в имени как таковом <...>. Важно не отрицать эту вторичную интенциональность. Что же касается объективности или субъективности универсалий, то для разума это недоказуемо, а верить можно во что угодно <...>. Они суть логическое построение, применимое к любому роду бытия и потому отличное от самого бытия. Подлинная сущность универсалий только интенциональна» (Лосев, 1982 а. С. 208—210). Как можно видеть, здесь Оккам развивает идеи Дунса Скота.

Первая интенция, по Оккаму, направлена на некоторые вещи, которые не являются знаками. Концепт, или понятие, есть «естественный знак» реальной вещи. Однако его «знаковость» не самоценна, и вот здесь-то мы вплотную сталкиваемся с идеей интенциональности: акт разума, то есть познавательная деятельность, понимается Оккамом как «ментальная пропозиция», лишенная словесных элементов. Это — акт мышления, так сказать, в «чистом» виде, оперирующий концептами, но не словами. Он-то и есть подлинный естественный знак объективного бытия: «Что понятие или впечатление души обозначает, оно обозначает по природе...» (цит. по Джохадзе, Стяжкин, 1981. С. 271).

Вторая интенция имеет дело со «знаками знаков» (*signa signorum*). Это и есть универсалии (предикабилии), они непосредственно относятся к концептам и имеют свое бытие в высказывании (*oratio vel propositio*). За пределами речи, рассуждения универсалии лишены реального существования, и проблема истинности, таким образом, снимается. Акт познания включает только субъект (*persona*) и отображение вещи (*similitudo rei*).

Не следует, однако, понимать всю эту систему упрощенно, то есть отождествлять первичную интенциональность с внесловесными или дословесными понятиями или «впечатлениями души», а вторичную — со словами. Дело в том, что понятие термина у Оккама обязательно связано со словом (как частью высказывания); но термины могут быть и «терминами первичной интен-

ции», и «терминами вторичной интенции». Разберем это различие. Одни слова относятся к самим вещам (единичным и реальным): так, говоря *Человек бежит*, мы мыслим вполне конкретного, данного человека, может быть даже непосредственно его воспринимаем. Другие же являются знаками понятий (например, *Человек есть живое существо*). Кстати, здесь Оккам опирается и на идею суппозиции как «состояния подразумевания». Соотношение слова *человек* и конкретных людей обозначается как «персональная суппозиция», во втором случае мы имеем дело уже с «простой суппозицией». То, что «подразумевается» при простой суппозиции — это «интенция души», а не что-то обозначенное, не онтологическая реальность (в отличие, скажем, от идей Петра Испанского, говорившего об «обозначении универсальной вещи»). Третий вид суппозиции — «материальная суппозиция» — подразумевает имя, слово (знак) и соответствует в современной логике автонимному употреблению терминов.

Важно для нас и понятие значения, или «сигнификации», у Оккама. Это понятие связано с постоянным качеством знака, имени, это — суппозиция, «отложившаяся» в самом знаке. Сигнификация всегда предполагает в конечном счете познание вещи: термин «обозначает истинную вещь», поэтому интенция души и не может быть сигнификатом, но только суппозитом. В сущности понятие сигнификации тем самым не является логическим, но «грамматическим», как говорилось тогда, то есть языковым; именно такой вывод и сделал один из предшественников Оккама — Пьер д'Орсонь. Оккам, однако, предпринял дальнейший, более решительный шаг, и самое логику отнес к «словесным наукам» вместе с грамматикой и риторикой. Кроме «словесных», есть еще и «реальные науки», оперирующие терминами первичной интенции. Но ни одна наука, хотя она и исходит из познания единичных вещей, не имеет их в качестве предмета: таковыми являются только понятия, то есть знаки, или имена. Следовательно, любая наука есть наука о знаках (первичных или вторичных)³.

Итак, с Оккамом в семантическую теорию пришла, во-первых, идея «интенциональной предметности» (как удачно выразился

---

³ К.К.Жоль прослеживает, как он пишет, «интересную параллель» между взглядами Оккама и теорией Огдена—Ричардса (1984. С. 77). Из вышеизложенного явствует, однако, что *весь* позитивизм и неопозитивизм XX века коренится в средневековом номинализме (см. *Соколов* и др., 1967). К семантической теории это относится вдвойне.

А.Ф.Лосев). Во-вторых, Оккаму принадлежит заслуга приведения к единой системе разрозненных ранее семантических идей и понятий (знак, сигнификация, суппозиция и др.). Наконец, в-третьих, Оккаму принадлежит теория словесного знака (термина) как единства слова и сигнификации и идея «ментальной пропозиции» как знака реальности. В этой связи приведем одно интересное высказывание Оккама о знаке: «Иначе следует понимать знак как нечто, что обуславливает (*facit*) возникновение чего-то иного в познании, чему свойственно замещать это иное или быть вставленным (вместо него) в предложение (*propositio*) <...>, либо чему свойственно быть составленным из упомянутых, какова речь (*oratio*) или предложение (*propositio*)» (перевод наш, цит. по Джохадзе, Стяжкин, 1981. С. 271). Отсюда явно следует, что не только «ментальная», но и всякая иная пропозиция, в том числе предложение, речь, является для Оккама знаком и что «замещать» (*supponere*) нечто — акт неразрывный с употреблением заместителя этого «нечто» в предложении.

Обращаясь к пути, пройденному нами вслед за философской мыслью античности и Средневековья, нельзя не заметить, что проблемы, так или иначе связанные со значением, совершенно невозможно понять вне всей системы онтологических и гносеологических воззрений анализируемых авторов. В принципе можно было бы проследивать развитие только семантики или семиотики; однако внутренняя логика и преемственность такого развития была бы в подобном случае утеряна. Именно историко-генетический анализ, предпринятый нами в настоящем разделе, пожалуй, в наибольшей степени показывает неправомочность рассмотрения категории значения лишь в отдельных ее связях — в рамках той или иной конкретной науки.

Проделанный выше анализ приводит и еще к одному важному заключению. Читатель, хорошо знакомый с современными теориями значения в лингвистике, логике, психологии, не мог не обратить внимания на то, что значительная, если не подавляющая часть этих теорий не только явственно коренится в семантических и семиотических идеях античности и средних веков, но по существу сводится к переформулированию этих идей в новых (а порой и в старых, но частично переосмысленных) терминах. Частично это прослеживается в последующих разделах Части I.

ГЛАВА 3. ЗНАК И ЗНАЧЕНИЕ В КЛАССИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Материализм эпохи Просвещения. Основной принцип Фрэнсиса Бэкона — «происхождение знаний и идей из мира чувств» (*Маркс, Энгельс, 1957. Т. 2. С. 143*). Этому принципу подчинена вся его философская система, в том числе его учение о понятии.

Бэкон исходит из учения о «простых формах». Их существует конечное число, «и они наподобие букв алфавита, из которых составляют всевозможные слова, своим количеством и сочетанием определяют все разнообразие существующих вещей» (*Субботин, 1974. С. 44*). Отстаивая метод индукции как основной метод научного познания, Бэкон видит его смысл именно в систематизации простых форм, а не *любых* чувственных признаков вещей, и создании истинных понятий, отображающих сущность вещей, их «формы субстанций». Чувственное познание, следовательно, есть способ открыть в окружающем мире универсалии — «роды, всеобщие законы. Создавая эти последние, она (эмпирия) встречается с почвой понятия, порождает нечто такое, что принадлежит почве идей; она, следовательно, препарирует эмпирический материал для понятия...» (*Гегель, 1935. С. 219—220*).

Но «если сами понятия, составляя основу всего, спутаны и необдуманно отвлечены от вещей, то нет ничего прочного в том, что построено на них» (*Бэкон, 1978. С. 13—14*). Они, эти понятия, превращаются в «пустые мнения», «абстрактные и бесполезные общности». Поэтому «пусть люди на время прикажут себе отречься от своих понятий и пусть начнут свыкаться с самими вещами», — требует Бэкон (1978. С. 17). Понятия должны быть построены на эмпирической основе, а не на основе «звучания диалектических слов», как у Аристотеля (*Там же. С. 28*). Слова порой «обращают свою силу против разума» (*Там же. С. 25*), ибо имеют своим источником «обычное мнение» или «разум толпы». Отсюда известное учение Бэкона об «идолах», то есть источниках расхождения между реальным содержанием и употреблением слов (точнее, зна-

чений): ведь «слова суть знаки понятий» (Бэкон, 1978. С. 13). Таким образом, бэконовская теория знака (и, шире, языка) получается двухуровневой («обычное мнение» и «естественная философия»), что самым прямым образом соотносится с учением Платона о различии номоса и логоса. В другом месте (Бэкон, 1977. С. 316) он присоединяется к мнению Аристотеля, что слова — это знаки мыслей.

Однако, по Бэкону, не только слова могут быть знаками. Под знаками он понимал «средства сообщения», «средства передачи мыслей от человека к человеку»: и вот «все, что способно образовывать достаточно многочисленные различия для выражения всего разнообразия понятий (при условии, что эти различия доступны чувственному восприятию)» (Там же), и есть знак. Сюда относятся жесты, иероглифы, «реальные» (пиктографические) знаки. По Бэкону, все эти знаки выражают «значение вещей». Значение слова или другого знака, приравненное к смыслу, понимается как «аналогия между словами и вещами» (Там же. С. 318). Таким образом, знак относится одновременно и к вещи и к соответствующему ей понятию. Его задача (и прежде всего задача слова) — правильно установить и отобразить «деление вещей», «различия между вещами», то есть выявить их «простые формы».

Таким образом, будучи несомненным номиналистом (в схоластическом смысле этого слова), Бэкон, во-первых, возводит понятия к чувственно-эмпирическому источнику, во-вторых, видит критерий истинности этих понятий опять-таки в чувственном познании и эксперименте (вообще практике). Слово и любой другой знак — это знаки понятий и, одновременно, если понятие истинно (правильно), знаки вещей. Если же мы занимаемся дедуктивным построением знания, опираясь на заведомо неправильные или «смутные» понятия, то и истинного проникновения в сущность вещей не может быть.

По традиции взгляды Т.Гоббса рассматриваются рядом с учением Бэкона как его непосредственное продолжение, глава о Гоббсе в «Истории философии» Фейербаха не случайно открывается параграфом под названием «Переход от Бэкона к Гоббсу». В этом есть несомненный смысл, так как взгляды Гоббса доводят позицию Бэкона до ее логического конца и, чтобы их понять, лучше всего отправляться именно от взглядов его предшественника и учителя.

Понятно, что в начале процесса познания у Гоббса стоит чувственное познание. Его продуктом являются «идеи» (они же — фан-

томы или фантазмы, они же — образы). Следующий этап процесса познания — обозначение «фантазм» знаками. Этот этап является переходным к теоретическому познанию. При этом фантазмы или образы содержат и субъективные впечатления, не имеющие аналогии в природе тел, но вызванные ими. Сюда относятся чувственные качества, такие, как цвет, звук и т.д. Но у тел есть и вполне объективные свойства (акциденции), такие, как протяженность, место или движение.

На знаковой теории Гоббса следует остановиться подробнее. Начнем с того, что знак состоит для него из «значения» и «материала знака». Далее, все знаки делятся на 6 групп: сигналы (свойственные животным), метки (в современных классификациях — знаки-индексы и знаки-признаки), собственно естественные знаки (туча как знак дождя), собственно произвольные знаки (например, слова), знаки в роли меток, когда «слова служат <...> метками для самого исследователя (а не знаками вещей для других)...» (Гоббс, 1964. Т. 1. С. 116), и, наконец, знаки знаков.

Слова (имена) суть знаки для фантазм *отдельных вещей*. В этом качестве они только обозначают и указывают, ибо «из опыта нельзя вывести никакого заключения, которое имело бы характер всеобщности» (Там же. С. 456). Даже и конкретное познание скорее можно, по Гоббсу, получить при помощи естественных знаков, вернее, их ассоциаций друг с другом. Знаки «не есть знаки самих вещей» (Гоббс, 1984. Т. 1. С. 84), но знаки наших представлений. Вообще «знак <...> есть чувственно-созерцательный объект, ставший снова предметом восприятия <...>. К числу таких знаков относятся те человеческие звуки, которые мы воспринимаем ухом и которые мы называем именами или названиями <...>. Имя или название поэтому есть звук человеческого голоса, произвольно употребляемый в качестве знака, предназначенного для возобновления в памяти конкретного представления о вещи, которой это имя присвоено» (Гоббс, 1926. С. 231—232).

Более всего исследованы и описаны позиции Джона Локка, в частности потому, что он считается создателем науки о знаках — семиотики. Из сказанного выше очевидно, что это едва ли верно. Другой вопрос, что именно Локку принадлежит сам термин «семиотика».

Вслед за Гоббсом Локк утверждает, что слова происходят из чувственного источника, но при этом констатирует, что «все имена <...> обозначают не ту или иную единичную вещь, а виды и разряды вещей» (Локк, 1985. Т. 1. С. 461). Слова суть чувственные знаки

идей того человека, который ими пользуется. «Так как рассматриваемые умом вещи <...> не присутствуют в разуме, то ему непременно должно быть представлено что-нибудь другое в качестве знака или в качестве того, что служит представителем рассматриваемой вещи; это и есть идеи» (*Там же*. С. 695). Но, во-первых, «люди предполагают, что их слова являются знаками идей и в уме других людей, с которыми они общаются» (*Там же*. С. 463); однако при этом они обычно не стараются исследовать, тождественна ли сама идея, а предполагают это априорно на основе единства слова. Во-вторых, людям свойственно предполагать, «что их слова обозначают также действительные вещи» (*Там же*. С. 464). Но часто «люди направляют свои мысли больше на слова, чем на вещи» (*Там же*), то есть слова превращаются в пустой звук. Что же значит обозначать вещи? «Вследствие образования отвлеченных идей и закрепления их в уме вместе с относящимися к ним именами люди становятся способны рассматривать вещи как бы целыми связками и соответственно говорить о них, стремясь к более легкому и быстрому совершенствованию и сообщению своего познания; последнее продвигалось бы медленно, если бы слова и мысли людей ограничивались бы отдельными предметами» (*Там же*. С. 477—478). Знак имеет две функции: «для уразумения вещей» и «для передачи своего знания другим». «Истина в собственном смысле слова означает лишь соединение и разъединение знаков сообразно соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей друг с другом» (*Там же*. Т. 2. С. 51).

У Локка прослеживается то же платоновское различие логоса и номоса: у него это «гражданское» и «философское» употребление слов. «Под гражданским употреблением слов я подразумеваю такое сообщение мыслей и идей посредством слов, которое служит для поддержания между людьми обычных разговоров и сношений <...>. Под философским употреблением слов я подразумеваю такое их употребление, которое служит для передачи точных понятий вещей и выражения в общих предложениях определенных и несомненных истин <...>».

<...> Так как главная цель языка при сообщении состоит в том, чтобы быть понятным, то слова — и в гражданской, и в философской речи — мало годятся для этой цели, когда не возбуждают в слушателе той самой идеи, которую они обозначают в уме говорящего <...>. Звуки не имеют естественной связи с нашими идеями и получают все свое значение от произвольного определения его человеком...» (*Там же*. Т. 1. С. 470).

Кант. Понятие знака у Канта связано с его классификацией видов познания. Напомним, что, по Канту, источниками наших представлений являются либо чувственность, либо рассудок и разум. «Первая дает нам знание, выражающее отношение предмета к особым свойствам познающего субъекта <...>. Вторые относятся к самим предметам» (цит. по Гулыга, 1986. С. 43). Чувственность имеет дело с *феноменами* (явлениями), рассудок и разум — с *ноуменами* (умопостигаемыми, или интеллигибельными, предметами). Ноуменальный мир — это мир предметов самих по себе. То, чем вещь является для нас (феномен), принципиально отлично от того, чем она является сама по себе (ноумен). Ноумены принципиально недоступны знанию, трансцендентны, являются «вещами в себе».

А.В.Гулыга реконструирует взгляды позднего Канта на основе сохранившегося русского перевода письма русскому философу и дипломату А.М.Белосельскому. Вот реконструкция этого текста: «Я представляю себе две отделенные друг от друга страны или области врожденной нам способности представления <...>. Страна рассудка в широком значении этого слова есть способность мыслить, страна созерцания есть простая способность чувствовать, воспринимать.

Первая из этих стран состоит из трех сфер. Первая сфера — сфера рассудка, или способности понимать, создавать понятия, объединять созерцания. Вторая представляет собою сферу суждения, или способности применять понятия к частным случаям *in concreto*, то есть приводить в соответствие с правилами рассудка, и это составляет собственно ум, *le bon sens*. Третья есть сфера разума, или способности выводить частное из всеобщего, то есть мыслить согласно основоположениям...» (цит. по Гулыга, 1986. С. 88).

Самая существенная часть способности созерцания «представляет собой творчество и состоит в воображении», в *активности познания*. И мысль Гумбольдта о языке как деятельности, как «созидающем процессе» (см. ниже), перекликается с этой позицией Канта.

Между чувственными данными и абстрактными понятиями Кант вводит особое звено — «трансцендентальную схему». Здесь чувственная наглядность уживается с элементами абстрактной всеобщности. «Так как синтез воображения имеет в виду не единичное созерцание, а только единство в определении чувственности, то схему все же следует отличать от образа. Так, если я полагаю пять точек одну за другой (.....), то это образ числа *пять*. Если же я мыслю только число вообще, безразлично, будет ли

это пять или сто, то такое мышление есть скорее представление о методе (каким представляют в одном образе множество, например тысячу) <...>. Это представление об общем способе, каким воображение доставляет понятию образ, я называю схемой этого понятия» (цит. по *Гулыга*, 1984. С. 354).

Развивая мысль Г.В.Лейбница о знаковости как необходимом условии любого человеческого рассуждения (ибо «не только сами вещи, но даже и идеи вещей нельзя, да и нет нужды постоянно отчетливо обзрывать умом, а поэтому, ради краткости, для их выражения употребляются знаки» — *Лейбниц*, 1984. С. 501), Кант понимает знак как материальный элемент, применяемый как аналогия, служащая для узнавания и первоначального объяснения какого-либо явления. Такая аналогия не есть чистое знание, она относится к рассудку, а не к разуму. Но она участвует в образовании подлинного понятия, соотносимого именно с разумом. Вообще любое познание настоящего и связи его с прошедшим возможно только через обозначение, сигнификацию. Но, с другой стороны, возникает ситуация «идола»: знак отвлекает человеческий ум от чистого разума, держит его в плену у чувственности, и поэтому излишнее доверие к нему может привести к ложному познанию.

Кант не отождествляет знак с символом, который для него — синоним образа. Знаки, по Канту, «могут быть и чисто опосредствованными (косвенными) приметам, которые сами по себе ничего не значат и только присовокуплением приводят к созерцаниям, а через созерцания к понятиям; поэтому *символическое* познание следует противопоставлять не *индуктивному*, а *дискурсивному* познанию, в котором знак сопровождает понятие только как страж, чтобы при случае воспроизводить его. Таким образом, символическое познание противоположно не интуитивному (через чувственное содержание), а интеллектуальному (через понятия). Символы суть только средства рассудка, но средство косвенное, через *аналогию* с теми или иными созерцаниями, к которым могут быть применены понятия рассудка, чтобы с помощью изображения предмета придать понятию значение» (цит. по *Хабаров*, 1978. С. 37). Знаки, по Канту, суть только выражения для понятий, а сигнификация есть перенесение рефлексии о предмете содержания на понятие.

Кант одним из первых дал классификацию знаков. Их выделяется три типа: произвольные («знаки умения»), например жесты, письменные и музыкальные знаки, цифры, геральдические сим-

волы, знаки отличия и т.д.; естественные знаки, которые делятся Кантом на демонстративные (признаки, симптомы), напоминающие (например, памятники истории) и прогностические. Третий тип — «знаки знамения», в которых природа вещей извращается, но которые служат людям для пророчеств и предвидений (комета как знак грядущего конца света).

Гегель. Гегелевская традиция особенно важна для нас. Именно ее развивали Маркс и марксизм, как бы к ним ни относиться. Как мы увидим ниже, многое от Гегеля взял и такой выдающийся мыслитель, как Гумбольдт, а от него идет своя традиция (лингвистическая, например Потебня, и философская, например, отчасти неопозитивизм).

По Гегелю, имеются три формы раскрытия силы воображения: воспроизводящая сила (она «имеет характер чисто *формальной* деятельности»), деятельность ассоциирования образов («*относит их друг к другу* и, таким образом, поднимает их до *всеобщих* представлений» — Гегель, 1977. С. 288) и «та, на которой интеллигенция отождествляет свои *всеобщие* представления с тем, что есть *особенного* в образе, и тем самым дает им *образное* наличное бытие. Это чувственное наличное бытие имеет двоякую форму — *символа* и *знака*; так что эта третья ступень охватывает *символизирующую* и *означающую фантазию...*» (Там же). «Поскольку <...> освободившееся от содержания образа всеобщее представление становится чем-то созерцаемым в произвольно избранном им внешнем материале, оно порождает то, что в отличие от символа следует называть *знаком*» (Там же. С. 294).

Итак, отличие символа от знака в том, что символ мотивирован, а знак произволен относительно объекта. Иными словами, хотя символ (во всяком случае в поздних работах Гегеля) тоже есть знак, «но в простом обозначении связь между значением и его выражением представляет собой связь, установленную совершенно произвольным их соединением», а «символы сами по себе обладают тем свойством, значение которого они должны выражать» (лисица хитра, лев силен) (Гегель, 1938. С. 313—314).

«*Знак* есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе, — *пирамида*, в которую переносится и в которой сохраняется чья-то чужая душа» (Гегель, 1977. С. 294). Здесь уже видна идея превращенной формы (см. ниже), особенно ясно проявляющаяся в следующих словах Гегеля: «Созерцание <...> приобретает, будучи употреблено в качестве знака, существенное определение обладать бытием лишь в качестве снятого» (Там же. С. 295).

Мы процитировали здесь почти только одну «Философию духа» и сосредоточились на тех мыслях Гегеля, которые прямо связаны с понятием знака. На самом деле в философско-методологический базис психологической теории деятельности, да и российской психологии вообще, вошли и многие другие положения Гегеля (часть из них будет приведена и проанализирована в дальнейших главах). Так, мысль о сознании, творящем действительность, и в связи с этим об «удвоении» действительности в социальной деятельности человека, встречается потом у К.Маркса, а от него переходит к П.П.Блонскому и Л.С.Выготскому. Хорошо известна нам благодаря тому же Марксу идея природы как самоотчуждения духа. Гегель пишет в этой связи: «Когда встречаемся я и предмет, то один из нас должен потерять свое качество, чтобы нам объединиться <...>. Я через отмену самостоятельности предметов утверждаю и сохраняю себя, присваивая их <...>. Я вкладываю в него [предмет. — А.Л.] другую душу, другой смысл, я даю ему мою душу» (цит. по *Мегрелидзе*, 1973. С. 125—126). Мы еще будем специально говорить о гегелевском подходе к понятию идеального и о многом другом в соответствующих главах нашей книги.

Маркс. По существу, вся концепция, представленная в первой и второй частях настоящей книги, в той или иной мере восходит к философии Карла Маркса как последовательного гегельянца, сумевшего соединить гегелевский диалектический подход с наследием классического философского материализма. Марксистами (по крайней мере в том, что касается философской антропологии и теории познания) были и Л.С.Выготский, и А.Н.Леонтьев, и С.Л.Рубинштейн. И, оставаясь в психологии последовательным материалистом и в то же время избегая вульгаризации материалистического подхода, трудно обойтись без постоянного обращения к идеям Маркса и подлинных марксистов вроде Г.В.Плеханова и Люсьена Сэва, Э.В.Ильенкова и М.К.Мамардашвили, развивавших его понимание отношения человека к миру (здесь мы приходим к понятию деятельности) и его теории познания. Поэтому сейчас мы не будем останавливаться на основных философских позициях Маркса — к ним нам так или иначе придется возвращаться вновь и вновь. Обратим внимание читателя лишь на тот весьма мало известный факт, что в работах Маркса содержится в эксплицитном виде совершенно определенное, в конечном счете восходящее к Гегелю, понимание *знака*. Оно дается в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.», хотя с этой

точки зрения интересны и «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» (ср. замечательное замечание в этой работе: «Логика — деньги духа»), квинтэссенция позиций раннего Маркса, и «Немецкая идеология», и, наконец, «Капитал».

Именно в «Экономических рукописях» мы находим замечательную идею двойного существования товара: в частности, это экономическое существование, «в котором он всего лишь знак, символ производственного отношения, всего лишь знак своей собственной стоимости» (Маркс, 1957. Т. 46. Ч. 1. С. 83). И далее: «эта абстракция (меновая стоимость) должна быть <...> отождествлена, символизирована, реализована посредством какого-либо знака» (Там же).

Привычные нам из «школьного» марксизма формулировки получают совсем иное содержательное наполнение, если брать их в контексте Гегеля и гегельянства, например Гумбольдта. Так например, марксовская идея языка как «действительного сознания», как «непосредственной действительности мысли» четко переключается с понятием «языковой деятельности» у Гумбольдта, к взглядам которого мы вскоре обратимся.

Постгегельянская европейская философия. Подробный анализ различных ее направлений увел бы нас слишком далеко. Ограничимся здесь лишь несколькими именами. Это, во-первых, Э.Гуссерль, классик философской феноменологии, идеалист-неокантионец и создатель понятия ноэмы, которое связано у него с идеей интенциональности. Именно он с предельной ясностью указал на возможность (или даже закономерность) несовпадения значения и интенции мысли: смысл воспринятого не совпадает с действительными мыслями говорящего. Это, во-вторых, основоположник немецкого экзистенциализма М.Хайдеггер с его идеей мира как «знаковой сети» и толкованием всякой вещи как «знака иного» (вспомним в этой связи средневековое понимание предмета как знака). Хайдеггеру, между прочим, принадлежит определение языка как «дома бытия»: именно в языке личность проявляется, строит себя, осознает себя и осваивает мир; отсюда проблема языка как прежде всего антропологическая и герменевтическая. Это, в-третьих, замечательный философ и культуролог Эрнст Кассирер, автор знаменитой двухтомной «Философии символических форм», завершивший свой научный путь чеканной книгой «Опыт о человеке». Можно назвать еще множество звонких имен: в сущности, ни один значительный европейский философ XIX—XX веков не обошел в своей концепции

проблему языка. Прекрасное изложение и анализ важнейших философских теорий языка даны в книге А.Н.Портнова (*Портнов*, 1994), к которой мы и отошлем заинтересованного читателя. Интересный синопсис взглядов Кассирера дан в приложениях к недавно выпущенному его однотомнику (включающему и «Опыт о человеке») статьях А.Ф.Лосева и Б.А.Фохта.

Имена Ф.Шлейермахера и Х.-Г.Гадамера возглавляют длинный ряд исследователей проблем герменевтики (теории понимания), где язык и знак, естественно, не могут быть обойдены.

Совершенно специфические подходы к языку и знаку, на которых мы в настоящей книге не будем останавливаться, принадлежат философам неопозитивистского (в широком смысле) направления во главе с Л.Витгенштейном (здесь интересно вспомнить о школе так называемой «общей семантики») и философам, более или менее связанным с французским структурализмом — от Фуко до Лакана и Деррида. Все эти авторы в последние годы публиковались на русском языке, и нам остается посоветовать читателю-психологу обратиться к первоисточникам — имея в виду, однако, что только знакомство со всей этой литературой в совокупности может дать адекватное представление о состоянии проблемы в философской мысли второй половины XX века.

ГЛАВА 4. ЗНАК И ЗНАЧЕНИЕ В ЛИНГВИСТИКЕ И СЕМИОТИКЕ

Гумбольдт. Имя Вильгельма фон Гумбольдта ассоциируется обычно с лингвистикой, а не с философией или психологией. Именно поэтому он в нашей книге занимает место как бы между философией и лингвистикой.

Чаще всего Гумбольдта рассматривают как последовательного кантианца. Однако он гораздо ближе стоит к Гегелю, на что обратил внимание еще Г.Г.Шпет: «...Философия языка Гумбольдта призвана завершить собой систему философии Гегеля <...> Его философия языка <...> должна была бы сделаться центральной проблемой философии духа, реализующей в языке все другие конкретные проблемы философии» (*Шпет*, 1927. С. 33). Типично гегелевской является, например, одна из ключевых идей Гумбольдта, гласящая, что «язык должен поглощать в своей собственной, вновь созданной стихии <...> реальность субъекта и объекта, сохраняя только их идеальную форму» (*Гумбольдт*, 1984. С. 305).

Для Гумбольдта язык предстает как мировидение (*Weltanschauung*). Язык есть особый мир, он отражает двоякую природу — мира и человека и превращает в понятия впечатления и ощущения. Он — посредник между телом и духом. Язык есть средство преобразования субъективного в объективное и обратно (*Там же*. С. 318). «Являясь по отношению к познаваемому субъективным, язык по отношению к человеку объективен, ибо каждый язык есть отзвук общей природы человека» (*Там же*. С. 320). В каком смысле? «Язык заложен в природе человека в связи с общественным мышлением» (*Там же*. С. 51).

«Язык есть область бытия, реализуемая всегда только в сиюминутном мышлении, но в своей цельности от мысли независимая» (*Там же*. С. 83). При этом «язык выражает мысли и чувства как предметы <...>. Человек думает, чувствует и живет только в языке <...>. Но человек чувствует и знает, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только

с его помощью <...>. Люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие» (Гумбольдт, 1985. С. 378).

Итак, язык есть орудие объективизации мысли и чувства через «общественность». Каков же механизм взаимодействия восприятия, мысли и языка? Гумбольдт представляет этот механизм следующим образом: «Деятельность органов чувств должна вступить в синтетическую связь с внутренним процессом деятельности духа; и лишь эта связь обуславливает возникновение представления, которое становится объектом, противопоставляясь субъективной силе, и, будучи заново воспринято в качестве такового, опять возвращается в сферу субъекта <...>. *Представление объективируется, не отрываясь в то же время от субъекта* [выделено нами. — А.Л.], и весь этот процесс возможен только благодаря языку. Без описанного процесса объективации и процесса возвращения к субъекту, совершающегося с помощью языка даже тогда, когда процесс мышления протекает молча, невозможно образование понятий, а следовательно, и само мышление. Даже не касаясь потребностей общения людей друг с другом, можно утверждать, что язык есть обязательная предпосылка мышления и в условиях полной изоляции человека. Но обычно язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям» (1984. С. 76—77).

Последняя идея много раз встречается у Гумбольдта. Например: «Понятие обретает определенность и точность, только отразившись от чужой мыслительной способности» (1985. С. 399). Или: «Слово обретает свою сущность, а язык — полноту только при наличии слушающего и отвечающего» (Там же. С. 400). Эта идея внутренней, сущностной *диалогичности* слова (языка) — первый намек на будущую концепцию диалогичности М.М.Бахтина (см. ниже).

Но вернемся к когнитивной функции языка, как ее представляет Гумбольдт. Слово есть результат субъективного восприятия: «Оно есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, создаваемого этим предметом в нашей душе» (1984. С. 80). «Слово одно способно сделать понятие самостоятельной единицей в мире мыслей» (Там же. С. 318). Или, другими словами, «интеллектуальная деятельность посредством звука материализуется в речи и ста-

новится доступной для чувственного восприятия» (Там же. С. 75). Слово отличается от изображения способностью представлять вещь с различных точек зрения и различными путями, а от простого обозначения — тем, что имеет свой собственный определенный чувственный образ.

Обратим внимание в этой связи на то, что для Гумбольдта «язык — не просто средство обмена, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя работа духовной силы призвана поставить между собою и предметами» (Там же. С. 171). Как это осуществляется психологически? Путем переноса «мысли, закрепленной только в звуке, на зримый предмет» (1985. С. 405). Иначе говоря, Гумбольдт приходит к идее *предметного значения* и близко подходит к известной концепции «образа мира» А.Н.Леонтьева. В сущности, можно считать, что эта последняя восходит как раз к взглядам Гумбольдта (хотя мне хорошо известно, что А.Н.Леонтьев Гумбольдта никогда не читал; но в его личной библиотеке были книги Г.Г.Шпета, и Алексей Николаевич слушал лекции Шпета в Московском университете).

Тут Гумбольдт и приходит к совершенно определенной трактовке понятия знака (1984. С. 304—305). Слово, язык есть условность, но особого рода. Слово не есть знак для вещи или понятия — или есть, но лишь «до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия». Но это «особая и самостоятельная сущность»: язык как «мысленный мир <...>, полностью выходя за рамки области произвольных знаков, обладает собственным бытием и самостоятельностью» (1985. С. 405).

Язык представляет собой деятельность и процесс творчества. С одной стороны, «каждая истинно человеческая деятельность нуждается в языке и <...> язык является даже основой всех видов человеческой деятельности. Язык <...> вводит в жизнь господство мысли» (Там же. С. 411). С другой, язык не *Erzeugtes*, нечто созданное, а *Erzeugung*, процесс создания (1984. С. 23). Он — «образующий орган мысли» (Там же. С. 75).

Особенно важно для нас подчеркивание Гумбольдтом личностного начала в языке. Язык взаимодействует со всем человеком, а не только рассудком (Там же. С. 76). Вообще «каждую человеческую индивидуальность... можно считать особой позицией в видении мира» (Там же. С. 80).

Подведем итог. Для Гумбольдта язык есть единство субъективного и объективного, где оба они присутствуют в снятом (перенесенном) виде. Он — орудие объективизации мысли и чувства че-

рез другого человека, воображаемого или реального, то есть через «общественность». Язык имеет деятельностную природу: это процесс, а не состояние (впрочем, вне его функции в системе человек-мир это отдельная система). Каждый человек, личность, образует *особую позицию в видении мира*.

Школа Гумбольдта: Штейнталь и Потенбня. Будучи прямым учеником Гумбольдта, Гейм Штейнталь, однако, не воспринял самого главного в его концепции — идеи о том, что язык имеет независимое, внешнее, «управляющее самим человеком бытие», и о том, какую определяющую роль играет в речевой деятельности каждого отдельного человека фактор «общественности». Если Гумбольдт рассматривал язык и как процесс, и как онтологическую данность, и как важнейшую часть и условие психической деятельности человека, и как достояние общества, то Штейнталь оказался перед альтернативой: или онтологическая данность, или процесс, и сделал выбор в пользу процесса. «Он не покоящаяся сущность, а протекающая деятельность <...>. Язык не есть нечто существующее, как порох, но процесс, как взрыв» (*Steinthal*, 1871. S. 85).

Но, сделав этот выбор, Штейнталь, логически рассуждая, пошел дальше по пути, который в конце концов привел его к субъективно-психологическому пониманию языка. Известный советский лингвист 1920—30 годов Р.О.Шор в свое время совершенно правильно заметила, что Штейнталь «существенно переосмысливает» идеи Гумбольдта, «заменяя проблему гносеологическую, проблему взаимоотношения языка, сознания и бытия, поставленную Гумбольдтом, проблемой психологической, проблемой развития индивидуальной речи и индивидуального мышления» (*Шор*, 1938. С. 122).

Первый существенный вывод, к которому приходит Штейнталь на этом пути, заключается в полном отождествлении общего языкознания с психологией. «Язык <...> образует непосредственно психологическую категорию, как фантазия, воля <...>. Общее рассмотрение сущности языка образует, следовательно, важнейший предмет психологии» (*Steinthal*, 1871. S. 90). Психология занимается сущностями, а языкознание — явлениями; психология «как учение о механизме, лежащем в основе всей духовной жизни, предоставляет языкознанию законы и рациональные элементы, с помощью которых можно выявить причинные связи языковых явлений» (*Там же*. S. 42).

Но очевидно, что, отказавшись от гумбольдтовской идеи «общественности», Штейнталью необходимо было найти какое-то

другое звено, связывающее звук и психическое содержание, язык и мысль. У Штейнталя они «оказываются объаты, как одно целое, единством чувства» (*Steinthal*, 1864. S. 137). Вот как ему представляется в целом механизм речевой деятельности: «Мы должны ясно различать три момента, действующие при говорении: органическую механику, психическую механику и подлежащее выражению, то есть представлению, понятийное или мировоззренческое содержание. Цель речи есть представление и изображение содержания с помощью психической и органической механики. Мы можем представить себе органическую механику в виде органа, психическую механику в виде органиста, содержание — в виде композитора» (*Steinthal*, 1871. S. 483). Но «понятийное содержание» для Штейнталя опять-таки *индивидуально*: это содержание индивидуальной психики, выявляемое в результате интроспекции.

Таким образом, индивид у Штейнталя — сам себе композитор, органист и орган. Взаимосвязь этих компонентов происходит внутри его *организма*; и при этих условиях очевидно, что язык есть явление не только целиком психическое, но и целиком индивидуальное. Это — *психологизм* в его классической форме, и ко взглядам Штейнталя как нельзя лучше подходит определение психологизма, данное видным лингвистом XX века, учеником Сосюра и Бодуэна де Куртенэ Витольдом Дорошевским: «направление, представители которого усматривали движущие силы развития языка в области индивидуальной психики, автономной по отношению к внешним стимулам» (*Дорошевский*, 1956. С. 69).

Что же в таком случае объединяет носителей языка, откуда берутся языки «племенные» и «национальные»? По Штейнталью, «все индивиды одного народа носят отпечаток <...> особой природы народа на своем теле и душе», но прежде всего на теле, ибо они связаны единством физической организации (благодаря единству происхождения и единству среды), а «воздействие телесных влияний на душу вызывает известные склонности, тенденции, предрасположения, свойства духа, одинаковые у всех индивидов, вследствие чего все они обладают одним и тем же народным духом» (*Штейнталь*, 1960. С. 114—115). Следовательно, единство языкового коллектива для Штейнталя — это а) единство физической организации, опирающееся на единство органической механики, и б) основанное на нем единство духовной организации. А раз так, то и в психической механике, связывающей то и другое, появляется нечто общее. Вот это-то общее и является предметом «психологии народов» и в частности (ведь языкознание есть часть

психологии!) — языкознания. Но в основе этой общности лежит физическая организация и среда обитания...

Позиция другого ученика Гумбольдта — Александра Афанасьевича Потебни — во многом противоположна позиции Штейнтала. Правда, и у Потебни мы находим убеждение в исключительно психической природе речевого акта; но он противопоставляет слово как объективированную мысль самому процессу языкового мышления. Эта «объективированная мысль» есть достояние общества: без слова невозможно было бы никакое предание, никакая ступень человеческого знания. Но, будучи таким достоянием, оно (слово) сохраняет свою психологическую природу: «*Говорить значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли*» (Потебня, 1976. С. 541).

Гумбольдтовская идея социальной сущности языка и единства в нем объективного и субъективного воспроизводится и Потебней: «Язык есть потому же условие прогресса народов, почему он орган мысли отдельного лица» (Там же. С. 197). Он есть основное средство передачи социального опыта отдельному человеку: «Одно только слово есть *monumentum aere perennius*, памятник прочнее меди, как сказал Гораций» (Потебня, 1989. С. 198). И «в действительности язык развивается только в обществе» (Там же. С. 225). «*В языке человек объективирует свою мысль и благодаря этому имеет возможность задерживать перед собою и подвергать обработке эту мысль*» (Потебня, 1976. С. 541).

Но «объективирование мысли в слове, когда человек как бы смотрит на свою мысль, ставшую как бы внешним предметом, есть выражение переносное. На самом деле этого, конечно, не происходит. Это можно сравнить со следами ног, отпечатавшихся на песке; за ними можно следовать, но это не значит, чтобы в них заключалась сама нога; в слове не заключается сама мысль, но отпечаток мысли» (Там же. С. 542).

Слово (язык) «есть орган мысли и непременно условие всего позднейшего развития понимания мира и себя» (Потебня, 1989. С. 182). При этом слово, рассматриваемое со стороны его нужности для говорящего, «есть средство объединения образа, обобщения, анализа образа» (Там же. С. 226).

«...Первоначально всякое слово состоит из трех элементов: единства членораздельных звуков, то есть *внешнего знака* значения; *представления*, то есть *внутреннего знака* значения, и самого *значения*» (Потебня, 1976. С. 300—301). Первые и третьи элементы постоянны, второй же (представление) со временем теряется, так

как он нужен только в качестве орудия сравнения двух мысленных комплексов: вновь познаваемого и прежде познанного. Вновь возникающее слово всегда «иносказательно», это то, что в поэтике называется тропом. И посредством такого «соединения представлений» «производится расчленение образа, *превращение его в понятие...*» (Там же. С. 302). «В значении всегда заключено больше, чем в представлении. Слово служит лишь точкой опоры для мысли. По мере применения слова к новым и новым случаям это несоответствие все увеличивается» (Там же).

«Представление по отношению к значению может быть названо образом значения» (Потебня, 1989. С. 215).

И далее: «...Язык мыслим только как средство (или, точнее, система средств), видоизменяющее создание мысли; <...> его невозможно было бы понять как выражение готовой мысли» (Там же. С. 307).

Из приведенных высказываний Потебни очевидна его концептуальная близость к Гумбольдту (вплоть до деятельностной трактовки языка). Вместе с тем он и его последователи (Д.Н.Овсянко-Куликовский, так называемая Харьковская школа) образуют особое направление в понимании языка, хотя и восходящее к Гумбольдту, но во многом своеобразное. Так, у Потебни отсутствует понятие знака в том виде, как мы находим его у Гумбольдта.

Бодуэн де Куртенэ. И.А.Бодуэн де Куртенэ объективно примыкает к школе Гумбольдта. При этом, в отличие от Потебни, в его концепции понятие знака (хотя сам этот термин он употребляет в другом значении, как и Потебня) занимает важное место. Вообще для него человеческий язык есть «язык, состоящий из случайных символов, связанных самым различным образом» (Бодуэн де Куртенэ, 1963. Т. 1 С. 209), то есть система знаков. И человеческий язык коренным образом отличается от языка животных тем, что языковой знак («символ») случаен, не мотивирован в синхронном плане (а только в генетическом). Ср. близкие мысли у Потебни. Недаром для Бодуэна «основная сущность человеческого языка» — это «отсутствие в нем необходимости, непосредственности и неизменности» (Там же. С. 209), свойственных «языку» животных, — как раз то, что считал характерным для языкового знака и Ф. де Соссюр (см. ниже).

«...Все слова, принадлежащие собственно человеческому языку, отличаются способностью принимать все новые значения, причем их генезис, источник их значения обычно совершенно забывается. Сами по себе они не говорят ни о чувстве, ни о спо-

способности воображения; они что-то означают лишь потому, что они ассоциированы с известным рядом значений. Характер необходимости им совершенно чужд <...>. Итак, подавляющая часть слов человеческого языка — лишь случайно возникшие символы <...>. И как раз эта случайность есть характерная черта языка <...>. Слова человеческого языка <...> ни в коей мере не являются просто знаками известных конкретных проявлений [то есть средствами их внешнего выражения. — А.Л.], но представляют собой абстракции, которым прямо не соответствует во внешнем мире ничего непосредственно чувственного» (*Там же*. С. 261—262).

Как и для бодуэновской школы (Л.В.Щерба, Е.Д.Поливанов и др.: см. *Леонтьев А.А.*, 1961), для Бодуэна язык есть не дело индивида, а коллективная деятельность, непрерывно повторяющийся процесс, основывающийся «на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам, ему подобным, то есть другим людям» (*Бодуэн де Куртенэ*, 1963. Т. 1. С. 77).

Соссюр. Значение идей Фердинанда де Соссюра для лингвистики XX века колоссально: его «Курс общей лингвистики»⁴ является своего рода Библией для языковедов самых различных направлений. Это делает анализ его понимания знака особенно актуальным.

Уже первооткрыватель книги Соссюра для российской науки, С.И.Бернштейн в своем реферате этой книги, оглашенном в Петрограде в 1922 году, обратил внимание, что для Соссюра «важен взгляд на язык как на целенаправленную семиотическую систему, значение элементов которой всецело обусловлено их семантической функцией» (*Бернштейн*, 1976). По мнению Бернштейна, не исключено прямое влияние на Соссюра И.А.Бодуэна де Куртенэ (факт их личного знакомства и обмена публикациями и письмами, сейчас общеизвестный, был установлен мною в 1963 г. в кандидатской диссертации — *Леонтьев А.А.*, 1963). Теория Соссюра, по Бернштейну, замечательна прежде всего тем, что открывает путь к феноменологии языка, которая будет в равной мере считаться и с фактом нахождения языка в индивидуальных сознаниях, и с его надындивидуальной природой.

---

⁴ На самом деле, впрочем, неадекватно отражающий его позиции и конкретные высказывания, так как текст «Курса» был составлен учениками Соссюра на основе его записей и студенческих тетрадей его слушателей.

Для Соссюра «язык есть система знаков, выражающих идеи <...>. Можно <...> мыслить себе науку, изучающую жизнь знаков внутри жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно и общей психологии; мы назвали бы ее “семиология” <...>. Она должна открыть нам, в чем заключаются знаки, какими законами они управляются <...>. Лингвистика только часть этой общей науки; законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя таким образом окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни <...>. Точно определить место семиологии — задача психолога» (Соссюр, 1998. С. 21—22).

Соссюр резко критикует точки зрения на знак и семиологию, приводящие нас к порочному кругу. Это, в частности, «точка зрения психолога, изучающего механизм знака у индивида; это метод самый легкий, но он не ведет далее индивидуального выполнения и не затрагивает знака, по природе своей социального.

Или еще, заметив, что знак надо изучать социально, обращают внимание лишь на те черты языка, которые связывают его с другими социальными установлениями, более или менее зависящими от нашей воли; и таким образом проходят мимо цели, пропуская те черты, которые присущи как раз или семиологическим системам вообще или языку в частности. Ибо знак до некоторой степени всегда ускользает от воли как индивидуальной, так и социальной, в чем и проявляется его существеннейшая, но на первый взгляд наименее заметная черта» (Там же. С. 22).

Языковой знак «связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. Этот последний не есть материальный звук <...>, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств; он — чувственный образ...» (Там же. С. 66—67).

Вместо терминов «понятие» и «акустический образ» Соссюр предлагает термины «означаемое» и «означающее» (эти термины затем закрепились как в лингвистике, так и в семиотике).

Знак имеет два сущностных свойства. Первое — произвольность языкового знака. Второе — линейный характер означающего, его развернутость во времени.

«...Язык есть система чистых ценностей <...>. Одной из своих сторон ценность коренится в самих вещах и в их естественных взаимоотношениях...» (Там же. С. 80). И далее: «Произвольность знака <...> лучше нам уясняет, почему языковую систему может

создать только социальное явление. *Необходим коллектив для установления ценностей, единственное обоснование которых сводится к обычаю и общему согласию; индивид в одиночку не способен создать ни одной*» (Там же. С. 110; выделено мною. — А.Л.). Интересный ход мысли можно обнаружить в «неканонических» (не вошедших в «Курс») записях А.Ридлингера: «Все, что наблюдается во внутренней сфере индивида, всегда социально, потому что туда не проникает ничего, что вначале не было бы освящено узусом всех людей во внешней сфере речи» (Энглер, 1998. С. XVII).

По Соссюру, обе области, объединяемые языковым знаком (мышление и звуковая субстанция) «смутны и бесформенны»; язык же есть мысль, организованная в звучащей материи, он придает тому и другому *форму*. Его «можно сравнить с листом бумаги: мысль — его лицевая сторона, а звук — оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную; так и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии...» (Энглер, 1998. С. 110). Само по себе понятие (идея) не имеет устойчивости и потому не может быть взято за основу семиологии.

Говоря о «значении», Соссюр имеет в виду предметную отнесенность. Французское *mouton* и русское «баран» имеют одинаковое значение (=предметную отнесенность), но разную ценность. При этом произвольность знака — это произвольность связи означаемого и означающего, а не знака и вещи.

Язык «не только можно передавать, но он и предназначен для передачи» (Соссюр, 1990. С. 103).

Фактор времени является в концепции Соссюра, если можно так выразиться, системообразующим фактором: «Абсолютным является только принцип движения языка во времени» (Там же. С. 183). И далее: «...Сам факт продолжающегося существования знаков обуславливает их изменение» (Там же. С. 188). При этом сущность изменения знаков — в смещении соотношения между означаемым и означающим (Там же). В этой идее Соссюра — ядро так называемой теории асимметрического дуализма языкового знака, принадлежащей его ученику Сергею Карцевскому (*Karcevski*, 1929). Теория знака Карцевского детально проанализирована в нашей работе, к сожалению, оставшейся неопубликованной (Леонтьев, 1962). Здесь мы не имеем возможности останавливаться на этой проблематике.

Еще одна очень важная идея Соссюра, получившая дальнейшего развитие в Женевской лингвистической школе, заключается

в том, что «языку, как и любой другой семиотической системе, свойственно не проводить никакого различия между тем, что отличает какой-либо предмет, и тем, что составляет его сущность». Иначе говоря, «в отношении языкового факта *элемент* и *отличительный признак* являются всегда одним и тем же» (Соссюр, 1990. С. 197). И знаменитое место в каноническом тексте «Курса» — «В языке нет ничего, кроме различий» — не соответствует его действительной позиции. Его теория знака есть теория *тождеств* не в меньшей, если не в большей степени, чем теория *различий*. На это обратили внимание уже в начале 1930-х годов упомянутый выше С.Карцевский и один из составителей канонического текста курса Альбер Сешэ. Но особенно подробно проблему лингвистического тождества проанализировал лингвист уже следующего поколения женеццев — Эрик Бейсанс (*Buysse*, 1949). См. об этом также *Леонтьев А.А.*, 1962. Интересно, что параллельно диалектика тождеств и различий в языке анализировалась лингвистами школы Бодуэна с опорой на его собственные высказывания (теория «морфологизации» и «семасиологизации» фонем).

Завершим наше предельно краткое изложение концепции Ф. де Соссюра еще одним его высказыванием, посвященным отношениям между психологией и лингвистикой: «Постепенно психология должна практически взять нашу науку под свое покровительство, потому что она неизбежно придет к пониманию того, что язык не просто является одним из ее объектов изучения, а началом любого психологического исследования» (Соссюр, 1990. С. 152).

Пирс и зарождение семиотики. Чарлз Сандерс Пирс, основатель семиотики, был, по выражению Р.О.Якобсона, настолько великим ученым, что ни в одном университете не нашлось для него места. При этом почти все его работы либо остались недоступными широкому читателю, либо вообще до 1930-х годов XX века лежали неопубликованными (его первая статья по семиотике вышла в 1867 году). Тем не менее именно Пирсу мы обязаны категориальной системой современной семиотики.

Именно Пирс ввел различие «материальных качеств» знака (его означающего) и его «непосредственной интерпретации» (означаемого). Существует, по Пирсу, три различных «репрезентативных свойства» знака, соответствующих трем типам отношений означаемого и означающего, и три вида знаков. *Иконический знак* основан на физическом подобии означающего и означаемого. *Индекс* — это знак-признак означаемого («нет дыма без огня»). На-

конец, *символ* основан на чисто социальной конвенции. Среди иконических знаков Пирс выделяет *образы* и *диаграммы*. Первые представляют «простые качества» означаемого, вторые являются знаками отношений частей означаемого.

Истинный символ всегда «имеет общее значение», «является родом, а не отдельной вещью». Он отличается от двух первых видов знаков тем, что он *передает* информацию, в то время как из них она *может быть извлечена* (Пирс, 1983. С. 151). Еще одно любопытное положение Пирса процитируем по известной работе Якобсона: «...Способ существования символа отличается от способа существования иконического знака и индекса. Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора. Каждое слово есть символ. Каждое предложение — символ. Каждая книга — символ <...>. Ценность символа в том, что он служит для придания рациональности мысли и поведению и позволяет нам предсказывать будущее» (Якобсон, 1983. С. 116; см. также Якобсон, 1996). И далее там же: «Все истинно общее относится к неопределенному будущему <...>. Общее правило не может быть реализовано полностью. Это потенциальность; и его способ существования — *esse in futuro* (быть в будущем)» (С. 116—117). Якобсон в связи с этим высказыванием вспоминает слова Велимира Хлебникова: «Я осознал, что родина творчества — в будущем; оттуда веет ветер богов слова».

Пирс не был ни лингвистом, ни психологом: он был философом и логиком, и его семиотическая концепция — откровенно логическая. С другой стороны, он, судя по его работам, прекрасно знал историю философии, в том числе античной и средневековой. И в его семиотических сочинениях красной нитью проходит классическая философская традиция, о которой мы говорили выше. Лучшая книга, посвященная Пирсу, была издана еще в 1968 г. Ю.К.Мельвилем (*Мельвиль*, 1968).

Позиции Пирса наиболее последовательно развивал Чарлз Моррис. Моррис выделяет в процессе семиозиса три компонента: *знаконоситель* (то, что выступает как знак; означающее), *десигнат* (то, на что указывает знак) и *интерпретанта* (см. ниже). Он вводит различие десигнативного, оценочного и предписывающего знака (Моррис, 1983 а. С. 121). У каждого из этих видов знаков (или,

точнее, у каждого из измерений значения) есть своя «интерпретанта», то есть «предрасположенность реагировать определенным образом под влиянием знака» (*Там же*. С. 122). (Заметим, что Моррис работал в бихевиористской парадигме.) В десигнативном измерении интерпретантой служит «предрасположенность реагировать на означенный объект, как если бы он обладал определенными наблюдаемыми свойствами» (*Там же*); ср. приведенные выше мысли Пирса об обращенности знака в будущее. (Имеется в виду апперцепция или установка на восприятие именно данного предмета.) В оценочных знаках — это «...предрасположенность действовать по отношению к означаемому объекту, как если бы он был удовлетворительным или неудовлетворительным» (*Там же*). В предписывающих знаках — это предрасположенность действовать определенным образом по отношению к означаемому объекту или ситуации. «Если человеку, безуспешно пытающемуся открыть дверь, скажут, что ему следует нажать на кнопку, он будет склонен совершить это действие...» (*Там же*. С. 123).

Значение знака — это его значение-сигнификация и интерпретанта одновременно. Моррис впервые разделил понятие десигната и денотата: «В тех случаях, когда объект референции реально существует, этот объект является *денотатом*» (*Моррис*, 1983. С. 41). Еще один ряд соположенных понятий, введенных Моррисом и ставший общим местом в семиотике и прагматике, — это понятия семантики (отношение знаков к их объектам), прагматики (отношение знаков к интерпретаторам) и синтактики (отношение знаков друг к другу в высказывании или тексте). «Язык в полном семиотическом смысле этого слова есть любая межсубъектная совокупность знаковых средств, употребление которых определено синтактическими, семантическими и прагматическими правилами» (*Там же*. С. 67—68).

Понятие значения Моррис считает излишним для семиотического анализа. Это, по его мнению, понятие чисто реляционное, возникающее и существующее только в процессе семиозиса: «Значения не следует размещать как сущности в каком-либо месте процесса семиозиса, но следует определять исходя из этого процесса в целом» (*Там же*. С. 76). Существуют некоторые данные опыта, имеющие субъективный характер: я воспринимаю, другие нет. Но такой вывод не противоречит идее «*потенциальной интерсубъективности любого значения*» (*Там же*. С. 77).

Классическая семиотика. Здесь можно назвать немало громких имен. В их числе К.Льюис, Анна Вежбицка, Л.Прието, А.Грей-

мас, Р.Барт и множество других. Важнейшие работы в этой области собраны в сборнике «Семиотика» (1983); многие авторы представлены и отдельными сборниками русских переводов (Вежбицка, Барт, ван Дийк, Тодоров и др.).

Строго говоря, из перечисленных здесь авторов только Льюиса, Прието и отчасти Греймаса можно назвать «чистыми» семиотиками. Дело в том, что традиция Пирса и Морриса развивалась в нескольких направлениях.

Первое направление — это *лингвистическая семиотика* в узком смысле, примером которой являются работы лидеров Копенгагенской лингвистической школы и в первую очередь — Л.Ельмслева. Это попытка семиотического моделирования структуры естественного языка. К этому направлению примыкает обширная область логико-ориентированной *семантики*, восходящей как к семиотической традиции, так и к позитивистской (точнее, неопозитивистской) философии. Здесь следует назвать имена Б.Рассела, Л.Витгенштейна, А.Айера, У.Куайна, Дж.Серла, З.Вендлера и многих других — их основные работы имеются в русских переводах. Основные идеи этого направления четко сформулированы Ю.С.Степановым: «1) Объективный мир рассматривается не как совокупность “вещей”, а как совокупность происходящих событий или “фактов”, соответственно основной ячейкой С(емантики) признается не слово — название вещи, а высказывание о факте — предложение; 2) некоторые слова языка имеют непосредственные “выходы” к внеязыковой реальности <...>; др(угие) слова и выражения языка определены только через их внутриязыковые преобразования, совершающиеся посредством предложения <...>; 4) описание первичных, исходных значений, к которым сводимы остальные, составляет особую задачу — т.наз. установление “семантических примитивов”» (Степанов, 1990. С. 440).

На определенном этапе это направление сблизилось с *лингвистической прагматикой*. (См. известный тезис Витгенштейна, что значение слова есть его использование в языке, а не обозначение какого-либо объекта.) В 1960—1970-х годах последнее направление оформилось в виде так называемой *теории речевых актов* (Дж.Остин, Серл, Вендлер и др.), пытающейся дать комплексное семиотическое (отнюдь не психологическое!) представление о целостном речевом акте (см. Арутюнова, 1990. С. 390).

Следующее направление развития семиотических идей в европейской и американской науке — это семиотическое моделирование фактов *культуры*. Сюда следует отнести, с одной стороны,

К.Леви-Строса и восходящие к нему исследования *этнологической* направленности, с другой — семиотические исследования кино, театра, живописи, архитектуры и других видов *искусства* (К.Метц, П.Пазолини, Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский и мн.др.).

Особая, очень богатая идеями группа семиотических исследований связана с семиотическим моделированием *художественных текстов*. Одним из предтеч этого направления является советский фольклорист В.Я.Пропп. Огромное влияние на его формирование имели также филологи, входившие в «Общество по изучению поэтического языка» (ОПОЯЗ), в частности В.Б.Шкловский, Ю.Н.Тынянов, Р.О.Якобсон, и яркий представитель Пражской лингвистической школы Я.Мукаржовский. Наиболее оригинальным движением, связанным с семиотикой литературы, был французский *структурализм* (Барт, Годоров, Кристева, Греймас, Ж.Лакан и др. — см. Структурализм..., 1975).

Дать анализ всех этих вариантов развития семиотической традиции в гуманитарных науках мы, естественно, не в состоянии. Но чтобы читатель-психолог мог представить себе, как выглядит сегодня семиотический подход, рассмотрим недавно опубликованную на русском языке последнюю книгу Ю.М.Лотмана «Внутри мыслящих миров». Мне кажется, что это лучшее, что породила семиотика, и я хотел бы рекомендовать эту книгу всем психологам.

В книге три части. Первая — «Текст как смыслопорождающее устройство».

У текста, говорит Лотман, три основных функции. Во-первых, способность к адекватной передаче сообщения. Во-вторых, творческая: «Всякая осуществляющая весь набор семиотических возможностей система не только передает готовые сообщения, но и служит генератором новых» (Лотман, 1999. С. 14)⁵. В-третьих, функция памяти: «Текст — не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти... Создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории» (С. 21—22).

Есть система «я—он» и система «я—я» (автокоммуникативная система). Текст в канале «я—я» «перестраивает ту личность, которая включена в процесс автокоммуникации <...> Текст несет тройные значения: первичные — общезыковые, вторичные, возни-

---

⁵ При большом количестве ссылок на одну книгу здесь и в дальнейшем будут указываться только страницы.

кающие за счет синтагматической переорганизации текста и противопоставления первичных единиц, и третьей ступени — за счет втягивания в сообщение внетекстовых ассоциаций разных уровней — от наиболее общих до предельно личных» (С. 35). Обе коммуникативные системы образуют структурную пару и необходимы для самого существования культуры. Однако есть разные типы культур — ориентированные на «другого», на сообщения (европейская культура XIX в.), и на автокоммуникацию.

В рамках одного сознания сосуществуют два — одно дискретно по своему механизму и порождает дискретный текст, значение которого производно от значения его сегментов (знаков). «Во втором случае текст первичен. Он является носителем основного значения. По своей природе он не дискретен, а континуален. Смысл его не организуется ни линейной, ни временной последовательностью, а “размазан” в n-мерном семантическом пространстве данного текста (полотна картины, сцены, экрана, ритуального действия, общественного поведения или сна)» (С. 46). Перевод одного типа текста в другой в принципе невозможен: но есть механизм установления их взаимной адекватности, образуемый системой *семантических тропов* (метафора, метонимия, синекдоха). Вообще существует особая *риторическая структура текста*, не выводимая из языковой, а представляющая собой переосмысление последней и вносимая в текст извне, «являясь дополнительной его упорядоченностью» (С. 66). Вообще «риторическим текстом <...> мы будем называть такой, который может быть представлен в виде структурного единства двух (или нескольких) подтекстов [вероятно, здесь имеются в виду «субтексты». — А.Л.], зашифрованных с помощью разных, взаимно непереводаемых кодов» (С. 78). Механизмом иконической риторики (когда текст не имеет языкового характера) является «удвоение удвоения», то есть «сначала должна быть вскрыта знаково-условная природа, лежащая в основе всякого семиотического факта — текст, воспринимаемый наивным сознанием как безусловный, должен быть осознан в его знаковой условности <...>. И только на следующем этапе происходит вторичная иконизация текста» (С. 75).

«Иконические (недискретные, пространственные) и словесные (дискретные, линейные) тексты взаимно непереводаемы, выражать “одно и то же” содержание они не могут в принципе. Поэтому на стыках их соположения возрастает неопределенность, которая и есть резерв возрастания информации. Таким образом, в

процессе создания текста писатель одновременно из огромного числа потенциально данных ему материалов (традиция, ассоциации, предшествующее собственное творчество, тексты окружающей жизни и проч.) создает некоторый канал, через который пропускает возникающие в его творческом воображении новые тексты, проводя их через пороги трансформаций и увеличивая их смысловую нагрузку за счет неожиданных комбинаций, переводов, сцеплений и т.д. Когда в результате этого складывается структурно организованное динамическое целое, мы говорим о появлении текста произведения.

Читатель повторяет этот процесс в обратном направлении, восходя от текста к замыслу. Однако следует иметь в виду, что само чтение <...> уже неизбежно есть творческий акт. Смыслопорождающая структура всегда асимметрична» (С. 109).

Символ отличается от конвенционального знака «наличием иконического момента, определенным подобием между планами выражения и содержания <...>. Он — посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Роль его — роль семиотического конденсатора.

Обобщая, можно сказать, что структура символов той или иной культуры образует систему, изоморфную и изофункциональную генетической памяти индивида» (С. 160).

Вторая часть книги Лотмана называется «Семиосфера». В ней он вводит понятие семиотического пространства или семиосферы, в центре которой стоит естественный язык данной культуры. Оно, это пространство, внутренне асимметрично. «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”))» (С. 175). «Культура организует себя в форме определенного пространства-времени и вне такой организации существовать не может <...> Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации и разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, то есть имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя. При этом разные языки, заполняющие семиосферу <...>, <...> выделяют во внележащей реальности различное. <...> Одновременно, при всем различии структур семиосферы, они организованы в общей системе координат: на временной оси — прошедшее, настоящее, будущее, на пространственной — внутреннее пространство, внешнее

и граница между ними. По этой системе координат перекодируется и внесемиотическая реальность — ее пространство и время — для того, чтобы она сделалась “семиотизибельной”, способной стать содержанием семиотического текста» (С. 178).

«Создаваемый культурой пространственный образ мира находится как бы между человеком и внешней реальностью Природы в постоянном притяжении к двум этим полюсам. Он обращается к человеку от имени внешнего мира, образом которого он себя объявляет <...>. Но образ этот всегда универсален, а мир дан человеку в его опыте только частично. Поэтому неизбежно неустранимое противоречие между этими двумя взаимосвязанными аспектами <...>. Не менее сложны отношения человека и пространственного образа мира. С одной стороны, образ этот создается человеком, с другой — он активно формирует погруженного в него человека <...>. Активность, идущая от человека к пространственной модели, исходит от коллектива, а обратное формирующее направление воздействует на личность» (С. 297).

Третья часть книги называется «Память культуры. История и семиотика». Она не менее интересна, но мы здесь не будем на ней останавливаться.

Особенно важно для нас авторское заключение. Вот его основная мысль. «Индивидуальный человеческий интеллектуальный аппарат — не монополист на работу мысли. Семиотические системы, каждая в отдельности и все они в интегрирующем единстве семиосферы, синхронно и всей глубиной исторической памяти, осуществляют интеллектуальные операции, хранят, перерабатывают и увеличивают объем памяти. Мысль — внутри нас, но и мы — внутри мысли <...>. Изучаем ли мы структуру художественного текста, работу функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга, проблемы устной речи или общения глухонемых, рекламы в современном мире или системы религиозных представлений архаических культур — мы познаем разные механизмы единой интеллектуальной жизни человечества. Мы находимся внутри нее, но и она — вся — находится внутри нас <...>. Мы — и планета в интеллектуальной галактике, и образ ее универсума» (С. 386).

Добавим к этому еще одну мысль Лотмана из его книги «Культура и взрыв». «Поведение человека осмыслено. Это означает, что деятельность человека подразумевает какую-то цель. Но понятие цели неизбежно включает в себя представление о некотором конце события. Человеческое стремление приписывать действиям и

событиям смысл и цель подразумевает расчлененность реальности на некоторые условные сегменты <...>.

То, что не имеет конца — не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства» (Лотман, 1992. С. 248—249).

Завершая краткое изложение истории семиотических исследований применительно к нашей проблеме, нельзя не остановиться на книге Умберто Эко «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» (1998). Эта книга, в оригинале вышедшая в 1968 году, пытается примирить классическую пирсовскую семиотику с психологическим и социально-историческим подходами. В частности, Эко резко критикует попытки «онтологизации структуры» и обращает особое внимание на «роль адресата сообщения, его собственных кодов и идеологии, а также значение обстоятельств коммуникации» (Эко, 1998. С. 374). Его книга завершается следующим характерным заявлением: «Конечно, можно свести системы действий к системам знаков, лишь бы отдельные системы знаков вписывались в общий глобальный контекст систем действий...» (Там же. С. 416). Здесь много общего с Лотманом — и не случайно именно Эко написал предисловие к английскому изданию последней книги Лотмана.

Несколько слов *pro domo sua*. Все развитие семиотики, начиная с конца 1950-х годов, связано с моей собственной жизнью. Я общался и с Романом Осиповичем Якобсоном, и с основоположником зоо-семиотики Томасом Сибееком, и с Анной Вежбицкой, и с Виктором Борисовичем Шкловским и Петром Григорьевичем Богатыревым, и с блестящей плеядой советских исследователей более молодого поколения — Вяч.В.Ивановым и В.Н.Топоровым, Юрием Михайловичем Лотманом, А.К.Жолковским и Ю.К.Щегловым, Ю.К.Лекомцевым и Б.А.Успенским, А.М.Пятигорским и И.И.Резиным; можно назвать еще десятки талантливых людей, — с кем-то спорил, с кем-то дружил, с кем-то просто здоровался и был на «ты», кого-то не любил, а перед кем-то преклонялся. Но так случилось, что эти почти полвека я прожил в *семиотическом пространстве семиотики*. И могу с ответственностью сказать: пусть многое в ней являлось не более чем интеллектуальной игрой, видом эскапизма, перекодированием на свой язык положений, выработанных в других науках. Но если отбросить все это наносное, случайное, в семиотике останется очень много идей и находок, заслуживающих со стороны профессионального психолога самого пристального внимания.

Это можно увидеть даже в нашем изложении книги Лотмана.

ГЛАВА 5. ТЕОРИЯ ЗНАКА И ЗНАЧЕНИЯ У Л.С.ВЫГОТСКОГО И В РАННИХ РАБОТАХ А.Н.ЛЕОНТЬЕВА

Контексты Выготского: Г.Г.Шпет. Прежде чем очертить понимание Л.С.Выготским проблем знака и значения, необходимо хотя бы в самой краткой форме охарактеризовать взгляды на эти проблемы двух его великих современников. Речь идет о Густаве Густавовиче Шпете и Михаиле Михайловиче Бахтине. Мы не случайно поставили в заглавии двух соответствующих разделов слово «контекст» — а не «традиция», например. Парадоксально, но, насколько сегодня известно, ни один из этих замечательных ученых, в совокупности определивших тенденции развития целого ряда гуманитарных наук XX века не только в России, но в большой мере и за ее пределами, не знал друг друга — по крайней мере лично. Правда, можно усмотреть (Ахутина, 1984) концептуальные и даже текстуальные совпадения текстов Выготского и Бахтина. Однако они никогда не встречались. Нет сведений и о каких бы то ни было личных контактах Выготского и Шпета. (Когда Выготский переехал в Москву, Шпет уже был отстранен от преподавания в Московском университете, а в 1929 году арестован; впрочем, лекции Шпета в свои студенческие годы слушал и очень высоко их оценивал А.Н.Леонтьев.) Бахтин и Шпет тоже едва ли общались: они постоянно жили в разных городах, причем Бахтин печатался тогда мало. Позже Бахтин весьма критически отзывался о Шпете — см. комментарий к тому 5 его «Собрания сочинений» (Бахтин, 1997. С. 388 и след.)⁶.

---

⁶ Прежде чем перейти к позициям Шпета, нужна еще одна справка. Мы часто цитируем книгу «Марксизм и философия языка». Среди исследователей есть «бахтинисты», однозначно атрибутирующие всю книгу Бахтину (например, Вяч.В.Иванов), есть «волошиновцы», считающие В.Н.Волошинова ее единственным автором. (По рассказу В.В.Кожина, много общавшегося с Бахтиным в последние годы его жизни, Михаил Михайлович на прямой вопрос Кожина об авторстве этой

Итак, о Густаве Густавовиче Шпете.

Часто его ошибочно считают в философии феноменологом и прямо связывают его имя с традицией Гуссерля. Однако сам он называл себя не феноменологом, а *реалистом*. И его концепция, как совершенно правильно отмечает А.А.Митюшин (1988. С. 34), восходит к Гегелю и Гумбольдту. Ее суть хорошо сформулирована Т.Д.Марцинковской: «...Язык является орудием труда и творчества человека, являясь в то же время и знаком определенного социума. То есть человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного и отгораживающий человека от природы. Однако при этом и сам человек превращается в социально-культурного субъекта <...>. Социальное бытие человека превращает его самого в социальную личность, поведение которой является определенным знаком для других людей, одновременно являясь знаком и для него самого, и одним из важнейших знаков как раз и является речь <...>. Сознание индивида носит культурно-исторический характер, важнейшим элементом которого является слово, открывающееся нам не только в восприятии предмета, но и, главным образом, при усвоении его в виде знака, интерпретация которого производится индивидом в процессе социального общения» (Марцинковская, 1996. С. 19).

Шпет настолько проникнут Гумбольдтом, настолько духовно близок ему, что при чтении книги «Внутренняя форма слова» порой затруднительно определить, где кончается изложение мыслей Гумбольдта, а где начинается, хотя и сочувственная, собственная интерпретация его Шпетом. В сущности, только там, где идет критика Гумбольдта, становится ясно видной собственная позиция Шпета. Она, в частности, состоит в следующем: «То, что мы непосредственно констатируем вокруг себя, есть <...> переживания, направленные на действительные вещи, предметы, процессы в вещах и отношения между ними. Каждую окружающую нас вещь мы можем воспользоваться, как знаком другой вещи, — здесь не два рода вещей, а один из многих способов

книги не ответил и постарался перевести разговор.) Лично у меня при чтении этой книги возникает четкое ощущение стилистического перелома на границе второй и третьей ее частей. До этой границы чувствуется рука Бахтина (*ex ungue leonem*), после нее — чья-то чужая, менее мастерская (видимо, это В.Н.Волошинов).

для нас пользоваться вещами. Мы можем выделить особую систему “вещей”, которыми постоянно в этом смысле и пользуемся. Таков — язык» (*Шпет*, 1996. С. 106).

«Языковое сознание <...> есть член более объемного целого — объективного культурного сознания, связывающего слова единством смыслового содержания со всеми другими культурными осуществлениями того же содержания» (С. 168). И далее: «Слово есть культурно-социальная вещь... Слово есть единственный совершенно всеобщий знак...» (С. 182).

В чем Шпет видит свой «социальный реализм»? Прежде всего в том, что «мы утверждаем, что субъект, как социальный субъект, полностью выражается, объективируется, в продуктах своего труда и творчества, и во всех, следовательно, таких актах, которые, подобным же образом, материально запечатлеваются, и только в силу этого признаются, узнаются, наименовываються и пр., вообще социально существуют» (С. 237). «Объективация субъективного требует своего материального, знакового закрепления, которое для нас дано, как внешнечувственная материальная данность, отражающая на себе “сверхчувственные” особенности и характер обратившегося к нему субъекта. Так в данности единого материального знака, слова, воплощается и конденсируется единство культурного смыслового и субъективного содержания» (С. 245).

Одновременно с цитированной выше книгой, в 1927 году была опубликована книга «Введение в этническую психологию». Но прежде чем обратиться к ней, напомним, что еще в 1923 году, во втором выпуске «Эстетических фрагментов», Шпет довольно подробно излагает свое понимание знака и слова. «Слово есть <...> принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура — культ разумения, слова — воплощение разума» (*Шпет*, 1989. С. 380).

Шпет резко выступает против понимания понятия как «переживания». Скорее «понятие <...> есть слово, поскольку под ним нечто (предмет) подразумевается <...>. Вещь есть предмет реальный и предмет есть вещь идеальная <...>. Всякая действительно, эмпирически, реально существующая вещь, реальное лицо, реальное свойство, действие и т.п. суть вещи. Предметы — возможности, их бытие идеальное <...>. Реализация идеального <...> сложный процесс раскрытия смысла, содержания — перевод в эмпирическое, единственно действительное бытие <...>. Но именно потому, что предмет может быть реализован, наполнен содержанием, овеществлен, и

через слово же ему будет сообщен также смысл, он и есть формальное образующее этого смысла <...>.

Предмет есть подразумеваемая форма называемых вещей <...>. И предмет есть сущий (в идеальной возможности) носитель свойств, качеств, существенных, атрибутивных, модальных, поскольку он берется *отвлеченно* от словесного своего обличия, от словесного знака его идеального достоинства» (С. 394—395). И далее: некто, «называя нечто *нам*, тем самым называет его и *для себя*» (С. 397).

«Слова — не свивальники мысли, а ее плоть. Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало — мысль начинается в слове...» (С. 397).

Опуская соображения Шпета о синтаксисе, находим у него указание, что «слово есть не только знак и в своем поведении определяется не только значимым. Слово есть также *вещь* и, следовательно, определяется также *своими* онтологическими законами. Его идеальная отнесенность двойная: сигнификационная и онтическая, прямая» (С. 406). Синтаксис, по Шпету, как раз и изучает «не слово как слово о чем-то другом, а просто *слово...*» (или, комментирует Шпет, «слововещь»). «В таком своем качестве *синтаксис есть не что иное, как онтология слова* — часть семиотики, онтологического учения о знаках вообще» (*Там же*).

Но что же такое «смысл», время от времени появляющийся в шпетовских формулировках? «Логический смысл, смысл слова в логической форме [обычного, не поэтического. — *А.Л.*] есть отношение между вещами и предметами, вставленное в общий контекст такого отношения, которое в конечном счете есть мир, вся действительность» (С. 412).

Конечно, Шпет по своей концепции в целом далек от Выготского. Но как много аллюзий к хорошо известным нам положениям Выготского! И, как мы увидим, не только Выготского. Корень этого сходства — в гегелевских корнях и идей Шпета, и теорий Выготского, Ильенкова, Мамардашвили, а в конечном счете — психологической теории деятельности.

Вернувшись к книге Шпета об этнической психологии, обратим внимание на рассуждение о знаках как источнике познания о вещах и интересные мысли о значении. «...В самом деле, “значения” не суть представления, а “лежат в вещах” с их содержанием» (*Шпет*, 1996. С. 357).

Как жаль, что научная деятельность Г.Г.Шпета была оборвана так рано!

Контексты Выготского: М.М.Бахтин⁷. Бахтин, как и Выготский (а отчасти и Шпет), стал в последние годы жизни, а особенно после смерти, своего рода модой, ходячей легендой, объектом целой научной дисциплины — «бахтиноведения». В потоке публикаций Бахтина и особенно о Бахтине и *по поводу* Бахтина слишком многое смешалось, потерялись приоритеты, и в особенности пострадала именно психологическая сторона его наследия.

На ней мы в первую очередь и остановимся в этом разделе, проанализировав более подробно две работы — посмертно опубликованную рукопись «К философии поступка» (1920—24 гг.) и не раз упоминавшуюся книгу «Марксизм и философия языка» (1929 г.), привлекая другие работы Бахтина только спорадически.

Итак, книга «О философии поступка».

Первая мысль: вся наша жизнь есть некоторый сложный поступок, «я поступаю всею своею жизнью» (Бахтин, 1986. С. 83). Акт деятельности — а «каждая мысль моя с ее содержанием» тоже есть поступок — двуедин: он глядит, как двуликий Янус, «в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» (Там же). И если говорить о мысли, то она тяготеет к культуре: «Меня, действительно мыслящего и ответственного за акт моего мышления, нет в теоретически значимом суждении» (С. 84). «Мир как предмет теоретического познания стремится выдать себя за весь мир в его целом, не только за отвлеченно-единое, но и конкретно-единственное бытие» (С. 85).

«...Менее всего допустимо мыслить акт-поступок живого мышления как психический процесс и затем приобщение его теорети-

---

⁷ Более всего не могу себе простить, что, будучи младшим современником Михаила Михайловича (он умер в 1975 году), живя с ним несколько лет в одном городе, будучи хорошо знакомым с людьми, ему близкими (В.Н.Турбиным и В.В.Кожинным), и даже — по предложению Кожина — выступив как публикатор одного из фрагментов Бахтина в «Вопросах литературы» (правда, уже в 1978 году, после смерти автора), я так и не собрался познакомиться с ним лично, хотя всю жизнь преклонялся перед книгой «Марксизм и философия языка», не раз ссылался на нее, в том числе при жизни Бахтина, а в статье «Язык как социальное явление» (1976) одним из первых обратился к разработке его научного наследия. Но сделанного, а вернее, несделанного, не вернешь, и максимум, что я смог сделать уже после кончины Михаила Михайловича — это организовать на факультете психологии МГУ семинар по изучению и разработке его психологического наследия. Но время на факультете было тогда смутное, и семинар просуществовал недолго.

ческому бытию со всем его содержимым... Большой теоретический мир (мир как предмет совокупности наук, всего теоретического познания) мы делаем моментом маленького теоретического мира (психического бытия как предмета психологического познания)» (С. 90).

Вторая мысль. «В данной единственной точке, где я теперь нахожусь, никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находился <...>. То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может» (С. 112). Здесь мы приходим к факту *моего не-алиби в бытии*. «Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией. Можно осознать жизнь только как событие, а не как бытие-данность. Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима» (С. 124).

И вот начинается самое главное. «Мир, где действительно протекает, совершается поступок, — единый и единственный мир, конкретно переживаемый: видимый, слышимый, осязаемый и мыслимый, весь проникнутый эмоционально-волевыми тонами утвержденной ценностной значимости <...>. Эта утвержденная причастность моя <...> превращает каждое проявление мое: чувство, желание, настроение, мысль — в активно-ответственный поступок мой.

<...> В соотношении с моим единственным местом активного исхождения в мире все мыслимые пространственные и временные отношения приобретают ценностный центр, слагаются вокруг него в некоторое устойчивое конкретное архитектурное целое — возможное единство становится действительной единственностью <...>. Если я отвлекусь от этого центра исхождения моей единственной причастности бытию <...>, неизбежно разложится конкретная единственность и нудительная действительность мира, он распадется на абстрактно-общие, только возможные моменты и отношения, могущие быть сведенными к такому же только возможному, абстрактно-общему единству...» (С. 124—125).

И третья важнейшая мысль. «Высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конкретное, архитектурно значимое противопоставление *я* и *другого*. Два принципиально различных, но соотношенных между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия <...>. Этим не нарушается смысловое единство мира, но возводится до

степени событийной единственности» (С. 137). Вообще «быть — значит общаться диалогически» (Бахтин, 1979. С. 294).

В более поздних (по-видимому, 1943—46 гг.) рукописных заметках М.М.Бахтин развивает мысль о «большом» и «малом» опыте, близкую к его позициям 1920 годов. Мы еще вернемся к этой мысли в третьей части нашей книги.

Перейдем к книге «Марксизм и философия языка».

«Все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, то есть является знаком» (Волошинов, 1929. С. 15). Даже и физическое тело может быть превращено в знак: серп и молот в гербе СССР, хлеб и вино в акте причащения. Вообще «рядом с природными явлениями, предметами техники и продуктами потребления существует особый мир — мир знаков» (С. 16). Знаковость есть общий признак всех идеологических явлений.

Но «всякий идеологический знак является не только отражением, тенью действительности, но и материальной частью самой этой действительности <...>. Знак — явление внешнего мира. И он сам, и все производимые им эффекты, то есть те реакции, те действия и те новые знаки, которые он порождает в окружающей социальной среде, протекают во внешнем опыте» (С. 17).

Идеология не есть факт сознания. Напротив, «само сознание может реализовать себя и стать действительным фактом лишь в материале знакового воплощения <...>. Сознание становится сознанием, только наполняясь идеологическим, *resp.* знаковым содержанием, следовательно, только в процессе социального взаимодействия» (С. 48). Специфичность знакового материала в том, что он «находится между организованными индивидами, что он является средой, *medium*'ом их общения.

Знак может возникнуть лишь на *межиндивидуальной территории*, причем эта территория не “природная” в непосредственном смысле этого слова <...>. Необходимо, чтобы два индивида были *социально организованы*, — составляли коллектив: лишь тогда между ними может образоваться знаковая среда» (С. 19).

Слово, язык есть орудие *жизненной идеологии*, жизненного общения. В то же время оно становится знаковым материалом внутренней жизни — сознания. «Слово может служить знаком, так сказать, внутреннего употребления; оно может осуществляться как знак, не будучи до конца выраженным вовне. Поэтому проблема индивидуального сознания, как *внутреннего слова* (вообще *внутреннего знака*), является одной из важнейших проблем философии языка» (С. 22).

Всякий знак строится между социально организованными людьми в процессе их взаимодействия. «Поэтому формы знака обусловлены прежде всего как социальной организацией данных людей, так и ближайшими условиями их взаимодействия <...>. Только при этом условии процесс каузального определения знака бытием предстанет как процесс подлинного перехода бытия в знак, подлинного диалектического преломления бытия в знаке» (С. 29).

Субъективная психика (а ее действительность и есть действительность знака) — это особое качество бытия, отличное и от физиологических процессов, и от отражаемой психикой действительности. «По роду своего бытия субъективная психика локализована как бы между организмом и внешним миром, как бы *на границе* этих двух сфер действительности. Здесь происходит встреча организма с внешним миром, но встреча не физическая: *организм и мир встречаются здесь в знаке*» (С. 34).

Значение может принадлежать только знаку, оно есть функция знака, чистое отношение. «...Значение не есть вещь и не может быть обособлено от знака как самостоятельная и помимо знака существующая реальность. Поэтому, если переживание имеет значение, если оно может быть понято и истолковано, то оно должно быть дано на материале действительного, реального знака <...>. *Переживание и для самого переживающего существует только в знаковом материале. И вне этого материала переживания, как такового, вовсе нет*» (С. 36—37).

То, что человеческий организм входит в специфическую социальную среду, определяет социальность и историчность содержания психики. «...Именно это содержание психики, взятое в отношении к индивидуальному организму, является объектом психологии» (С. 38).

Если действительность психики есть знаковая действительность, то как провести границу между индивидуальной, субъективной психикой и идеологией, которая тоже знакова? Через понятие внутреннего знака. Любое идеологическое содержание может быть понято, а значит усвоено, через внутренний знак. А с другой стороны, внешний идеологический знак рождается из моря внутренних знаков и «со всех сторон омывается внутренними знаками — сознанием <...>. Ибо жизнь внешнего знака — в обновляющемся процессе его переживания, понимания, усвоения, то есть во все новом и новом внедрении его во внутренний контекст» (С. 43).

Обычно индивидуальное и социальное мыслятся как корреляты, как антонимы. Но такое понимание ложно. «Коррелятом социального является “природный”, следовательно, вовсе не индивид как личность, а природная биологическая особь <...>. Содержание “индивидуальной” психики по природе своей столь же социально, как идеология <...>. Всякий знак социален, как таковой, и внутренний знак не менее, чем внешний» (С. 44).

Моя мысль с самого начала принадлежит идеологической системе, системе моей психики. И «единство этой системы определяется не только единством моего биологического организма, но и всею совокупностью жизненных и социальных условий, в которые этот организм поставлен» (С. 45).

Процессы понимания внутреннего знака (переживания) и внешнего знака различны. «В первом случае *понять* значит отнести данный внутренний знак к единству других внутренних же знаков, воспринять его в контексте данной психики; во втором случае — воспринять данный знак в соответствующей идеологической системе» (С. 45). Соответственно «и всякое внешнее знаковое выражение, например высказывание, может строиться в двух направлениях: к субъекту и от него — к идеологии. В первом случае высказывание имеет целью выразить во внешних знаках внутренние знаки, как таковые, и требует от слушающего отнесения их к внутреннему контексту, то есть чисто психологического понимания. В другом случае требуется чисто идеологическое, объективно-предметное понимание данного высказывания» (С. 46).

«Психика снимает себя, уничтожается, становясь идеологией, и идеология снимает себя, становясь психикой; внутренний знак должен освободиться от своей поглощенности психическим контекстом (био-биографическим), перестать быть субъективным переживанием, чтобы стать идеологическим знаком; идеологический знак должен погрузиться в стихию внутренних субъективных знаков, зазвучать субъективными тонами, чтобы остаться живым знаком, а не попасть в почетное положение непонятой музейной реликвии» (С. 50—51).

Слово в равной степени определяется как тем, чье оно, так и тем, для кого оно. Оно является *«продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим»*. Всякое слово выражает “одного” в отношении к “другому»» (С. 102).

Соответственно «действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психо-физиологический акт

его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» (С. 113).

Таковы основные, исходные позиции Бахтина, делающие его чрезвычайно близким и Шпету и раннему Выготскому (см. также Ахутина, 1984; Библер, 1981). Конечно, мы изложили здесь только малую часть содержания бахтинской концепции. Дополним это изложение еще некоторыми высказываниями Бахтина, разбросанными по разным его работам.

«...Говорящий и понимающий вовсе не остаются каждый в своем собственном мире; напротив, они сходятся в новом, третьем мире, мире общения, они обращаются друг к другу, вступают в активные диалогические отношения. Понимание всегда чревато ответом. В слове говорящего всегда есть момент обращения к слушателю, установка на его ответ» (Бахтин, 1997. С. 209).

Эта мысль развивается Бахтиным и в множестве других работ. «...Слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т.п. <...>. Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер <...>. Пассивное понимание значений слышимой речи — только абстрактный момент реального целостного активно ответного понимания, которое и реализуется в последующем реальном громком ответе. Конечно, не всегда имеет место непосредственно следующий за высказыванием громкий ответ на него: активно ответное понимание услышанного (например, команды) может непосредственно реализоваться в действие (выполнение понятого и принятого к исполнению приказа или команды), может остаться до поры до времени молчаливым ответным пониманием <...>, но это, так сказать, ответное понимание замедленного действия: рано или поздно услышанное и активно понятое откликнется в последующих речах или в поведении слышавшего» (Бахтин, 1979. С. 246—247).

Текст — «выражение сознания, что-то отражающего», причем чужого сознания. Поэтому «понимание текста и есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту» (Бахтин, 1979. С. 292).

И далее о понятии смысла. «Смыслами я называю *ответы* на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла <...>. Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом,

хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего <...>. Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам <...>. Не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растет бесконечно...» (С. 350). При этом смысл в диалоге, а значение изъято из диалога и, следовательно, бессмысленно, «нарочито, условно абстрагировано» из диалога. Значение есть потенция смысла.

Особо следует сказать о бахтинской гносеологии. Им выделяется в мире три типа отношений: отношения между объектами, отношения между субъектом и объектом и «отношения между субъектами — личностные, персоналистические отношения» (С. 343). Отношения третьего типа могут деперсонифицироваться (переходить в первый тип) и наоборот — возможна персонификация объектных отношений.

Понимание, слитое в единый процесс, может быть расчленено на отдельные акты, каждый из которых «имеет идеальную смысловую (содержательную) самостоятельность»: 1) восприятие физического знака (слова, пространственной формы и т.п.); 2) узнавание его как знакомого или незнакомого и понимание его «общего» (абстрактного) значения; 3) понимание его значения в контексте; 4) активно-диалогическое понимание (С. 361).

Вещь и личность — взаимосвязанные пределы познания. Задача автора текста «заключается в том, чтобы *вещную* среду, воздействующую механически на личность, заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей (в том числе и творящей) личности <...>. Вещь, оставаясь вещью, может воздействовать только на вещи же; чтобы воздействовать на личности, она должна раскрыть свой *смысловой потенциал*, стать словом, то есть приобщиться к возможному словесно-смысловому контексту <...>.

Нельзя забывать, что вещь и личность — *пределы*, а не абсолютные субстанции. Смысл не может (и не хочет) менять физические, материальные и другие явления, он не может действовать как материальная сила. Да он и не нуждается в этом: он сам сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преобразование бытия)» (С. 366—367).

И далее: «Персонализация ни в коем случае не есть субъективизация. Предел здесь не *я*, а *я* во взаимоотношении с другими личностями, то есть *я* и *другой*, *я* и *ты*... Разные хронотопы спрашивающего и отвечающего и разные смысловые миры (*я* и *другой*). Вопрос и ответ с точки зрения третьего сознания и его «нейтрального» мира, где все *заменяемо*, неизбежно деперсонифицируются» (С. 370—371).

Здесь возникает проблема свободы абсолютной и относительной и проблема «надбытия», смысла бытия. Через отражение себя в эмпирическом другом человек приходит к «Я-для-себя». Он смотрит на себя по-иному, его свобода — это свобода «свидетеля и судии», меняющая смысл бытия для человека и отражающаяся в слове. Относительная же свобода меняет состав бытия, но не его смысл. «Творчество всегда связано с изменением смысла» (Бахтин, 1986. С. 522).

Возвращаясь к проблеме поступка (деятельности), обратим внимание на два важных тезиса Бахтина. «Действие изнутри действующего сознания принципиально отрицает ценностную самостоятельность всего данного, уже наличного, имеющегося, завершенного, разрушает настоящее предмета ради его будущего, предвосхищенного изнутри. Мир действия — мир внутреннего предвосхищенного будущего. Предстоящая *цель* действия разрушает данную наличность внешнего предметного мира, *план* будущего осуществления разлагает *тело* настоящего состояния предмета...» (Бахтин, 1979. С. 42). И в другом месте: «Физическое действие человека должно быть понято как поступок, но нельзя понять поступка вне его возможного (воссоздаваемого нами) знакового выражения (мотивы, цели, стимулы, степени осознанности и т.п.). <...> Природу мы не спрашиваем, и она нам не отвечает. Мы ставим вопросы себе и определенным образом организуем наблюдение или эксперимент, чтобы получить ответ. Изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение» (С. 292—293).

Думается, именно эти четыре понятия — смысл, знак, поступок и диалог — являются ключевыми для концепции Бахтина. И именно в единстве и взаимодействии — Бахтина можно понять лишь при соположении этих аспектов его мысли. Между тем подавляющее большинство авторов, писавших о Бахтине, можно сказать, «вырывают» у него один или два аспекта. Например, Вяч.В.Иванов (1973) полностью игнорирует как бахтинское понимание смысла, так и его теорию поступка (впрочем, тогда боль-

шая часть рукописей Бахтина еще не была опубликована). С другой стороны, Д.А.Леонтьев, что естественно, вычленяет у Бахтина только проблему смысла, которая, однако, поэтому «зависает», ее корни остаются непонятными (Леонтьев Д.А., 1999. С. 20—22).

Мы также не претендуем в нашем изложении взглядов Бахтина на полноту их освещения: нам важно понять их целостность под психологическим углом зрения. Поэтому многие принципиально важные для его концепции мысли, прежде всего связанные с языком, речевым высказыванием и художественным текстом, остаются за рамками нашего изложения. Значительная часть этих мыслей проанализирована в цикле работ финских исследователей (см., например, *Dufva, Lahteenmaki*, 1996; *Dialogues on Bakhtin*, 1998) и в известной книге Дж.Верча «Голоса разума» (1996), где, кстати, проводятся систематические аналогии между взглядами Бахтина и Л.С.Выготского, к которому мы сейчас перейдем.

«Классическая» культурно-историческая теория и место в ней понятия знака. Анализ взглядов Выготского необходимо начать с констатации того бесспорного для нас, но многими недооцениваемого факта, что на протяжении своей короткой творческой жизни Выготский прошел несколько этапов развития своей концепции. В частности, в конце 1920-х годов он активно развивал деятельностный подход, о чем мы подробно расскажем — опираясь на его собственные тексты — во второй части настоящей книги (главы 4 и 5). Поэтому анализ воззрений Выготского на проблему отображения вообще и на знак и значение в частности придется также осуществлять поэтапно, начиная с того периода, когда он вместе с Леонтьевым, Лурия и другими разрабатывал культурно-историческую теорию. Далее мы остановимся на его взглядах последних двух периодов и на внешне альтернативных некоторым из них позициях харьковских учеников Выготского.

Первой публикацией по культурно-исторической теории является, как известно, статья Выготского «Проблема культурного развития ребенка» (1928). По Выготскому, «культура вообще не создает ничего нового сверх того, что дано природой, но она видоизменяет природу сообразно целям человека. То же самое происходит и в культурном развитии поведения. Оно также заключается во внутренних изменениях того, что дано природой в естественном развитии поведения» (Выготский, 1928. С. 61). Какие же изменения имеются в виду? Это появление нейтрального объекта в функции опосредствования того или иного психического процесса (например, запоминания), то есть в функции знака. «Вклю-

чение в какой-либо процесс поведения знака, при помощи которого он совершается, перестраивает весь строй психологических операций наподобие того, как включение орудия перестраивает весь строй трудовой операции» (С. 64). Но знак, как и орудие, имеет социальный генез: и «если в какой-нибудь области положение о том, что поведение индивида есть функция поведения социального целого, к которому он принадлежит, имеет полный смысл, то это именно в сфере культурного развития ребенка <...>. Оно является функцией социально-культурного опыта ребенка» (С. 68). Отсюда понятие «вращивания» (интериоризации), перехода внешней речи во внутреннюю и идея разных генетических корней мышления и речи. Значение здесь — просто новая функция, новое употребление или использование знака. Правда, принципиально новое: речь идет об использовании знака в функции средства обобщения.

Вспомним, что еще в ранней, «до-культурно-исторической» статье Выготского «Сознание как проблема психологии поведения» (1925 г.) вводится формула поведения человека: «Исторический опыт, социальный опыт, удвоенный опыт» (*Выготский*, 1982. Т. 1. С. 85). Последнее звено этой формулы означает, что «труд повторяет в движениях рук и в изменениях материала то, что прежде сделано в представлении работника как бы с моделями этих же движений и этого же материала» (*Там же*). Сознание и есть рефлекс рефлексов, «переживание переживаний, точно таким же образом, как переживания просто — суть переживания предметов» (С. 50); это уже другая работа того же времени — «Методика рефлексологического и психологического исследования»). Внутри массы раздражителей выделяется группа *социальных* раздражителей, которые я могу воссоздавать, они делаются для меня обратимыми и по-иному определяют мое поведение. «Механизм социального поведения и механизм сознания один и тот же. Речь и есть система «рефлексов социального контакта» [формула А.Б.Залкинда. — *А.Л.*], с одной стороны, а с другой — система рефлексов сознания по преимуществу, то есть аппарат отражения других систем» (С. 95).

Культурно-историческая теория и есть дальнейший шаг по тому же пути. «Стоит только вспомнить социальную природу и происхождение всякого культурного знака, чтобы понять, что психологическое развитие, рассматриваемое с этой точки зрения, есть развитие социальное, обусловленное средой. Оно прочно вводится в контекст всего общественного развития и раскрывается как

его органическая часть» (*Выготский, Лурия, 1993. С. 21*). Это цитата из предисловия к «Этюдам по истории поведения» — известной книге 1930 года, в переписке Выготского фигурирующей под именем «Обезьяна» — по первому слову подзаголовка: «Обезьяна. Примитив. Ребенок»).

Поворот к новому пониманию начался с опытов ученика Выготского Л.С.Сахарова, направленных на изучение природы тех собственно человеческих связей и отношений, которые формируются благодаря «экстрацеребральным», социально-культурным предметам, в частности знакам. В ходе эксперимента (методика Сахарова общеизвестна, и мы на ней не останавливаемся) выяснилось, что необходимо ввести еще одно, принципиально важное допущение по сравнению с «классическим» культурно-историческим подходом. А именно: знак не просто психологическое орудие; он влияет на изменение процессов мышления и обобщения не одним лишь своим присутствием, а и своей *сущностью*. Мало выяснить, *как употребляется* знак: необходимо установить, *какое у него значение*. Как оно возникает, формируется у ребенка, вообще как появление и изменение значения (а не просто знакового опосредования) влияет на психику человека.

Если в 1927 году Выготский записывал в своей записной книжке: «Сущность инструментальной методики в функционально разном употреблении двух стимулов, по-разному определяющих поведение» (*Выготский, 1977. С. 91*), то всего через два года, в 1929 году, позиция меняется: «Между чем и чем вдвигается знак: между человеком и его мозгом» (*Выготский, 1986. С. 57*). Знак нужен не для того, чтобы человек *действовал* иначе, а чтобы он сам был другим, и *тогда* он будет действовать иначе. «Раз человек мыслит, спросим: *какой человек* <...>. При одних и тех же законах мышления <...> процесс будет разный, смотря по тому, в *каком* человеке он происходит» (С. 9).

«Павлов сравнивает нервную систему с телефоном, но все своеобразии психологии человека — в том, что в нем в одном существе соединены телефон и телефонистка <...>. Телефонистка — не душа. А что? Социальная личность человека. Человека как члена определенной общественной группы. Как определенная социальная единица <...>. Реальная история телефонистки (личности) — в истории Петра и Павла (ср. Маркс: о языке и сознании)⁸ — в пере-

⁸ «Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как человеку» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 23. С. 62*).

несении социального отношения (между людьми) в психологическое (внутри человека) <...>. Мыслит не мышление, мыслит человек. Это исходная точка зрения» (Выготский, 1986. С. 57—58).

Мы только что процитировали рукопись Выготского «Конкретная психология человека», опубликованную только через 52 года после его смерти и до сих пор не осмысленную до конца. Между тем она замечательна во многих отношениях.

Во-первых, как видно из приводимых фрагментов текста, в этой работе возникает понятие личности. Естественно, оно как таковое не было для психологии новым: вопрос в другом — как это понятие трактуется⁹. А трактуется оно в свете культурно-исторического подхода и его новой модификации как перенесение вовнутрь и качественная перестройка системы социальных отношений человека. Здесь есть много пересечений с также оставшимися на много лет в рукописи философско-психологическими заметками С.Л.Рубинштейна (см. об этом в главе 6 части 2 настоящей книги). В сущности, именно эта работа впервые ставит проблему «Знак и личность», отразившуюся в названии нашей книги. Формула Выготского: «Личность — первичное, что создается вместе с высшими функциями» (Там же. С. 59). Высшие психические функции — «перенесенные в личность, интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности... Индивидуальное личностное — не *contra*, а высшая форма социальной» (Там же. С. 54).

Во-вторых, трактовка личности в данной статье отнюдь не ординарна еще и потому, что в связи с ней выдвигается понятие *социальной роли*. А это понятие для психологии было новым. Примерно в те же годы оно появилось у Дж.Г.Мида и Т.Знанецкого. Но дело не в формальном приоритете: у Выготского это понятие трактовалось совсем иначе, как драма (термин заимствован Выготским у Ж.Политцера): «Социальная роль (судья, врач) определяет иерархию функций <...>. Их столкновение = драма» (Там же. С. 61). «Личность как участник драмы. Драма личности (сноска Выготского: “Что значат в ней любовь, сон, мышление, искусство? Какой человек мыслит, любит *etc.*?”)» (Там же. С. 60).

⁹ Между прочим, в «Психологическом словаре» Б.Е.Варшавы и Л.С.Выготского, вышедшем в 1931 году, но сданном в издательство еще в 1927 году, дается «старое» понимание личности: «Термин, означающий единство и индивидуальность всех жизненных и психологических проявлений человека» (Варшава, Выготский, 1931. С. 97).

Знак и значение в работах Вygотского конца 1920-х—начала 1930-х годов. Так или иначе, Вygотский пришел к понятию *значения*, которого у него не было в первый, культурно-исторический период его деятельности. (Не случайно в «Психологическом словаре» Варшавы и Вygотского этого понятия нет.) Попробуем изложить его взгляды по вопросу о значении, опираясь на несколько наиболее характерных работ. Это, конечно, «Проблема сознания» — доклад 1933 года, детально записанный А.Н.Леонтьевым и опубликованный нами в 1968 году. Это, далее, «Мышление и речь», посмертно изданная книга, впитавшая в себя ряд публикаций самого конца двадцатых годов и начала тридцатых. И, наконец, «Орудие и знак в развитии ребенка» (1930). Кроме того, нам придется обратиться к некоторым другим работам, в частности к лекции Вygотского об игре. Она известна в двух вариантах: стенограмма и авторский конспект, опубликованный Д.Б.Элькониным в его книге «Психология игры». (Стенограмма по содержанию уже конспекта.)

Начнем с «Проблемы сознания».

«В старых работах мы игнорировали то, что знаку присуще значение... Мы исходили из принципа константности значения, выносили значение за скобки. Но уже в старых исследованиях проблема значения была заключена. Если прежде нашей задачей было показать общее между “узлом” и логической памятью, теперь наша задача заключается в том, чтобы показать существующее между ними различие» (Вygотский, 1982. Т. 1. С. 158).

Рассуждая «снизу», от проблемы возникновения орудия, Вygотский констатирует, что «орудие связано со значением (*предмета*) <...>. Нет орудия, нет у орудия значения, нет и предметного значения» (С. 159). Обезьяна тем и отличается от человека, что «*вещи для нее не имеют константного значения*» (С. 158).

Переходя к «семическому» анализу, Вygотский критикует психологические теории значения — как ассоциативную («Значение выступало как *напоминание* вещи»), так и «с точки зрения того, что в нас (феноменологически) происходит при восприятии значений слов» (С. 160). У всех этих авторов неизменное положение: «Значение всех слов неизменно, значение не развивается» (*Там же*). «Всегда в основе анализа лежало утверждение, что значение константно, то есть что *отношение мысли к слову остается постоянным*...». Между тем «значение есть путь от мысли к слову <...>. Значение не есть сумма всех тех психологических операций, которые стоят за словом. Значение есть

нечто более определенное — это внутренняя структура знаковой операции» (Там же).

Существует несовпадение семической и фазической стороны речи, что выражается в несовпадении линий развития. Вообще «значение не равно мысли, выраженной в слове» (С. 161). «Мысль совершается в слове, а не выражается только в нем. Мысль есть внутренний опосредованный процесс» (С. 162).

«Нет вообще знака без значения. Словообразование есть главная функция знака. Значение есть всюду, где есть знак. Это есть внутренняя сторона знака. Но в сознании есть и нечто, что ничего не значит» (Там же).

Настоящее понимание заключается в проникновении в мотивы собеседника. Сам смысл слов меняется от мотива: «Значение слова не равно простой раз навсегда данной вещи <...>. Значение слова есть всегда обобщение; за словом всегда есть процесс обобщения — значение возникает там, где обобщение. Развитие значения = развитию обобщения!» (С. 164). В развитии меняется структура обобщения.

В третьей части доклада («Вширь и вдаль») Выготский ставит ряд принципиальных проблем дальнейшего исследования. Первая — это роль значения в жизни сознания. Выготский использует точную метафору — слово «прорастает» в сознание. И дальше идет рассуждение о предметном значении в его отношении к словесному. «Постоянство и категориальная предметность предмета есть значение предмета <...>. Всякое наше восприятие имеет значение. Любое бессмысленное мы воспринимаем (как осмысленное), приписывая ему значение.

Значение предмета не есть значение слова. «Предмет имеет значение — это значит, что он входит в общение» <...>.

Процессы сознания человека благодаря тому, что они названы, то есть обобщены, имеют свое значение. (Это не в том смысле, как по отношению слова. — Л.С.)

Значение присуще знаку.

Смысл — то, что входит в значение (результат значения), но не закреплено за знаком.

Словообразование — результат, продукт значения. Смысл шире значения <...>.

Сознание в целом имеет смысловое строение. Мы судим о сознании в зависимости от смыслового строения сознания, ибо смысл, строение сознания — отношение к внешнему миру <...>.

Смыслообразующая деятельность значений приводит к определенному смысловому строению самого сознания.

Речь, таким образом, неправильно рассматривалась только по отношению к мышлению. *Речь производит изменения в сознании. Речь — коррелат сознания, а не мышления»* (С. 165).

Здесь мы остановимся, чтобы зафиксировать главное: наличие у Вygотского *смысловой теории сознания*. Но если смысл — то, что входит в значение, то в *какое* значение? И вообще — в каком отношении находится предметное значение с вербальным? Это вопрос принципиальный, но в цитированном выше тексте на него нет однозначного ответа. Казалось бы, если мы говорим о смысловом строении сознания, речь идет о предметном значении. Но — по Вygотскому — «входящем в общение». Каким образом?

Однако продолжим цитирование. «Речь есть знак для общения сознаний» (*Там же*). Что же движет значениями, что определяет их развитие? «Сотрудничество сознаний» (*Там же*).

Как возникает обобщение? Вygотский сразу обрушивается на вариант ответа, согласно которому «человек прибегает к знаку; знак рождает значение; значение прорастает в сознание. Это не так» (*Там же*). А как? «Значение определяется межфункциональными отношениями=сознанием, деятельностью сознания» (*Там же*), системным строением сознания!

Ответ совершенно не ясен.

Впрочем, в том же тексте и в примыкающих к нему (и опубликованных вместе с ним) других выступлениях Вygотского в декабре 1933 г. можно при желании увидеть более четкую позицию. «Схема здесь: не человек—вещь (Штерн), не человек—человек (Пиаже). Но: человек—вещь—человек» (С. 167).

Эта мысль развита в предисловии к русскому изданию книги К.Коффки. По мнению Вygотского, сначала у ребенка имеется «непосредственное восприятие на основе практики». Освобождение от него происходит благодаря появлению слова, которое перестает быть связанным только с желанием и аффектом и «образует связь с вещами». «Оно освобождает действия ребенка. Оно же, наполняя смыслом и обобщая видимые элементы ситуации, приводит к возникновению *предметности* орудия, которое остается самим собой, независимо от того, в какую структуру этот предмет входит» (С. 265). Факт включения речи (а вместе с ней и смыслового поля) в деятельность ребенка в определенной ситуации меняет структуру самих его операций.

Продолжение этого хода рассуждения можно найти в книге «Орудие и знак в развитии ребенка» (*Вygотский*, 1984. Т. 6. С. 14).

Обобщая эксперименты с дошкольниками, Выготский констатирует, что «символическая деятельность ребенка не изобретается им и не заучивается <...>. Знак возникает в результате сложного процесса развития — в полном смысле этого слова. В начале процесса стоит переходная, смешанная форма, соединяющая в себе натуральное и культурное в развитии ребенка. Ее мы называем стадией детской примитивности, или естественной историей знака <...>. Наши опыты заставляют нас сделать вывод, что игра есть главный тракт культурного развития ребенка, и в частности развития его символической деятельности» (С. 14). И далее: «Для того чтобы быть знаком вещи, слово должно иметь опору в свойствах обозначаемого объекта. Реальные свойства вещи и ее символическое значение обнаруживают в игре сложное структурное взаимодействие. Так же и слово связывается для ребенка с вещью через ее свойства, вплетаясь в их общую структуру» (С. 15).

Сначала знак у ребенка выступает как внешний вспомогательный стимул, внешнее средство автостимуляции. Сознание еще не эмансипировано от наглядного восприятия и внешнего (первоначально коллективного) действия. «При процессах прямого восприятия и передачи воспринятой формы, не опосредованной речью, ребенок схватывает и закрепляет впечатление целого <...>. При вступлении в действие речи <...> в зрительном поле возникают новые, фиксируемые словом центры и связи различных пунктов с этими центрами; восприятие перестает быть “рабом зрительного поля”, и <...> ребенок воспринимает и передает деформированное словом впечатление <...>».

<...> Функциональное употребление знака (слова) в качестве средства направления внимания, абстрагирования, установления связи и т.п. операций, входящих в состав данной функции, является необходимой и центральной частью всего процесса возникновения нового понятия. В этом процессе участвуют все основные элементарные психические функции в своеобразном сочетании и под главенством операции употребления знака...» (С. 18).

Речь, слово относятся не только к предметам внешнего мира, но и к собственному поведению ребенка. Он становится для себя объектом. И «речь помогает ему овладеть этим объектом посредством предварительной организации и планирования собственных действий и поведения. Те объекты, которые были вне сферы, доступной для практической деятельности, теперь благодаря речи становятся доступны для практической деятельности ребенка» (С. 24).

Сначала знак есть средство социального контакта с окружающими людьми, а затем становится средством автостимуляции. В этой связи Выготский и анализирует сущность и функции эгоцентрической речи.

Главное: благодаря знаку «актуально воспринимаемые элементы настоящей ситуации включаются в одну структурную систему с символически представленными элементами будущего», что «создает совершенно новое психологическое поле для действия, ведя к появлению функций образования намерения и спланированного заранее целевого действия» (С. 49). Причем «всякая символическая деятельность ребенка была некогда социальной формой сотрудничества» (С. 56). «Встреча символической операции с употреблением орудия дает новые формы опосредованного овладения объектом с предварительной организацией собственного поведения» (С. 58).

«Если в начале развития стоит дело, независимое от слова, то в конце его стоит слово, становящееся делом. Слово, делающее действие человека свободным» (С. 90).

Книга «Орудие и знак в развитии ребенка» была, судя по комментариям к ее первой публикации (в собрании сочинений Выготского), написана в 1930 году. Под этим же годом она стоит в списке работ Выготского в Томе 6, как известно, организованном не по годам публикации, а по годам написания. Но в этом списке после даты 1930 не случайно стоит знак вопроса. Если внимательно читать данную книгу, все время возникает ощущение, что она отражает не мысли Выготского 1930 года, а более ранний этап, этап собственно культурно-исторический. Правда, в тексте уже упоминаются эксперименты Сахарова, но они, как известно, начались в 1927 году, а после смерти Сахарова (1928) были продолжены Выготским вместе с Ю.В.Котеловой и Е.И.Пашковской в 1928—1930 гг. И, вероятнее всего, рукопись осталась в архиве автора совсем не случайно: в то время, когда она была написана (а это, видимо, 1928 или 1929 год) как раз и произошел перелом во взглядах Выготского, наиболее ярко отразившийся в «Конкретной психологии человека».

Книга «Мышление и речь», как известно, представляет собой сборник ранее опубликованных статей. И уже поэтому он в такой же мере не способен отразить мысли Выготского 1934 года, в какой «Проблемы развития психики» А.Н.Леонтьева не отражают развитие идей Леонтьева к моменту очередного издания. (Впро-

чем, Леонтьев все время менял состав сборника: но его «ядро», восходящее к 1940-м годам, оставалось неизменным.) Тем не менее в этой книге есть некоторые отличия в трактовке знака, значения и языка от других работ Выготского.

Во-первых, в этой книге дается четкая трактовка значения (или внутренней стороны слова) как далее неразложимой единицы (в смысле Выготского) речевого мышления. При этом подчеркивается, что речь идет о словесном значении. Оно трактуется прежде всего как обобщение, «чрезвычайный *словесный акт мысли*, отражающий действительность совершенно иначе, чем она отражается в непосредственных ощущениях и восприятиях» (Выготский, 1982. Т. 2. С. 17). Значение слова — не речь и не мышление, оно — то и другое одновременно. Оно есть единство общения и обобщения; но так же, как невозможно общение без знаков, оно невозможно без значения, то есть без обобщения.

Во-вторых, мышление неотрывно от аффекта. «Существует динамическая смысловая система, представляющая собой *единство аффективных и интеллектуальных процессов*» (С. 22).

В-третьих, анализируя концепцию Ж.Пиаже, Выготский решительно не соглашается с его мыслью, что вещи не играют решающей роли в развитии детского мышления. «Нельзя яснее высказать ту мысль, что потребность в логическом мышлении и само познание истины возникают из общения сознания ребенка с другими сознаниями» (С. 71). «Самая социализация детского мышления рассматривается Пиаже вне практики, в отрыве от действительности как чистое общение душ, которое приводит к развитию мысли» (С. 74). (См. об этом также ниже, во второй части настоящей книги).

В-четвертых, значительную часть книги «Мышление и речь» составляет теоретическое и экспериментальное обоснование фундаментальной идеи о том, что в развитии психики ребенка отношение между словом и обобщением меняется и проходит определенные этапы. (Кстати, мы обычно вслед за Выготским говорим о «развитии понятий» — собственно, вслед за Сахаровым, чья статья, использованная Выготским в книге, называлась «О методах исследования понятий». Но сам же Выготский в тексте употребляет гораздо более точное выражение, говоря о «генетической схеме изменения значений».)

В-пятых, Выготский в этой книге, обобщая свои высказывания, брошенные в других работах, четко говорит о наличии трех функций слова (знака), а именно функции *индикативной, номина-*

тивной и сигнификативной. Развитие значений начинается с индикации (указания) и номинации (предметная отнесенность), и только в ходе развития появляется сигнификативная, то есть знаковая, символическая функция.

Наконец, в-шестых, на самых последних страницах книги формулируется тезис о том, что «все сознание в целом связано в своем развитии с развитием слова <...>. Слово играет центральную роль в сознании в целом, а не в его отдельных функциях <...>».

Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» (С. 361).

Мы в этом сверхкратком резюме не затронули множество ставших классическими положений книги «Мышление и речь», например анализ эгоцентрической и внутренней речи, проблему житейских и научных понятий и многое другое. Для нас было важным понять, как Выготский трактовал в своей последней прижизненной книге именно проблему природы словесного значения.

Итак, мысль Выготского, если сформулировать ее предельно кратко, заключается в том, что появление языка (речи) перестраивает систему отображения предметного мира в психике ребенка. Наименование предмета, появление словесного значения вносит новый принцип в организацию сознания. Предметность восприятия прямо детерминирована языком (речью). С одной стороны, построение человеческого сознания связано с развитием орудийной деятельности. Но, с другой стороны, на базе словесных значений, становящихся предметными, возникает система смыслов, которая непосредственно и конституирует сознание.

В свете этой концепции особенно интересны соображения Выготского о детской игре.

Вот ход мысли в его лекции. Мысль отделяется от вещи, вернее, не мысль, уточняет Выготский, а значение — значение вещи. Палочка становится лошадью. Необходимо, чтобы была палочка, то есть другая вещь, становящаяся опорой для этого отделения значения от вещи. Если раньше между вещью и значением вещи (смыслом) было одно отношение (вещь — главное, смысл — подчиненное), то теперь возникает другое (главным становится смысл). Кроме второй вещи, палочки, условием этого процесса является реальное действие с реальным предметом.

В игре, говорит Выготский, ребенок оперирует вещами как имеющими смысл, оперирует значениями слов, замещающими вещь. Происходит отрыв значения лошади от реальной лошади, перенос его на палочку. Реальная деятельность с палочкой как с лошадью — условие перехода к оперированию «чистыми» значениями. Затем действие отодвигается на задний план, становится точкой опоры, и смысл отрывается от действия с помощью другого действия. Это происходит через движение в смысловом поле, не связанном с видимым полем, с реальными вещами. Это смысловое поле подчиняет себе все реальные вещи и реальные действия.

Но в реальной жизни у ребенка действие, конечно, господствует над смыслом. И смысл игры как раз в том, что ребенок начинает осознавать свои собственные действия и осознавать, что каждая вещь имеет значение (*Выготский, 1966*).

Примерно тот же ход мысли мы находим в опубликованном Элькониным фрагменте из «записок-конспекта» Выготского, посвященном игре.

В игре, констатирует Выготский, возникает новое отношение между словом и действием. «Раньше слово включалось в ситуацию (индикативная функция — произвольное внимание — изменяет структуру поля) <...> — и через слово ситуация определяла действия.

Здесь действие из значения вещи, а не от вещи — *Aufforderungscharakter* [притягивающий характер. — *А.Л.*] переносится на значение слова» (*Выготский, 1978. С. 292*). Это возможно только благодаря молекулярному изменению восприятия: «Раньше в восприятии главенство было за фигурой, то есть предметное восприятие = фигура/смысл. Здесь обратное: главенство за значением; то есть предметное восприятие = смысл/фигура <...>. Слово биполярно ориентировано, оседая значением в мысли и смыслом в вещи: перенесение смысла внутрь — на свои процессы и действия» (*Там же*). Выготский бросает точное выражение: «Вещь с двумя значениями» (например, куклы и щепки).

Игра, по Выготскому, не есть символика, то есть не имеет знаковой природы. В чем же тогда специфика значения в игре? «Если в полтора года ребенок делает открытие: всякая вещь имеет свое имя, то в игре ребенок открывает: каждая вещь имеет свой смысл, каждое слово имеет свое значение, которое может замещать вещь. Вращивание [интериоризация. — *А.Л.*] основано на эмансипации слова от вещи в игре <...> и значения от слова во внутренней речи. Но так же

как отрыв слова от вещи нуждается в опорном пункте в виде другой вещи, так же во внутренней речи сохраняется в качестве опорного пункта фазическая структура слова» (С. 293).

Ребенок не может оторвать значение вещи (или слово) от вещи, осуществить перенос значения, иначе как находя точку опоры в другой вещи. Ребенок как бы заставляет одну вещь воздействовать на другую в смысловом поле. В основе этого то, что ребенок видит за словом обозначаемую им вещь. Палочка для него «лошадь». То же самое относительно собственного действия ребенка: чтобы оторвать смысл действия от реального действия, нужно другое реальное действие, замещающее первое. «Но снова, если раньше в структуре действие/смысл определяющим было действие, сейчас структура опрокидывается и становится смысл/действие <...>. Это снова критический пункт к чистому оперированию смыслами действий, то есть к волевому выбору, решению, борьбе мотивов и прочим процессам, резко оторванным от выполнения. То есть путь к воле, так же как с вещью и смыслом — путь к мышлению» (Там же. С. 293).

Общее резюме к этой работе мы приведем полностью. «Действие в игре впервые приобретает смысл: то есть осознается. Действие замещает другое действие, как вещь — другую вещь. Как же ребенок переплавляет одну вещь в другую, одно действие в другое? Через движения в смысловом поле, не связанные видимым полем, реальными вещами, которые подчиняют себе все реальные вещи и реальные действия. Это движение в смысловом поле есть самое главное в игре: оно, с одной стороны, есть движение в абстрактном поле (поле значений возникает раньше, чем произвольное оперирование значениями), но способ движения есть ситуационный, конкретный <...>. Возникновение семического поля, но с движением в нем, как в реальном, — главное генетическое противоречие игры» (Там же. С. 294).

Попытаемся кратко сформулировать, к чему же пришел Выготский к концу жизни. (Мы еще раз вернемся к его взглядам во второй части, анализируя генезис деятельности концепции в советской психологии.)

Первое. Культурно-исторический генезис человеческой психики. Психологическое развитие есть развитие социальное, обусловленное средой.

Второе. Культурный знак детерминирует социальную личность человека. Личность — первичное, что создается вместе с высшими психическими функциями; эти последние суть перенесенные в личность, интериоризованные социальные отношения.

Третье. Значение и возникает в неразрывной связи с личностным подходом. Это может быть значение *слова* и значение *предмета*. Значение есть основное свойство знака. В то же время оно есть конституирующий элемент сознания.

Четвертое. Значение есть обобщение, причем в развитии значений меняется внутренняя структура обобщения.

Пятое. Главная функция значения — смыслообразование. Смысл — это результат значения, но не закрепленный за знаком. Именно смыслообразующая деятельность значений приводит к определенному смысловому строению самого сознания.

Шестое. Значение предмета (и в частности орудия) коренится в значении слова. *Вербальное значение первично, предметное — вторично*. Именно значение слова «освобождает» действия ребенка и приводит к возникновению предметности орудия. То, что их связывает, — игра.

Седьмое. Чтобы быть знаком вещи, слово должно иметь опору в свойствах обозначаемого объекта. Сначала это сплав речи и восприятия в едином зрительном поле. Именно благодаря игре значение становится способным отделиться от конкретного предмета как элемента ситуации.

Восьмое. Знак сначала — только средство социального контакта, а затем и средство автостимуляции. Благодаря знаку возникает новая форма владения объектом — опосредованная, связанная с «элементами будущего», то есть с предварительной организацией собственного поведения.

Девятое. В игре ребенок впервые начинает замещать вещь значением слова, в результате чего значение вещи отрывается от реальной вещи и возникает новое явление — *смысловое поле*, подчиняющее себе реальные вещи и реальные действия. Отсюда и осознание ребенком собственных действий, и понимание, что каждая вещь имеет значение.

Десятое. Слово биполярно ориентировано. Оно генерирует словесное значение (в речи, мысли) и предметное значение (смысл) в вещи.

Одиннадцатое. Во внутренней речи происходит эмансипация значения от слова.

Таким образом, в основе нового способа оперирования с *вещами, предметами* лежит словесное значение, *слово* как орудие социального контакта, общения. Вместе с тем развитие этого способа невозможно без практики, без опоры на реальные свойства вещей. Но вся эта система остается *словоцентричной*. И пред-

метное значение генерируется все тем же словом, словесным знаком.

Харьковская альтернатива. Именно против этой словоцентричности системы Выготского и выступила Харьковская группа во главе с А.Н.Леонтьевым. Уже в 1933 году («Беседа с Выготским») Леонтьев пишет, что ему не ясна трактовка Выготским отношений значения и сознания, сознания и личности. Выготскому задается и вопрос: «Что — субъект развития? <...> Где действительные отношения человека к миру?» (Леонтьев А.Н., 1994. С. 23). Ответ Выготского уклончив: «Развивается ЧЕЛОВЕК, развиваются аффекты, побуждения. Слово — средство <...>. *За сознанием открывается жизнь* <...>. Не простая зависимость — не среда, практика etc.» (С. 24—25).

В «Материалах о сознании» Леонтьев кратко излагает позицию Выготского, как он ее понимает. С его точки зрения, знак для Выготского — это «обобщенное отражение действительности, общественно-исторической практики, объективно фиксированное как конкретно-исторический факт человеческого знания...» (С. 35). Наука тоже — система значений. Классическая форма знака — слово. «Сознание имеет речевую, языковую природу. Язык — “реальное сознание”» (Там же).

Как происходит развитие значений? «Человек встречается с предметным миром через других людей <...>. Психологически это — общение <...>. Сознание человека формируется в общении и иначе формироваться не может <...>.

Каким же образом общение приводит к развитию значений и, следовательно, сознания?

Это происходит в процессе взаимодействия значений — реальных и идеальных.

Что такое реальные и что такое идеальные значения? (Общенье — искра, связывающая эти полюса)» (С. 37—38).

Выготский, по Леонтьеву, начал совершенно правильно — с идеи поиска ключа к сознанию в образе жизни человека, в «объективности не-сознания». Но в результате он пришел к тому, что предмет не был им понят как предмет деятельности человека, а сама деятельность оказалась управляемой сознанием.

Искать ответ надо в предметном мире и предметной деятельности. Орудие и предмет определяют психические процессы как знаки или значащие вещи.

Как же это происходит? «Значения, обобщения не только раскрывают себя, но — самое важное! — также и формируются в

переносе. Перенос есть процесс формирования обобщения...», а «процесс речевого общения есть частное условие переноса, а именно — *переноса значений слов*» (С. 42).

Но перенос бывает разным. Это может быть простейший процесс применения практического действия в данной ситуации, а может быть сложный внутренний дискурсивный процесс. И образ (обобщение) связан с процессом (деятельностью) разными способами. Они не существуют раздельно, но это и не одно и то же, а вещи противоположные. «Существует *инерция образа*. Образ отстает от процесса» (С. 43).

Конечно, «образ может отделяться от орудия. Его “причалом” становится тогда слово, образ превращается в значение» (С. 45).

Чем же определяется процесс, то есть деятельность? «...Объективными свойствами предмета (предметной ситуации)», но и в целом всем процессом, в который этот процесс включен — «а этот процесс есть *жизнь*».

Остановимся пока на этом, так как ниже, во второй части, нам придется, говоря о деятельности, возвращаться к этой логике, и перейдем к тем позитивным соображениям о значении и смысле, которые можно найти в «Методологических тетрадах».

Что такое вообще значение? «*Значение предмета* есть то его свойство (или система свойств), в котором данный предмет непосредственно выступает для субъекта» (Леонтьев, 1994. С. 166). Оно может быть непосредственным, то есть биологическим, инстинктивным. Но «только у человека значение может отделиться от актуального предмета, стать идеей <...>. Оно превращается в *значение слова*... Тогда и только тогда вещь в ее свойствах может быть *мысленно* представлена, она осознается. Для осознания необходим *язык — общение* <...>. Идеальное определение предмета совершается в языке <...>. В значениях слов и реализуется для сознания общественное значение предметов (=значение общественных предметов)» (С. 166).

До сих пор позиция Леонтьева совпадает с исходной, принципиальной позицией Вygотского.

Но уже следующая мысль достаточно своеобразна. Она сводится к тому, что «*отделение значения от предмета в языке* <...> *есть вместе с тем новая форма соединения значения и предмета*: предмет выступает теперь в определенном общественном значении или во многих, но всегда определенных общественных значениях <...>. Можно сказать, что в значениях слов реализуются для сознания значения предметов. Значение слова есть форма “идеального при-

своения” человеком его, человеческой, действительности» (С. 167). Именно в этом смысле слово, по Леонтьеву, есть «знак значения», а не просто знак. «Система языка соответствует системе значений (не совпадая с этой системой)» (С. 166—167).

А что такое для Леонтьева смысл (в это время, то есть в самом конце 1930 годов)? «Смысл принадлежит не предмету, а деятельности. Лишь в деятельности предмет выступает как смысл. Смысл есть само отношение, осуществляющееся в деятельности» (С. 167).

«Мое отношение к значению (=к предмету, как значению) сообщает ему *смысл* <...>. Смысл, следовательно, есть “значение для меня значения” <...>.

<...> Смысл имеет строение: строение смысла кристаллизуется в себе строение деятельности (именно деятельности — отношения к действительности, а не операции, не *приема*)» (С. 168). Таким образом, значение соотносится с операцией, а смысл — с актом деятельности в целом. Или, если пользоваться более поздней терминологией Леонтьева, значение связано с операциональной, а смысл — с интенциональной стороной деятельности.

Главная проблема, по Леонтьеву, не в соотношении значения и предметной отнесенности (это псевдопроблема, хотя их, конечно, следует различать), а в соотношении значения и смысла.

Что значит отображение среды как «вещной действительности»? Это отображение связей свойств. «*Свойство* еще не вещь, *связь* свойств = вещь» (С. 170). «Отношение полезности предмета к другому его свойству (их связь), осуществляемое через организм, и есть *смысл*, — *отношение смысла*. Все это остается справедливым и в том случае, когда мы имеем и соответствующее отношение между предметами» (*Там же*). Например, в опытах с собаками лампочка приобретает *смысл* пищи.

«*Изменение смысла вещи есть всегда изменение субъекта*» (*Там же*), это верно и для дочеловеческих стадий эволюции (и тогда изменение может быть морфологическим, то есть видовым), и для человека.

Возвращаясь к переносу, Леонтьев подчеркивает, что «законы обобщения нужно искать в законах действия. Что есть познание? — действие» (С. 187).

«Изменение действия есть обогащение обобщения, кристаллизующего действие; восприятие в этом действии обогащает обобщение, как образ. Это и есть процесс *переноса*» (С. 189). Обобщение — это изменение способа действия.

В чем специфика человеческого интеллекта? У животного интеллект состоит в «усмотрении» того, что есть. А человеческий интеллект «имеет дело не с тем, что есть, а с тем, что *может* быть. Он имеет дело с идеальным, а не реально данным».

У него есть в этой связи и еще одна особенность. У человека «действие отделяется от субъекта как вещь, как орудие или понятие. Разделяется собственно *подготовка* действия и само действие. Подготовка = приведение ситуации в соответствие со способом действия — орудием, понятием. Это — теоретический интеллектуальный акт, который, становясь *особым действием* (разделение труда), становится теоретическим мышлением. Значит, первоначально в социальном своем значении это — функция организаторов» (С. 191).

Обобщение происходит путем переноса действия, «которое встречает сопротивление вещей, приспособляется к ним путем их *испытания*. Оно, следовательно, вбирает в себя конкретное многообразие действий (ибо действие неповторимо, даже когда оно воспроизводит самое себя)». Дано примечание: «Здесь очень важно развить учение о двойственной характеристике обобщения: 1) кристаллизация действия (строение); 2) образ, кристаллизация впечатлений (чувственное созерцание); 1-е определяет развитие, содержание 2-го, 2-е позволяет включиться 1-му» (С. 192).

Во второй тетради подробно анализируется понятие смысла. Она, по Леонтьеву, *и есть* проблема сознания.

Леонтьев считает неверным положение Выготского о значении как единице сознания. Почему? Во-первых, потому, что вопрос об отношениях индивидуального и общественного сознания решается в духе французского социологизма. Во-вторых, потому, что «сознание выступает как образуемое проекцией в личность *идеального продукта* общественной деятельности; это есть высшее и крайнее выражение *культурно-исторической* точки зрения» (С. 206). В-третьих, получается, что язык образует сознание — в духе Гумбольдта, — и «*слово выступает не как оформляющее известное содержание (форма здесь существенна!), а как составляющее его*» (Там же). В-четвертых, развитие сознания понимается как процесс взаимодействия «начальных» и «конечных» форм, то есть опять-таки в духе социологизма.

Какова альтернатива этому пониманию Выготского? «...Существует не простое “вхождение”, переливание общественно выработанных значений в сознание субъекта, но **диалектический** <...> **переход** их. Этот переход содержит в себе два момен-

та: 1) объективное значение обогащается до неповторимо-субъективного, и это определено отношением субъекта не к самому значению, а к отражаемой в нем действительности <...>; 2) в том же самом акте совершается и обратный процесс: субъективное, оформляющее себя в значении, возвышается до объективного и общественного» (С. 207).

Здесь дается существенная сноска: «...Проблема *символа* раскрывается особым отношением операции — значения и действия — смысла.

Отсюда и проблема “метафорического пути” в развитии языка. Живая метафора и мертвая (значение, впитавшее новые смыслы, но ведь так-то и *строится язык!*). В языке *обратное*, чем в реальном действии: “перенос значения”, с точки зрения действительности, — “перенос смысла”, с точки зрения самого слова» (*Там же*).

Психическая деятельность опосредствована «отражением психических свойств действительности, объективно связанных с теми свойствами действительности, которые непосредственно определяют жизнь, существование <...>. Объективное отношение этих свойств, подчиняющее себе, *определяющее* деятельность субъекта и вместе с тем *выступающее* и возникающее в ней, и есть отношение *смысла*, есть *смысл*» (С. 207—208).

Следовательно, смысл есть не абстрактная категория действительности, но и не чисто субъективная, а субъективно-объективная категория. Это всегда смысл предмета для субъекта. Он развивается — от биологического (инстинктивного) к сознательному смыслу. Это развитие происходит на основе появления общественного отношения к действительности и в связи с появлением значений.

«Значение есть категория *общественного* сознания, есть категория принципиально-языковая; значение, следовательно, объективно и устойчиво; оно, отражая отношение предмета не к индивиду, но к коллективу, отражает устойчивое в *предмете* и устойчивое в потребности субъекта, теперь человеческой, то есть общественной его *потребности*. Субъект здесь = коллектив» (С. 209; сноска: «это — “пра-значение”»). Это — переходный этап развития, когда смысл возникает как смысл *для коллектива* и лишь тем самым и *для субъекта*. А затем в ходе развития общественных отношений появляется сознание «Я». Это и есть возникновение сознательного смысла, когда первичное значение раздваивается, появляется отношение «смысл—значение» и смысл становится «для меня значением».

В третьей тетради наиболее существенные для нас фрагменты посвящены ориентировочной деятельности. «С психологической стороны она состоит в активной перестройке представления о действительности сообразно самой действительности и заданиям своей деятельности, в активном и целесообразном соединении прошлого опыта с наличным восприятием» (С. 216).

Проблема: как строится ориентирующий образ и как происходит ориентировка с его помощью? Ориентирующий образ — система образов, раскрывающая вещь, поскольку «предмет отражается во множестве образов» (С. 219) или ракурсов!

Мышление имеет дело с действительностью, а не с понятиями и представлениями. Это может быть деятельность либо действие (операция). «Смысл = интенция мышления! Операция — результат знания; *оно существует в форме значений*» (Там же).

Есть различие между мыслями и думами (это уже четвертая тетрадь). «Мы задумываемся, когда ищем *смысл мысли*» (С. 221). Через много лет отдаленно сходные мысли высказывали М.К. Мармашвили и А.М. Пятигорский.

Чувства суть смысловые обобщения. «Это для смыслов то же, что для значений — понятие» (С. 223).

Вот мы и подошли к тому времени, когда начала складываться «классическая» концепция А.Н. Леонтьева. На этом мы прекратим собственно исторический (генетический) анализ проблемы знака и значения. Что касается внутренней динамики развития взглядов Леонтьева с 1940-х до 1970-х годов, то о ней пойдет речь во второй части книги, то есть при рассмотрении деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ К ВВЕДЕНИЮ И ЧАСТИ I

- Аверинцев С.С.* Символика раннего Средневековья (к постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество. М., 1977.
- Античная философия (фрагменты и свидетельства). М., 1940.
- Античные теории языка и стиля. М.—Л., 1936.
- Арутюнова Н.Д.* Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Ахманов А.С.* Логическое учение Аристотеля. М., 1960.
- Ахутина Т.В.* Теория речевого общения в трудах М.М. Бахтина и Л.С. Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1984. № 3.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Бахтин М.М.* Работы 1940-х—начала 1960-х годов // Собрание сочинений: в 7 т. М., 1997. Т. 5.

Бернштейн С.И. Реферат о книге Ф. де Соссюра // ИАН ОЛЯ. Т. 35. № 5.

Библер В.С. Понимание Л.С.Выготским внутренней речи и логика диалога (Еще раз о предмете психологии) // Методологические проблемы психологии личности. М., 1981.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963.

Бычков В.В. Эстетика поздней античности. II—III века. М., 1981.

Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1977—1978.

Варшава Б.Е., Выготский Л.С. Психологический словарь. М., 1931.

Васильева Т.В. Беседа о логосе в платоновском «Теэтете» // Платон и его эпоха. М., 1979.

Верч Дж.В. Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованным действиям. М., 1996.

Волюшинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.

Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка // Педология. 1928. № 1.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982—1984.

Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопр. психол. 1966. № 6.

Из записных книжек Л.С.Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1977. № 2.

Из записок-конспекта Л.С.Выготского к лекциям по психологии детей дошкольного возраста // *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., 1978.

Неопубликованная рукопись Л.С.Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1986. № 1.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3 // *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. XI. М.—Л., 1935.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Книга первая // *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. XII. М.—Л., 1938.

Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук: в 3 т. М., 1977. Т. 3.

Гоббс Т. Избранные сочинения. М.—Л., 1926.

Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964.

Гоббс Т. Сочинения. М., 1984. Т. 1.

Гульга А.В. Вильгельм фон Гумбольдт и немецкая философская классика // *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гульга А.В. Немецкая классическая философия. М., 1986.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Джохадзе В.В., Стяжкин Н.И. Введение в историю западноевропейской средневековой философии. Тбилиси, 1981.

- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
- Дорошевский В.* Диалектология и сравнительно-исторический метод в языкознании // Вопросы языкознания. 1956. № 5.
- Драч Г.В.* Идея Логоса в натурфилософии Гераклита и ее социальный фон // Наукоеведение и история культуры. Ростов, 1973.
- Жоль К.К.* Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984.
- Иванов Вяч.В.* Значение идей М.М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам VI / Сб. научных статей в честь М.М.Бахтина (к 75-летию со дня рождения). Тарту, 1973.
- Котарбинский Т.* Избранные произведения. М., 1963.
- Лейбниц Г.В.* Сочинения. Т. 3. М., 1984.
- Леонтьев А.А.* И.А.Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики // Вопросы языкознания. 1961. № 4.
- Леонтьев А.А.* Проблема лингвистического тождества в работах Женеvской школы. 1962. Рукопись. 36 с.
- Леонтьев А.А.* Общелингвистические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М., 1999.
- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3. М., 1979.
- Локк Дж.* Сочинения: в 2 т. М., 1985.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979.
- Лосев А.Ф.* Учение о словесной предметности (лектон) в языкознании античных стоиков // *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Мир. М., 1982.
- Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1982.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999.
- Майоров Г.Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1957.
- Марцинковская Т.Д.* Густав Густавович Шпет — жизнь как проблема творчества // *Шпет Г.Г.* Психология социального бытия. Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1996.
- Материалисты Древней Греции. М., 1955.
- Мегрелидзе К.Р.* Основные проблемы социологии мышления. Изд. 2. Тбилиси, 1973.
- Мельвиль Ю.К.* Чарлз Пирс и прагматизм. М., 1968.
- Митюшин А.А.* Психологические взгляды Г.Г.Шпета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1988. № 2.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.
- Моррис Ч.У.* Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика. М., 1983.

- Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алмата, 1968.
- Перельмуттер И.А. Платон. Аристотель. Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. М., 1980.
- Петров М.К. Язык и категориальные структуры // Наукоеведение и история культуры. Ростов, 1973.
- Пирс Ч.С. Элементы логики. *Grammatica speculativa* // Семиотика. М., 1983.
- Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
- Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX—XX вв. Иваново, 1994.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
- Рождественский Ю.В. Теория языка в античности. Теория языка в средние века // Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.А. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Семиотика / Под ред. Ю.С.Степанова. М., 1983.
- Соколов В., Грознов Б., Яновская С. Номинализм // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967.
- Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1998.
- Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- Степанов Ю.С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Структурализм: «за» и «против». Сб. статей. М., 1975.
- Субботин А.Л. Фрэнсис Бэкон. М., 1974.
- Тронский И.М. Из истории античного языкознания // Советское языкознание. Т. 2. Л., 1936.
- Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. Изд. 3. Часть 2. М., 1915.
- Фишер К. Декарт, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1906.
- Хабаров И.А. Философские проблемы семиотики. М., 1978.
- Хинтиikka Я. Познание и его объекты у Платона // Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Шор Р.О. Краткий очерк истории лингвистических учений // Томсен В. История языкознания до конца XIX в. М., 1938.
- Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
- Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.
- Шпет Г.Г. Психология социального бытия. Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1996.
- Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1960.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.
- Энглер Р. Идеальная форма лингвистики Соссюра // Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1998.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.

Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996.

Buysens E. Mise au point de quelques notions fondamentales de la phonologie // CFS. V. 8. Geneve, 1949.

Dialogues on Bakhtin: Interdisciplinary Readings / M.Lahteenmaki, H.Dufva (Ed.) Jyvaskula, 1998.

Dufva H., Lahteenmaki M. What people know about language: A dialogical view // Zeitschrift fuer Fremdsprachenforschung, 7 (2). 1996.

Karcevski S. Du dualisme asymetrique du signe linguistique // TCLP. V.1. Prague, 1929.

Sebeok Th.A. «Semiotica» e affini. // Versus. Quaderni di studi semiotici. 1972. № 3. S. 1.

Steinthal H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Roemern. Berlin, 1863.

Steinthal H. Philologie, Geschichte und Psychologie. Berlin, 1864.

Steinthal H. Abriss der Sprachwissenschaft. Berlin, 1871.

ЧАСТЬ 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

ГЛАВА 1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Летом 1970 г. в Москве проходила небольшая российско-грузинская психологическая конференция на тему «Планы и модели будущего в речи». В ней принял участие представительный «десант» из тбилисского Института психологии. Запомнилась одна любопытная деталь этой конференции. Пока в дискуссии затрагивались темы, так сказать, нейтральные, она шла спокойно и в обычном рабочем режиме. Но как только слышалось слово «установка», глаза наших тбилисских коллег обретали почти религиозное выражение, их голоса начинали звучать как орлиный клекот, и они переставали нас слышать.

Сейчас невольно задаешь себе вопрос: а не происходит ли у нас нечто подобное с понятием деятельности? Всегда ли она является для нас методологической категорией и рабочим психологическим понятием — или понемногу превращается в своего рода символ веры? Все мы употребляем это слово к месту и не к месту — но все ли видят за этим словом четкое понятие?

Не секрет, что система конкретно-психологических понятий, используемых в деятельностной психологии, вступила в известное противоречие с той методологической основой, которую она была призвана реализовать. Даже понятия, которые были специально разработаны (или коренным образом переосмыслены) в ходе развития теории деятельности, часто оказывались включенными в иные концептуальные схемы и еще раз в них переосмысленными. В результате такого переосмысления принципиально неаддитивная динамическая система, какой, по Леонтьеву, является деятельность, стала превращаться в жесткую, статическую операциональную схему, актуализующую некое психическое, имеющее

независимую онтологию и собственную структурную организацию. Была утеряна целостность психики (и психологии), а призыв к ее сохранению и развитию, прозвучавший в книге «Деятельность. Сознание. Личность», большинством психологов не был услышан. На место предметности как конституирующей характеристики деятельности стал все чаще подставляться «классический» образ сознания и система операций над ним. Произошла редукция сложной психической онтологии к отдельным уровням и компонентам психической жизни, поддающимся дискретному рефлексивному анализу. Этот перечень можно было бы продолжить и далее. Одним словом, Леонтьев имел, по-видимому, все основания выражать беспокойство по поводу того, что его деятельностный подход к психологии не только упрощается, но и выхолащивается. Деятельностный подход стал превращаться из основного методологического и теоретического принципа в то, что Выготский называл «идеей, вышедшей в отставку и получившей по своему ведомству генеральский чин».

С другой стороны, теория деятельности, особенно после смерти Леонтьева, стала объектом непрекращающейся квазинаучной полемики. Мы имеем в виду не конструктивную критику с других научных позиций — она тоже имеет место, и ее можно только приветствовать, — а поверхностные и часто некомпетентные высказывания, связанные с откровенным непониманием методологического смысла теории деятельности и сводящиеся к критике отдельных формулировок, вырванных из контекста. Подлинная логика теории оказалась подмененной и «пиджинизированной» в соответствии с уровнем понимания критиков: рядом с ней вырос ее двойник-карикатура, выдаваемый за истинную теорию деятельности.

Осознав положение, возникшее в теории деятельности, ее представители пошли различными путями. Одни стремились сохранить полностью ее методологическое ядро, не держась за отдельные конкретные положения Леонтьева. Другие попытались исправить положение за счет, как говорил Мюнстерберг, «двойной бухгалтерии» — примирения традиционного картезианского подхода с буквой теории деятельности. Известный повод для такого подхода можно при желании усмотреть и у самого Леонтьева, например в различении им интенциональных и операциональных компонентов деятельности. Но следует иметь в виду, что Леонтьев не во всех своих работах давал однозначную и одинаково последовательную интерпретацию своим методологическим положениям,

так как до самых последних дней находился в непрекращающемся научном поиске, и порой этот поиск приводил его к утверждениям, которые в дальнейшем — в том же виде — он принять уже не мог (особенно это видно на примере эволюции его понимания мотива). Взгляды Леонтьева развивались, и не всегда их движение было прямолинейным и поступательным; это необходимо учитывать при любом обращении к ним.

Так или иначе, существует острая необходимость, как говорится, остановиться и оглянуться. Иными словами, необходимо вернуться к той философской и физиологической базе, на которой развивалась деятельностная психология, а главное — проследить становление деятельностного подхода и самого понятия деятельности в советской психологии. И не только в школе Выготского—Леонтьева, но и в других направлениях отечественной психологии. Автор придерживается убеждения (и это было четко сформулировано им в докладе на юбилейной конференции по случаю столетия Д.Н.Узнадзе — см. *Леонтьев А.А.*, 2001), что между этими направлениями нет и не было непримиримых методологических и теоретических противоречий. Так, в психологии установки понятие деятельности не только присутствует, но и является одним из основных. Сложнее с направлением С.Л.Рубинштейна, отношения которого с деятельностной психологией нередко являлись предметом надуманных спекуляций. Необходимо не выискивать противоречия школы Рубинштейна и школы Выготского—Леонтьева, не доказывать, кто первый сказал «а», но провести спокойный внеличный анализ и объективно проследить сходства и различия концепций Рубинштейна и Леонтьева и их роль в разработке понятия деятельности в советской психологии.

Чрезвычайно важно также проследить, с одной стороны, развитие деятельностного подхода на разных этапах научной биографии Леонтьева (нельзя забывать, что «Проблемы развития психики», как и «Мышление и речь» Выготского, есть по существу сборник работ разных лет, где это развитие явственно отражено, а между этой книгой и последней монографией Леонтьев тоже прошел определенный путь; нечего и говорить о том, что понятие образа мира — это еще один, дальнейший шаг), а с другой стороны — развитие мыслей Леонтьева его учениками и сотрудниками (или теми, кто считал себя его учениками). Психология деятельности развивалась по-разному самим Леонтьевым и Лурия, Гальпериным и Элькониным, Запорожцем и Л.И.Божович (если считать ее принадлежащей к тому же направлению), Давыдовым и

В.П.Зинченко... Здесь не было ничего похожего на унифицированность взглядов, наоборот, постоянно возникали внутренние дискуссии (например, между Леонтьевым и Гальпериным или известная, теперь опубликованная дискуссия 1969 года о деятельности, в которой приняли участие Леонтьев, Зинченко, Запорожец, Лурия, Гальперин и Эльконин). То же можно сказать о следующем поколении учеников Леонтьева, из числа которых нельзя не назвать А.Г.Асмолова и В.А.Петровского.

Вообще теория деятельности всегда носила и продолжает носить открытый характер. Это *в принципе* не набор догм, а развивающаяся коллективная мысль. Вот это-то нам и хотелось бы показать в настоящей части книги.

Автор не может не ограничивать себя, иначе его книга превратилась бы в тысячестраничный опус. И данная ее часть, как, впрочем, и остальные, содержит лишь самое главное — не то, что *можно* сказать о сущности деятельности и становлении этого понятия в нашей науке, а то, чего *не сказать нельзя*. Поэтому автор ни в коей мере не претендует на полноту охвата всей проблематики, связанной с деятельностью. Соответственно и отсылки к работам других авторов сведены к необходимому минимуму.

ГЛАВА 2. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Маркс о деятельности. Строго говоря, марксовская концепция деятельности непосредственно восходит к взглядам Гегеля. Эти взгляды были многократно проанализированы в истории философии, и мы вслед за В.П.Зинченко (*Зинченко, Смирнов, 1983. С. 49—51*) дадим им лишь самую обобщенную характеристику. Развивая более ранние подходы немецкой классической философии, Гегель дает принципу деятельности (для него это характеристика абсолютного духа, связанная с имманентной потребностью в самоизменении) «структурно развернутое выражение через категории цели, средства и результата» (цит. по *Зинченко, Смирнов, 1983. С. 49*). Принципиально важна для нас идея Гегеля, что «истинное бытие человека есть его действие; в последнем индивидуальность действительна» (*Гегель, 1959. С. 172*). Другое важнейшее положение сформулировано Гегелем в «Философии духа»: «Субъект есть деятельность удовлетворения влечений <...>, а именно перевода из субъективности содержания — которое, поскольку оно субъективно, составляет цель — в объективность, в которой субъект смыкается с самим собой. Поскольку содержание влечения в смысле дела отличается от этой его деятельности, постольку дело, получившее осуществление, содержит в себе момент субъективной единичности и ее деятельности; это и есть *интерес*. Ничто не осуществляется поэтому помимо интереса.

<...> Поступок есть цель субъекта, а также его деятельность, осуществляющая эту цель; только вследствие того, что субъект таким образом присутствует (даже) и в самом бескорыстном поступке, <...> и существует вообще совершение поступков» (*Гегель, 1977. С. 321*). И дальше Гегель говорит о «деятельности субъекта, которая активно осуществляет соответствие непосредственного существования субъекта с его внутренними определениями» (*Там же*).

Общеизвестно, что концепция Маркса — как одно из ответвлений немецкой классической философии — есть удачная попытка синтеза объективно-идеалистической диалектической теории Гегеля с материалистической философией, традиция которой идет от сенсуалистических философских учений XVII—XVIII вв. к Л.Фейербаху, на которого прежде всего и опирался Маркс. Попробуем кратко резюмировать основные положения Маркса, имеющие отношение к проблеме деятельности.

Маркс видел качественную специфику человеческой деятельности прежде всего в ее производственном характере, в труде. Труд для него есть «процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой <...>. Воздействуя <...> на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы...» (Маркс, Энгельс, 1957. Т. 26. С. 188). При этом «в производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (Маркс, Энгельс, 1957. Т. 6. С. 441).

Дальнейшее изложение взглядов Маркса будет базироваться на работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года», где интересующая нас сторона вопроса освещена наиболее подробно. Важнейшим для нас тезисом этой работы является положение, что «продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть опредмечивание труда» (Маркс, Энгельс, 1956. С. 560). Это опредмечивание происходит «в самом акте производства, в самой производственной деятельности» (Там же. С. 563).

Выше уже приводилось высказывание Маркса о социальной природе производственной деятельности. Но производственная деятельность, по Марксу, есть не просто общественная деятельность, но **родовая жизнь** (термин Л.Фейербаха), то есть такая деятельность, в которой проявляются исторически возникшие существенные свойства «человеческого рода», человека как вида *Homo sapiens*. «Практическое созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа <...>. Это производство есть его деятельная родовая жизнь» (Там же. С. 566).

Не только коллективный труд по созданию материальных ценностей, то есть производственная деятельность в собственном смысле, носит общественный характер и представляет собой «самоутверждение человека как сознательного родового существа». «Даже и тогда, когда я занимаюсь научной и т.п. деятельностью, даже и тогда я занят общественной деятельностью, потому что я действую как человек. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель, — но и мое собственное бытие — есть общественная деятельность <...>. Мое всеобщее сознание есть лишь теоретическая форма того, живой формой чего является реальная коллективность» (*Там же*. С. 590). Иными словами, *всякая* деятельность, специфичная для человека, есть его «самоутверждение» «как сознательного родового существа».

Процесс превращения труда из формы деятельности в форму бытия, то есть в предметную форму, можно рассматривать с разных сторон. В «Капитале» он рассматривается со стороны количества затрачиваемой рабочей силы в отношении к количеству произведенного продукта, в отвлечении от процесса конкретного труда. Но можно, как это предлагает делать Маркс в данной работе, рассматривать процесс труда со стороны самого содержания трудовой деятельности в ее отношении к производящим индивидам. Тогда опредмечивание общественно-трудовой деятельности в продукте труда предстанет перед нами как процесс опредмечивания в предметах природы физических и духовных способностей человека, а история материальной и духовной культуры человечества — как процесс, который во внешней предметной форме отражает развитие способностей и свойств человеческого рода, то есть человеческих «сущностных сил». Эти свойства и способности относятся к числу видовых свойств человека.

Видовые свойства общественного человека выступают и закрепляются в форме общественно-исторического опыта человечества. Именно эти свойства имеет в виду Маркс, говоря, что «предмет труда есть <...> опредмечивание родовой жизни человека» (*Там же*. С. 566).

В результате «присвоения» (Маркс), то есть усвоения объективных явлений, составляющих общественно-исторический опыт, человек выражает свою общественную сущность, воспроизводит в своем индивидуальном развитии исторически сформировавшиеся свойства и способности человеческого рода. «Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним обра-

зом, то есть как целостный человек. Каждое из его *человеческих* отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, хотение, деятельность, любовь — словом, все органы его индивидуальности <...> являются в своем предметном отношении, или в своем отношении к предмету, присвоением последнего, присвоением человеческой действительности» (*Там же*. С. 591).

«Главный недостаток всего предшествующего материализма, — пишет Маркс в «Тезисах о Фейербахе», — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда <...> деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом <...>. Фейербах <...> самую человеческую деятельность берет не как предметную деятельность» (*Маркс*, 1955. Т. 3. С. 1). В «Немецкой идеологии» Маркс критикует Фейербаха за то, что тот рассматривает человека лишь как «чувственный предмет», а не как «чувственную деятельность» и «никогда не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой, чувственной деятельности составляющих его индивидов» (*Там же*. С. 44). Ср. также определение того, что такое индивиды «в действительности»: «...То есть как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях» (*Там же*. С. 24).

Отталкиваясь от этих позиций Маркса, многие философы-марксисты развивали свое понимание деятельности. Мы не имеем, естественно, никакой возможности дать даже самый краткий обзор подобных работ и ограничимся простым указанием только на несколько из них, которые представляются нам наиболее интересными. Это большая статья покойного Г.С.Батищева (*Батищев*, 1969), известные книги М.С.Кагана (1974) и В.П.Иванова (1977), а также А.М.Коршунова (1979) и Л.П.Буевой (1978), статьи А.М.Кристосурьяна, А.П.Огурцова, В.С.Швырева и В.А.Лекторского в сборнике «Эргономика» (1976) и другие работы этих авторов, публикации Э.С.Маркаряна, особенно — 1973 наконец, сборник дискуссионных статей, выпущенный Политиздатом в 1990 г. (Деятельность, 1990). Особое место в этом ряду занимают работы трех авторов: Э.В.Ильенкова, М.К.Мамардашвили (к их взглядам мы еще вернемся в дальнейших частях книги) и Э.Г.Юдина

(см. особенно — Юдин, 1976; 1978), о взглядах которого нам еще предстоит поговорить.

Мы сознательно не включили в этот список методологические по своему существу работы профессионалов-психологов; о некоторых из них (работы В.В.Давыдова, В.П.Зинченко, А.Г.Асмолова и некоторые другие) нам также предстоит говорить отдельно.

Прежде чем перейти к более подробному анализу, поясним для молодого поколения психологов, почему глава о методологических основах концепции деятельности открывается достаточно подробным изложением взглядов Карла Маркса. Независимо от степени приверженности того или иного философа или психолога общепринятым в то время (и входившим в состав обязательной государственно-партийной идеологии) догмам марксизма-ленинизма (а большинство из этих ученых были марксистами по убеждению, если даже не принимали официальной коммунистической идеологии), перед философом, прочно стоявшим на материалистических позициях и одновременно разделявшим диалектический гегелевский подход, просто не было выбора: в философском пространстве отсутствовали какие-либо иные диалектические и одновременно материалистические концепции, кроме концепции Маркса (мы не говорим сейчас о философах, опиравшихся на его труды, но занимавших «диссидентские» позиции относительно марксистско-ленинского «учения»). Для Выготского, Блонского, Леонтьева марксизм не был чем-то инородным по отношению к их психологической профессии: это был *образ их психологического мышления*.

Философские проблемы деятельности. Главное достижение немецкой классической философии в трактовке деятельности — это переход «к представлению ее как особым образом расчлененной реальности» (Юдин, 1978. С. 286), утверждение мысли о тождестве сущности человека и человеческой деятельности. В то же время «анализ диалектики структуры деятельности показывает, что если ее основанием является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере идеалов и ценностей человека. Отсюда следует, что сущность деятельности нельзя понять, не выходя за пределы ее внутренней структуры, не давая ей внешних определений. Разгадка природы деятельности коренится не в ней самой, а в том, ради чего она совершается, в той сфере, где формируются цели человека и строится образ действительности, какой она должна стать в результате

деятельности» (Там же. С. 289). А это, по Юдину, сфера культуры, «социальной реальности».

С Э.Г.Юдиным нельзя не согласиться в его основном тезисе, гласящем, что деятельность можно понять, лишь выходя за ее пределы. Однако уже более двадцати лет назад, в полемике с Г.П.Щедровицким, нам приходилось довольно резко выступать против «вписывания» им деятельности в односторонний социальный контекст¹. По существу, из понимания деятельности Г.П.Щедровицким выпадает сам человек, он становится орудием некой социальной силы, внеположенной по отношению к нему. Как говорил Щедровицкий осенью 1979 года, «социальная деятельность есть игра социальных персонажей с их разнообразными предметами» (цитирую по собственной записи). В одной из работ примерно того же периода он писал: «Деятельность носит *безличный* характер <...>. Универсум социальной деятельности не может <...> рассматриваться как принадлежащий людям в качестве их атрибута или достояния, даже если мы берем людей в больших массах или организациях. Наоборот, *сами люди оказываются принадлежащими к деятельности*, включенными в нее либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с машинами, вещами, знаками, социальными организациями и т.п.» (Щедровицкий, 1977. С. 88—89).

Во что же должна быть «вписана» деятельность? По нашему мнению, в такую более широкую систему, где исходным пунктом служит *деятельная личность*, то есть где социальный контекст не внеположен личности, а отображен в ее внутренней структуре. Пользуясь терминами А.Н.Леонтьева (заимствованными у Гегеля), личность в такой же мере есть момент деятельности, в какой деятельность — момент личности. Э.Г.Юдин совершенно правильно говорит о «несводимости личности к выражению только в формах деятельности» (Юдин, 1978. С. 290); он прав и в том, что «личность есть не только продукт, но и условие деятельности, а это значит, что по крайней мере в известном смысле, мы должны и саму деятельность объяснить через личность. Если же от этого отказаться, то мы вместо деятельности получаем Деятельность, при кото-

---

¹ Кстати, на этом основании Георгий Петрович, как известно, отрицал преемственность идей Выготского и Леонтьева, считая Выготского не психологом, а «чистым» методологом гуманитарного знания и сводя в то же время психологическую теорию деятельности к индивидуальному субъект—объектному отношению — «Робинзон без Пятницы».

рой личность выступает на правах чисто функционального и, следовательно, в каждом конкретном случае необязательного при-датка» (*Там же*. С. 301). Именно такую Деятельность мы находим у Г.П.Щедровицкого; кстати, подобный подход, несмотря на попытку Щедровицкого опереться на Гегеля и Маркса, диаметрально противоположен гегелевскому положению о том, что деятельность осуществляется «субъективной единичностью», приведенному выше. См. об этом также в Части 3 настоящей книги.

Но вот с чем у Э.Г.Юдина едва ли можно согласиться (аналогичные положения, обычно со ссылкой на Юдина, высказывались Г.П.Щедровицким, В.П.Зинченко и некоторыми другими философами и психологами) — это с противопоставлением деятельности как объяснительного принципа и деятельности как предмета объективного научного изучения.

Здесь возникает интересный парадокс. Если внимательно читать цитированную книгу Юдина (или его статьи, например, *Юдин*, 1976), мы обнаружим, что у самого Юдина такого *противопоставления* нет! Да, он различает эти два подхода к деятельности (и, кстати, выделяет еще несколько подходов в том же ряду — деятельность как предмет управления, как предмет проектирования, как культуроспецифичная ценность). Но пафос рассуждений Э.Г.Юдина не в противопоставлении двух подходов к деятельности, а как раз в обратном — в построении такой теории, где оба эти подхода согласуются и взаимопроникают друг в друга. По его мысли, методологическая функция понятия деятельности как объяснительного принципа по-разному реализуется в философии и в конкретных науках о человеке, в частности в психологии. В философии это, пользуясь термином М.К.Мамардашвили, своего рода «предельная абстракция»; «выводя мышление на точку предела, идеализация позволяет отсечь эмпирическое многообразие и создать теоретический предмет, назначение которого в том как раз и состоит, чтобы выявить законосообразность реальности, непосредственно мышлению не данную...» (*Юдин*, 1978. С. 275). Внутри множества возможных идеализаций выделяются предельные понятия, лежащие в основе *универсальных* объяснительных схем. «Их универсальность предполагает, что они характеризуют в точном смысле некий универсум — весь мыслимый мир, взятый как целое благодаря приведению его к единому “масштабу”» (*Там же*).

На предшествующем этапе развития знания такой предельной абстракцией была природа, начиная с Нового времени — дея-

тельность. «Объяснительный потенциал этого понятия оказался существенно ббльшим, чем у понятия природы: во-первых, ориентация на деятельность позволила глубже и точнее понять характер открываемых человеком законов мироздания, поскольку она раскрыла зависимость познания от его наличных форм, а не только от самого объекта; во-вторых, через понятие деятельности был отчетливо выявлен исторический и, более широко, диалектический характер совершающихся в реальности процессов...» (С. 286). Понятие деятельности «задает такой взгляд на социальную реальность, при котором из множества ее разнообразных напластований вычленяется то и только то, что объединяется в определенное целое как мир деятельности, ее продуктов, условий и форм организации» (С. 295).

При этом есть такие психологические задачи, для решения которых достаточно именно деятельности как объяснительного принципа, например, по Э.Г.Юдину, понятие деятельности «открыло путь к объяснению происхождения и развития психики: эти два процесса предстали как прямой продукт и результат развития предметной деятельности» (С. 298). Но «эффективность деятельности как объяснительного принципа не может считаться абсолютной, она существенно зависит от того, насколько удалось раскрыть содержание этого понятия в предмете соответствующей дисциплины, то есть от того, насколько конструктивно с его помощью выделена, ограничена и структурирована соответствующая предметная реальность <...>. Содержание, которое позволяло успешно строить объяснение происхождения и формирования психики, оказывается малоэффективным, когда предметом изучения выступает сформировавшаяся деятельность...» (С. 302—303).

При решении таких задач, где «деятельность исследуется как особая психологическая реальность» (С. 304), понятие деятельности как бы утрачивает свой предельный характер, возникает другой идеальный объект, хотя оба они обозначаются единым термином «деятельность». «Деятельность как объяснительный принцип может описывать всю реальность <...>, тогда как любой конкретный предмет всегда есть особая проекция этой реальности...» (С. 305). Соответственно в психологии «общепсихологическому понятию деятельности, выступающему в качестве объяснительного принципа, могут соответствовать различные предметные конструкции — личность, сознание, высшие психические функции и т.д.» (С. 305). Но именно деятельность как объяснительный принцип формирует своего рода структурный каркас понятийной системы психо-

логии. Важно лишь, чтобы не производился неконтролируемый перенос одного в другое и обратно, чтобы не происходило редукции конкретного предмета исследования до абстрактного объяснительного принципа.

Существенна мысль Юдина о том, что «любая схема в конечном счете выполняет функции объяснения, независимо от того, выступает ли она в роли структурного каркаса предмета изучения или на правах объяснительного принципа. И если это функциональное различие все-таки фиксируется, то его суть состоит в том, чтобы выявить разницу в способах жизни и развития соответствующих предметных конструкций. Объяснительный принцип <...> обладает чрезвычайно широким диапазоном действия <...>. От него требуется лишь, чтобы он обеспечивал способ понимания и организации реальности в границах некоторого предмета <...>. Что же касается схемы предмета изучения, то она <...> сохраняет универсальное значение только в рамках своего предмета и может давать достоверные ответы только на те вопросы, которые законны в этих рамках...» (С. 306—307). Отталкиваясь от этой схемы, мы должны построить (мы бы уточнили — «достроить») предмет изучения (например, в психологии).

Что значит построить предмет изучения? По Э.Г.Юдину, это означает: а) «определенным образом задать, то есть выделить и ограничить на основе некоего объяснительного принципа реальность»; б) «структурировать эту реальность, то есть задать ее элементы и связи, повторяющиеся, типологически однородные отношения и узлы отношений»; в) «привязать предмет исследования к какому-либо принципу объяснения»; г) «построить единицу анализа, такое минимальное образование, “клеточку”, в котором непосредственно представлены существенные связи и параметры объекта...» (С. 308).

Эти функции применительно к предмету психологии и выполняет психологическая теория деятельности. Или, вернее, — построенная А.Н.Леонтьевым психологическая теория «деятельности—сознания—личности». Кстати, критика Э.Г.Юдиным психологической теории деятельности и, в частности, взглядов Леонтьева на «трехчленную» структуру деятельности коренится как раз в том, что Юдин рассматривает психологическую теорию деятельности как чисто деятельностную объяснительную схему, просто опрокинутую в конкретный психологический материал.

Три уровня психологической теории деятельности и ее исходные предпосылки. Психологическая теория деятельности может

быть представлена (или, вернее, *должна* быть представлена) как единство трех уровней. Во-первых, это исходные теоретико-методологические предпосылки, развиваемые при помощи различных более частных концептуальных схем и обеспечивающие единство психологической теории деятельности как особой научной школы (школы Выготского). Во-вторых, это собственно психологический концептуальный аппарат, используемый в психологической теории деятельности и испытывающий развитие и преобразование в связи с появлением новых исследовательских задач и расширением исследования на новые предметные области. И, в-третьих, это система конкретных интерпретаций фактического материала.

В качестве исходных теоретико-методологических (мы говорим сейчас о предельно абстрактном уровне теории) предпосылок психологической теории деятельности можно рассматривать следующие (см. *Леонтьев А.А., 1979 а*).

Преодоление «постулата непосредственности» путем введения категории предметной деятельности, определяемой как «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» (*Юдин, 1978. С. 268*).

Идея деятельности как единства процессов преобразования и отражения действительности.

Идея единства «внешних» и «внутренних» форм деятельности и формирования «внутреннего» через интериоризацию «внешнего».

Идея единства субъективного и объективного, индивидуального и социального в деятельности и через деятельность.

Историко-генетический принцип анализа, реализующий системный подход в смысле К.Маркса.

А.Н.Леонтьев как методолог деятельностного подхода. Остановимся на том, как видел эти исходные предпосылки своей теории сам А.Н.Леонтьев. Мы располагаем двумя его публикациями философско-методологического содержания, причем обе они, как ни странно, очень мало известны. Это тезисы доклада «О системном анализе в психологии» (1973 г., впервые опубликованы в 1991 году) и вводная глава в коллективную работу «Основы теории речевой деятельности», вышедшую в 1974 году. Эта глава носит название «Общее понятие о деятельности». Хотя она писа-

лась одновременно с известнейшей монографией «Деятельность. Сознание. Личность» и, естественно, на ее основе (есть много текстовых пересечений), эта работа Леонтьева во многом оригинальна.

Главная идея тезисов заключается в том, что «существуют переходы одних форм движения материи в другие, высшие ее формы, характеризующиеся новыми зависимостями, связями, отношениями. Эти переходы осуществляются через продукт».

Физиологическое → психологическое = индивидуально-психическое.

Индивидуально-психическое → общественное сознание.

И обратное движение: низшие формы — реализаторы высших (механизмы). Мозг реализует мысль, логику; логика задает работу мозга. В более общем виде: мозг кристаллизует функцию = деятельность = образ жизни (и только через образ жизни — внешнюю среду)» (Леонтьев А.Н., 1991. С. 119).

«...Апории: дух и материя, мышление и протяжение.

Снятие этого — в категории предметной деятельности.

(Но это — не только психологическая категория!)

Для психологии человека — это категория предметной деятельности, осуществляющей жизнь человека в обществе, то есть систему объективных общественных отношений» (Там же).

Предметная деятельность опосредствована образом (Леонтьев употребляет здесь прописную букву: «Образом»). Дальнейшая мысль касается интериоризации. Наконец, «проблема Образа (внутренней деятельности) — есть проблема идеального, то есть преобразованных форм» (Там же). Имеется в виду превращенная форма (см. об этом выше в Части 4). Примеры: жизнь товара в деньгах; жизнь объекта «в значении = в теле слова!». «Образ предмета, значение живет в теле мозга».

Пример системного анализа значения: объективное движение значения — движение в голове: *возвращение к чувственности, воплощение эмоционального смысла*» (Там же).

Орудие и значение «вклинивается», «раскалывает» первоначальную чувственность. Вообще психика — «сверхчувственное свойство» (Там же. С. 120).

Итоговая формулировка: «Системный анализ есть анализ движения, порождающего явления, составляющие предмет познания, то есть *раскрытие субстанции* этих явлений (их сущности), которое включает в себя и сами эти явления [«явления существенны» — А.Л.]. Порождаемые явления имеют свою реальную функ-

цию, реальное существование. (За стоимостью, ценой раскрывается обмен, но “рынок” — действующая причина!)» (Там же. С. 119).

Теперь обратимся к указанной выше главе о деятельности.

«...Либо мы встаем на ту позицию, что сознание непосредственно определяется окружающими вещами, явлениями, либо на позицию, утверждающую, что сознание определяется бытием, которое, по словам Маркса, и есть не что иное, как процесс реальной жизни людей.

Но что такое “реальная жизнь людей”?» (Леонтьев А.Н., 1974. С. 7). Ответ: система, иерархия сменяющих друг друга деятельностей, в которых и происходят взаимопереходы между субъектом и объектом.

«При всем своем своеобразии, при всех своих особенностях деятельность, отношения человеческого индивида, реализуемые в его деятельности, представляют собой лишь инфраструктуру в системе отношений общества; а это значит, что вне системы этих отношений деятельность индивидуального человека не может существовать и что она определяется тем конкретным местом, которое данный индивид занимает внутри этой системы» (Там же. С. 8).

Что же такое сама эта деятельность?

«Если иметь в виду деятельность человека, то можно сказать, что деятельность есть как бы молярная единица его индивидуального бытия, осуществляющая то или иное жизненное его отношение; подчеркнем: не элемент бытия, а именно единица, то есть целостная, не аддитивная система, обладающая многоуровневой организацией» (Там же. С. 9). В процессе деятельности порождается психическое отражение мира в голове человека — но и сама она управляется психическим отражением.

Можно было бы считать, что внешняя предметная деятельность лишь обнаруживает внутренний психический процесс, управляющий ею. Но это возможно лишь в том случае, «если мы допустим однозначную зависимость предметного действия от управляющего им представления или от его мысленной психической схемы <...>. Но ведь это — не так. Предметная деятельность наталкивается на сопротивляющиеся человеку внешние предметы, которые отклоняют, изменяют и обогащают ее. Иными словами, в деятельности происходит как бы размыкание круга внутренних психических процессов — навстречу, так сказать, объективному предметному миру, властно врывающемуся в этот круг, который, как мы видим, вовсе не замыкается» (Там же. С. 10).

Дальнейшее рассуждение Леонтьева в этой работе касается хорошо известных положений об общности строения внешней и внутренней деятельности и происхождения второй из первой; о том, что и внутренняя деятельность не может быть выключена из общественного процесса; о природе единиц психологического (и вообще научного) анализа деятельности — мы еще вернемся к этой проблеме специально; наконец, о том, что «люди в своей общественной по природе деятельности производят и свое сознание. Оно кристаллизуется в ее продуктах, в мире человеческих предметов, присваиваемых индивидами <...>. За субъективными явлениями сознания лежит действительность человеческой жизни, предметность человеческой деятельности». Конечно, «впоследствии, в связи с выделением и развитием духовного производства, обогащением и технизацией языка, сознание людей освобождается от своей прямой связи с их производственной деятельностью. Круг сознаваемого все более расширяется, так что сознание становится у человека всеобщей, универсальной формой психического отражения» (*Там же*. С. 20).

Остановимся здесь, чтобы вернуться в дальнейших главах к собственно психологическому содержанию и основным этапам развития психологической теории деятельности. Но предварительно нам предстоит решить еще несколько задач.

Во-первых, интересно и важно увидеть, как трактуют основное теоретико-методологическое содержание теории деятельности психологи более молодого поколения. Мы возьмем в качестве примера две работы обобщающего характера: одна из них принадлежит В.В.Давыдову, другая — А.Г.Асмолову.

Во-вторых, представляется существенным показать преемственность между некоторыми направлениями отечественной физиологии высшей нервной деятельности и психологической теорией деятельности. Речь идет прежде всего об И.М.Сеченове и его последователе Николае Александровиче Бернштейне.

И, в-третьих, мы считаем нужным обрисовать тот научный фон, на котором, собственно, и развивалась психологическая теория деятельности. Иными словами, обозначить другие направления разработки проблем деятельности, которые либо предшествовали появлению психологической теории деятельности и в большей или меньшей мере обуславливали это появление, либо сосуществовали с ней. Мы выбрали для этой цели психологию установки, взгляды М.Я.Басова, П.П.Блонского и, конечно, деятельностные идеи Льва Семеновича Выготского. Что касается взгля-

дов на деятельность С.Л.Рубинштейна и их соотношения с психологической теорией деятельности, то этим взглядам будет ниже посвящена специальная глава.

Основные постулаты теории деятельности по В.В.Давыдову. Сформулируем их по известной статье В.В.Давыдова «Учение А.Н.Леонтьева о взаимосвязи деятельности и психического отражения» (1983).

- Предметом психологии является целостная деятельность субъекта;
- «генетически исходной и основной является внешняя, предметная, чувственно-практическая деятельность, от которой производны все виды внутренней психической деятельности индивидуального сознания; обе эти формы имеют общественно-историческое происхождение и принципиально общее строение» (С. 139);
- основными и взаимно превращающимися единицами (или «составляющими») деятельности являются, с одной стороны, *потребность—мотив—цель—условия*, с другой — *деятельность—действия—операции*.
- главные процессы деятельности — интериоризация и экстериоризация ее внутренней формы «как опредмечивание образа, как его переход в объективно идеальное свойство предмета» (*Там же*).
- «конституирующей характеристикой деятельности является предметность; первоначально деятельность детерминируется предметом, а затем она опосредствуется и регулируется его образом как своим субъективным продуктом» (*Там же*);
- «предметная детерминация деятельности возможна благодаря ее особому качеству — универсальной пластичности, уподобляемости свойствам, отношениям и связям объективно-предметного мира» (*Там же*);
- «предметный характер деятельности реализуется через нужду субъекта, переходящую в потребность, и через поисковые, опробывающие действия, имеющие функцию уподобления» (*Там же*);
- деятельность и ее составляющие дробятся и укрупняются, соответственно ориентирующие их субъективные образы дифференцируются и интегрируются;
- все это альтернативно схеме реактивного поведения;
- и наконец, «метод психологического анализа деятельности человека направлен на выявление ее конкретно-исторической

природы, ее строения, предметного содержания и взаимоотношений ее форм и “составляющих”, происходящих в соответствии с их системными связями и отношениями» (*Там же*).

По Давыдову, ядро теории деятельности — это положение о ее предметности, ее уподобляемости и реализации этих качеств через нужды-потребности и поисково-опробывающие действия.

В другой, более поздней статье Давыдов предельно резко отстаивает монистический принцип построения научной психологической теории на основе понятия деятельности (1990. С. 146—149).

Комментарий к изложенным выше принципам психологической теории деятельности Давыдов дал в одном из своих последних выступлений. Принимая в целом концепцию А.Н.Леонтьева, он вводит понятие *нужды* как глубинной основы потребности (Давыдов, 1998. С. 8—9) и утверждает, что «у действий как целостного образования могут быть только потребности, ждущиеся на нуждах, а действия по решению тех или иных задач вытекают из мотивов. Мотивы же — это конкретизация тех или иных потребностей в случае, когда человек поставит перед собой задачу и для ее решения предпринимает определенные действия. Так вот действиям соответствуют мотивы. В основе действий лежат мотивы, действия совершаются при наличии тех или иных материальных или знаково-символических средств» (*Там же*. С. 10).

По мнению В.В.Давыдова, некоторые проблемы теории деятельности не имеют пока адекватного решения². Это, во-первых, понятие *преобразования*. По Давыдову, «преобразование — это изменение внутреннего образа объекта, выявление и изменение его *сущности*» (Давыдов, 1996. С. 24), а не просто изменение объекта. Во-вторых, нуждается в решении проблема *соотношения коллективной и индивидуальной деятельности* (коллективного и индивидуального субъекта). В-третьих, неясно, как соотносить *общую структуру деятельности* с привычными психологу *психическими процессами* вроде восприятия, мышления, воли. Давыдов вполне обоснованно полагает, что неправомерно возводить эти процессы в ранг видов деятельности и говорить о сенсорной, мнемической или мыслительной деятельности. «Эти процессы являются лишь особыми компонентами общей структуры деятельности, обслуживающими осуществление других компонентов»

² Ниже, в главе 7, мы еще раз вернемся к взглядам В.В.Давыдова.

(Там же. С. 28). В-четвертых, проблемой вообще является *классификация видов деятельности*: ее главным основанием, по Давыдову, должен стать историко-социологический подход. В-пятых, проблемой является *соотношение деятельности и общения* (здесь Давыдов в основном разделяет наш подход, см. *Леонтьев А.А.*, 1979). В-шестых, необходимо *соотнести теорию А.Н.Леонтьева с основными положениями Ж.Пиаже и П.Я.Гальперина* (ниже мы специально будем говорить о соотношении позиций Леонтьева и Гальперина). В-седьмых, проблемой остается *организация междисциплинарных исследований* деятельности. И в-восьмых, проблемой является понимание (под углом зрения деятельности) *общей природы человека*. К некоторым из этих позиций Давыдова мы еще вернемся позже.

Основные принципы психологического анализа в теории деятельности по А.Г.Асмолову. Им выделяются следующие принципы.

1. Принцип предметности как оппозиция принципу стимильности.
2. Принцип активности как оппозиция принципу реактивности.
3. Принцип неадаптивной природы предметной деятельности человека как оппозиция принципу адаптивности.
4. Принцип опосредования как оппозиция принципу непосредственных ассоциативных связей.
5. Принцип интериоризации—экстериоризации как оппозиция принципу социализации в зарубежной психологии. Здесь вслед за Асмоловым целесообразно выделить три грани интериоризации: *индивидуализация, интимизация и производство внутреннего «плана сознания»*.
6. Принцип психологического анализа «по единицам» как оппозиция принципу анализа «по элементам».
7. Принцип зависимости психического отражения от места отображаемого объекта в структуре деятельности.

Указанные принципы сформулированы настолько сжато и точно, что они не требуют какого-либо дополнительного разъяснения. И в заключение этого раздела, да и главы в целом, хотелось бы только сочувственно процитировать ту часть статьи (книги) А.Г.Асмолова, где он говорит о статусе самих этих — да и любых методологическо-теоретических — принципов.

«Эти принципы, конечно же, нельзя воспринимать, как каноны, от которых последователи Выготского не могут отступить ни на шаг.

Канонизация основных принципов теории несет в себе куда бóльшую опасность, чем внешняя или внутренняя ее критика. Теории никогда не умирают от критики. Они гибнут в руках старательных учеников, спешащих их канонизировать и, тем самым, отправить на заслуженный отдых. При этом на всех этапах истории науки ученики проделывают одну и ту же незамысловатую операцию — операцию возведения исходных принципов в ранг постулатов, не требующих доказательств. Не случайно В.Келер, как вспоминает Б.В.Зейгарник, запретил своим сотрудникам использовать понятие «гештальт» для объяснения тех или иных феноменов; и в этом был абсолютно прав. Если принципы анализа деятельности будут возведены в ранг постулата, то теория деятельности превратится в теорию, достойную внимания лишь для историков психологии. Все те принципы, которые выделены в теории предметной деятельности, представляют собой не что иное, как предпосылки, определяющие ход развития современной психологии, ее будущее» (Асмолов, 1996. С. 53).

ГЛАВА 3. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПСИХОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.М.Сеченов. Значение работ Ивана Михайловича Сеченова как для физиологии высшей нервной деятельности, так и для психологии — огромно. Мы не можем, естественно, осветить в этой книге все даже основные его идеи и отошлем читателя к двум замечательным по глубине и полноте анализа книгам М.Г.Ярошевского (1968; 1981). Для нас существенны (помимо самого понятия рефлекса и рефлекторного поведения) только две основополагающие идеи Сеченова, на которых мы сейчас и остановимся.

Первая идея, которую сам Сеченов заявляет как «основную», формулируется им следующим образом. Это «мысль о психическом акте, процессе, движении, имеющем определенное начало, течение и конец» (Сеченов, 1947. С. 252). Начальная фаза психического акта — это чувственное восприятие предметов, конечная фаза — действия в предметном мире. Предметом психологии является не только промежуточная фаза (сознание или бессознательное психическое), но *весь акт в целом*. Таким образом, предметный мир, действительность включаются в архитектуру психического акта, в конечном счете в предмет психологии. Нервный акт двумя полюсами, как говорит Ярошевский, сомкнут со внешним миром. Разве разумно, говорил Сеченов, «разорвать <...> на части то, что связано природой (то есть оторвать сознательный элемент от своего начала, внешнего импульса, и конца — поступка), вырвать из целого середину, обособить ее и противопоставить остальному, как “психическое” “материальному”? И добро бы эта противоестественная операция производилась уже после того, как были истощены все средства сохранить целое, — ничуть не бывало — сначала производилась операция, а потом начинались поиски, как бы склеить разорванное. И чего-то ни придумывалось с этой целью» (Там же. С. 240).

Очевидно, что мысль о том, что именно действие, поступок завершает целостность психического акта, а обе остальных его фазы представляют собою лишь предуготовление организма к действию, причем это действие является целесообразным, переключается с деятельностной психологией. «Какую бы чувствующую поверхность мы ни взяли, она служит различению раздражителей, смысл которого состоит в том, чтобы прямо или косвенно управлять целесообразным движением, порожденным жизненной нуждой» (*Ярошевский*, 1968. С. 184). При этом организм осуществляет «согласование движения с чувствованием», причем происходит *саморегуляция* поведения, так как предметно ориентированное движение, действие связано с чувствованием и является его условием (то есть моторное звено всегда выступает и как сенсомоторное) — отсюда известная идея «мышцы» как органа познания действительности.

Вторая основополагающая (для нашей проблемы) идея Сеченова — это идея интериоризации (сам он этого термина, конечно, не употреблял), выведения из *движения, внешнего предметного действия, мыслительной способности и свободной воли*. Мысль есть не просто «усеченный» рефлекс — двигательное его звено может не иметь внешнего выражения, но продолжать существовать в качестве внутреннего звена единого психического процесса.

А.А.Ухтомский. Как ни странно, но этот выдающийся русский физиолог, принадлежащий скорее к школе Сеченова, чем являвшийся последователем Павлова, очень мало популярен среди психологов³ — пожалуй, только В.П.Зинченко постоянно на него опирается. Между тем, говоря о физиологических и тем более психологических проблемах деятельности, его просто невозможно обойти.

Начнем с того, что именно Ухтомскому принадлежит принципиальная для нас мысль, что «отображение <...> зависит от образа действия <...> в отношении событий среды» (цит. по: *Гордеева, Зинченко*, 1982). Далее, он одновременно с Бахтиным, но независимо от него ввел понятие хронотопа. Но главный его вклад в психологию — это созданное им понятие функционального органа и его учение о доминанте.

---

³ Так, например, в книге «Психологическая наука», изданной в 1997 году, Ухтомский только упоминается, а его психологическое наследие, не говоря уже о физиологическом, остается вне рассмотрения.

«С именем “органа” мы привыкли связывать представление о морфологически сложившемся, статически постоянном образовании. Это совершенно не обязательно. Органом может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение» (Ухтомский, 1978. С. 95). Это понятие функционального органа в дальнейшем воспринял Н.А.Бернштейн и через него — А.Н.Леонтьев.

Что касается принципа доминанты, то он заключается в утверждении о наличии в организме в каждый данный момент господствующего очага возбуждения, подчиняющего себе всю систему текущих реакций организма. «Таким образом, А.А.Ухтомский характеризует доминанту как временный функциональный орган. Этот орган, как бы экстрацеребральный, внешний по отношению к мозгу, управляет его работой и воздействует на нервные центры» (Велихов, Зинченко, Лекторский, 1988. С. 12). Принцип доминанты, по Ухтомскому, является непосредственной физиологической основой не только внимания, но и предметного мышления; всякое наше понятие и представление, всякое индивидуализированное психическое содержание есть след от некогда пережитой доминанты. «Доминанта <...> заключается в выделении *важного, существенного* для данного момента с торможением всего, что для данного момента индифферентно, но могло бы помешать главенствующей реакции момента <...>. Доминанта <...> включает уже в себе элемент *проектирования* и предвосхищения той реальности, с которой предстоит контактно встретиться» (Ухтомский, 1997. С. 439).

Однако главное в концепции доминанты лежит за пределами физиологии. Это основа духовности человека («доминанта на лицо»). Но и это еще не все. «*Наши доминанты <...> стоят между нами и миром, между нашими мыслями и действительностью <...>*. Мы принимаем решения и действуем на основании того, как представляем действительное положение вещей, но действительное положение вещей представляется нами в прямой зависимости от того, как мы действуем!» (Ухтомский, 1996. С. 249). Вообще цельная человеческая мысль есть «*всегда попытка проектировать новую действительность*», она «*всегда имеет в виду будущее*» (Ухтомский, 1997. С. 131). И «*в доминанте мы имеем неразрывную спайку действия и познания: это две стороны одной и той же активности*» (Там же. С. 439).

По существу, целостная философско-психологическая концепция Ухтомского пока еще никем не проанализирована. Мы в на-

стоящей книге тоже не имеем возможности это сделать. Но это — неотложная задача.

И.П.Павлов и его школа. П.К.Анохин. Именно Ивану Петровичу Павлову принадлежит понятие *высшей нервной деятельности*. И не случайно он часто в скобках пояснял: «(поведение)». Сама категория поведения, по справедливому мнению М.Г.Ярошевского, свойственна русской научной школе; поведение «выступало как самобытная категория, не редуцируемая ни к категории сознания (и его функций), ни к категории телесного субстрата (нервной системы, головного мозга и т.д.). Она выводила анализ жизненных процессов за пределы организма в поле внешних по отношению к сознанию предметов, в объективном кругу которых этот организм ориентируется и действует <...>. Явления этой среды как бы ведут “двойную жизнь”. Они представлены в жизнедеятельности организма, но не зависимы от него, ибо даны во внешних по отношению к организму пространственно-временных координатах» (Ярошевский, 1996. С. 7).

Павлова объединяло с Сеченовым признание сигнальной функции психики (мы выше не останавливались специально на этом), и, что особенно важно, кольцевой структуры управления движением и саморегуляции поведения. Новым у него было положение об *условном рефлексе* как специфической форме взаимодействия с окружающей средой в условиях ее новизны и непредсказуемости.

Чрезвычайно важными были введенные Павловым понятия ориентировочного (установочного) рефлекса и рефлекса цели. Под последним Павлов понимает «стремление к обладанию определенным раздражающим предметом, понимая и обладание и предмет в широком смысле слова <...>. Надо отделять самый акт стремления от смысла и ценности цели <...>, сущность дела заключается в самом стремлении...» (Павлов, 1996. С. 264—265).

Вместе с тем для Павлова было характерно понимание отношений организма и среды по типу «стимул—реакция». «Животный организм как система существует среди окружающей природы только благодаря непрерывному уравниванию этой системы с внешней средой, то есть благодаря определенным реакциям живой системы на падающие на нее извне раздражения...» (Там же. С. 245); человек действует по тому же основному принципу, только появляется «прибавка». «Эта прибавка касается речевой функции, внесшей новый принцип в деятельность больших полушарий. Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности»

ти, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестезические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, *специально человеческое, высшее мышление...*» (Там же. С. 196). Во многих работах Павлов прямо связывает свое понятие условного рефлекса с ассоцианистским подходом классической психологии XIX века.

Поэтому уже в работах самого Павлова можно найти объяснение тому, что, особенно после его смерти, «среди некоторых физиологов, относивших себя даже к последователям И.П.Павлова, возникла тенденция заменить учением об условных рефлексах всю психологию человека и объяснить все формы сознательной деятельности людей законами образования и функционирования условных рефлексов» (Лурия, 1978. С. 13), то есть тенденция *физиологического редуционизма*.

Наряду с такими тенденциями (А.Р.Лурия имеет в виду прежде всего А.Г.Иванова-Смоленского, в начале 1950-х годов едва не добившегося прямого запрещения психологии как науки по образцу педологии, генетики и кибернетики. Одним из тех, кто сумел этому противостоять и по существу спасти советскую психологию, был А.Н.Леонтьев) в школе Павлова были и противоположные. Я имею в виду Петра Кузьмича Анохина, не случайно в годы гонений на психологов и «неортодоксальных» физиологов павловской школы, вроде Л.А.Орбели, отлученного от Павлова.

Главная идея, развивавшаяся Анохиным, — это идея опережающего отражения действительности, приспособления к будущим, еще не наступившим событиям. «...Поведение человека в пространственно-временном континууме предстает перед нами как континуум больших и малых результатов с непременной оценкой каждого из них с помощью обратной афферентации» (Анохин, 1978. С. 41).

Вторая важнейшая идея Анохина есть идея *функциональной системы* как целеориентированного целостного единства физиологических механизмов поведения. Физиологическая архитектура поведенческого акта представляется ему следующим образом. Первая стадия есть стадия афферентного синтеза, то есть определение того, *что* делать, *как* делать и *когда* делать. В состав этой стадии входит доминирующая мотивация, обстановочная афферентация («совокупность всех тех внешних воздействий на организм от данной обстановки, которые вместе с исходной мотивацией наибо-

лее полно информируют организм о выборе того действия, которое более всего соответствует наличной мотивации» — Там же. С. 245), пусковая афферентация (отвечающая на вопрос «когда») и память. Вторая стадия — формирование действия и аппарата предсказания его результатов, то есть акцептора действия, «который по своей физиологической сути есть разветвленная система нервных процессов в афферентной части мозга, отражающая все существенные признаки (параметры) будущих результатов» (Там же. С. 253). Далее, констатируя, что в физиологии преобладала «фиксация внимания на самом действии, а не на его результатах» (Там же. С. 255), Анохин замечает: «Естественно, что отсутствие в поле зрения *результатов действия* повело за собой исключение из внимания исследователя и механизма *оценки результатов действия*, то есть обратную афферентацию» (Там же). Ее механизмом (третья стадия) и является *акцептор действия*.

Н.А.Бернштейн. Роль физиологической концепции Николая Александровича Бернштейна в становлении и развитии психологической теории деятельности трудно переоценить. (Интересно, что сам Бернштейн ссылается только на наименее известную работу Леонтьева, выполненную совместно с А.В.Запорожцем, — «Восстановление движений». Леонтьев же многократно цитирует Бернштейна и прямо указывает на преимущество своих взглядов).

Основным принципом организации деятельности высших животных и человека является, по Бернштейну, целесообразность. Любой акт произвольной деятельности направлен к достижению некоторой цели — предвидению будущего. Эта цель и определяет выбор действия и способ учета условий, в которых оно осуществляется. В ходе осуществления действия используются механизмы контроля и коррекции, позволяющие сравнивать достигнутый результат с «моделью будущего» и в случае необходимости внести в действие какие-то изменения.

Еще ранее Бернштейн — применительно к построению движений — высказал ряд фундаментальных положений, существенных для любой физиологической концепции деятельности. Во-первых, это простая, но замечательная мысль о том, что основная задача координации движений — преодоление избыточного числа степеней свободы, то есть уменьшение числа независимых переменных, управляющих движением. В этой связи Бернштейн выдвинул понятие уровня нервной системы, о чем нам придется говорить подробнее. По его представлениям такое преодоление

избыточности возможно на разных уровнях, из которых один является ведущим: это тот, на котором возможно принятие решения о коррекции движения. Управление тем или иным движением осуществляется на разных уровнях в зависимости от цели и от степени автоматизации: ходьба по ровной местности, такая же ходьба для человека, долго пролежавшего в постели и «разучившегося» ходить, и для человека, стремящегося идти «след в след» за шагающим впереди, будет управляться по-разному.

Координация движений (как преодоление избыточных ступеней свободы движущегося органа) «...решается по принципу сенсорных коррекций, осуществляемых совместно самыми различными системами афферентации и протекающих по основной структурной формуле рефлекторного кольца... Необходимо подчеркнуть, что хотя все имеющиеся в распоряжении организма виды рецепторных аппаратов принимают участие в осуществлении сенсорных коррекций <...>, однако ни в одном случае <...> эти акты корригирования не реализуются сырыми рецепторными сигналами от отдельных, изолированных по признаку качества афферентационных систем. Наоборот, сенсорные коррекции всегда ведутся уже целыми синтезированными комплексами, все более усложняющимися от низа кверху и строящимися из подвергшихся глубокой интеграционной переработке сенсорных сигналов очень разнообразных качеств. Эти синтезы, или сенсорные поля, определяют собой то, что мы обозначаем как уровни построения тех или иных движений. *Каждая двигательная задача находит себе, в зависимости от своего содержания и смысловой структуры, тот или иной уровень, иначе говоря, тот или иной сенсорный синтез, который наиболее адекватен по качеству и составу образующих его афферентаций и по принципу их синтетического объединения требующемуся решению задачи.* Этот уровень определяется как ведущий для данного движения» (Бернштейн, 1966. С. 96—97).

Ни одно движение не обеспечивается (кроме самого начала его формирования) *только одним* ведущим уровнем построения. «Каждая из технических сторон и деталей выполняемого сложного движения рано или поздно находит для себя среди нижележащих уровней такой, афферентации которого наиболее адекватны этой детали по качествам обеспечиваемых ими сенсорных коррекций.

Таким образом, постепенно, в результате ряда последовательных переключений и скачков, образуется сложная многоуровневая постройка, возглавляемая ведущим уровнем, адекватным смыс-

ловой структуре двигательного акта и реализующим только самые основные, решающие в смысловом отношении коррекции. Под его дирижированием в выполнении движения участвует, далее, ряд фоновых уровней, которые обслуживают фоновые или технические компоненты движения <...>. Процесс переключения технических компонентов управления движением в низовые, фоновые уровни есть то, что называется обычно автоматизацией движения» (*Там же*. С. 99—100).

В движении осознается только ведущий уровень и соответствующие ему коррекции. При этом степень осознаваемости на разных уровнях не одинакова, она растет снизу вверх, как и степень произвольности.

Не следует думать, что физиологическая организация поведения или деятельности, показанная Бернштейном на материале двигательного поведения, применима только к нему. Сам Бернштейн в своих работах неоднократно указывал, что это универсальный принцип любой человеческой активности, реализуемый отнюдь не только в моторике.

Следующая очень важная для нас мысль Бернштейна — это его трактовка «модели будущего». Рассматривая возникновение и реализацию произвольного движения, он представляет его последовательность в виде следующих этапов: 1) восприятие и оценка *ситуации*, 2) определение, что *должно стать* с ситуацией в результате активности, 3) *что надо сделать* для этого, 4) *как* сделать это (последние два этапа образуют программирование решения поставленной задачи). Проблема «экстраполяции будущего» соотнесена со вторым этапом.

Совершенно ясно, что для того, чтобы второй этап мог осуществиться, мозг должен иметь возможность не только отражать уже существующее, но и конструировать модель будущей ситуации. Она несколько отлична по своей структуре от «модели настоящего». «...В мозгу сосуществуют в своего рода единстве противоположностей две категории (или формы) моделирования воспринимаемого мира: модель прошедше-настоящего, или ставшего, и модель предстоящего. Вторая непрерывным потоком перетекает и преобразуется в первую. Они необходимо отличны одна от другой прежде всего тем, что первая модель однозначна и категорична, тогда как вторая может опираться только на экстраполирование с той или иной мерой вероятности» (*Там же*. С. 288). Из возможных исходов затем выбирается один, и действие программируется применительно только к нему.

Таким образом, человек осуществляет два почти одновременных процесса. Это *вероятностное прогнозирование* по воспринимаемой ситуации (плюс так называемые ориентировочные реакции) и *программирование действия*. Организм не «реагирует» на ситуацию (или сигнально значимый ее элемент), а «сталкивается» с ситуацией, ставящей его перед необходимостью вероятностного прогноза, а затем выбора действия.

Рассматривая организм в целом как саморегулирующуюся систему, Бернштейн считает необходимыми следующие элементы такой системы: «1) Эффектор (мотор), работа которого подлежит регулированию по данному параметру; 2) задающий элемент, вносящий тем или другим путем в систему требуемое значение регулируемого параметра; 3) рецептор, воспринимающий фактические текущие значения параметра и сигнализирующий о них каким-либо способом в прибор сличения; 4) прибор сличения, воспринимающий расхождение фактического и требуемого значений с его величиной и знаком; 5) устройство, данные прибора сличения в коррекционные импульсы, подаваемые по обратной связи в регулятор; 6) регулятор, управляющий по данному параметру функционированием эффектора» (Там же. С. 236).

Из приведенных положений очевидно частичное сходство идей Бернштейна с положениями Анохина. Одно из главных различий — это трактовка Бернштейном сенсорной коррекции и вообще его мысль об учете в процессе управления действием *текущей* информации. В данной книге мы не будем останавливаться на других различиях во взглядах этих выдающихся физиологов.

ГЛАВА 4. ПОНЯТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ 1920—1930 гг.

Д.Н.Узнадзе. В послевоенные годы «теория установки» Д.Н.Узнадзе и его школы, впервые выдвинутая еще в самом начале 1930 годов (первая экспериментальная работа этого плана была опубликована в 1931 году), часто противопоставлялась теории деятельности. Помнится, в начале 1970-х годов, когда я выступал на заседании Совета в Институте психологии Грузии, в кулуарах заседания ко мне подошел прямой ученик Д.Н.Узнадзе, директор Института А.С.Прангишвили и шуточно спросил: «Ну, что же будем считать главным: *вашу* деятельность или *нашу* установку?» Тогда я спонтанно ответил: «Давайте, Александр Северьянович, считать главной *личность*, и, думаю, у нас не будет расхождений». Только много позже я осознал, что был совершенно прав; К.А.Абульханова-Славская вообще считает одной из главных заслуг психологии установки утверждение в психологии личностного подхода (*Абульханова-Славская*, 1980). Но очень важно и другое: теория установки и теория деятельности оказались готовы к взаимному синтезу именно в плане соотношения установки и деятельности. (См. в этом плане публикации, с одной стороны, А.Г.Асмолова, с другой — И.В.Имедадзе).

Само понятие деятельности (вернее, термин «деятельность» было чуждо Д.Н.Узнадзе — он чаще использовал термин «поведение». Однако Н.В.Имедадзе совершенно прав, когда он пишет: «...Нетрудно убедиться, что характеристики поведения (Д.Н.Узнадзе) и деятельности (А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн) по существу идентичны» (*Имедадзе*, 1989. С. 11).

Критикуя «гипотезу непосредственности», Узнадзе констатирует, что при ее принятии «поведение осуществляется помимо существенного соучастия субъекта, личности как конкретной целостности» (*Узнадзе*, 1997. С. 373). В действительности «мы имеем дело с последовательностью определенных движений, произво-

димых непременно в какой-то конкретной ситуации и служащих удовлетворению совершенно конкретной потребности определенного субъекта — субъекта поведения» (С. 374). Принципиально важно, что этот субъект есть *активный* субъект.

«Всякая активность означает отношение субъекта к окружающей действительности, к среде. При появлении какой-нибудь конкретной потребности субъект, с целью ее удовлетворения, направляет свои силы на окружающую его действительность. Так возникает поведение. Как видим, оно подразумевает, с одной стороны, потребность и силы субъекта, с другой — среду, предмет, который должен ее удовлетворить. Поведение представляет собой приведение в действие этих именно сил, и понять его вне потребности и предмета, ее удовлетворяющего, совершенно невозможно: конкретное действие определенных сил обусловлено конкретной потребностью, которая удовлетворяется определенным предметом. Следовательно то, какие силы приведет субъект в действие, каково будет это действие, зависит от нужного субъекту предмета, на который он направляет свои силы: особенности действия, активности, поведения определяется предметом. Активность имеет всегда предметный характер <...>.

<...> Для осуществления живым организмом какого-либо определенного движения, какого-либо поведения или вообще какого-либо отдельного акта он как целостность должен находиться в совершенно определенном состоянии; иначе говоря, каждый частный случай его действия, его поведения предполагает индивидуально определенное, совершенно конкретное состояние субъекта как целого, которое так определяет этот частный акт его активности, как целое определяет особенности своих частей» (С. 378). Это состояние, эта преднастройка субъекта к поведению (деятельности) и есть *установка*.

«Следовательно, процесс поведения представляется нам таким образом: с целью удовлетворения потребности, имеющейся у субъекта, он обращается к окружающей его действительности. Воздействуя на него непосредственно, эта действительность *настраивает* его к действию по отношению к предмету, необходимому для удовлетворения данной потребности. На этой основе субъект разворачивает целесообразные акты поведения, приводя в действие силы, соответствующие нужному ему предмету, и активируя их таким образом, как это необходимо для овладения этим предметом.

Следовательно, понятие установки позволяет судить, почему понятие установки целесообразно и имеет смысл, то есть учиты-

ваит в одно и то же время и субъект, и предметную действительность, соответствует и тому, и другому...» (С. 379).

«Естественным состоянием человека является активность...» (С. 380). Она может быть внутренне обусловленной (интрогенное поведение) или обусловленной непосредственным внешним предметом (экстерогенное поведение).

Труд как вид поведения «*производит продукт, содержащий объективный смысл, объективное значение*» (С. 388). Это относится и к интеллектуальной активности, которую недаром называют *умственным трудом*. Особое место занимает учение. «Несомненно, что как одна из форм активности учение должно иметь в виду прежде всего не продукт или предмет, в связи с которым осуществляется этот процесс [то есть не навыки или знания. — А.Л.], а развитие в определенном направлении сил учащихся» (С. 410).

Мы сознательно привели столь длинную цитату из Узнадзе, чтобы избежать каких-либо недоразумений. Ясно видно, что схема Узнадзе трехчленна, что у него поведение (деятельность) «интенционально, предметно, молярно» (Имедадзе), целесообразно, соединяет субъекта и предмет, что продукт поведения имеет объективный смысл для субъекта и что сама личность субъекта есть момент деятельности или поведения. В качестве того феномена, благодаря действию которого поведение приобретает характер организованного целого, и выступает установка.

Таким образом, теорию деятельности и теорию установки объективно очень многое объединяет. Особенно актуален синтез этих теорий под углом зрения некоторых новых тенденций в самой психологии деятельности. Речь идет прежде всего о понятии надситуативной активности личности (В.А.Петровский) и о так называемом динамическом подходе к психологическому анализу деятельности (А.Г.Асмолов и В.А.Петровский). См. об этом ниже, в Главе 7.

Наиболее глубокий и серьезный анализ действительных соотношений теории деятельности и теории установки (с позиций первой) дан А.Г.Асмоловым в известной книге «Деятельность и установка», впервые вышедшей в 1979 году и позднее переизданной (Асмолов, 1996). Ее главный пафос — в идее первичности деятельности, а не установки. Постулат первичности установки, превращающий ее в универсальный объяснительный принцип, Асмолов переосмысливает как проблему исследования места и функции установочных явлений в деятельности субъекта. А поставив проблему таким образом, он приходит к идее иерархической уровне-

вой природы установки как механизма стабилизации деятельности. «В соответствии с основными структурными единицами деятельности (особенная деятельность, действие, операция, психофизиологические механизмы — реализаторы деятельности) выделяются уровни *смысловых, целевых и операциональных установок*, а также уровень *психофизиологических механизмов — реализаторов установки*» (Асмолов, 1996. С. 364). Но «на каком бы уровне и в каких бы своеобразных формах ни проявлялась установка, ее основной функцией является стабилизация движения деятельности <...>. Установки различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на своеобразные сбивающие воздействия, сохранять ее направленность; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, “барьеры внутри нас”, затрудняя приспособление к новым ситуациям и феноменально проявляясь при столкновении развертывающейся деятельности с тем или иным препятствием» (Там же. С. 365).

Можно сказать, что исследование А.Г.Асмолова прямо направлено на интеграцию понятия установки в систему базисных понятий психологии деятельности. Кстати, его кандидатская диссертация, легшая в основу книги, была выполнена под научным руководством А.Н.Леонтьева и защищена при его участии в октябре 1976 года. В известном смысле, следовательно, принципиальная позиция Асмолова авторизована самим Леонтьевым.

С другой стороны, разработанная в рамках психологии деятельности система единиц деятельности была воспринята многими представителями теории установки — назовем вслед за И.В.Имедадзе (1989. С. 14) имена А.А.Алхазишвили, Д.А.Кикнадзе, А.С.Прангишвили, З.И.Ходжава, Ш.Н.Чхартишвили.

Будучи прямым учеником В.Вундта и блестяще владея современной ему философией, Д.Н.Узнадзе никогда не был марксистом. Его «деятельностные» идеи имеют другие источники. Тем более интересно констатировать значительную близость его философско-методологических и теоретико-психологических позиций к развивавшемуся независимо от его школы и коренившемуся в идеях Гегеля и Маркса деятельностному подходу.

П.П.Блонский. До сих пор общепсихологические взгляды П.П.Блонского не оценены по достоинству. Его часто относят к плеяде «русских бихевиористов» (наряду с Бехтеревым и Боровским) и уж во всяком случае категорически отказываются видеть прямую преемственность взглядов П.П.Блонского и Л.С.Выготского (его ученика по Народному университету Шаняевского, где

Выготский, собственно, и получил свое психологическое образование). Конечно, как и большинство его современников (включая раннего Выготского), Блонский видел задачу психологической науки в изучении *поведения*. Но что он вкладывал в это понятие?

Первая его мысль: поведение человека есть прежде всего *действие*, поступок. «Жить — это значит познавать действительность и преобразовывать ее», — писал он еще до Октябрьской революции (Блонский, 1961. С. 105), а во втором издании своего «Курса педагогики» столь же определенно заявляет: «Человек прежде всего деятель» (Блонский, 1918. С. 52). Соответственно и «задача психологии — изучение действий, поступков, вообще поведения живого существа» (Блонский, 1964. С. 41). Эти действия человека — особого рода. «...С генетической точки зрения, сопоставляя деятельность человека с деятельностью других животных, мы можем характеризовать деятельность человека как деятельность такого животного, которое пользуется орудиями. Человек есть “*homo technicus*” (человек технический) и “*homo socialis*” (человек социальный). Отсюда ясно, в чем видеть ключ к разгадке поведения человека. Этот ключ — техническая деятельность человеческого общества. Общественное производство является тем базисом, на котором основывается поведение человечества. Тем самым мы становимся на марксистскую точку зрения как на единственную научную» (Блонский, 1920. С. 31).

Вторая мысль Блонского: в предмет психологии должны включаться все факторы, обуславливающие поведение, и то, «отчего и как изменяется оно» (Блонский, 1964. С. 41). Отчего же оно изменяется? И вот здесь мы находим у Блонского важнейшую идею: поведение человека «не может быть иным, чем социальным» (Блонский, 1920. С. 30), «научная психология есть социальная психология» (Там же. С. 34). «Мы <...> должны исходить именно из социальной психологии и от нее идти к психологии того или другого индивидуума. Поведение индивидуума есть функция поведения окружающего общества» (Блонский, 1964. С. 43). И дальше: «Человеческий индивидуум есть социальный продукт: он не абстрактная общественная единица и не столь же абстрактная внеобщественная индивидуальность, но именно вполне конкретный продукт действующей на него активной и изменчивой человеческой среды» (Там же. С. 89). Результатом здесь может явиться либо приспособление себя к ней, либо приспособление ее к себе — и дальше развивается второй вариант с прямыми ссылками на Маркса и Энгельса.

Блонский был хронологически, да и по существу первым психологом, философски грамотно и систематически прилагавшим теорию Маркса к проблемам психологии. Да и странно было бы, если бы было иначе, — ведь Павел Петрович Блонский был не только видным психологом и педагогом, но и высокопрофессиональным философом и историком философии. На фоне философски малограмотных психологических публикаций начала 1920-х годов (см. *Леонтьев А.А.*, 1990. С. 28—29) выделяются только его работы, работы Михаила Яковлевича Басова и работы Льва Семеновича Выготского.

М.Я.Басов. Одна из самых плодотворных идей М.Я.Басова, не потерявшая значимости до наших дней — это мысль о человеческом обществе, представляющем собой «совершенно специфическую общественную среду, по отношению к которой каждый отдельный человек является взаимодействующей с ней самостоятельной единицей и в то же время ее нераздельной частью, моментом целого и продуктом развития этого целого» (*Басов*, 1975. С. 223). Вслед за Блонским (а в конечном счете, за Марксом) Басов утверждает: «...Мы должны изучать человека как деятеля в окружающей среде, то есть всю его деятельность, направленную к установлению тех или иных взаимоотношений со средой...» (*Там же*). Что это означает? Что человек «приспосабливает среду к себе, воздействуя на нее и преобразуя ее в процессах своего труда с помощью искусственных орудий труда» (*Там же*. С. 225). Что касается сознания, то оно «есть особое качество формы отношения между организмом и средой, качество, проявляющееся в процессах активности, деятельности организма, как результат этих отношений» (*Там же*. С. 227).

Именно Басову мы обязаны введением в психологию понятия деятельности в отличие от поведения. Это произошло в 1926 году⁴. Но уже в 1923 году у Басова появляется фундаментально важное положение об экзопсихике. В книге 1931 года «Общие основы педологии» это положение выглядит следующим образом: основной недостаток существующих исследований психического развития в том, что «развитие это стремятся понять и вывести изнутри само-

---

⁴ Кстати, интересно, что в предметном указателе к тому «Избранных психологических произведений» М.Я.Басова, вышедшему в 1975 году, то есть одновременно с книгой А.Н.Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность», понятие «деятельность» отсутствует, хотя есть «психическая деятельность» и «человек как деятель в окружающей среде».

го человека <...>. В действительности оно является результатом взаимодействия человека с окружающей его закономерно организованной действительностью <...>. Действительность <...> чаще всего представляется в виде аморфной среды, которая играет роль некоторого фактора, стимулирующего, питающего, содействующего или тормозящего ход развития, но не <...> определяющего самые закономерности этого развития. Закономерности развития мыслятся в таких случаях всецело в самом человеке — в его психике или в его физиологической организации, иногда в том и другом одновременно» (Там же. С. 249—250). В основе психического развития «...лежит проникновение человека в действительность, овладение последней через познание ее»; психологическое развитие и есть «...развитие человека как *деятеля в среде*» (Там же. С. 252). «Таким образом, по своему существу путь психологического развития человека безграничен так же, как мир <...>. Психологическое развитие само по себе может идти в бесконечность вселенной» (Там же).

Хотя и в непривычной нам терминологии, Басов вводит представление о специфическом строении, принципиальной плановости и целенаправленности человеческой деятельности. Но особенно любопытно его рассуждение 1924 года (когда он еще говорил о поведении, а не деятельности): «...Каждый отдельный акт поведения для нас имеет полноценное значение тогда, когда он стоит перед нами со всей своей внутренней сущностью, то есть когда он является перед нами как определенное переживание личности <...>. В поведении личности мы хотим изучать <...> не только то, что личность делает, но и то, к чему она стремится и чего она желает. Мы изучаем живую человеческую личность и не согласны поставить на ее место ни абстрактную мертвую схему, чем не раз грешила старая психология, ни обезличенную автоматическую машину, чем грешит иногда новейшая» (Басов, 1924. С. 45).

А.Н.Леонтьев, выступая незадолго до смерти, в 1976 году, с докладом «Проблема деятельности в истории развития советской психологии», довольно много говорил и о взглядах М.Я.Басова. Главная мысль Леонтьева в этой части доклада — что Басов, начав с понятия деятельности, потом развивает это понятие в направлении реактологии и ассоцианизма (Леонтьев А.Н., 1994. С. 268—270). Мне представляется, что Леонтьев здесь несколько недооценил Басова и пошел не за существом его мысли, а за ее терминологическим выражением. Можно спорить с тем, правильно ли, адекватно ли психической действительности

выделение Басовым основных структурных форм поведения у ребенка; впрочем, описание типов реального поведения детей в различных ситуациях, данное Басовым, выглядит вполне правдоподобно. Но Басов ведь там же (в «Общих основах педологии») определенно и бескомпромиссно утверждает, что «целесообразность и планомерность деятельности составляют в поведении взрослого человека такие признаки, без которых оно никогда не мыслится» (Басов, 1975. С. 333). Во всяком случае, Басов нуждается в том, чтобы его перечитать (и переиздать).

Л.С.Выготский. Многие историки психологии вообще отрицают, что у Выготского была продуманная психологическая концепция деятельности и что эта концепция лежала в основе теории деятельности, которая позже разрабатывалась А.Н.Леонтьевым и той частью школы Выготского, что группировалась вокруг него. Можно было бы много полемизировать с думающими таким образом: но мы принципиально отказываемся в настоящей работе от полемики по этому вопросу, каких-либо негативных оценок и дискуссий, памятуя знаменитые слова Л.В.Щербы, предпосланные одной из его книг: «Я не люблю спорить с чужими мнениями, считая, что если я хорошо обосновал собственное, то через это страдают все другие, с моим несогласные».

Лучше всего спросить самого Льва Семеновича.

Уже в дополнениях к тексту учебника А.Ф.Лазурского (дополнения написаны совместно с В.А.Артемовым, Н.Ф.Добрыниным и А.Р.Лурия; но никто из упомянутых соавторов *в то время* не мог написать этих строк) «сознаваемость нами нашей психики» выводится из «действенного характера наших реакций» (см. Лазурский, 1925. С. 55—56), а что стоит за этими «действенными реакциями», ясно из содержащегося в предисловии к этой книге тезиса о «своеобразии активного трудового приспособления человеком природы к себе, в противоположность пассивному приспособлению животных к среде» (Выготский, 1982. Т. 1. С. 63—77). В 1930 г. («Инструментальный метод в психологии») Выготский прямо говорит об объекте деятельности (поведения), что он «определяет, обуславливает и организует наше поведение» (Там же. С. 105). Но особенно интересны с этой точки зрения мысли из записных книжек и других рукописных материалов последних лет, опубликованных только недавно. Например, в докладе «Проблема сознания», где на первый взгляд преобладает «антихарьковская» позиция, есть такое место: «Схема здесь: не человек—вещь (Штерн), не человек—человек (Пиаже). Но: человек—вещь—че-

ловек» (*Там же*. С. 167). В лекциях по психологии дошкольника (1933): «В игре ребенок оперирует значениями, <...> неотрывными от реального действия с реальными предметами <...>. Если раньше в структуре действие/смысл определяющим было действие, сейчас структура опрокидывается и становится смысл/действие» (*Выготский*, 1978. С. 293). В этих лекциях деятельность (практическая деятельность) выступает как своего рода первотолчок, обуславливающий последовательное «вращивание» в сознание: действие → смысл действия → предметное значение → перенос на слово → «эмансипация» слова → новое (словесное) значение → перестройка сознания и «сознание идеатов вещей» → перестройка деятельности.

Классическая статья «Проблема культурного развития ребенка» (1928), по совершенно непонятным причинам не вошедшая в собрание сочинений, хотя это — первая публикация, где сформулированы основы культурно-исторического подхода, казалось бы, ортодоксально «культурно-историческая». Но вот что интересно: когда Выготский в ней имеет в виду и естественное, и культурное поведение, он употребляет термин «поведение». А когда только культурное — возникает термин «деятельность».

Возьмем полемику с Жаном Пиаже — первоначально в предисловии к русскому переводу книги «Речь и мышление ребенка», изданному в 1932 году, затем в «Мышлении и речи»: «Речь входит необходимым составным моментом в разумную деятельность ребенка <...> и начинает служить средством образования намерения и плана в более сложной деятельности ребенка» (*Выготский*, 1982. Т. 2. С. 62).

Вообще в чем видит Выготский главный недостаток теории Пиаже? «Отсутствие действительности и отношения ребенка к этой действительности, то есть отсутствие практической деятельности ребенка, — вот что является в данном случае основным. Самая социализация детского мышления рассматривается Пиаже вне практики, в отрыве от действительности, как чистое общение душ, которое приводит к развитию мысли. Познание истины и логические формы, с помощью которых становится возможным это познание, возникают [у Пиаже. — *А.Л.*] не в процессе практического овладения действительностью...» (*Там же*. С. 74, 75).

И дальше снова: Пиаже выводит мышление и развитие ребенка «из чистого общения сознаний <...> без всякого учета общественной практики ребенка, направленной на овладение действительностью...» (*Там же*. С. 75).

А как на самом деле? «Ж.Пиаже утверждает, что вещи не обрабатывают ум ребенка. Но мы видели, что в реальной ситуации вещи действительно обрабатывают его ум. Вещи — значит действительность, но действительность, не пассивно отражаемая в восприятии ребенка, не познаваемая им с отвлеченной точки зрения, а действительность, с которой он сталкивается в процессе своей практики» (Там же. С. 62).

Это было написано либо в 1930, либо в начале 1931 года. Давайте посмотрим другие работы Выготского, относящиеся к этому времени.

Вот, например, монография «Орудие и знак в развитии ребенка», как известно, более 50 лет остававшаяся в рукописи. Мы уже цитировали ее в другой связи. «Традиционная» психология критикуется здесь именно за то, что «происхождение и развитие речи и любой другой символической деятельности рассматривалось как нечто не имеющее связи с практической деятельностью ребенка» (Выготский, 1984. Т. 6. С. 20). Ребенок «вступает на путь сотрудничества, социализируя практическое мышление путем разделения своей деятельности с другим лицом. Именно благодаря этому деятельность ребенка вступает в новое отношение с речью <...>. Социализация практического интеллекта приводит к необходимости социализации не только объектов, но также и действий» (Там же. С. 31). «Собственная деятельность ребенка <...> направлена на определенную цель...» Наличие знака, речи позволяет «представлять в наличной ситуации моменты будущего действия...». Это «создает условия для совершенно нового характера связи элементов настоящего и будущего (актуально воспринимаемые элементы настоящей ситуации включаются в одну структурную систему с символически представленными элементами будущего), создает совершенно новое психологическое поле для действия, ведя к появлению функций *образования намерения и спланированного заранее целевого действия*» (Там же. С. 49; выделено нами. — А.Л.).

Двигателем этого действия являются мотивы или, по терминологии Курта Левина, «квазипотребности». «Благодаря возможности образовывать квазипотребности ребенок оказывается в состоянии расчлнить операцию, превращая каждую ее отдельную часть в самостоятельную задачу...» (Там же).

В том же 1930 году была написана и еще одна работа, опять-таки не вошедшая в собрание сочинений. Она называется «О связи между трудовой деятельностью и интеллектуальным развитием

ребенка». Обратим внимание на одну формулировку этой статьи: рассмотрение поведения «с точки зрения состава, строения и способа деятельности» (Выготский, 1980. С. 117).

В то же время готовился очередной выпуск «Педагогики подростка», вышедший в 1931 году. В нем подробно анализируется проблема мотивов деятельности. «Деятельность человека <...> структурно охватывается и упорядочивается целостными динамическими тенденциями, стремлениями и интересами», — пишет Выготский (1931. С. 187). И вот что он считает особенно важным: объективный характер этих стремлений и интересов. «Кто проявляет деятельность, говорит Гегель, по отношению к какой-либо вещи, тот не только интересуется вещью, но и побуждается ею <...>. При наличии потребностей существуют определенные вещи или процессы вне нас, которые обладают побудительным характером <...>. Окружающие нас предметы не являются для нас нейтральными <...>».

<...> Предметы окружающего нас мира <...> как бы требуют от нас известных действий, вызывают на них, притягивают или отталкивают, приказывают, влекут или отклоняют, они играют активную, а не пассивную роль по отношению к самой потребности» (Там же. С. 189—190). Налицо явная перекличка с теорией предметности мотива А.Н.Леонтьева. Сравним еще одно высказывание Выготского, также вызывающее в памяти, казалось бы, типично «леонтьевскую» идею: «Человеческая личность представляет собой иерархию деятельностей, из которых далеко не все сопряжены с сознанием» (Выготский, 1983 б. Т. 5. С. 302). Есть у него и понятие «ведущий тип деятельности» (применительно к игре в дошкольном возрасте).

Итак, перед нами концепция деятельности. Мышление и вся вообще психика ребенка коренятся в его практических действиях, в «процессе практического овладения действительностью». Деятельность эта, по Выготскому, предметна, целенаправленна, является по своей сути социальной (совместной, коллективной), специфически мотивирована, имеет внутреннюю психологическую структуру, может быть практической, а может — «символической» (то есть теоретической). Наконец, у Выготского есть важнейшая идея связи деятельности с личностью. «Никому не пришло бы в голову сказать *мне действуется* и усомниться в правильности выражения *я действую*. Там, где мы чувствуем себя источником движения, мы приписываем личный характер своим поступкам...» (Выготский, 1984. Т. 4. С. 227).

Да, у Выготского не было развернутой концептуальной системы психологии деятельности; ее создание — заслуга А.Н.Леонтьева. Да, термины *деятельность*, *действие*, *операция* он хотя и применял, но чаще всего как синонимы. Да, в «Психологическом словаре» Б.Е.Варшавы и Выготского понятие деятельности отсутствует — как и понятия действия, операции, практики. Но приведенные нами высказывания Выготского совершенно ясно свидетельствуют, что у него в 1930 году почти сложилась (а может быть, и сложилась, но не отразилась в известных нам текстах) определенная концепция деятельности, чрезвычайно близкая к тому, что мы знаем о взглядах Харьковской группы его учеников и что является сердцевиной психологической теории деятельности А.Н.Леонтьева, разработанной в деталях уже в послевоенный период.

Да, между Выготским и «харьковцами» были расхождения, апогей которых приходится на 1932—1933 гг. Но были ли эти расхождения принципиальными — еще вопрос. (Не случайно при создании лаборатории в ВИЭМе весной 1934 года Выготский пытался объединить в ней всех своих учеников, включая харьковских; другое дело, что смерть настигла его до того, как это стало реальным. Не случайно и то, что в августе 1933 года, когда Выготский заявил двум своим ученикам о намерении вскоре прекратить активность в психологии, этими учениками были Лурия и Леонтьев. Кстати, работа Харьковской группы велась под неусыпным наблюдением Выготского — он часто приезжал в Харьков.) Выготский в последние годы и особенно месяцы своей жизни торопился высказаться, у него просто не оказалось, видимо, времени сформулировать свои взгляды на деятельность в целостном и последовательном виде. Его последняя книга, «Мышление и речь», — это мозаика в основном старых, в том числе ранее опубликованных текстов, дополненная несколькими разделами, продиктованными Выготским незадолго до смерти.

Попробуем теперь четко зафиксировать, в чем же заключались «схождения» и расхождения Харьковской группы и Выготского. В частности, что в 1930-е годы у Выготского принимал А.Н.Леонтьев и чего — не принимал.

ГЛАВА 5. РАННИЕ РАБОТЫ А.Н.ЛЕОНТЬЕВА И ХАРЬКОВСКОЙ ГРУППЫ ПО ПСИХОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ современных документов. Есть несколько возможных способов прояснить позицию, которую занимал А.Н.Леонтьев в 1930-е годы. Самым прямым способом мог бы явиться анализ его работ того времени, опубликованных и неопубликованных. Беда, однако, в том, что таких работ сохранилось чрезвычайно мало, особенно от первой половины тридцатых годов. Это знаменитый некролог Выготского, записи о беседах с Выготским, стенограммы лекций по психологии 1935 года, доклад «Психологическое исследование речи», сделанный им в ВИЭМе, также относящийся к 1935 году, и статья того же 1935 года об овладении понятиями, а также неизвестная ранее рукопись о среде — вот и все. Поэтому нам придется наряду с анализом работ тридцатых годов пойти и другими путями. Это, во-первых, то, что можно назвать *ближайшей ретроспективой* — работы Леонтьева в промежутке между 1936 и началом сороковых годов, прежде всего «Материалы о сознании» и «Методологические тетради». И, во-вторых, *дальняя ретроспектива* — видение ситуации 1930-х годов зрелым Леонтьевым.

Проанализируем сначала написанные при жизни Выготского или крайне близкие по времени к Выготскому работы Леонтьева. (Мы не затрагиваем здесь тех его публикаций, которые хотя формально относятся к началу тридцатых годов, но отражают этап культурно-исторической теории — в частности, книги «Развитие психики».)

Уже летом 1934 года А.Н.Леонтьев четко определил деятельностный характер концепции Выготского: «Трактовка Л.С.Выготским опосредствованной структуры человеческих психических процессов и психического как человеческой *деятельности* послужила краеугольным камнем, основой для всей разрабатывавшей-

ся им научной психологической теории — теории *общественно-исторического* <...> развития психики человека» (Леонтьев А.Н., 1983. Т. 1. С. 19). В одной из лекций 1934 г. он говорит: «Прежде всего человек действует по-человечески <...>, и лишь затем в результате этого процесса человек начинает и сознавать по-человечески» (цит. по: Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., 1994. С. 11).

Но самый интересный документ этого периода — запись беседы с Выготским, относящаяся еще к 1933 году. Вначале идет конспект сообщения самого Леонтьева о проделанной им работе по исследованию переноса, при этом теоретическая основа этой работы, что характерно, в основном повторяет мысли Выготского. Правда, наряду с такими положениями, как «слово из общения» или «...подобно тому, как слово, рождаясь в условиях интеллекта, затем должно выступить как объяснительный момент, так и сознание, формируемое словом, есть объяснительный принцип для высших форм мыслительной деятельности», уже здесь поднимается проблема «речь и практический интеллект» и возникает чеканная формулировка «значение слова выступает как значение вещи» (в этом, кстати, суть переноса). Но и это вполне соответствует, как мы видели, позиции Выготского. Однако тут же ставится острый вопрос, обращенный к Выготскому: «Словоцентризм системы. Что — субъект развития? Где человек, мир? Где действительные отношения человека к миру?» Выготский дает, судя по конспекту, достаточно уклончивый ответ, и лишь в конце его проскальзывает то, что, видимо, ожидал от Выготского А.Н.Леонтьев: «За сознанием открывается жизнь <...>. Мысль нужно выводить из жизни, а не обратно» (Леонтьев А.Н., 1994. С. 22—25).

Почему вопрос поставлен так остро и почему Выготский отвечает на него так неопределенно? Дело в том, что уже после 1930 года, не отказываясь от того, что он писал о деятельности (свидетельство — лекция об игре 1933 года, известная нам в виде автоконспекта и в виде стенограммы), Выготский тем не менее уходит в несколько другую сторону. Мы привыкли противопоставлять «словоцентризм» позднего Выготского и деятельностьную позицию Харьковской группы. Да, действительно, в самой последней публикации Выготского прямо сказано: «Сознание человека есть <...> сознание, формирующееся в общении» (Выготский, 1960. С. 373). Да, в знаменитом докладе о сознании, сделанном в 1933 году и впервые опубликованном нами по записям А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца в 1968 году, развернуто именно словоцентристское понимание: «Речь есть знак для общения со-

знаний», именно «сотрудничество сознаний» определяет развитие значений (*Выготский*, 1982. Т. 1. С. 165). Да, в самом конце «Мышления и речи» определенно сказано, что «слово играет центральную роль в сознании в целом <...>. Оно есть самое прямое выражение исторической природы сознания» (*Выготский*, 1982. Т. 2. С. 361). Нет необходимости множить цитаты из Выготского: эти его мысли совершенно понятны, широко известны и в дальнейшем стали мишенью для острой, хотя и вполне конструктивной, критики харьковчан.

Но так ли все просто? История мировой науки учит нас, что ни один ученый масштаба Выготского никогда не способен к возврату назад, на уже пройденные и оставленные позиции. Как бы мы, историки, ни доказывали, что такой ученый (хотя бы И.А.Бодуэн де Куртенэ — ср. то, что писал о нем Р.О.Якобсон) сделал шаг назад, но у этого ученого всегда есть внутренняя, пусть субъективная логика развития взглядов, в которой этот шаг является шагом не назад, а вперед! И важнейшая наша задача как историков науки — найти и проанализировать эту логику.

Какова же логика кажущегося «ухода» Выготского от деятельностного подхода?

Она в стремлении объединить «словоцентристскую» концепцию сознания и деятельностный подход вокруг *смысловой теории личности*.

Общеизвестно, что в последние годы, в том числе в «Мышлении и речи», Выготский разрабатывал теорию синтеза интеллекта и аффекта, казалось бы, далекую от деятельностных позиций. Но в докладе о сознании 1933 года совершенно не случайно говорится в аналогичном контексте об «отношении деятельности к переживанию» (*Выготский*, 1982. Т. 1. С. 157). В чем осуществляется единство аффекта и интеллекта? Ответ, данный в «Мышлении и речи» и затерявшийся среди многих других идей, часто по внешности противоречащих данной, гласит: «Существует динамическая смысловая система, представляющая собой *единство аффективных и интеллектуальных процессов* <...>. Во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее...». Речь идет о том, чтобы «раскрыть прямое движение от потребности и побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» (*Выготский*, 1982. Т. 2. С. 21—22).

Именно этот подход — с позиций динамической смысловой теории личности — отразился в «Учении об эмоциях». И совсем не случайно Выготский солидаризуется с предшествующими исследователями эмоций единственно в том, что эмоция — это «в первую очередь стремление к действию в определенном направлении» (Выготский, 1984. Т. 6. С. 123). И дальше он констатирует: «...Всякая эмоция есть функция личности...» (Там же. С. 280).

В 1932 году Выготский написал замечательную статью «К вопросу о психологии творчества актера». В ней есть намек на дальнейшее развертывание мыслей, сформулированных в работе «Учение об эмоциях». Там, в частности, говорится: «Эмоции не представляют исключения из остальных проявлений нашей душевной жизни. Как и все другие психические функции, эмоции не остаются в той связи, в которой они даны первоначально в силу биологической организации психики. В процессе общественной жизни чувства развиваются, и распадаются эти прежние связи; эмоции вступают в новые отношения с другими элементами душевной жизни, возникают новые системы, новые сплавы психических функций, возникают единства высшего порядка, внутри которых господствуют особые закономерности, взаимозависимости, особые формы связи и движения» (Выготский, 1984. Т. 6. С. 328).

Не только эмоция, но и воля исторически обусловлена и входит по-разному в разные «сплавы психических функций».

Таким-то сплавом, таким единством высшего порядка и является смысловое единство интеллекта и аффекта. Мысль о таком единстве идет от рассуждений Выготского о мышлении и речи. В основе мысли лежит система переживаний. И поэтому значение всегда несет на себе печать переживания. Но в то же время переживание управляется и окрашивается значением, сознанием в целом.

Есть еще одна, тоже из числа последних, работа Выготского, где он обращается к синтезу интеллекта и аффекта. Это «Проблема умственной отсталости», она трижды перепечатывалась, в том числе в собрании сочинений.

Критикуя Курта Левина за его противопоставление двух «сорт» деятельности — мышления и реальной деятельности в актуальной ситуации, Выготский говорит: «Существует <...> не два сорта деятельности, не зависящих от лежащих в их основе динамических систем, но существует два единства динамических функций: мышление и реальная деятельность <...>. Оба вида деятельности — мышление и реальное действие — не представляют собой <...> непроходи-

мой пропастью отделенных друг от друга областей; на деле, в живой действительности мы на каждом шагу наблюдаем переход мысли в действие и действия в мысль <...>. Динамическая обусловленность одинаково присуща мысли и действию <...>.

<...> Общая динамика психологического поля, заставляющая нас думать и действовать, лежит всегда в начале интеллектуальных процессов. Как наши действия возникают не без причины, а движимые известными динамическими процессами, известными потребностями и аффективными побуждениями, так же точно и наше мышление всегда является мотивированным <...>. Мышление, не мотивированное динамически, так же невозможно, как беспричинное действие...».

Вообще «нужно рассматривать отношение между интеллектом и аффектом <...> не как вещь, а как процесс» (*Выготский*, 1935. С. 26—34).

Мы привыкли вслед за Выготским говорить о синтезе или отношении интеллекта и аффекта. Но, может быть, точнее сказать, что Выготский занимался отношением мышления, практического действия и мотива, смысла? И переформулировать основную мысль Выготского следующим образом: существует сложная динамическая смысловая система, в которую входит мотивационная (аффективная) сторона, входит воля, входит динамика действия и динамика мышления. И все они могут находиться друг с другом в различных соотношениях; при этом именно их соотношение лежит в основе психического развития ребенка.

Однако так или иначе, Выготский и его харьковские ученики оказались в отношениях противостояния. Правда, уже в конце 1930-х годов, в работах А.В.Запорожца, поддержанных Леонтьевым, это противостояние было снято. В 1939 году Запорожец, например, писал: единство мышления и речи «возникает только при определенном содержании жизненных отношений» (*Запорожец*, 1986. С. 158). Позже, в 1971 г., он уже предельно четко зафиксировал: «Есть основания полагать, что, в отличие от интеллектуального управления, регулирующего поведение в соответствии с объективным значением условий решаемой задачи, управление эмоциональное обеспечивает коррекцию действий адекватно смыслу происходящего для субъекта <...>. Лишь согласованное функционирование этих двух систем, лишь, как выражался Л.С.Выготский, “единство аффекта и интеллекта” <...>, может обеспечить полноценное осуществление любых форм деятельности...» (*Там же*. С. 258—259). А в 1977 году, в докладе па-

мяти Выготского, сам Леонтьев откровенно признал: «...Альтернатива 30—31 гг. оказалась не альтернативой, а необходимой линией движения психологического исследования. Не или-или, а обязательно и-и!»

Но в те годы и еще несколько лет спустя она оставалась все же альтернативой.

В декабре 1934 года, в литографированной лекции Леонтьева, не переизданной, так как текст этой лекции по большей части не представляет самостоятельного интереса, говорится: «И если вы спросите у меня: что же, образование для сознания человека этого мира константных значений вещей, мира отношений, в котором открываются для сознания действительные объективные связи, является результатом появления слова? То я отвечу вам: нет. Прежде всего это является результатом превращения самого предмета в общественный человеческий предмет, а слово является лишь необходимым условием этого» (цит. по *Леонтьев А.А.*, 1983. С. 13).

Здесь очевидное противопоставление «словоцентризму».

Доклад «Психологическое исследование речи» сохранился в двух вариантах. Во-первых, это тезисы, опубликованные в первом томе «Избранных психологических произведений» А.Н.Леонтьева. Во-вторых, это автоконспект, по которому реально читался доклад. Остановимся сначала на тезисах.

Деятельность, пишет в них Леонтьев, должна пониматься «как деятельность субъекта, “переходящая в объект” в реальном процессе общественной практики человека, как его отношение к действительности, опосредствованное в его отображении в сознании (практически осуществляющееся в слове)» (*Леонтьев А.Н.*, 1983. Т. 1. С. 67). И далее: «...Психологическое исследование имеет своим предметом деятельность как отношение к действительности, к объектам этой действительности, на которые деятельность направлена как на задачу, которые ее определяют и в которых она осуществляется» (*Там же.* С. 68). В этих тезисах нет упоминания имени Выготского, но критика «словоцентризма» дается предельно четко. Если мы поймем положение о роли общения в процессе развития значений «в том смысле, что развитие значений (а следовательно, и развитие сознания) движется взаимодействием идеального значения речи и ее реально психологического содержания у ребенка, то есть что оно движется самим *общением* (а не совершается в *процессе общения*), то мы с необходимостью придем к тому решительно ложному и отрицаемому в самих этих исследованиях [Выготского. — *А.Л.*] выводу, что развитие значений (обобщений)

определяется не действительностью, а общественным сознанием...» (Там же. С. 70). «Историзм и общественная природа психики ребенка заключается <...> не в том, что он общается, но в том, что его деятельность (его отношение к природе) предметно и общественно опосредуется» (Там же. С. 74).

Конспект удачно дополняет и еще более проясняет эти тезисы. Вот что там, в частности, говорится: «Нужно понять само сознание как деятельность, понять, что деятельность человека опосредуется в идеальном отображении ее предмета в сознании <...>. За словом (и за общением) лежит деятельность <...>. Что лежит за словом, за значением? 1) Обобщаемая действительность; 2) структура связей и система опосредствования, то есть кристаллизованная деятельность. Это не то же самое. Это различные и противоречивые вещи! Значение и есть единство этих противоречивых вещей <...>. Изменяется деятельность, лежащая за словом, изменяется слово» (цит. по Леонтьев А.А., 1983. С. 13).

Еще более глубокий анализ проблемы вместе с критикой «словоцентризма» дается в статье «Овладение учащимися научными понятиями как проблема научной психологии». В понимании Выготского «правильно подчеркивается момент общения и сотрудничества как необходимое условие тех психологических изменений, которые совершаются в процессе обучения. Это указание, однако, ставит нас перед необходимостью понять, что лежит за самим общением <...>. Если мы <...> будем понимать общение как движущую причину процесса, то такое понимание может привести нас к неправильным выводам, вступающим, с нашей точки зрения, в противоречие со всей системой взглядов этого автора [Выготского. — А.Л.]» (Леонтьев А.Н., 1980. С. 174).

Какова же альтернатива этому неправильному, с точки зрения Леонтьева, пониманию? «За значением слова открывается нам обобщение как образ действительности и обобщение как деятельность, как система психологических операций» (Там же. С. 179). «Психологически интеллектуальная деятельность как система операций может выступать двояко: на одном полюсе — как чисто идеальная, раскрывающая значение как образ, как сознание в узком смысле, на другом — как звено — (а именно как теоретическое звено) деятельности реальной и формирующей сознание» (Там же. С. 180). Далее подводится общий итог: «Изменение сознания ребенка наступает в результате изменения его интеллектуальной деятельности как системы психологических операций, определяемой лежащим за ней реальным отношением ребенка к действи-

тельности» (*Там же*. С. 186). Возникает идея того, что ребенок «действует понятийно»⁵.

Завершим обзор позиций А.Н.Леонтьева в первой половине 1930-х годов его трагической статьей «Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского», обнаруженной в архиве РАО И.В.Равич-Щербо в 1997 году⁶.

«...Отношение человека к среде определяется всякий раз не средой и не абстрактными свойствами его личности, но именно содержанием его деятельности, уровнем ее развития и, если можно так выразиться, типом ее строения, ее формацией.

Понятно, что, с другой стороны, и субъект, вне его деятельности по отношению к действительности, к его “среде”, есть такая же абстракция, как и среда вне отношения ее к субъекту» (*Леонтьев А.Н.*, 1998. С. 112).

Деятельность ребенка — это первоначально «есть всегда внешняя деятельность по отношению к материальным предметам окружающей ребенка действительности. Только впоследствии, на относительно более высоких этапах развития она может выступить также и в формах деятельности собственно “идеальной”, теоретической, соотносящей ребенка с “теоретическим” же предметом, например, в форме, отделенной от практического действия и от непосредственного материального предмета деятельности абстрактного мышления. Но и эта отделенная внутренняя деятельность остается лишь особенной формой деятельности общественного человека...» (*Там же*. С. 122). «Таким образом, положение

---

⁵ Кстати, у Выготского в его записных книжках возникает очень близкая идея смыслового строения практического действия, базирующаяся как раз на неопубликованных экспериментах Леонтьева.

⁶ Почему ее можно назвать трагической? Дело в том, что эта статья, написанная, видимо, в начале 1937 или в конце 1936 года, содержит вынужденную критику Выготского как педолога. Хотя при всех обычных тогда формулировках статья по существу является больше апологией Выготского, чем его критикой (см. об этом в комментарии к ее публикации в «Вопросах психологии»), но и та доля критики, которая содержится в тексте, заставила Леонтьева «вытеснить» эту статью. Он никогда не включал ее в списки своих работ, не упоминал о ней в разговорах с сотрудниками и учениками и даже в предельно откровенных устных мемуарах, записывавшихся мной в 1976 году. Поэтому и обнаружена она была случайно и оказалась вне поля внимания историков советской психологии. А она очень интересна по содержанию.

Л.С.Выготского о том, что сознание есть продукт речевого общения ребенка в условиях его деятельности по отношению к окружающей его вещной действительности, необходимо обернуть: сознание ребенка есть продукт его человеческой деятельности по отношению к объективной действительности, совершающейся в условиях языка, в условиях речевого общения» (*Там же*).

И в заключение: «Влияние внешней ситуации, как и вообще влияние среды, определяется всякий раз не самой средой и не субъектом, взятыми в их абстрактном, внешнем отношении друг к другу, *но и не переживанием* субъекта, а именно содержанием его деятельности. В деятельности, а не в переживании осуществляется, следовательно, действительное единство субъекта и его действительности, личности и среды» (*Там же*. С. 124).

Вот оно, то самое главное положение Леонтьева о деятельности, которое оказалось противопоставленным не только словоцентристской концепции Выготского, в полемике с которым оно было сформулировано, но и пониманию деятельности С.Л.Рубинштейном. Мы к этому еще вернемся. А пока завершим описание «харьковского» периода развития теории деятельности обобщающей формулировкой, принадлежащей... С.Л.Рубинштейну же и взятой нами из «Основ общей психологии». Лучше него никто не подвел итоги деятельности Харьковской группы. Вот эта формулировка: «...Эти исследования устанавливают, что практические интеллектуальные действия детей уже на самых ранних ступенях развития носят специфически человеческий характер. Это определяется тем фактом, что ребенок окружен с первого же дня своей жизни человеческими предметами — предметами, являющимися продуктом человеческого труда, и прежде всего практически овладевает человеческими отношениями к этим предметам, человеческими способами действия с ними <...>. Основой развития специфически человеческих практических действий у ребенка является прежде всего тот факт, что ребенок вступает в *практическое общение* с другими людьми, с помощью которых он только и может удовлетворить свои потребности <...>. Именно это <...> является той практической основой, на которой строится и самое речевое его развитие» (*Рубинштейн*, 1940. С. 317—318).

Кроме работ Леонтьева, к этому времени восходит и несколько работ других членов Харьковской группы. К сожалению, мы не имеем возможности остановиться на них. Однако именно Леонтьев выступал в первой половине тридцатых годов не только как инструментальный, но и как экспрессивный лидер группы — а по

существо его теоретические взгляды были теми же (по крайней мере в те годы), что у Гальперина, Запорожца, П.И.Зинченко.

Ближайшая ретроспектива. Это прежде всего знаменитые, до конца не осмысленные историками психологии «Методологические тетради» (сам Леонтьев назвал их «моими Философскими тетрадями», но по понятным причинам под таким, явно ироническим названием упоминать эту рукопись до 1991 года было невозможно; так и закрепилось данное название). Они относятся, по всей видимости, к 1938—1942 годам. Далее, это «Материалы о сознании», рукопись без названия (оно дано нами при первой публикации), относящаяся к началу войны — примерно 1940—1941 гг. И, наконец, два устных выступления: «Основные процессы психической жизни» и «Генезис деятельности» — оба относятся к 1940 году. Все эти материалы собраны сейчас в книге «Философия психологии» (1994).

Начнем с «Материалов о сознании», где наиболее четко просматривается методологическая основа концепции Леонтьева и где в то же время наиболее подробно изложена та «ближайшая ретроспектива», о которой мы говорили выше. Мы рассматриваем здесь те фрагменты «Материалов», которые непосредственно связаны с проблемой деятельности, а не с проблемой отображения, проанализированной нами в части 1.

Леонтьев пытается здесь восстановить *исходный замысел* Выготского. Он, по его мнению, заключался в том, чтобы «в образе жизни человека найти ключ к его Сознанию, чтобы связать жизнь с сознанием <...>. Принципиальное решение этой проблемы состояло в том, чтобы в орудии, в огне, направленном на изготовление пищи, в узелке, завязанном на память, — в материальном предмете увидеть факт *психологический*. Ищите сознание человека здесь, в предметном мире!

В этом и заключался пафос первых теоретических проб. Материальное, внешнее и идеальное, внутреннее выступили как единое.

Но это было психологически недостаточно конкретное решение.

Нужно было найти в самом этом внешнем предмете то, что именно и делает его психологическим. Ответом на этот вопрос и было учение о значении предмета как о единице сознания» (Леонтьев А.Н., 1994. С. 38—39).

Но это учение вернуло Выготского к классическим позициям французской социологической школы. «Сознание — резуль-

тат речевого, вообще духовного общения <...>. Сознание потеряло интенциональность <...>. *Обучение, его значение чрезмерно подчеркнулось. Жизнь превратилась в процесс образования <...>. Человек выступил не как общественное, а как общающееся существо»* (С. 40).

В чем же была ошибка Выготского? В том, что «1) предмет не был понят как *промышленность*, то есть как предмет *деятельности* человека; 2) обыкновенная практическая деятельность продолжала казаться чем-то, что только внешним образом зависит от сознания, то, чем *управляет* сознание и только» (*Там же*).

И ниже комментарий ко второй части этого рассуждения: «Единственно психологическими продолжали казаться лишь внутренние психические процессы, процессы сознания; сохранилось противопоставление одних — другим...» (С. 42).

Из первых, выполненных еще при жизни Выготского (1932—1933 гг.) экспериментальных исследований Харьковской группы, направленных на изучение отношения «образ— процесс», были сделаны следующие выводы.

Во-первых, была раскрыта суть переноса как процесса не только раскрытия, но и формирования обобщения (см. часть 1).

Во-вторых, было показано, что образ и соответствующий ему процесс не существуют раздельно.

В-третьих, «образ, обобщение и процесс связаны друг с другом не неподвижно, но *динамическими* отношениями. Их “совпадение” выступает лишь как *момент*, и они могут находиться в открытом противоречии друг с другом. Существует *инерция* образа. Образ отстаёт от процесса» (С. 43).

И вот здесь Леонтьев подходит к самой главной, можно сказать, системообразующей идее. Вот она. «...Всякое отражение действительности в сознании человека (а всякое отражение есть обобщенное отражение и иным быть не может) и тот процесс, в котором оно формируется и раскрывается, образуют диалектическое единство (то есть не мыслимы одно без другого, составляют противоположность, бывают тождественными — переходят друг в друга). Основным в этом единстве является процесс, который всегда есть процесс, связывающий обобщение с обобщаемой действительностью (*субъекта с действительностью*).

<...> Действительная противоположность есть противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а вовсе не противоположность сознания, как внутреннего, предметному миру, как внешнему» (С. 43). А противоположность мате-

риального и внешнего идеальному и внутреннему не является исходной, абсолютной, она исторически обусловлена. «...Реальная конкретно-историческая противоположность внутренних, духовных процессов и внешних материальных процессов жизни <...> была абсолютизирована. Создалась грандиозная мистификация сознания. Наша задача состоит в том, чтобы прежде всего разрушить эту мистификацию в психологии» (С. 44).

Прежде чем проанализировать эту генеральную идею, обратим внимание, что последняя приведенная нами цитата дана самим Леонтьевым в кавычках с указанием: «Резюме доклада весной 1934 г.». Это означает, что уже в это время был начат штурм картезианской психологии. Правда, он превратился в весьма долговременную осаду — в печатных работах Леонтьева, да и в большинстве его рукописей более позднего времени, этот ход мысли отсутствует. Попытаемся понять, почему.

Начнем с того, что ни один марксист не будет спорить с тем, что отражение и «тот процесс, в котором оно формируется и раскрывается», то есть деятельность, образуют диалектическое единство. Не будет спорить хотя бы потому, что в философском словоупотреблении наших марксистов это самое «диалектическое единство» потеряло свой исходный гегелевский смысл и превратилось в пустую формулу, своего рода заклинание. А вот то, как эта формула раскрывается в скобках, совсем не банально. У Леонтьева получается, что образ и процесс, то есть сознание и деятельность, «бывают тождественными». А что касается «предметного мира», то он вообще выброшен как часть исходного противопоставления, вместо отношения «мир—сознание», исходного для картезианского миропонимания и перешедшего в «теорию отражения» Ленина и в советскую версию марксизма, подставляется отношение «образ—деятельность».

Хотелось бы посмотреть на советского ученого конца 1930-х годов, да и более позднего времени, если бы этот ученый публично выступил с подобными тезисами! И без того, как известно, Леонтьеву предъявлялись прямые обвинения в субъективном идеализме, отходе от ленинской теории отражения, формализме. Именно поэтому «Материалы о сознании» были похоронены в архиве — а вернее, не похоронены, а надежно спрятаны и постоянно вынимались и использовались при подготовке лекций, статей и книг. Но Леонтьев хорошо понимал, что из этого текста прямо цитировать можно, а что — нет. И его генеральная идея как бы все время оказывалась «за кадром», она легко восстанавливалась из

его рассуждений о деятельности и сознании, но никогда не формулировалась в открытом виде.

Мы еще вернемся к этой генеральной идее в главе 1 части 3 настоящей книги. А пока продолжим движение с мыслью Леонтьева.

Он переходит ко второму циклу харьковских исследований. Здесь главная проблема — орудие. И вот к чему пришли харьковчане.

«Обычное орудие — общественно фиксированная за предметом операция, способ его употребления. Орудие необходимо связано с предметом, данным в определенных условиях (а не на «фоне» безразличных вещей). Оно обобщает, абстрагирует свойства предмета. Оно — материальная, чувственно воспринимаемая форма впервые подлинно человеческого обобщения <...>.

Орудие — связано с субъектом, его определяет. Средство-“неорудие” подчинено в своем употреблении органам, “естественной технологии”; орудие — подчиняет себе орган, его движение <...>.

<...> Образ может отделяться от орудия. Его “причалом” становится тогда слово, образ превращается в значение, мыслится — становится мысленным.

<...> Овладеть орудием, как и значением, значит овладеть процессом, операцией. Происходит ли это в общении или в “изобретении” — безразлично.

Чем же определяется процесс, то есть операция?

<...> Операция определяется объективными свойствами предмета (предметной ситуации), которым она необходимо подчиняется.

Но этого мало. <...> Операция зависит от того процесса в целом, в который она включена, который она осуществляет, а этот процесс есть жизнь» (С. 45).

Важнейший вывод из этого: «Нужно исследовать процесс в целом, в который операции включены и от которого они зависят <...>. Нужно исследовать то целое, в котором “живут” значения.

<...> Ключ к морфологии сознания лежит в морфологии деятельности» (С. 45—46). Кстати, здесь Леонтьев ссылается на статью о понятиях и видит там тот же общий вывод: «Овладеть понятием — овладеть лежащей за ним операцией, а успех этого зависит от процесса учения в целом...» (С. 46).

Перейдем к «Методологическим тетрадам».

Уже с самых первых строк позиция Леонтьева определена чрезвычайно четко. А именно: «Психология имеет своим предметом

деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредствованную отображением этой действительности» (С. 163). Отображение же понимается как особое состояние субъекта, называемое переживанием. Формами переживаний являются чувствование, ощущение, мысль. «Психология изучает, следовательно, то, как действительность субъекта становится его переживанием и как его переживания становятся действительными <...>. Психологическая действительность есть единство деятельности и переживания» (Там же).

Остановимся здесь. Понятие переживания впервые выступает в статье о среде, где дается критика положений Выготского, касающихся переживания. Но там Леонтьев, так сказать, не авторизует этого термина («нам удалось, наконец, освободившись от термина “переживание”...»). Однако и в этой статье уже содержится мысль о том, что центральным психологическим вопросом вообще является вопрос об отношении сознания ребенка к его деятельности в окружающей его объективной действительности. В «Методологических тетрадах» мы находим дальнейшее развитие этой мысли.

Что же такое переживание по версии «Методологических тетрадей»? Леонтьев пытается осмыслить это понятие по-разному. Это и явление психики в самой себе, и кажимость, видимость (но цитируется Гегель: «Видимость есть сама сущность, но сущность в некоторой определенности, причем так, что последняя есть лишь момент сущности...»). Это и «мое отношение для меня». И утверждение, что нельзя (приводит к феноменализму и агностицизму) считать переживание единственной психологической реальностью. Следующая фраза заслуживает того, чтобы процитировать ее точно: «Переживание — явление, но “явление существенно”. Внутренний мир = мир *существенных* явлений!» (С. 164).

«Переживание лишено собственного движения. Только в единстве деятельности и переживания, а не в переживании как таковом, заключены внутренние движущие силы психологического развития. Переживание есть только форма по отношению к содержательности человеческой деятельности» (С. 165). Интересна (и позже реализуется в леонтьевском осмыслении инженерной психологии) и мысль о том, что техника есть внешняя система искусственных органов деятельности (мысль эта, как известно, восходит к Марксу и далее к Гегелю). Следующее важное положение имеет аналог в «Кризисе» Выготского: «В психологии ни объективное (данные объективного наблюдения), ни субъективное

(интроспекция) не совпадают с ее действительным предметом» (С. 166). И рассуждение Леонтьева завершается следующей формулировкой: «Бытие психологического заключается в наличии единого и неразложимого одушевленного жизненного процесса» (*Там же*). Потом он не раз вернется к анализу того, что следует понимать под таким процессом.

Первая попытка такого рода сделана уже на следующей странице, где вводится исключительно важное для понимания всей теории Леонтьева понятие *смысла*. «Смысл есть само отношение, осуществляющееся в деятельности» (С. 167). Смысл имеет строение, в котором кристаллизуется строение деятельности.

Опуская многие положения «Методологических тетрадей», уже рассмотренные нами в предыдущей части книги, перейдем к той части работы, которая как раз и посвящена строению деятельности.

Но перед этим обратим внимание на два момента. Это, во-первых, трактовка воли и произвольности, где впервые возникает проблема «смещения мотива на конечную цель». И, во-вторых, определение поступка как «действия, судьба которого определяется не из наличной ситуации», действия, входящего в двоякую структуру.

Итак, структура деятельности. Сама деятельность определяется как «система процессов, осуществляющих отношение субъекта к действительности» (С. 183). Действие есть «единица» деятельности и несет в себе все моменты деятельности, оно отличается от деятельности тем, что «мотив действия лежит вне его самого». Действия происходят из деятельности, потерявшие свой самодовлеющий характер деятельности превращаются в цепи действий.

Личность первоначально есть совокупность отдельных деятельностей. «На своем высшем уровне это есть “цельная” личность, деятельность которой есть единая система иерархизованных действий; это — “целеустремленная” личность, это личность, всякий акт которой может быть понят из единой общей цели, подчиняющей себе всю жизнь человека» (С. 183). Вводится метафора «мирового хозяйства» развитой личности, когда «даже самые элементарные действия, направленные на осуществление элементарнейших отношений, могут быть подчинены вне их лежащим мотивам» (С. 184).

Строение деятельности «...и есть ее содержание как предмета психологии» (*Там же*). Можно выделить следующие «моменты», или «образующие», деятельности.

- Субъект—предмет. Их особое отношение может стать психологическим отношением.
- Продукт. Это «конкретный объективный результат деятельности, то, к чему объективно приводит деятельность (а не то, к чему стремится субъект!)» (*Там же*).
- Мотив — вещь, побуждающая к деятельности.
- Средство — «вещное или идеальное (прием) посредствующее звено» (*Там же*).
- Задача — объективное содержание деятельности.

Это — терминология *не психологическая*. Но субъективно, вернее для субъекта, все эти понятия имеют коррелаты: «Так, то, что выступает как *продукт*, есть *цель*; тому, что выступает как *мотив*, соответствует *потребность*; то, что есть *задача*, оформляется как *намерение* (или *план*). Самый *предмет* выступает для меня как смысл. Средство (способ действия) — как *значение*» (С. 185).

Стоит обратить внимание на то, что мотив в этой системе как бы выводится из ряда собственно психологических понятий и заменяется потребностью. Непсихологическим оказывается и понятие задачи, зато вводится коррелятивное ему понятие намерения. Но самое интересное здесь, конечно, — трактовка предмета как смысла, а средства или способа — как значения (см. об этом Часть 1).

Философски центральная позиция — рассуждение Леонтьева о том, что «деятельность уничтожает односторонность и субъективности, и объективности» (С. 185) — с прямой ссылкой на Гегеля (вернее, на конспект его работы, сделанный Лениным). Идеальная деятельность рассматривается как *особенная форма* деятельности (со ссылкой на Маркса и Энгельса).

Вводится классификация деятельностей и действий по различным основаниям. Во-первых, следует различать конкретные деятельности (по предмету) и *типы деятельности* (игра, труд и т.п.). Последние отвечают разным типам отношений человека к действительности. Во-вторых, вводится понятие *формы деятельности или действия* — вещная, материальная, практическая и «идеальная», теоретическая. В-третьих, Леонтьев вводит понятие *вида деятельности* — «по признаку различия задачи (“функция”)» (С. 185).

«Действие может быть специализированное и неспециализированное, отделенное или не отделенное; например, произвольное запоминание есть действие неспециализированное. Ин-

теллеktуальный процесс в практическом действии есть не отделенный идеальный акт.

Различение: специализированное — неспециализированное действие — по признаку наличия или отсутствия специального намерения (задачи).

Отделенное или не отделенное — по признаку наличия или отсутствия самостоятельной цели» (С. 185—186).

Мы намеренно процитировали этот фрагмент полностью. Во-первых, потому, что эти понятия (специализированности и отделенности) отсутствуют в канонической теории деятельности. Во-вторых, потому, что здесь введено интересное понятие акта, объединяющего действие и деятельность (идеальный акт может выступать и как деятельность, и как действие).

Этот фрагмент текста завершается еще двумя «неканоническими» идеями. Первая из них касается операции: разложение на операции есть «разложение деятельности на непсихологические ее образующие» (С. 186). Операция может быть физиологическим процессом (отношение органов к средству или предмету, или навык) либо технологическим (отношение средства к предмету). У животного то и другое совпадает. Технологическое отношение может быть и идеальным — это логическая операция. Вторая идея заключается в том, что характер и способ, каким все компоненты деятельности — ее субъект, предмет и моменты, опосредующие процесс деятельности, — входят в этот процесс, конституируют ту или иную *формацию деятельности*. Различные формации отличаются одна от другой тем, как осуществляется жизнь индивида. Пользуясь термином, введенным страницей ниже, это скорее формации *жизнедеятельности*, чем деятельности *sensu stricto*. Причем собственно исторические формации — «задача исторической психологии, которая и оформляется как самостоятельный раздел психологической науки» (С. 187).

Далее Леонтьев вновь возвращается к основным понятиям теории деятельности. (Судя по всему, это фрагмент, связанный с его докторской диссертацией о развитии психики.)

Итак: в начале стоит процесс *жизнедеятельности* как форма существования всякого живого тела. На определенном этапе возникает высшая форма жизнедеятельности — психическая деятельность, или просто *деятельность*. «Ее особенность в том, что она внутренне опосредована (внутренне связана) с отражением организмом (субъектом деятельности) *предметной* действительности» (С. 187).

Психическая деятельность выступает именно как *психическая* «в том случае, когда мы рассматриваем ее в ее собственном содержании, то есть со стороны того внутреннего ее отношения, которое составляет ее специфику: отношение отражающих действительность состояний-переживаний к самим процессам деятельности (к бытию), которые порождают переживание, которые суть условия того, что действительность отражается в психических состояниях и которые в свою очередь определяются через эти состояния» (С. 188).

Деятельность, взятая в ее внешних отношениях, перестает быть предметом психологии, как перестает быть предметом биологии жизнь барана, когда мы рассматриваем его в отношении к человеческим потребностям в шашлыке.

«В деятельности осуществляется отношение субъекта к действительности, к предмету его жизненной потребности» (*Там же*). Деятельность стремится к предмету, который есть *мотив*, «то есть то объективное, что побуждает к этой деятельности» (*Там же*). Когда деятельность — простая, то есть не распадается на действия, мотив, предмет и цель совпадают. «Деятельность осуществляется в определенных условиях. Цель, взятая в этих определенных условиях, есть задача деятельности» (*Там же*).

Далее Леонтьев переходит к понятию действия. Оно отличается от деятельности тем, что в нем цель не совпадает с мотивом. То, что есть цель действия, входит в задачу деятельности. Действие, получая в себе мотив, развивается в деятельность.

И, наконец, операция. Это «то содержание действия, которое определено его условиями» (С. 189).

Под шапкой «*Memorandum*» Леонтьев констатирует: вышеприведенные отношения «могут быть представлены в категориях *смысл—значение* <...> — снова смысл, теперь смысл для *общественного* человека» (*Там же*).

Опуская рассуждение о переносе, смысле и значении, наконец, об интеллекте (обо всем этом мы писали выше), обратим внимание только на небольшой, но принципиально важный фрагмент о возникновении теоретического мышления. «Действие отделяется от субъекта как вещь, как орудие или понятие. Разделяется собственно *подготовка* действия и само действие. Подготовка = приведение ситуации в соответствие со способом действия — орудием, понятием. Это — теоретический интеллектуальный акт, который, становясь *особым действием* (разделение труда), становится теоретическим мышлением» (С. 191).

Во второй тетради, посвященной в основном понятию личности, нас интересует прежде всего соотношение личности и деятельности. Уже в самом начале со ссылкой на Рибо, Штерна, Маркса говорится, что «проблема личности есть проблема единства, взаимосвязи отдельных деятельностей» (С. 194). И далее: «Традиционная психология **постулирует** взаимосвязи деятельностей, мы делаем их взаимосвязи **проблемой**» (С. 195).

Личность трактуется Леонтьевым как связь и иерархия деятельностей, определяемых не биологически, а исторически и осуществляющих общественные отношения человека к действительности. «В условиях общественного способа жизни деятельность впервые раскалывается на действия (генетически возникающие из операций). *Действия приобретают общественный мотив в своей — общественной цели.* Они, следовательно, вновь превращаются в деятельности, но деятельности *человеческие*, отвечающие теперь уже историческим, общественным потребностям. Эти деятельности <...> становятся *господствующими* в иерархии деятельностей <...>. Вместе с дифференциацией происходит и интеграция <...>. Отдельные деятельности <...> все более перестают быть самостоятельными, осуществляющими *отдельные* отношения субъекта к действительности. Поэтому у современного человека его деятельности уже утратили по существу свою самостоятельность» (С. 196—197).

То же в онтогенезе. В ходе развития «происходит дифференциация деятельностей + осознание целей и соподчинение действий + смещение мотивов. Деятельности подчиняются вне их лежащим мотивам и иерархизируются. *Высшее становится господствующим. От “действовать, чтобы удовлетворить свои естественные потребности и влечения” к “удовлетворять свои потребности, чтобы действовать, делать дело своей жизни, осуществлять свою жизненную человеческую цель” — такова общая формула развития личности!*» (С. 198).

Именно в результате соподчинения и иерархизации деятельностей возникает *самосознание*.

И далее — самое главное, и мы позволим себе привести здесь обширную цитату — целый параграф.

«Что же определяет личность человека?»

Мы видели: не внутренние условия, взятые сами по себе, но и не внешние условия, как и не просто совокупность тех и других.

Личность определяется тем процессом, который “соединит” их между собой, тем *содержательным* процессом,

— внутри которого эти условия — внутренние и внешние — только и выступают как *условия*,

— в котором они преломляются и таким образом выступают уже не в качестве *внешних* факторов, внешних сил, движущих процессом развития личности, но в качестве *внутреннего*, заключенного в самом процессе развития личности соотношения.

= Но этот процесс и есть процесс жизни человека!

Итак, совсем кратко: *личность определяется жизнью*. Она и есть не что иное, как сгусток жизни, продукт ее кристаллизации в форме субъекта — субъекта, всегда несущего в себе свою историю, свою реальную биографию.

Здесь должно заметить: не всякий, однако, процесс, происходящий между субъектом и действительностью, составляющий внешнее условие его жизни, “личностен”, то есть переходит, кристаллизуется в личности (и ею определяется).

Не “личностным” в этом смысле является все то содержание жизнедеятельности индивидов, которое мы называем операциями. Они — условие деятельности, действий, формирующих личность, но они не способны сами непосредственно определять ее.

То, что человек *выучивается бухгалтерии*, владеет техникой бухгалтерского учета, еще ничего не определяет в его личности. Для личности его важно не то, что он овладевает техникой учета, а то, что он становится бухгалтером.

Первое же есть только условие второго» (С. 200).

И вновь: «...Складывающиеся различные психологические типы личности определяются *содержанием* деятельности, содержанием реальных отношений субъекта к миру» (С. 201). «Но не всякая фактически осуществляющаяся деятельность человека есть действительно часть его жизни. При известных исторических условиях отдельные жизненные отношения могут отчуждаться от человека» (*Там же*).

И вот итоговая декларация на последней странице этой тетради:

«Психология стала наукой о личности — личности действительной, действующей, утверждающей свою жизнь <...>.

Поэтому учение о деятельности есть альфа, учение о смысле — омега психологии!» (С. 210).

В третьей тетради, кроме очень важного рассуждения о соотношении физиологического и психологического, проанализированного нами в одной из предыдущих глав, для нас важно психологическое понимание ориентировочной деятельности, которая состоит «в активной перестройке понятия о действительности

сообразно самой действительности и заданиям своей деятельности, в активном и целесообразном соединении прошлого опыта с наличным восприятием» (С. 216). Очень существенна и трактовка мышления как деятельности. В этой трактовке мы выделим два момента: то, что мышление имеет дело с действительностью, а не представлениями или понятиями (против ассоцианизма и гештальтизма), и есть «осмысленный и целенаправленный процесс» (С. 219), и то, что это процесс не цепной, не линейный: возникает идея, а затем она совершается — превращается из смутной, неуловимой в ясную мысль. Логика относится только ко второму этапу. Приводится метафора рыбной ловли: «...В мышлении дело обстоит так, как при ловле рыбы наметкой: заброс — рыба поймана, натянулась веревка, сетка; *но и не поймана еще*: ведь нужно завершить (“совершить”) дело — вытянуть рыбу на берег; *только тогда* рыба действительно поймана и только тогда видно, что это *рыба и какая* она (= каков результат процесса)» (С. 219—220).

В лекции «Генезис деятельности», относящейся к марту 1940 года, появляется кое-что существенно новое даже по отношению к описанным выше двум рукописям. Причем это новое хорошо замаскировано под повторение некоторых общеизвестных и к тому времени уже банальных положений марксизма. Скажем, вот идея социальной природы человеческого труда. «Труд есть процесс <...>, который совершается не одиноким существом, ему одному присущими способами, но это есть процесс, который совершается в условиях совместной деятельности людей <...> и <...> также и общественным, то есть коллективно выраженным, способом. В этом процессе люди вступают в общение друг с другом. Речь идет, конечно, не об общении прежде всего речевом, но об общении в смысле участия в совместном действии...» (С. 53). Дальше следует пространное рассуждение о первобытном человеке, где задается принципиальный вопрос: если человек, скажем, поддерживает огонь, то как связана деятельность по поддержанию огня и удовлетворение потребности в пище? «Деятельность других людей — вот что соединяет между собой первое и второе. Для того чтобы поддержание огня могло привести к удовлетворению существенной потребности, необходимо, чтобы была произведена другими людьми какая-то другая часть деятельности <...>. Такого рода деятельность <...> может возникнуть <...> только при одном условии — при наличии деятельности совместной» (С. 54—55). Какими отношениями связаны пища и огонь? Эти отношения суть общественная связь, выступающая «в форме деятельности других людей» (С. 55).

Чтобы «предмет, на который направлена моя деятельность, был бы схвачен, отображен в своих отношениях и связях с тем, что способно побудить меня к действию, с мотивом», этот предмет деятельности должен быть «осознан, то есть отражен в известном объективном отношении его, в данном случае общественном отношении к предмету моей потребности» (С. 56). Такой предмет деятельности правильно было бы, говорит Леонтьев, назвать *целью*. Но и деятельность в этих условиях становится иной. Она предполагает действия других людей, то есть совместную деятельность. И возникает необходимость выделить из комплексного процесса удовлетворения потребности (то есть деятельности) другую единицу — *действие*. Сознательная цель действия может и не совпадать с тем, что удовлетворяет потребность и что побуждает деятельность в целом.

В результате появления действий меняется сама сущность деятельности: «...она направляется теперь не только по отношению к предметам, непосредственно удовлетворяющим инстинктивные биологические потребности, но сама она приобретает общественный характер. Общественные по своей природе мотивы становятся господствующими <...>. Меняется <...> содержание деятельности» (С. 58) — возникает *орудие*. И у общественного человека орудие «несет в себе не случайно определяемые данными обстоятельствами способы его употребления, но общественно выработанный способ, общественно выработанный прием» (С. 59—60). «Человеческое орудие — это то, что изготавливается, это то, что сохраняется и хранит способ действия с этим орудием» (*Там же*). Но для этого нужно, чтобы «носитель способа действия был бы той целью, на которую направлено действие человека. Орудие осознается в его связи с действием как способ действия» (С. 60). Но это означает также, что возникает и осознание способа действия! Отсюда еще одно важное разделение — *фазы приготовления* и *фазы осуществления*. А далее мы приходим к еще более существенному моменту: начинается «отражение предметного мира, окружающего человека, в его объективных, независимых от потребностей человека и от его инстинктов свойствах <...>. Человек <...> относится к пище как к пище, независимо от того, испытывает он в данный момент голод или нет. Его отношение к данному предмету отделяется от самого предмета.

Таким образом создаются условия, делающие необходимым такое отражение действительности, которое способно выделить эту действительность в ее устойчивых объективных свойствах и

качествах» (С. 60). Но чтобы возникло такое отражение, должна измениться форма отражения, должно возникнуть сознание. Для него уже мало чувственных форм — новая форма отражения предполагает *речь, язык*.

Первоначально, полагает Леонтьев вслед за Н.Я.Марром, мы имеем дело с двумя функциями одного и того же трудового действия — воздействие на предмет и воздействие на других людей. Затем трудовое действие редуцируется и превращается в жест, имеющий «звуковое сопровождение», и наконец, остается только само это «звуковое сопровождение». Здесь наиболее слабое место в построениях Леонтьева.

И, наконец, «Основные процессы психической жизни». Это — очень концептуальная работа, в каком-то смысле подводящая итог развитию взглядов Леонтьева на деятельность в период тридцатых годов.

Она начинается с выделения типов сложных деятельностей соответственно различным формам отношения человека к действительности, которые ими реализуются (практическая, познавательная, эстетическая и т.п. деятельность). Внутри таких типов деятельности выделяются отдельные деятельности, различаемые по их конкретному предмету. «Предмет деятельности и является одновременно тем, что побуждает данную деятельность, то есть ее мотивом» (С. 48). «Отвечая той или иной потребности, мотив деятельности переживается субъектом в форме *желания, хотения* и т.п. <...>. Эти формы переживания суть формы отражения *отношения субъекта к мотиву*, формы переживания *смысла деятельности*» (С. 48—49). Выделяются идеально-мотивированные и витально-мотивированные деятельности.

«Осуществление деятельности связано с чувством (эмоцией, аффектом). Эта форма переживания есть форма отражения отношения результата деятельности (достигаемого, достигнутого, могущего быть достигнутым) *к ее мотиву*, которая возникает на несовпадении предмета деятельности <...> и ее результата <...>. В случае развитой деятельности аффект возникает и в связи с *действием*» (С. 49).

Далее идет рассуждение о действии. Здесь интересна фраза, что действия «составляют содержание» всякой сложной деятельности. В остальном нет никакой разницы с «каноническим» вариантом теории деятельности: предмет действия не совпадает с его мотивом и т.д. «Действие всегда сознательно» (С. 49); условием его осознания является сознание отношения предмета деятельности

(=мотива) и предмета действия. Это отношение и есть *смысл действия*. А форма переживания (сознавания) смысла действия есть сознание его цели (сознательная цель действия — это и есть предмет действия в его отношении к мотиву). Вводится представление об *образовании намерения* (выделение в связи с актуальным мотивом цели действия).

«Действие связано с аффектом, поскольку оно составляет содержание определенной деятельности, а не само по себе. Будучи включено в другую деятельность, действие может приобрести иную эмоциональную окраску» (С. 50).

По форме действие может быть *практическим* (иметь материальный предмет) или *идеальным, теоретическим* (предмет является идеальным). Практическое действие — всегда внешнее, теоретическое может быть (так!) внутренним.

Далее вводится понятие волевого действия. Волевые действия в узком смысле — это действия, «переживаемые субъектом, как требующие внутреннего усилия и действия поступки» (*Там же*). В широком смысле всякое действие уже по определению является волевым. Более точное определение: «...В случае, когда действие входит в двоякую деятельность, но мотивация обеих этих деятельностей, будучи различной, не является, однако, противоположной по своему знаку, мы называем такое действие поступком. Поступок требует сознавания отношений, существующих между обеими деятельностями, и учета обоих мотивов; поступок есть, следовательно, действие сложномотивированное, имеющее сложный смысл» (*Там же*). С другой стороны, волевое действие «...возникает из подчинения одной, простой деятельности другой, сложной деятельности, имеющей противоположный по своему знаку мотив» (*Там же*).

«Цель, данная в условиях, определяющих способ действия, <...> есть не что иное, как задача» (С. 50). Соответственно «то содержание действия (способ его), которое определяется не самой целью, но именно условиями, в которых она дана, мы называем *операцией*» (С. 50—51). «Операция кристаллизуется для сознания в значении. Овладеть значением чего-нибудь и есть овладеть способом возможного действия с данным предметом, словом (значением слова) или даже действием же (применением действия)» (С. 51).

И, наконец, «в осуществлении всякой деятельности, действия или операции обнаруживают себя многообразные психофизиологические функции организма: сенсорные, двигательные функ-

ции, мнемическая функция, функция “тоническая” и т.п. Без этих функций (и соответствующих органов) невозможно осуществление никакой деятельности; они являются, следовательно, необходимым условием деятельности. Однако деятельность, действие, операция не сводятся к этим функциям и не могут быть выведены из них» (*Там же*). Переход к ним — это переход к собственно психофизиологическому анализу!

Дальняя ретроспектива. Это известное, тоже вошедшее в «Философию психологии» выступление 1976 года (и, значит, одно из последних выступлений Леонтьева) «Проблема деятельности в истории развития советской психологии». Мы уже цитировали его в связи с М.Я.Басовым.

Что важно в этой работе? Во-первых, указание на то, что работа Выготского (имеется в виду работа «Генетические корни мышления и речи») «имела фундаментальное <...> значение для развития понятия деятельности! Только надо его извлечь из чужой одежды существовавшей тогда терминологии» (С. 264).

Во-вторых, Леонтьев вновь возвращается к «альтернативе» «Выготский—Харьковская группа». Подробно рассматривается позиция позднего Выготского и констатируется, что у него было ясное понимание, что «за сознанием лежит жизнь», но сам он не повел исследование в этом направлении. А дальше излагается логика развития харьковских исследований.

В этом ретроспективном изложении в целом повторяется то, что сказано в «Материалах о сознании». Вместе с тем есть и кое-что новое. Показан генезис понятия «действие» уже в самых первых экспериментальных исследованиях. «Делались опыты так: ребенок должен был действовать, решать практические задачи то один на один с этой задачей, то в присутствии экспериментатора, а еще один вариант — в присутствии другого ребенка и с некоторым естественно возникавшим разделением функций. Вот здесь-то пришлось перейти к термину “действие”, который отчетливо вырисовывался с самого начала работы, и одновременно с этим к термину “деятельность”. Первоначально говорилось так: “осмысленная деятельность”, потом термин “осмысленная” начал отпадать, осталось “деятельность”» (С. 272). Излагаются эксперименты П.Я.Гальперина и П.И.Зинченко, относящиеся к 1934—1936 годам. Суть исследования Зинченко: «Занимает предмет место цели — один эффект, занимает структурное место условия — другой эффект: в этом была сущность, главное, для нас, по крайней мере.

Так возникло представление и вместе с тем членение, выделились понятия собственно деятельности, мотива, дальше — цели, условий <...>. Понятие деятельности теперь получило свое выражение в терминах; деятельность, действие, операция и т.д.» (С. 273).

И, наконец, четко проведено разграничение позиций Харьковской группы и позиций С.Л.Рубинштейна того времени, к которому мы вернемся в следующей главе.

Первые итоги развития теории деятельности (к началу 1940 годов). Попытаемся в заключение этой главы изложить основные подходы к проблеме деятельности, сформулированные А.Н.Леонтьевым в работах, относящихся к тридцатым и началу сороковых годов.

1. Первое положение Леонтьева сводится к тому, что ребенок «действует понятийно», то есть именно его практическая деятельность, реализующая отношения ребенка к действительности, выступает формирующей силой его сознания. При этом и субъект, и «среда», то есть мир объективных предметов, вне деятельности являются абстракциями. Практическая деятельность по отношению к материальным предметам может впоследствии выступить и в форме теоретической деятельности. Действительное единство субъекта и действительности осуществляется именно в деятельности.
2. Главное противоположение — не «внешнее» и «внутреннее», а «образ» и «процесс». Отношение образа и процесса — динамическое. Образ всегда отстает от процесса. Овладеть орудием, средством, значением, понятием — значит овладеть процессом, операцией. Ключ к морфологии сознания лежит в морфологии деятельности.
3. Предметом психологии является деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредованная отображением этой действительности. Отображение — особое состояние субъекта, это и есть переживание; следовательно, психология изучает, как действительность субъекта становится его переживанием и как его переживания становятся действительными. Переживание как часть внутреннего мира человека есть «существенное явление», оно есть форма по отношению к содержанию деятельности.
4. Деятельность имеет свою структуру. Ее образующими являются субъект, предмет, продукт, мотив, средство, задача. Все эти понятия не психологические; для субъекта, в психологии, они имеют соответствующие коррелаты; для продукта — цель, для мотива — потребность, для средства или способа действия —

значение, для задачи — намерение или план. Единицами деятельности являются деятельность, действие и операция.

5. Вводятся понятия типа деятельности (игра, труд и т.п.), формы деятельности или действия (практическая и теоретическая), вида деятельности. Действие может быть специализированное и не специализированное, отделенное и не отделенное.
6. Деятельность есть высшая форма жизнедеятельности.
7. Отношения, приводящие к необходимости выделения деятельности, действия и операции, могут быть представлены в категориях «смысл—значение—смысл». Формы переживания суть формы переживания смысла деятельности.
8. Проблема личности есть проблема взаимосвязи деятельностей. В историческом развитии психики отдельные деятельности интегрируются в единство. От «действовать, чтобы удовлетворить свои потребности» человек переходит к «удовлетворять свои потребности, чтобы действовать, делать дело своей жизни». Личность есть продукт кристаллизации жизни в форме субъекта.
9. Генезис действий связан с расчленением совместной производственной деятельности людей и как следствие — с осознанием цели действия, способа действия и орудия. Отсюда разделение «фазы приготовления» и «фазы осуществления» действия и появление отражения предметного мира, отделенного от отношения к предметам, то есть в их объективных свойствах и качествах. Условием этого отражения является речь, язык.

Мы специально не останавливались в этом синопсисе взглядов раннего Леонтьева на деятельность на относительно частных вопросах, трактовка которых менялась даже в течение тридцатых годов, не говоря уже о более позднем периоде. Так, менялось понимание мотива и соотношения его с потребностью. По-разному трактовалась операция, в конечном счете она была возвращена в число собственно психологических понятий, а ее место в ряду понятий непсихологических частично заняли психофизиологические функции организма.

Из сказанного выше очевидно, что, хотя взгляды Леонтьева на деятельность со временем менялись и акценты расставлялись по-разному, принципиальная основа деятельностной концепции оставалась с самого начала (и, забегая вперед, скажем — до самого конца) единой и неизменной. Далее, анализируя в главе 7 развитие взглядов Леонтьева в 1940—1970-х годах, мы будем обращать внимание читателя прежде всего на те изменения, которые возникали в этих взглядах по сравнению с позицией Леонтьева в тридцатые годы.

ГЛАВА 6. ТРАКТОВКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТАХ С.Л.РУБИНШТЕЙНА 1930—1940 ГОДОВ

Генезис взглядов Рубинштейна на деятельность. Первой известной работой С.Л.Рубинштейна, специально посвященной проблеме деятельности, была опубликованная в 1922 году статья «Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики)», философская по содержанию. Она восходит к идеям Гегеля по этому вопросу, что совершенно закономерно, так как докторская диссертация Рубинштейна, опубликованная и защищенная в 1914 году в Марбурге, носила название «Исследование проблемы метода. I. Абсолютный рационализм (Гегель)».

Упомянутая статья может быть до конца понята и осмыслена только на фоне философских и психологических рукописей Рубинштейна 1920-х годов, опубликованных совсем недавно. Так например, для генезиса деятельностного подхода вообще чрезвычайно интересен фрагмент о Шпрангере. Рубинштейн весьма положительно оценивает мысль Шпрангера о том, что психическое определяется своим соотношением к объективным образованиям. Однако «из психологического развития у него выпало активное соотношение субъекта с внешним миром, в котором субъект, *соотносясь* с миром и преобразуя его, сам формируется. Из развития оказались выключенными всякие элементы “самодвижения”, подлинного развития преобразующего субъекта <...>. Психологическое развитие действительно обусловлено отношениями, выходящими за пределы индивидуального сознания субъекта и в нем сплошь и рядом неадекватно отображенными; но это — *реальные* отношения, в которые включена *реальная* личность; они реализуются в поведении, в конкретной деятельности человека» (Малоизвестные статьи..., 1989. С. 363). Но особенно важны фрагменты, приведенные в статье К.А.Абульхановой-Славской (1989). Они касаются, во-первых, онтологии бытия, во-вторых, проблемы субъекта. Протицируем некоторые из них.

«Общая концепция — поток становления — изменяющаяся в ходе развития структура бытия — образования все новых систем возрастающей степени свободы — отражения и воздействия на мир. Онтологическое значение развития психики и сознания. Образование в бытии субъектов — центров перестройки бытия <...>. Активность субъектов и их бытие. Бытие — это не в их независимости друг от друга, а в их соучастии <...>. Преодоление концепции бытия как комплекса друг другу внешних изолированных данностей <...>. Данность (на самом деле) заданное, проблема» (*Абульханова-Славская, 1989. С. 14*).

«Подлинность бытия объекта — не в его внешней данности и независимости в этом смысле от познания, а в закономерности, “обоснованности” субъектом его содержания. Поэтому, когда познание взрывает независимость от субъекта, внешнюю данность объекта, он (объект) в этом процессе познания, проникающего в свой предмет, не теряет, а обретает свое подлинное бытие. Таким образом, теория познания и теория действия исходят из одного и того же принципа. К тому же сам процесс познания своими истоками и результатами включается в процесс действия» (*Там же. С. 19—20*).

Упомянутая статья 1922 года дополняет и развивает эти философские положения раннего Рубинштейна. «...Субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого...» (*Рубинштейн, 1986. С. 106*). У деятельности четыре особенности: это всегда деятельность субъекта, она есть взаимодействие субъекта с объектом, то есть является предметной и интенциональной, она всегда творческая и, наконец, самостоятельная.

«В творчестве создается и сам творец. Есть только один путь — если есть путь — для создания большой личности: большая работа над большим творением. Личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет...» (*Там же*).

Единство личности как субъекта деятельности распадается, когда «деяние, не входя в построение самого субъекта, теряет внутреннюю связь с ним. Утрачивая связь с субъектом, деяния тем самым теряют связь и между собой» (*Там же. С. 105—106*).

Эта работа Рубинштейна поразительна тем, что базируясь на идеях Гегеля и практически не зная философских работ Маркса (с одной стороны, он сам об этом говорит в своих автобиографических заметках; с другой, А.В.Брушлинский правиль-

но констатирует, что основные работы Маркса по антропологической философии, особенно «Немецкая идеология» и «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» были опубликованы позже, а философский аспект «Капитала» остался чужд молодому Рубинштейну), он сумел преодолеть субъективно-идеалистическое гегелевское понимание и подойти к позициям Маркса и марксизма настолько близко, насколько это вообще было возможно. «По направлению именно к <...> диалектико-материалистическому пониманию деятельности <...> объективно шло развитие философско-психологических воззрений Рубинштейна» (Брушлинский, 1989. С. 68). В то же время для Рубинштейна оказалось неприемлемым положение Маркса о том, что бытие определяет сознание. Это вполне естественно, если учесть антикартезианский пафос ранних работ Рубинштейна; в его философском пантеоне, по его собственному признанию, с Марксом соседствовал Спиноза. Декарт если и привлекал его, то «личной раскрепощенностью, критической мыслью»: методологию же Декарта Рубинштейн характеризует как «скептицизм, нигилизм, всеобщее наплевательство: моему лицу ни до чего нет дела» (Малоизвестные статьи..., 1989. С. 416). В переводе на «академический» философский язык это как раз и означает противопоставление субъекта объекту, принципиальное неучастие субъекта в делах мира.

Позже, в записях 1920—1930-х годов, антикартезианская мысль Рубинштейна выражена абсолютно ясно: «Вместо дуалистической схемы: мир или среда, с одной стороны, субъект, личность — с другой (как бы вне среды и мира), поставить вопрос *о структуре мира или среды, включающей, внутри себя имеющей субъекта, личность как активного деятеля*. Предметом фундаментального изучения должна быть *структура мира с находящимся внутри него субъектом и изменения этой объективной структуры в различных установках субъекта*» (Там же. С. 367).

Ниже, в главе 1 части 3, мы еще вернемся к этой проблеме. Пока же остается только высказать сожаление, что все цитированные выше философские положения С.Л.Рубинштейна оказались на много лет недоступными и не сыграли той роли в развитии советской психологии, какую они могли бы сыграть⁷.

---

⁷ Как известно, опубликована была в те годы только статья 1922 г., но эта публикация вышла в Одессе в малоизвестном и фактически недоступном издании «Ученые записки высшей школы в г.Одессе». Т. 2.

Но так или иначе, очевидно, что к началу 1930-х годов какие-либо принципиальные философско-методологические противоречия между Рубинштейном и Выготским и его школой отсутствовали. Ко многим принципиально важным мыслям Рубинштейн пришел раньше, чем Выготский и его школа. Но он шел к ним через философию, а они — прежде всего через психологию. Для Рубинштейна же последовательное психологическое осмысление его философской концепции началось только в начале 1930-х годов. В его уже цитированных выше записях двадцатых—начала тридцатых годов наряду с заявлением, что психология — это не реактология, многие собственно психологические проблемы анализируются в парадигме «стимул—реакция». См. об этом ниже.

В заключение настоящего раздела необходимо обратиться к еще одной важной мысли Рубинштейна, а именно к его трактовке отношений человека (субъекта) к другому человеку. Мы здесь не можем останавливаться подробно на этой трактовке; обратим внимание лишь на то, что отношение «субъект—другой человек» для Рубинштейна совершенно симметрично отношению «субъект—предметный объект». Поэтому едва ли правомерно видеть в позиции Рубинштейна зародыш будущего противопоставления субъект-субъектных и субъект-объектных отношений.

Классические работы Рубинштейна 1930 годов. Это прежде всего две общеизвестных публикации Рубинштейна — его статья «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса», написанная весной 1933 года и опубликованная в 1934, и вышедший в 1935 году учебник «Основы психологии». В сущности, именно ими открывается длинный ряд собственно психологических работ Рубинштейна (хотя и среди более поздних его книг и статей есть философские — например, «Бытие и сознание» или неопубликованная при жизни автора рукопись «Человек и мир»).

Но прежде чем перейти к указанным работам, остановимся на психологическом содержании рукописных фрагментов 1920—1930 годов, упомянутых выше.

Первая очень важная мысль Рубинштейна касается недопустимости редукционизма (сам термин он не употребляет) — как сведения физиологических процессов к химическим и физическим, так и психических — к физиологическим. Содержание и закономерности психики, продолжает он, детерминируются как физиологией, так и объектом. «Сфера имманентной психологической закономерности» включает субстрат вместе с объектом в единой системе.

«Не дрыгание лапки лягушки только, не рефлекс — человек как *деятель, познающий мир, чтобы его перестроить*, человек, *планирующий* в мировом масштабе. Последний представляет собой конкретную личность в ее исторической деятельности (В.И. Ленин), и значит — вот эта деятельность должна быть объяснена...» (Малоизвестные статьи..., 1989. С. 365).

Вторая важная мысль Рубинштейна касается отношения структуры и функции. Общая структура поведения описывает его целостность, отдельные функции реализуют эту структуру. Бессмысленно и неверно «исследование отдельных функций, не вскрывающее производимой ими перестройки целостной структуры поведения» (*Там же*). В качестве примера приводятся функции памяти, речи и мышления. Вводится понятие высших и низших структур поведения. «Функции, которые на низших стадиях были господствующими и определяли общую структуру поведения, сохраняются на высших стадиях как функции. Но общую структуру поведения определяют уже другие высшие функции, ставшие господствующими (то есть определяющими структуру), и перестраивают все низшие, в высшей структуре уже подчиненные функции. Низшие при этом обычно понижаются в своем уровне» (*Там же*. С. 366).

Третье. Существуют внешние противоречия «между средой для индивидуума (совокупность стимулов, на которые он реагирует как психологический субъект), и средой в себе» (*Там же*), воздействующей на него через первую среду. Но есть и внутреннее противоречие «между стимулами или задачами, которые они ставят, и средствами, которыми располагает индивидуум для их разрешения. Первое внешнее противоречие всегда выявляется через внутреннее: через противоречие между реакциями и новыми стимулами (задачами), введенными внешней средой в систему стимулов» (*Там же*). Следует обратить внимание на то, что внешняя среда здесь трактуется как имманентная «система стимулов», и ее изменение приводит к расхождению между стимулами и сформировавшимися ранее реакциями.

Однако уже следующая фраза Рубинштейна вводит нас в совсем иной контекст. Он четко пишет: «Рассматривать действенные акты поведения человека как реакции, то есть только в их отношении к раздражителю, независимо от эффекта, от воздействий на среду, — это значит придерживаться игрового, легкомысленно не трудового (“игривого”) взгляда на поведение человека» (*Там же*. С. 367). Казалось бы, здесь есть противоречие. На самом деле

никакого противоречия нет: ведь именно через посредство внешней среды (стимулов) воздействует на человека «среда в себе». Действенные акты поведения зарождаются, следовательно, как часть внутренней среды; их результатом является перестройка внешней среды. Ниже Рубинштейн уточняет эту мысль, говоря о психологической структуре поведения в целом. «Функции; каждая новая функция перестраивает все остальные, видоизменяя прежнюю или определяя новую структуру». Это первый шаг. Но «с каждой новой структурой поведения связаны новая функция и содержание “стимулов”, а также “среды”. При новой структуре поведения человек входит, включается в среду новой структуры и образует вместе с ней одну структуру». Это второй шаг. При этом «каждой новой структуре соответствует не только новое содержание, но и новая функция “стимулов”, среды, а тем самым и *новый тип закономерности поведения*» (Там же. С. 369). Но начинается все с изменения функции.

Четвертое важное положение касается предмета психологии. Здесь перечисляются переживание, поведение, интенциональность (в современной терминологии интенциональность) как связь с объектом, связь с субстратом — психофизиологическая проблема и связь с социальным субстратом.

Далее следуют более частные, но от этого не менее важные рассуждения. Это определение восприятия как восприятия «предметов, действительности, оформленной, имеющей значение и т.д.» (Там же. С. 368), которое имплицитно включает мышление. Действие понимается как акт, реакция, происходящая в мире «объектов», содержаний, имеющих «значение» (Там же).

Пятое положение Рубинштейна как раз и касается соотношения действия и реакции. Бесспорна его мысль, что действия человека не могут быть сведены не только к рефлексам, но и к реакциям. «Психология не реактология» (Там же. С. 369). Но дальше говорится, что действия могут сводиться к реакциям, когда они определяются оторванно от вызванного ими эффекта. «...Одно и то же действие может быть произведено различными реакциями <...> и одна и та же реакция <...> может определять различные действия» (Там же). Получается, что один и тот же акт является действием по отношению к объекту и реакцией по отношению к субъекту. Ниже то же сказано еще более определенно: действие «определяется определенным эффектом, результатом, событием в *окружающей среде*. Движения [в этой работе они синонимичны реакциям. — А.Л.] — реакции, отне-

сенные к организму, связанные с явлениями окружающей среды исключительно как с *раздражителями*. Другие не только раздражителями вызваны, но к раздражителю приспособлены (ему соответствующую)» (Там же. С. 372).

Далее Рубинштейн пытается интерпретировать по-новому само понятие стимула. «*Стимул* на начальном этапе = *причина*, однозначно определяющая реакцию, далее стимул в стадии “памяти” влияет прошлым опытом, и, наконец, стимул (сфера мышления) как “*цель*”, *интенциональный объект, задача*» (Там же). Мышление определяется Рубинштейном как форма опосредствования. «*В определении понятия мышления* существенны элементы: *отношение к объекту, значение, “смысл”*» (Там же. С. 370).

Из приведенных положений Рубинштейна очевидно, что в момент написания цитированных фрагментов он находился на распутье. С одной стороны, он не мог выйти за пределы старой психологической парадигмы и стремился всеми правдами и неправдами примирить ее с новой. А с другой стороны, его четкая философская позиция диктовала ему переход к новой парадигме. Отсюда внутренняя противоречивость приведенных рассуждений, попытка отождествить стимул и цель (задачу), реакцию и действие, поиск движущей силы системных изменений поведения во «внутренней среде» и т.п. Многие из высказанных здесь идей можно встретить в измененной форме и в более поздних психологических работах Рубинштейна. Из цитированных фрагментов ясен, по крайней мере, путь, которым он к ним пришел.

Перейдем к знаменитой статье о Марксе.

Вокруг нее возникло множество мифов. Первый из них — что это была первая подлинно марксистская психологическая работа, указавшая путь другим психологам. Однако до нее были публикации Блонского и Выготского, которых никак нельзя считать «настоящими» марксистами в психологии. На те же идеи Маркса опирался К.Р. Мегрелидзе в книге, написанной как раз в это время — в 1933—1934 годах, но опубликованной только 30 лет спустя. Некоторые из них цитирует и В.Н. Колбановский в предисловии к первому изданию «Мышления и речи» Выготского. Рубинштейн имел возможность вовлечь в анализ впервые опубликованные работы Маркса и Энгельса, в особенности «Экономическо-философские рукописи 1844 г.»; он впервые дал систематический обзор марксовского понимания человека (его антропологической философии); он убедительно показал методологическую неадекватность ряда западных психологических школ и направлений (что

до него, к слову, не менее убедительно делал Выготский). И это высоко оценивали все советские психологи, включая Леонтьева. Но *новой психологии Рубинштейн в этой статье не построил*. Она, добавим, по самому духу своему философская, а не психологическая. Но об этом ниже.

Второй из мифов четко сформулирован А.В.Брушлинским в статье о Рубинштейне 1989 г.: «На наш взгляд, вполне допустимо предположение, что в анализируемой здесь статье 1934 г. Рубинштейн ведет скрытую полемику, в частности, с культурно-исторической теорией высших психических функций, разработанной в 1929—1934 гг. Л.С.Выготским и его учениками (А.Р.Лурией и др.)» (*Брушлинский*, 1989. С. 73). На наш же взгляд, это предположение совершенно недопустимо: ведь речь идет о двух типах психических функций, низших и высших; Рубинштейн, как мы уже видели, рассматривает их в единстве и целостности, считая, что у ребенка социальны *все* психические функции; Брушлинский почему-то полагает, что Выготский и его школа утверждают независимое сосуществование натуральных (низших) и культурных (высших) психических функций. Но уже в *первой* публикации Выготского по культурно-историческому подходу совершенно ясно говорится: «В процессе развития происходит все время это качественное изменение форм поведения, превращение одних форм в другие». Далее: «Обычно обе линии психологического развития, естественного и культурного, сливаются так, что их бывает трудно различить и проследить каждую в отдельности» (*Выготский*, 1928. С. 59, 61). Что же говорить о последующих работах, где идея психологической целостности субъекта и единства его психических функций независимо от их конкретного генеза положена в основу всего анализа? Ср. например, в «Педологии подростка»: «История развития высших форм поведения обнаруживает прямую и теснейшую зависимость от органического, биологического развития ребенка и от роста его элементарных психофизиологических функций. Но связь и зависимость не есть тождество. Поэтому в исследовании мы должны и в онтогенезе выделять линию развития высших форм поведения, прослеживая ее во всех своеобразных закономерностях, не забывая ни на минуту о ее связи с общеорганическим развитием ребенка <...>. В онтогенезе мы должны различать представленные в сплетенном виде, в сложном динамическом синтезе обе линии развития поведения» (*Выготский*, 1984. Т. 4. С. 47).

Кстати, прослеживая буквально по месяцам эволюцию взглядов Рубинштейна, А.В.Брушлинский мог бы более точно определить годы возникновения культурно-исторической теории. Напомним: она зародилась в конце 1924—начале 1925 года; первая публикация Выготского по ней относится к 1928 году⁸. А первая и единственная ортодоксально культурно-историческая монография, «Развитие памяти» А.Н.Леонтьева, была завершена в 1928 году и опубликована в 1931. Кстати, именно Леонтьев почему-то обозначен Брушлинским «и др.».

А главное — трудно предположить, что тот же С.Л.Рубинштейн, который в 1933—1934 годах вел «скрытую полемику» против Выготского, в 1934—1935 годах, в первой своей психологической книге, оказался настолько близок к нему, что Д.Б.Эльконин, один из учеников Выготского, публично обвинил Рубинштейна в использовании стенограмм лекций Выготского. Для нас несущественно здесь, кто был прав: пусть Рубинштейн, а не Эльконин. Но близость-то позиций из этого скандала очевидна! Впрочем, мы увидим ее в ходе дальнейшего анализа.

Но обратимся все-таки к самой статье.

Она начинается резкой и абсолютно справедливой критикой как интроспективной психологии (за отрыв сознания от деятельности и от социального начала, «идеологии»), так и поведенчества, то есть бихевиоризма (за отрыв деятельности от ее результата или продукта). Нужно, по Рубинштейну, не соединять эти подходы (как это делают Бюлер и К.Н.Корнилов), а преодолеть их, радикально перестроив наше понимание как сознания, так и деятельности. Путь к такой перестройке и указывают работы Маркса. Это прежде всего идея, что деятельность и предмет взаимно проникают друг в друга, что деятельность есть раскрытие в объектах сущностных сил субъекта. Но лишь в этом опредмечивании или объективировании формируется сам субъект. Деятельность есть общественный процесс, прежде всего постольку, поскольку общественными являются продукты деятельности.

Итог: «Человек — не гегелевский самопорождающийся субъект: если мое сознание формируется в моей деятельности через продукты этой деятельности, оно объективно формируется через продукты общественной деятельности. Мое сознание в своей внутренней сущности опосредствовано объективными связями, которые устанавливаются в общественной практике и в которые я включаюсь, вхожу

⁸ Хотя не доказано, что она реально вышла именно тогда: дарственная надпись Выготского Леонтьеву на экземпляре отиска этой статьи из библиотеки последнего почему-то датирована 10 февраля 1930 года.

каждым актом своей деятельности, практической и теоретической. Каждый акт моей деятельности и я сам в нем через него тысячами нитей вплетен, многообразными связями включен в объективные образования исторически сложившейся культуры, и мое сознание насквозь опосредствовано ими» (*Рубинштейн*, 1973. С. 27).

Далее анализируется проблема сознания. «Сущность сознания в том, что мое отношение к моей среде в сознании человека само дано как отношение, то есть реальное отношение человека к среде становится опосредствованным — через идеальное ее отражение, которое практически осуществляется в языке. Язык служит тем планом, на котором я фиксирую отражаемое мной бытие и проецирую мои операции. Таким образом, идеальный план включается между непосредственно наличной ситуацией, которую я познаю, и операцией или действием, которым я изменяю мир. В связи с этим неизбежно иной оказывается и самая структура действия. Возникновение опосредствующего идеального плана высвобождает действие из исключительной зависимости от непосредственно наличной ситуации <...>. Действия <...>, становясь опосредованными, могут определяться не только стимуляцией, исходящей из непосредственно данной ситуации, но и целями и задачами, лежащими за ее пределами: они становятся избирательными, целевыми и волевыми; именно эти черты характеризуют деятельность человека в его специфических отличиях от поведения животных» (С. 28—29).

Решающим моментом концепции Маркса, по Рубинштейну, является «внутри проникающее и изнутри человеческое сознание формирующее воздействие общественной практики» (С. 30). «Таким образом, решающим для марксистско-ленинской концепции является преодоление противоположности социального и индивидуального, внешнего и внутреннего, осуществляемое в исходной концепции о формировании внутренней сущности человеческого сознания в процессе воздействия человека на внешний мир, в процессе общественной практики, в которой происходит взаимопроникновение действия и предмета и формирование субъекта и сознания через продукты общественной практики» (С. 31).

Статья завершается методологическо-философским анализом проблем восприятия, потребности, способности и, наконец, личности.

По существу эта статья Рубинштейна не вызывает почти никаких возражений. Она продолжает и развивает мысли более ранних его работ, о которых шла речь выше. Я обратил бы внимание только

на одну деталь, не выделяющуюся пока в общем контексте, но значимую для понимания дальнейшей эволюции взглядов Рубинштейна: это заметный акцент на *объективные предметы, продукты деятельности* и на субъект как продукт «общественной практики» в ущерб особенностям самой деятельности. Не случайно как специфические черты человеческой деятельности выделяются избирательность, целенаправленность и волевой характер: все эти черты замыкают проблему деятельности на субъекте и объекте.

Мы уже указывали выше на то, что эта статья — *не психологическая*. В ней абсолютно отсутствует анализ конкретного психологического материала, и даже анализ таких понятий, как потребность или чувства, целиком остается на философском уровне. Ничего плохого в этом усмотреть нельзя. Но почему-то хочется вспомнить слова замечательного лингвиста Евгения Дмитриевича Поливанова, сказанные в феврале 1929 года в ходе «поливановской дискуссии», закончившейся для Поливанова трагически — снятием с работы, фактической ссылкой в Среднюю Азию и, наконец, арестом и расстрелом. Вот что он тогда говорил: «...Когда вы любое положение марксизма, любое положение диалектического материализма выводите из фактов, вот тогда я скажу, что это будет марксистская лингвистика <...>. Подходить к исследованию материала лингвист может не рассуждая вовсе о том, что говорит об этом марксизм, но он должен анализировать факты <...>. А если у нас будут просто сказаны такие истины, что язык, дескать, развивается не независимо от жизни общества, <...> так для этого не нужно быть лингвистом, а для этого достаточно прочесть классиков марксизма» (Поливанов, 1991. С. 512—513). Впрочем, очень близкие мысли, касающиеся уже не лингвистики, а психологии, высказывал еще в середине 1920-х годов Л.С.Выготский (см. об этом Леонтьев А.А., 1990. С. 36—39).

Совсем другой характер носит учебник Рубинштейна «Основы психологии», и теперь пришло время поговорить о нем.

Первый раздел книги касается истории, предмета и методов психологии. Очерк истории психологии в целом продолжает и развивает идеи статьи о Марксе⁹. Главная мысль раздела о предмете

---

⁹ Он кончается очень интересным пассажем: «Крупное место в советской психологии принадлежит Выготскому, который совместно с Лурье [так! — А.Л.], Леонтьевым и другими разработал созданную им теорию культурного развития высших психических функций, ошибочность которой не раз освещалась в печати» (Рубинштейн, 1935. С. 37).

психологии в следующем. «...Центральным в психологии должно быть признано то положение, что психическое включено в связи, выходящие за пределы внутреннего мира сознания, опосредовано отношениями к внешнему, предметному миру и лишь на основе этих отношений может быть определено» (Там же. С. 42—43). Всякое явление сознания определяется двоякой соотнесенностью — отнесенностью к субъекту (как переживание субъекта) и предметной отнесенностью. Вообще «психологический факт объективно устанавливается лишь через отношение к объективному предметному миру» (С. 45).

«Сознание — это идеальное, деятельность — реальное отношение моего отношения к предметному миру» (Там же). «Сознание и деятельность образуют органическое единство, единую систему. Сознание определяется действием, в действии раскрывается сознание» (С. 49). Одним словом, «деятельность, поведение включается в объект психологического исследования» (Там же). Именно в этой главе Рубинштейн четко формулирует принцип единства сознания и объективной деятельности. Однако следует обратить внимание, что сама деятельность, акт деятельности выступает здесь «как сложное образование, которое, не будучи только психологическим процессом, выходя за пределы психологии в области физиологии, социологии и т.д., внутри себя включает психологические компоненты» (С. 50). При этом «...все внутренние психологические особенности действия или операции в принципе могут найти себе выражение в особенностях его внешнего протекания» (С. 51). Единство сознания и деятельности выражается прежде всего в специфике *сознательной деятельности*. Итог: «Психология не изучает поведение в целом, но она изучает психологические особенности деятельности» (С. 52). В силу единства психики и деятельности «психология, посредством деятельности просвечивая внутренние процессы сознания, тем самым освещает внутренние процессы деятельности» (С. 53). Иными словами: то, что в деятельности является психологическим, идет от сознания! А деятельность (в ее психологической ипостаси) есть то, в чем «раскрывается» сознание.

Каким образом «социальность» определяет природу сознания? Ответ недвусмысленен: через язык, речь; через систему знания; через идеологию; и, наконец, «посредством соответствующей организации индивидуальной практики общество формирует как содержание, так и форму индивидуального сознания каждого человека» (С. 60). Таким образом, индивидуальное сознание является функцией общественных отношений.

В соответствии с этим психология изучает «опосредованное общественной, в классовом обществе классовой, идеологией сознание общественного индивидуума» (С. 62), или, если ввести понятие личности, — «психику исторической личности в единстве ее внутренних и внешних проявлений» (Там же).

«Сознание формируется в связи с деятельностью человека. Но, развиваясь, оно приводит к преобразованию самого бытия человека и его деятельности. Чем выше уровень развития, тем эта роль сознания значительнее» (С. 63).

В разделе о методах психологии обращает на себя внимание фраза: «Общей основой всех объективных методов психологического исследования является единство сознания и деятельности, внутреннего и внешнего» (С. 74). И далее: «Основная задача психологического эксперимента заключается в том, чтобы максимально извлечь изнутри вовне психологически существенные особенности изучаемого процесса и превратить отношение между внешним актом и его внутренней психологической природой из многозначного, каким оно обычно бывает, в однозначное» (С. 79). Следовательно, деятельность есть внешнее, внешний акт, который находится в тех или иных отношениях с внутренней психологической природой, то есть с сознанием.

Вторая часть книги носит название «Основы психологического развития».

Именно здесь впервые и обращает на себя внимание близость к концепции Виготского. Здесь и идея качественного преобразования психики в процессе развития, и понятие критического возраста, и идея внутреннего накопления качеств, затем дающих взрывной переход на новую стадию развития, и то, что «в сложных психологических функциях участвует <...> кора как единое целое <...>. Для сложных интеллектуальных функций не существует “центров”, которые бы их продуцировали» (С. 113).

Существенные черты человеческого сознания Рубинштейн характеризует так. Первая черта: для предметного сознания человека предметы приобретают индивидуальное значение, не зависящее от изменения ситуации, в которой они даны. Вторая: выход за пределы непосредственной наличной ситуации. «Для обезьяны объекты имели в их действиях объективно определенное “значение”; однако, поскольку оно выходило за пределы зрительного поля, оно лежало исключительно в моторном плане. Специфика человеческого сознания проявляется в том, что это действительное значение предмета поднимается в план сознания. Осознаваясь, оно обоб-

щается и преобразуется» (С. 134). Развитие сознания приводит к развитию самосознания, а отсюда и действия человека становятся сознательно регулируемыми операциями.

Связь развития с обучением трактуется в целом по Выготскому. Однако в одном важном пункте Рубинштейн от Выготского отходит: «Внутренние противоречия между сознательным отношением, отраженным в самосознании, и реальным отношением, объективно определяющим сознание и поведение, являются движущей силой психологического развития» (С. 147).

Выделяются три типа поведения — реакция, действие, поступок — и три конкретных формы деятельности: игра, учение, производительный труд.

Название третьей части, посвященной высшим психическим функциям, чрезвычайно показательно: «Функциональный анализ сознания». Она включает последовательно главы о восприятии, памяти, речи¹⁰, мышлении¹¹, воображении, затем влечениях, потребностях и интересах, эмоциях, внимании, воле.

Четвертая часть — «Психология личности». Она включает также основы дифференциальной психологии и проблему одаренности. Последние слова книги следующие: «Лишь *через посредство объективных продуктов своего труда и своего творчества человек становится человеком, поскольку через продукты своего труда, через все то, что он делает, человек всегда соотносится с человеком*» (С. 491).

В книге Рубинштейна можно найти еще много прямых аллюзий к Выготскому. Так, Рубинштейн пишет: «...Посредством речи общественное сознание формирует сознание индивидуума» (С. 142). «Социальные формы общения между людьми становятся формами мышления индивидуума» (С. 266). Говорится о предикативности и сокращенности внутренней речи (С. 266), о формировании, а не только формулировании мышления в речи (С. 267), о психологической специфике письменной речи

¹⁰ Здесь, кстати, развернуто понимание эгоцентрической речи, по внешности альтернативное подходу Выготского, но совпадающее с ним в главном — идее социального генеза ее.

¹¹ И здесь очевидны прямые заимствования у Выготского, например: «обучение продвигает вперед развитие»; обучение «оказывается эффективным, лишь поскольку оно оказывается в *зоне ближайшего развития*, включающей в себя то, что ребенок в состоянии уже постичь при помощи других, не будучи еще в состоянии овладеть этим самостоятельно» — С. 346; ссылки на Выготского нет; основные стадии развития мышления даны тоже по Выготскому.

(С. 290—291), о различном генезе мышления и речи (С. 330), о синтезе интеллекта и аффекта и т.д.

Книга «Основы психологии» — хороший учебник, и признаюсь, что я, например, нередко пользуюсь ею как справочником. Но если проанализировать ее содержание, она производит весьма двойственное впечатление. С одной стороны, в ней полностью реализованы те методологические подходы, базирующиеся на идеях Гегеля и Маркса, которые мы видели при анализе предшествующих рукописей и публикаций. Здесь есть абсолютно бесспорные позиции, объединяющие Рубинштейна с Выготским и его школой, а также с другими выдающимися психологами-марксистами. Но есть и позиции, для Выготского и особенно его харьковских учеников неприемлемые, — например, представление о деятельности как «внешнем» и сознании как «внутреннем», поиск общественной природы психики прежде всего в продуктах деятельности и т.п. С другой стороны, собственно психологическая проблематика книги (если отвлечься от изложения, анализа и критики позиций зарубежных психологических направлений и отдельных психологов; впрочем, и здесь позиции Рубинштейна чаще всего совпадают с позициями Выготского) чрезвычайно близка взглядам Выготского.

С чем это связано? Прежде всего с тем, что Рубинштейн постоянно контактировал с Выготским в тот период, когда возглавлял кафедру психологии ЛГПИ (а Выготский систематически приезжал в Ленинград для чтения лекций). На кафедре Рубинштейна практически отсутствовали опытные психологи (все они сформировались к середине и концу 1930-х годов), а в Одессе Рубинштейн психологией как таковой занимался мало, хотя и заведовал бывшей кафедрой Н.Н.Ланге. И совершенно естественно, что в первой психологической книге Рубинштейна так чувствуется влияние Выготского — более молодого по возрасту, но к этому времени значительно более зрелого психолога. Я хотел бы быть правильно понятым: все сказанное ни в коей мере не принижает ни научных достоинств С.Л.Рубинштейна, ни его дальнейшего вклада в психологию. Так уж сложилась жизнь.

«Основы общей психологии». Эта книга, впервые опубликованная в 1940 году и повторно изданная в 1946 (недавно она была дважды переиздана), сделала Рубинштейна знаменитым и принесла ему Сталинскую премию. Мы будем опираться на издание 1940 года. Естественно, нам придется выбрать только несколько глав этой книги, имеющих наиболее близкое отношение к проблеме деятельности.

Глава о предмете психологии чрезвычайно близка к соответствующей главе «Основ психологии» и в своей значительной части ее текстуально повторяет. Однако появляется четкая и очень известная формулировка: «Психология изучает психику через посредство деятельности и тем самым психологические особенности деятельности. Она при этом изучает не психику или сознание *и* деятельность, а психику и сознание *в* деятельности» (Рубинштейн, 1940. С. 18).

В главе по истории психологии обращает внимание критика взглядов Выготского и его школы. Вот она: «...Основной тенденцией и задачей психологии, нашедшей себе выражение в теории культурного развития, явилось стремление продвинуть в психологию принцип развития, принцип историзма.

Самая эта основная исходная тенденция имела определенно положительное значение. По сравнению со статической, антиисторической позицией традиционной психологии <...> исходные генетические, исторические устремления теории культурного развития высших психических функций представляли известный шаг вперед. Но при анализе этой теории с позиций марксистского историзма ярко обнаруживается, что и эта теория исходила из ложных методологических предпосылок.

Теория культурного развития высших психических функций исходит из дуалистического противопоставления “культурного развития” развитию “натуральному”. *Биологизаторское* понимание “натурального” развития соединяется с *идеалистическим* пониманием культурного развития. Первое отрывается от социальной природы человека, второе — от биологической. “Культурное развитие высших психических функций человека” представляется не как переделка его природы в процессе общественной практики, а как надстройка над натуральным развитием. “Натуральное” развитие сводится к чисто биологическому созреванию. В процессе культурного развития “производящей причиной”, то есть источником и основной движущей силой развития эта теория признает функциональное употребление знака, становясь таким образом на позиции формалистического идеализма...» (С. 69).

Эта критика уязвима — не говоря уже о приклеиваемых ярлыках — с нескольких сторон. Во-первых, отношение натурального и культурного у Выготского совсем не такое, каким изображает его Рубинштейн. Не будем останавливаться на этом подробнее. Во-вторых, как мы уже стремились показать выше, сам Выготский к 1930 году отошел от «классической» культурно-исторической тео-

рии — Рубинштейн опоздал со своей критикой минимум на 10 лет. А в-третьих, он здесь полностью игнорирует развитие идей Выготского его харьковскими учениками, критиковавшими Выготского именно за признание знака, значения, общения, а не практической деятельности, движущей силой развития.

Как ни странно, то, что в «Основах психологии» цитировалось из работ Выготского без кавычек и весьма сочувственно, сейчас ставится ему в вину — это «забегание вперед» обучения перед развитием. Его концепция объявляется «декларативной» и сводится к тому, что в обучении знания сообщаются, а понятия созревают (С. 128). «Фактически же понятия не сообщаются, конечно, просто передаваясь извне, но и не созревают, а *осваиваются* в процессе активной умственной деятельности ребенка» (*Там же*). Кто бы спорил?!

В качестве основной «клеточки» психологии выдвигается *действие*. (Интересно, что мышление, как и в более ранних работах, трактуется как единство аффекта и интеллекта.) Но самое интересное — как трактуется в этой книге деятельность вообще.

Рубинштейн начинает с того, что «система психологии не может ограничиваться изучением психических процессов; она должна включить и психологию деятельности» (С. 148). Однако не следует смешивать *деятельность* и *активность*. Любой психический процесс, например, мышление — это активность, а не деятельность. «О деятельности и действии мы будем говорить только там, где есть воздействие, изменение окружающего; деятельность в собственном смысле — это предметная деятельность, это практика» (С. 149). Конечно, и теоретическая деятельность тоже деятельность, но только если она имеет «и доступную для внешнего мира материальную форму» (*Там же*). «Психологи, которые говорят о психической деятельности и, подчеркивая активность, усматривают в этом реализацию марксистских идей о роли практики, трудовой деятельности в психологии, допускают, сами того не осознавая, игру словами, которая по существу означает переход на субъективно-идеалистические позиции <...>. Деятельность не является в целом предметом психологии; предметом психологии может быть только ее психическая сторона. Всякая психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику» (*Там же*). Вопрос в том, изучать ли ее в себе самой или в деятельности. Мы, говорит Рубинштейн, идем вторым путем.

Говоря о развитии мышления у детей, Рубинштейн полностью солидаризуется с Харьковской группой. Ребенок окружен пред-

метами и прежде всего практически овладевает человеческими отношениями к этим предметам, человеческими способами действия с ними. Рубинштейн ссылается на Гальперина и Запорожца и приходит к выводу, что «основой развития специфически человеческих практических действий у ребенка является прежде всего тот факт, что ребенок вступает в практическое общение с другими людьми, с помощью которых он только и может удовлетворить свои потребности» (С. 317). Первичные обобщения ребенка он вслед за харьковчанами возводит к переносу.

Опять-таки любопытно, что принимавшаяся Рубинштейном в «Основах психологии» схема развития понятий Выготского здесь подвергается ожесточенной критике. Но с позиций, близких харьковчанам: «Слово-знак превращается в демиурга мышления. Мышление оказывается не столько отражением бытия, возникающим в единстве с речью на основе общественной практики, сколько производной функцией словесного знака» (С. 339).

Отдельная часть посвящена деятельности. Она открывается схемой «движение — действие — деятельность». «...Различные члены этого ряда лежат в разных планах. Движение как таковое — это психофизиологическая реакция организма, проявление его психомоторных функций; действие, как и деятельность, включает отношение индивида к окружающему; это акт, направленный на предмет, на цель. Действие осуществляется в той или иной мере посредством движений» (С. 451).

Что такое действие? Оно «всегда направлено на определенный результат; одно и то же действие может дать множество различных результатов <...>. Поскольку деятельность человека и прежде всего его трудовая деятельность является деятельностью сознательной, какой-то из этих результатов является непосредственно сознательной целью действующего субъекта <...>. Достижение результата <...> может в силу своей сложности потребовать целого ряда актов, связанных друг с другом определенным образом. Эти акты, или звенья, на которые распадается действие, являются частичными действиями, или *операциями*. Поскольку операции или, точнее, их результат осознается лишь как средство, а не как цель, они не являются самостоятельными действиями; но в отличие от движений операции — не просто механизмы, посредством которых осуществляются действия, а составные части, из которых они состоят» (С. 455). У действия всегда есть цель и мотив; но в определенных случаях (например, стремление сделать общественно полезное дело или самому выдвинуться) можно говорить о

целях и мотивах субъекта. «Поступок — это действие, которое воспринимается и осознается самим действующим субъектом как общественный акт, как проявление субъекта, которое выражает отношение человека к другим людям» (Там же).

«Действие, совершаемое человеком, не является совершенно изолированным актом; оно включается в более обширное целое деятельности данной личности и лишь в связи с ней оно может быть понято» (С. 468).

Дальнейшее развитие взглядов Рубинштейна. Основные расхождения в позициях Рубинштейна и А.Н.Леонтьева. Естественно, мы не имеем возможности подробно описать дальнейшую эволюцию взглядов С.Л.Рубинштейна в широком контексте и ограничимся в этом разделе предельно краткой характеристикой этой эволюции.

В первые послевоенные годы позиции Рубинштейна если не фундаментально изменились, то, так сказать, заострились, и это вызвало отрицательную реакцию Леонтьева. (Мы имеем в виду серию статей Рубинштейна 1945—1947 годов). Когда соответственно в 1947 и 1948 гг. состоялись публичные дискуссии с обсуждением книг Рубинштейна («Основы общей психологии», 2-е изд.) и Леонтьева («Очерк развития психики»), то в качестве одного из основных критиков Рубинштейна выступил Леонтьев, а в качестве такого же основного критика Леонтьева — Рубинштейн.

С чем не был согласен у Рубинштейна А.Н.Леонтьев?

Во-первых и в-главных, с идеей двойной детерминации (соотнесенности, зависимости) психического — от «органического субстрата», мозга, и от внешнего предметного мира. Мы уже встречались с этой идеей (в другой формулировке) в более ранних работах Рубинштейна.

Во-вторых, с пониманием отношения деятельности и психики — а именно, что деятельность только «включает» психологические компоненты и выступает как нечто внепсихологическое. «...Единство психики и деятельности превращается в единство <...> психики и ее психических компонентов!» (Леонтьев А.Н., 1994. С. 227). Очевидно, говорит Леонтьев, что «так понимаемая деятельность и так понимаемое единство ее и психического ничего не решают, не преодолевают двойную детерминацию» (Там же).

«Взаимодействие двух начал не снято. Оно удвоено; за ним открылось новое взаимодействие — психики и мозга...» (Там же. С. 228).

«...Психолог не может абстрагироваться от этих отношений человека [«в которые вступает человек в мире» — А.Л.], от его деятельности — но мы имеем в виду подлинно реальную жизнь

человека, деятельность его, а не психические ее компоненты, не *психическое же*, не «фихтевскую» активность» (Там же. С. 229).

За что, так сказать, «встречно» критиковал Рубинштейн Леонтьева?

Критика эта велась по нескольким линиям. Во-первых, критиковалась теория развития психики и периодизация этого развития. Во-вторых, существенным пунктом расхождения явился следующий: нельзя, по Рубинштейну, рассматривать деятельность как *исходное* понятие. Он говорил (здесь и ниже мы цитируем неопубликованную стенограмму дискуссии по: *Леонтьев А.А.*, 1983. С. 25): «Поскольку деятельность выступает в качестве взаимодействия, взаимосвязи, взаимоотношения между субъектом этой деятельности и окружающим миром, то именно поэтому нельзя объявлять самое деятельность ведущей и определяющей». Позиция Рубинштейна здесь противоположна: определяющими являются включенные в деятельность материальные «условия жизни, которые через посредство деятельности определяют психику». Этот вопрос возникает в первую очередь «как вопрос о соотношении мотивов и задач, то есть целей и условий, в которых они возникают».

Неправильно, по Рубинштейну, «психологизировать деятельность», «определять действие и деятельность психологическими критериями» (соотношение мотива и задачи или цели). «В действительности (как каждому ясно) действие и деятельность — это практически материальные процессы, которые определяются не психологическими критериями». Точнее не скажешь, и эта позиция вполне соответствует идее принципа «психофизического единства», критиковавшейся годом ранее при обсуждении книги Рубинштейна.

Были также по-разному расставлены акценты при решении проблемы строения сознания. По Рубинштейну, Леонтьев выводит все из сознания, из психики субъекта — значения реализуют личностные смыслы, задачи реализуют мотивы.

В поддержку позиций Рубинштейна выступил, хотя гораздо менее академично, в частности, Н.Х.Швачкин: «Выставляя деятельность, как связывающее звено, вы теряете непосредственную связь между психикой и бытием...». Наиболее ярким выступлением из другого «лагеря» было выступление Л.И.Божович: «Что же в таком случае оппоненты имеют в виду, когда говорят о бытии? Взятую саму по себе предметную действительность, вне отношения к ней человека, вне той реальной деятельности, которая осуществляет это отношение? Но <...> ведь это и есть та пресловутая

метафизическая среда, которая фаталистически сама по себе определяет деятельность ребенка».

В заключительном слове Леонтьев, присоединяясь к Божович, говорил: «Действительно, внешние условия являются тем, что позволяет осуществиться определенным отношениям человека, то есть деятельности <...>. Как, однако, действуют эти условия? <...> Сознание самих этих условий определяется <...> деятельностью человека <...>. Только нужно при этом <...> не противопоставлять бытию — деятельность, а бытие не отождествлять с предметными условиями бытия <...>. Сергей Леонидович отвергает это решение. Он говорит: определяют сами условия, хотя и через деятельность. Я понимаю это [то есть позицию Рубинштейна. — А.Л.] так: деятельность есть что-то только передающее влияние условий, но не способное изменять это влияние, определять, как именно повлияют данные условия, как они будут отражены, осознаны...» Сам Леонтьев занимал, естественно, противоположную позицию. Говоря о мотивах, он, между прочим, подчеркивал, что это — «продукт развития самой деятельности, в ней они формируются».

Существенно, что все выступавшие, не исключая Рубинштейна, признавали, что система понятий теории деятельности (действие и операция, мотив-цель, значение и смысл) была введена в советскую психологию именно А.Н.Леонтьевым. Это важно подчеркнуть потому, что к тому времени принадлежность этой понятийной системы именно Леонтьеву была документирована единственной публикацией — тезисами доклада «Психическое развитие ребенка и обучение» (Леонтьев А.Н., 1938).

В конце 1940-х—начале 1950-х годов Рубинштейн, попавший в мясорубку борьбы с космополитизмом, печатался мало. Зато в конце пятидесятых вышло сразу три его монографии: «Бытие и сознание», «О мышлении и путях его исследования» и «Принципы и пути развития психологии».

В этих книгах Рубинштейн занимает уже иную позицию, чем в двух предшествующих. Он с самого начала заявляет, что «основным способом существования психического является его существование в качестве процесса, в качестве деятельности» (Рубинштейн, 1957. С. 255). Различаются деятельность и процесс. «Под деятельностью мы будем здесь понимать такой процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру — к другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь. Так например, мышление рассматривается как деятельность, когда учитываются мотивы человека, его отношение к задачам, <...> когда, сло-

вом, выступает личностный (а это прежде всего значит мотивационный) план мыслительной деятельности. Мышление выступает в процессуальном плане, когда изучают процессуальный состав мыслительной деятельности — те процессы синтеза, анализа, обобщения, посредством которых разрешаются мыслительные задачи. Реальный процесс мышления, как он бывает дан в действительности, представляет собой *и* деятельность (человек мыслит, а не просто ему мыслится), *и* процесс или деятельность, включающую в себя совокупность процессов...» (С. 256—257).

«Психология изучает не только психическую деятельность, но и психические процессы <...>. Она изучает не только психическую деятельность, но и деятельность человека в собственном смысле слова в ее психологическом составе» (С. 259). Психические процессы закономерно вызываются их объектами, поскольку воздействия объектов «преломляются через сложившиеся в субъекте внутренние отношения, обуславливаясь их закономерностями» (С. 263). Или, как говорится в следующей книге, «внешние причины действуют через посредство внутренних условий <...>. При объяснении любых психических явлений личность выступает как связанная воедино совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия» (Рубинштейн, 1958. С. 6, 8). И дальше: «...Мышление понимается как деятельность субъекта, взаимодействующего с объективным миром» (Там же. С. 27).

Третья книга объединяет статьи Рубинштейна 1940—1950-х годов. Наиболее интересна из них для нас статья 1945 года «Проблема сознания и деятельности в истории советской психологии», в издании 1959 года отредактированная. В данном разделе книги дается критика «леонтьевского» понимания деятельности. Да, говорит Рубинштейн, правильно, что практическая деятельность первична, а теоретическая вторична. Но неверно подставлять на место теоретической деятельности психическую и считать, что теоретическая деятельность впервые возникает как интериоризация «психической деятельности вообще». «Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется ее регуляция» (Рубинштейн, 1959. С. 253). Кстати, в статье 1959 года о способностях Рубинштейн довольно резко полемизирует с Леонтьевым и Гальпериным в связи с их пониманием интериоризации, утверждая, что «неверно думать, что *всякое* умственное “действие” имеет свой прототип в материальном действии» и что «обязательным условием возникновения умственного действия является обращение к “соответ-

ствующему» материальному действию, которое оно в умственном плане «воспроизводит» или из которого оно исходит» (Рубинштейн, 1973. С. 222).

Наконец, нельзя пройти мимо «главной книги» С.Л.Рубинштейна — не опубликованной при его жизни рукописи «Человек и мир», относящейся к 1958—1960 годам. Здесь Рубинштейн занимает резко антикартезианскую позицию: «Человек как субъект должен быть введен внутрь, в состав сущего, в состав бытия <...>. Человек выступает при этом как сознательное существо и субъект действия, прежде всего как реальное, материальное, практическое существо <...>. Стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком...» (С. 259). И дальше: «Человек находится внутри бытия, а не только бытие внешне его сознанию» (Там же. С. 262). Мир, по Рубинштейну, — «это общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей» (С. 264). «Первичным является <...> действенное, практическое отношение человека к миру» (С. 312). И вновь: «Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни <...>. Бытие как объект — это бытие, включающее и субъекта» (С. 332).

Многие из этих положений Рубинштейна конца пятидесятых годов в своей методологической основе не противоречат леонтьевской психологии деятельности, а кое в чем и опережают мысль Леонтьева (это касается, например, человека «внутри бытия»). Рубинштейн уже отошел в цитированных работах от противопоставления сознания и деятельности как внутреннего и внешнего. Возникает принципиально важная мысль о том, что основным способом существования психического является его существование *в качестве деятельности*. Правда, продолжает отстаиваться тезис о том, что в непсихической в целом деятельности есть психические компоненты. Но, думается, не случайно ни в одной из последних своих работ Рубинштейн не анализировал строение и вообще специфику практической деятельности человека, ограничиваясь деятельностью теоретической: такой анализ привел бы его, вероятно, к пересмотру своих позиций. С другой стороны, Рубинштейн все время настаивает на идее действия внешних воздействий через внутренние условия, отождествляя систему последних с личностью.

У нас при чтении этих работ создается впечатление, что они в каком-то смысле отражают переход Рубинштейна от одной научной парадигмы деятельности к другой — но этот переход был прерван его кончиной.

ГЛАВА 7. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТАХ А.Н.ЛЕОНТЬЕВА И ЕГО ШКОЛЫ

1940—1960-е годы: «Проблемы развития психики». Эта книга, как уже говорилось, не соотносится непосредственно ни с одним периодом научной биографии А.Н.Леонтьева. Наиболее ранняя из включенных в нее работ датируется 1931 годом (это глава из книги «Проблемы развития психики»), следующая — 1940 годом (а на деле написана еще раньше — это докторская диссертация Алексея Николаевича), затем идут годы 1944, 1945, 1947 («Очерк развития психики»), наконец, 1950—1960-е годы. (Мы опираемся на третье, то есть последнее прижизненное издание.) Таким образом, эта книга является сборником статей и других работ, существенных для Леонтьева, объединенных общим пониманием предмета психологии, сознания, деятельности, высших психических функций (кроме, конечно, главы из книги 1931 года), но не объединенных структурно и композиционно в единое целое и в некоторых отношениях не совпадающих друг с другом в содержательном плане. Можно сказать, что она ретроспективна, как бы подводит итоги предшествующему развитию идей Леонтьева — и не случайно, как мы с Д.А.Леонтьевым отметили во введении к переизданию работ Алексея Николаевича по развитию психики, композиция «Проблем развития психики» соответствует структуре первоначального проекта диссертации (*Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., 1999*).

Поэтому между работами 1930-х годов, охарактеризованными выше, и «Проблемами развития психики» не лежит какой-либо водораздел. И как раз это дает нам право рассматривать идеи Леонтьева 1930-х годов как неотъемлемую часть его «канонической» концепции. Но парадокс здесь в том, что такой канонической концепции, собственно, не существует.

На это в своем выступлении на известной внутренней дискуссии 1969 г. указывал сам Леонтьев: «Если эта система понятий

представляет известное значение, то есть способна работать в психологии, то, по-видимому, эту систему нужно разрабатывать — что в последние годы, в сущности, не делается. Эта система понятий оказалась замерзшей, без всякого движения. И я лично оказался очень одиноким в этом отношении. Все движение идет по разным проблемам, которые более или менее соприкасаются с проблемой деятельности, скорее более, чем менее, но в упор понятие деятельности разрабатывается в высшей степени недостаточно» (Дискуссия..., 1990. С. 136—137).

В этом же выступлении Леонтьев зафиксировал ряд общих положений о деятельности, которые он, по крайней мере в это время, считал основными и нуждающимися в дальнейшем развитии.

Первое. Деятельность есть процесс, осуществляющий жизнь субъекта. При этом выделяются оба ключевых слова — и «жизнь» и «субъект». Здесь же подчеркнуто, что этот процесс направлен на удовлетворение предметных потребностей.

Второе. «...Развитие деятельности необходимо приводит к возникновению психического отражения реальности <...>. *Жизнь порождает отражение*» (С. 137).

Третье. «...В общем виде деятельность есть процесс, который переводит отражаемое в отражение» (*Там же*).

Четвертое. Психическое отражение опосредствует деятельность и управляет ею. «В этой своей функции психическое отражение проявляет себя объективно» (С. 138).

Пятое. «На уровне человека <...> психическое отражение также кристаллизуется в *продуктах* деятельности. Деятельность в этом смысле не только проявляет в объективной форме отражение, но оно вместе с тем <...> способно переводить образ в объективно-предметную форму — вещественную или идеальную, безразлично» (*Там же*). Одним из таких идеальных продуктов может быть продукт, фиксированный в языковой или речевой форме.

Далее идут уже «нумерованные» положения. Это прежде всего очень подробно развернутая мысль о том, что внешняя и внутренняя деятельность, раз выделившись, не противостоят друг другу, а постоянно взаимопереходят друг в друга, происходит обмен «звеньями» между ними. В этой связи Леонтьев останавливается на процессе «экстериоризации и приобретения деятельностью внешней, даже вещественной формы», перехода деятельности «из движения, так сказать, в предметное бытие, если пользоваться терминологией Маркса» (С. 141). И далее: относительная независи-

мость и самостоятельность деятельности как раз в том, что «она не может существовать в своем собственном, так сказать, внутреннем пространстве, она непрерывно строится путем преобразования извне, развивается путем преобразования во внешние формы деятельности, в предметы <...>. Идет процесс отслаивания от деятельности предметов человеческой культуры» (Там же).

Затем следует принципиально важный тезис о том, что сознание «находится столько же под [черепной. — А.Л.] крышкой, сколько и во внешнем мире. Это *одухотворенный мир, одухотворенный человеческой деятельностью*» (Там же).

Следующий тезис касается проблемы единиц деятельности, к которой мы вскоре вернемся специально. Пока же выделим в леонтьевском анализе этой проблемы еще одну методологически важную позицию — это «патетическая история отделения операций, которые могут приобретать внешнюю форму, материализоваться, вернее, осуществляться в системе машин, начиная от китайских счетов и кончая современными любыми электронно-вычислительными устройствами» (С. 145).

Далее Леонтьев вводит еще одно различие. «Это психика как образ и психика как процесс. В мышлении это — мышление и понятие, в восприятии — воспринимание и образ. Я буду называть психику как явление, образ — просто образом, а психику как процесс — просто процессом. Но ведь вот в чем дело, всякое такое психическое образование, как образ, есть не что иное, как свернутый процесс <...>. Кто не понимает после Вygотского, что за значениями лежит система операций, что адекватную характеристику значения получают в системе операций, что характеризовать операции и характеризовать значения — это одно и то же <...>. В сущности, исследование понятий на уровне, достигнутом Вygотским, есть исследование операций» (С. 145—146).

Очень остро Леонтьев ставит в своем выступлении и вопрос о том, составляет ли деятельность предмет психологии. Если говорить «в деятельности», «через деятельность», «зависит от деятельности», «пребывает в деятельности» (позиция Рубинштейна!), возникает ряд трудностей.

Первая трудность: деятельность снова рассекается. «Внутренняя деятельность целиком относится к психологии, как это было согласно картезианскому членению. Внутренняя деятельность — это “богу богово”, что касается до внешней, особенно практической деятельности, то она не психологическая, ее нужно отдать кесарю, это кесарево. Только не известно — какому кесарю и кто

этот кесарь. И получается поэтому зона ничейной земли, ничейная зона. Вы можете отдавать эту деятельность кому угодно, но эту внешнюю деятельность никто не берет» (С. 147).

Вторая трудность: учитывая, что «деятельность включает в себя внешние, а равно внутренние звенья, трудно понять, как же может случиться, что одни звенья единого принадлежат одной науке, а другие звенья — другой науке» (*Там же*).

И третья трудность, самая важная. «Происходит естественное обособление психики-образа <...> от психики-процесса. Потому что то, что я назвал психика-образ, как бесспорный предмет психологии, может иметь в свернутом виде, в себе, внешнюю деятельность. Тогда уже реальность рассекается еще по одной плоскости. Всякий образ <...> есть свернутый процесс, и за этим процессом уже нет ничего. Есть объективная действительность: общество, история...» (*Там же*). Все дело в том, что сама подобная постановка вопроса — какой науке принадлежит деятельность — является ложной. «Науки, как известно, делятся не по эмпирическим объектам, а по связям и отношениям, в которых те или иные объекты берутся <...>. Вот, кстати, почему, когда мы делим, кому принадлежит деятельность, оказывается — никому, потому что все отказываются. Все желают иметь определение своего предмета через систему отношений. Когда я говорю просто — деятельность, никто ее не берет. Я поэтому думаю, что взятая в отношении к психическому отражению мира в голове человека, деятельность есть предмет психологии, то есть становится им. Взятая в других отношениях, системе других отношений, или в системах других отношений, деятельность принадлежит другим соответствующим наукам: от биомеханики до политической экономики, социологии, чего угодно» (С. 148).

При этом «психология, как и всякая наука, исследует не только данный предмет, взятый в данных отношениях, то есть в данной системе движения материи, как говорят философы, но также и переходы исследуемой формы движения материи в другие. Это мысль старая, более чем столетней давности <...>. Здесь мы имеем дело с необходимостью изучения переходов не для того, чтобы изучать то, во что она переходит, а для того, чтобы понимать эти переходы» (С. 149). Это и технизация операций, логика, и «окоственение» в формирующихся прижизненно мозговых системах.

Далее следует положение, которое Леонтьев считает «капитально важным», и оно действительно таковым является. «Это то, что подлежит разработке все больше, и больше, и больше. Дея-

тельность, образы, словом, все психологическое, может быть понято только как инфраструктура в суперструктуре, которая есть общество, общественные отношения, словом, инфраструктура психологического может быть понята только в ее связи с суперструктурой социального, потому что инфраструктура без этой суперструктуры не существует вообще [выделено нами. — А.Л.]. Не существует, это просто иллюзия <...>. Не может психологическое исследование идти так, как будто бы человек вел “тет-а-тет” с предметами, или с суммой предметов, с системой предметов» (С. 149—150).

И последнее положение Леонтьева. «...Движение, которое есть основное, есть движение сверху вниз, а не снизу вверх <...>. Невозможно движение восхождения — от мозга к неким процессикам, от процессиков к более сложным образованиям и, наконец, к сложению жизни. Нет, от жизни к мозгу, а никогда — от мозга к жизни, если говорить обобщенно. Показ этого капитально важен, ибо есть непрерывные сбивки <...>. Точная схема — только однонаправленное движение. Нет, оно двухнаправленное, но центральным, главным является движение сверху <...>. Этот тезис и есть реализация мысли о включенности всей психической жизни в социальную, то есть, иначе говоря, мысль о том, что эта инфраструктура не существует вне суперструктуры» (С. 150).

К этому выступлению Леонтьева тематически примыкает его доклад, относящийся, вообще говоря, уже к следующему периоду развития его концепции. Это «Категория деятельности в современной психологии». Здесь Леонтьев однозначно заявляет, что «и поныне исследование порождения и функционирования психологического отражения реальности в деятельности индивидов [так! — А.Л.] остается на ступени разработки лишь немногих магистральных проблем» (Леонтьев, 1983. Т. 2. С. 243). И далее он повторяет: «...Психологическому исследованию деятельности положено только начало, и оно по необходимости отвлекается от некоторых психологических реалий» (Там же. С. 245). В частности, «психология не может довольствоваться только глобальными представлениями о деятельности. Ее задача состоит в детальном изучении различных видов, форм и уровней деятельности индивидов, особенностей их структуры и микроструктур, реализующих их психофизиологических механизмов и, наконец, тех особенностей, которые приобретаются в деятельности самим субъектом, его личностью.

Прогресс здесь должен заключаться в том, чтобы исследовать взаимосвязи различных видов деятельности, условия и процесс их

формирования, их трансформацию и возникновение (вместе с изменением общественных и технико-экономических условий) новых видов деятельности, умирание одних действий и операций и рождение других. В этом я вижу большие перспективы» (Там же. С. 244).

Опуская другие положения этого доклада, отметим важнейшую мысль, для нас не новую, но с трибуны психологического съезда прозвучавшую почти революционно. Вот она: «Деятельность как единица реального человеческого бытия хотя и реализуется мозгом, но представляет собой процесс, необходимо включающий в себя экстрацеребральные звенья, которые являются решающими. Более того, от них зависит и им подчиняется идеальное. Этот процесс и есть материальный процесс жизни субъекта, выражающийся в процессах его деятельности, связывающих его с объективным миром.

Именно вследствие того, что деятельность практически связывает субъект с окружающим миром, воздействуя на него и подчиняясь его объективным свойствам, у него возникают такие явления, которые представляют собой все более адекватное отражение этого мира. Поскольку деятельность является опосредствованной этими особыми явлениями и как бы несет их в себе, она является деятельностью одушевленной» (Леонтьев А.Н., 1972. С. 339).

Из приведенных здесь принципиальных положений Леонтьева видно, что он в этот период лишь по-новому расставлял акценты, по существу сохраняя и уточняя концепцию, более или менее сложившуюся к концу 1930-х годов. Конечно, в публикациях 1940—1960-х годов можно найти некоторые отличия от мыслей Леонтьева первого периода, которые не являются, однако, существенными. Так, идея вписанности психологической инфраструктуры в социальную суперструктуру выступает в виде мысли, что условием присвоения является опосредованность отношений индивида к миру человеческих объектов отношениями к людям, включенность их в процесс общения. «...Представление об индивиде, о ребенке, находящемся один на один с предметным миром, — это совершенно искусственная абстракция» (Леонтьев А.Н., 1972. С. 187). Или (формула еще из «Очерка развития психики», но звучащая так, как если бы она была высказана по крайней мере в конце 1960-х годов): «...Существует реальный процесс, в котором отражаемое порождает отражение, идеальное (по буквальному выражению Маркса, оно “переводится” в идеальное). Этот процесс и есть материальный процесс жизни субъекта, выражающийся в

процессах его деятельности, связывающих его с объективным миром» (Там же. С. 339).

Во всяком случае, очевидно, что к началу 1970-х годов Леонтьев встал перед необходимостью, не отказываясь от принципиальных методологических и теоретических положений, к которым он пришел ранее, внести в них известную коррекцию и переформулировать свои позиции по-новому. Это и было сделано им в серии статей в «Вопросах философии», в дальнейшем составивших книгу «Деятельность. Сознание. Личность».

1960—1970 годы: «Деятельность. Сознание. Личность». В этом, как и в следующем, разделе мы частично будем опираться на текст своей статьи 1978 года о «единицах» и уровнях деятельности (Леонтьев А.А., 1978). Эта статья в одном из ранних вариантов была прочитана и отредактирована А.Н.Леонтьевым, вписавшим в нее несколько фрагментов. В дальнейшем тексте эти фрагменты выделены подчеркиванием.

Итак, в чем оригинальность идей, сформулированных в последней книге Леонтьева, по сравнению с предшествующими его позициями?

Уже с самого начала Леонтьев четко ставит вопрос о соотношении практической и теоретической деятельности и о природе человеческого сознания. Кратко эти его позиции можно представить так.

С одной стороны, сознание есть система сознательной (внутренней) регуляции процессов деятельности. Но, с другой стороны, «в ее продукте они обретают новую форму существования в виде внешних, чувственно воспринимаемых объектов» (Леонтьев А.Н., 1975. С. 29). В этой своей экстерииоризованной форме они сами становятся объектами отражения. Чтобы предмет был «удвоен» и выступил как объект осознания, он должен выступить перед человеком своей идеальной стороной: «Акты означения и суть не что иное, как акты выделения идеальной стороны объектов» (С. 30). Сознание и есть «полагание объектов в форме их субъективных образов в голове человека» (С. 31).

Первоначально «познание свойств предметного мира, переходящее границы непосредственно-чувственного познания, является непреднамеренным результатом действий, направленных на практические цели <...>. Впоследствии оно начинает отвечать специальным задачам, например, задаче оценить пригодность исходного материала путем его предварительного практического испытания, простейшего *эксперимента*» (С. 39). Возникают действия,

подчиненные сознательной познавательной цели. Результаты этих действий отличаются от чувственных образований, в которых генерализованы и закреплены результаты непосредственно-чувственного отражения, «не только тем, что включают в себя свойства, связи и отношения, недоступные прямой чувственной оценке, но и тем, что, переданные в процессе речевого общения другим людям, они образуют систему знаний, составляющих содержание сознания коллектива, общества. Благодаря этому возникающие у отдельных людей представления, понятия, идеи формируются, обогащаются и подвергаются отбору не только в ходе их индивидуальной практики (неизбежно узко ограниченной и подверженной случайностям), но и на основе усваиваемого ими неизмеримо более широкого опыта общественной практики.

Вместе с тем языковая форма выражения первоначально внешне-предметной формы познавательной деятельности создает условие, позволяющее впоследствии выполнить отдельные ее процессы уже только в речевом плане. Так как речь утрачивает при этом свою коммуникативную функцию и выполняет лишь функцию познавательную, <...> соответствующие процессы все более приобретают характер внутренних процессов, совершающихся про себя, “в уме”. Между исходными условиями и практическим выполнением действий теперь включаются все более и более длинные цепи внутренних процессов <...>, которые наконец приобретают относительную самостоятельность и способность отделяться от практической деятельности» (С. 40).

В результате формируется чисто теоретическое мышление человека, которое «не нуждается даже в отправной предметно-чувственной основе, которая может быть представлена в его голове в отраженной, идеальной форме» (С. 42).

Второе важное положение книги касается образа и связано с циклом экспериментальных и теоретических исследований, осуществленных Леонтьевым в 1960-е годы. Это «положение о том, что психическое отражение реальности есть ее *субъективный образ*, означает принадлежность образа реальному субъекту жизни. Но понятие субъективности образа в смысле его принадлежности субъекту жизни включает в себя указание на его *активность*» (С. 55).

«Понятие субъективности образа включает в себя понятие *пристрастности* субъекта <...>. Такая *пристрастность* сама объективно детерминирована и выражается не в неадекватности образа (хотя и *может* в ней выражаться), а в том, что она позволяет активно

проникать в реальность. Иначе говоря, субъективность на уровне чувственного отражения следует понимать не как его субъективизм, а скорее, как его “субъектность”, то есть его принадлежность деятельному субъекту» (С. 55—56).

Другой особенностью субъективного образа является его *предметность*. Она заключается (в психологическом плане) в том, что «в образе нам даны не наши субъективные состояния, а наши объекты» (С. 59). Иначе говоря, это субъективная отнесенность наших образов (и вообще наших ощущений) к внешнему миру.

Именно к миру, а не к отдельному отражаемому объекту! «К предметному миру в целом» (С. 68): «...у человека уже должна сложиться картина этого мира» (С. 69). Она складывается не только на непосредственно чувственном уровне, но и на высших познавательных уровнях, в частности через систему значений. И она в принципе амодальна.

Мы не говорим здесь о проблеме соотношения значения и личностного смысла, так как все необходимое либо было сказано в первой части, либо будет сказано в третьей и четвертой.

Переходя собственно к проблеме деятельности, Леонтьев начинает с того, что «деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта. В более узком смысле, то есть на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире <...>. Это <...> система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» (С. 81—82).

Деятельность предметна по определению. «При этом предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» (С. 84).

«Деятельность входит в предмет психологии, но не особой своей “частью” или “элементом”, а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» (С. 92).

Переходя к соотношению внешней и внутренней деятельности, Леонтьев вслед за Выготским фиксирует две принципиально важные вещи. Первая: так как средство и способ выполнения того или иного процесса можно передать от одного человека к другому

(от общества к отдельному человеку) только во внешней форме, то есть в форме действия или внешней речи, то «высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, то есть как *интерпсихологические*, и лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно; при этом некоторые из них утрачивают далее свою исходную внешнюю форму, превращаясь в процессы *интрапсихологические*» (С. 97). Вторая: «...Одновременно происходит изменение самой формы психического отражения реальности: возникает *сознание* — рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя» (*Там же*). Условием его возникновения у индивида является существование общественного сознания и языка. «Сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, оно *производится*. Поэтому сознание — не постулат и не условие психологии, а ее проблема <...>. Процесс интериоризации состоит не в том, что внешняя деятельность *перемещается* в предсуществующий внутренний “план сознания”; это — процесс, в котором этот внутренний план *формируется*» (С. 98).

И вот мы приходим к самому важному месту в книге. Вот оно: «Главное различие, лежавшее в основе классической картезианско-локковской психологии, — различие, с одной стороны, внешнего мира, мира протяжения, к которому относится и внешняя, телесная деятельность, а с другой — мира внутренних явлений и процессов сознания, — должно уступить свое место другому различению; с одной стороны — предметной реальности и ее идеализированных, превращенных форм <...>, с другой стороны — деятельности субъекта, включающей в себя как внешние, так и внутренние процессы» (С. 99—100).

Подчеркивается неаддитивный, молярный характер деятельности. Это — «система, имеющая свое строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие...» и «...включенная в систему отношений общества» (*Леонтьев А.Н.*, 1975. С. 82). Ведь в обществе человек находит не просто внешние условия, к которым он должен приравнивать свою деятельность: сами эти общественные условия несут в себе *для него* мотивы и цели его деятельности, ее средства и способы, и таким путем «общество *производит* деятельность образующих его индивидов» (С. 83; выделено нами. — *А.Л.*). То, что управляет процессами деятельности — это первично сам предмет, предметный мир, а вторично — его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует,

стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание. Сознательный образ понимается при этом как идеальная мера, овеществляемая в деятельности; человеческое сознание *существенно участвует* в движении деятельности.

Наконец, вводится понятие о личности как внутреннем моменте деятельности. Именно и только в результате иерархизации отдельных деятельностей индивида, осуществляющих его общественные по своей природе отношения к миру, он обретает особое качество — становится личностью. Новый шаг анализа состоит здесь в том, что если при рассмотрении деятельности в качестве центрального выступало понятие действия, то в анализе личности главным становится понятие иерархических связей деятельностей, иерархии их мотивов. Связи эти, однако, никоим образом не задаются личностью как неким внедеятельностным или наддеятельностным образованием; развитие, расширение круга деятельностей само приводит к связыванию их в «узлы», а отсюда и к образованию нового уровня сознания — сознания *личности*.

«В отличие от индивида личность человека ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею *порождается*» (С. 173). Главное здесь в том, что «в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования обращается — не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризваемым ими деятельности, а от содержания и связей деятельности к тому, как и какие процессы их реализуют, делают их возможными» (С. 186).

«Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Положение это имеет совершенно реальный смысл. Ведь первоначально субъект жизни вообще выступает лишь как обладающий, если воспользоваться выражением Энгельса, “самостоятельной силой реакции”, но эта сила может действовать только через внешнее, в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность: ее конкретизация, ее развитие и обогащение — словом, ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее носителя. Теперь, то есть в качестве преобразованного субъекта, он и выступает как преломляющий в своих текущих состояниях внешние воздействия» (С. 181—182).

В целом анализируемая книга представляет собой попытку Леонтьева не просто обновить его концепцию деятельности, а построить единую теорию «деятельности — сознания — личности» на единой методологической и теоретической основе.

Проблема единиц и уровней деятельности. Структура сознания. Мы выделяем рассмотрение этой проблемы в самостоятельный раздел, исходя из того, что именно вокруг проблемы единиц за последние десятилетия накопилось особенно много теоретических спекуляций. Это делает необходимым восстановление реального места проблемы единиц деятельности в системе психологической теории деятельности.

Начнем с того, что А.Н.Леонтьев не дает понятию единицы эксплицитного определения. Он, как правило, берет термин «единица» в кавычки, тем самым детерминируя его. И это оправдано: ведь в соответствии с его концепцией понятие единицы вообще не применимо к действию или операции, так как предполагает их дискретный характер. По Леонтьеву, единицей в строгом смысле может быть названа только деятельность или акт деятельности («молярная единица»).

Что касается уровня, то обычно в психологии система уровней либо трактуется как врожденная система «фильтров», при овладении социальным опытом «заполняемая» реакциями или другими психологическими образованиями (так выглядит понятие уровня, например, у необихевиористов вроде Ч.Осгуда или у Н.Хомского), либо связывается с элементами блок-схем. Однако в психологической теории деятельности понятие уровня генетически связано с понятием уровня организации движений в концепции Н.А.Бернштейна, сформулированным еще в 1935 г. в книге «О построении движений» (см. выше). Это понятие — динамическое, системно-деятельностное: уровень трактуется как тот или иной способ осуществления сенсорного синтеза — такой способ, «который наиболее адекватен по качеству и составу образующих его афферентаций и по принципу их синтетического объединения требующемуся решению задачи» (Бернштейн, 1966. С. 97). По Бернштейну, одно и то же движение может обеспечиваться разной физиологической организацией — но эта организация всегда многоуровневая.

В «Проблемах развития психики» строение деятельности выглядит следующим образом. В его основе лежит понятие действия, то есть процесса, предмет и мотив которого не совпадают между собой (Леонтьев А.Н., 1972. С. 270—271). Оба они — мотив и пред-

мет — должны быть отобразены в психике субъекта; иначе действие лишается для него своего смысла. Далее вводится понятие операции: «Психологически сливание в единое действие отдельных частных действий представляет собой превращение последних в операции. При этом то содержание, которое прежде занимало место сознаваемых целей этих частных действий, занимает в строении сложного действия структурное место условий его выполнения» (С. 298). Другой вид операций рождается из простого приспособления действия к условиям его выполнения. Первый вид операций можно вслед за Леонтьевым называть сознательными операциями, второй — приспособительными. Операция «определяется задачей, то есть целью, данной в условиях, требующих определенного способа действия» (С. 518). Наконец, вводится понятие деятельности (из соображений чисто дидактических, чтобы отделить деятельность как процесс от деятельности как единицы, мы обычно в этом случае говорим об «акте деятельности») как действия, получившего самостоятельный мотив. В этом, и только в этом случае мы имеем дело с сознаваемым мотивом. Обратим внимание на то, что осознание мотива не изначально, а требует некоторого специального акта. «Это акт отражения отношения мотива данной конкретной деятельности к мотиву деятельности более широкой, осуществляющей более широкое, более общее жизненное отношение, в которое включена данная конкретная деятельность» (С. 302).

Все эти понятия — особенно понятия деятельности, действия, операции — нередко излагаются в виде замкнутой структуры, понятия же, относящиеся к психологической характеристике сознания, привлекаются лишь как объяснительные для структуры деятельности. Между тем важнейшая особенность рассматриваемой концепции как раз и состоит в том, что в ней строение деятельности и строение сознания суть понятия взаимопереходящие, они связаны друг с другом в рамках одной целостной системы. То, что обычно анализ структуры деятельности предшествует анализу структуры сознания, связано с генетическим подходом. Но генетически сознание и не может пониматься иначе чем в качестве продукта деятельности. Функционально же их связи взаимны — деятельность и «управляема сознанием» и, в то же время, в известном смысле сама им управляет.

Необходимо поэтому особо остановиться на связи структуры деятельности со структурой сознания.

Как мы уже говорили при анализе последней монографии Леонтьева, для него появление у деятельности дифференцированной внутренней структуры есть следствие возникновения коллективной трудовой деятельности. Оно возможно тогда, и только тогда, когда человек субъективно отражает реальную или возможную связь своих действий с достижением общего конечного результата. Это и дает возможность человеку выполнять отдельные действия — казалось бы, не эффективные, если брать их в изоляции, вне коллективной деятельности.

Таким образом, вместе с рождением действия, — говорит Леонтьев, — этой главной «единицы» деятельности человека, возникает и основная, общественная по своей природе «единица» человеческой психики — разумный смысл для человека того, на что направлена его активность (С. 274). Вместе с тем появляется и возможность осознания, презентации самого предметного мира, реализуемая при помощи языка, в результате чего рождается сознание в собственном смысле — как отражение действительности посредством языковых значений.

Генезис, развитие и функционирование сознания производны от того или иного уровня развития форм и функций деятельности: «Вместе с изменением строения деятельности человека меняется и внутреннее строение его сознания» (С. 286). Каким образом? Психическое отражение, как мы знаем, всегда пристрастно. Но в нем есть то, что соотносено с объективными связями, отношениями, взаимодействиями, что входит в общественное сознание и закреплено в языке, и то, что зависит от отношения именно данного субъекта к отражаемому предмету. Отсюда различие *значения* и *личностного смысла*. Нас сейчас интересует смысл как специфическое, возникающее в деятельности субъекта, отношение того, что побуждает его действовать, к тому, на что его действие направлено, то есть отношение мотива и цели. Отношение значения и смысла есть отношение главных «образующих» структуры человеческого сознания; мы бы сказали более категорично: это отношение *и есть* ее главная «образующая».

Развитие производства диктует возникновение системы соподчиненных действий, то есть сложного действия; а это означает — в плане сознания — переход от сознания цели к осознанию условий действия, появление *уровней осознания*. С другой стороны, разделение труда, его специализация рождает автономизацию действия, превращение его в деятельность. Происходит рождение

новых мотивов и новых потребностей, а отсюда — дальнейшая качественная дифференциация сознания.

Другим шагом является переход к собственно внутренним психическим процессам, возникновение теоретической фазы практической деятельности. Появляются внутренние речевые действия, а впоследствии — внутренняя деятельность и внутренние операции, формирующиеся по общему закону сдвига мотивов. Но идеальная по своей форме деятельность принципиально, как мы знаем, не отделена от внешней, практической. Обе они «равно суть осмысленные и смыслообразующие процессы. В их общности и выражается целостность жизни человека» (С. 316).

Итак, действие внутренне связано с личностным смыслом. Что же касается операций (сознательных операций), то они соотносены со значениями, кристаллизующими для сознания индивида усваиваемый им общественный опыт.

Так же как деятельность, сознание не есть — по Леонтьеву — простая сумма элементов, нечто аддитивное; оно имеет свое собственное строение, свою внутреннюю целостность, свою логику. И если жизнь человека есть система сменяющих друг друга и сосуществующих или конфликтующих деятельностей, то сознание есть то, что их объединяет, что обеспечивает их воспроизведение, варьирование, развитие, их иерархию. Поэтому главное не в поэлементной связи «единиц» сознания с «единицами» деятельности, а в системообразующей роли сознания по отношению к целокупности деятельностей, в двусторонней взаимообусловленности динамики внутреннего строения сознания и динамики строения деятельности.

Нет необходимости специально останавливаться на преимуществах этих положений (напомним еще раз, что практически весь текст этого раздела был в свое время прочитан и «авторизован» А.Н.Леонтьевым) и тех позиций, которые были сформулированы Леонтьевым в его работах 1930-х годов. И сейчас мы сосредоточимся на тех мыслях, которые были высказаны Леонтьевым уже после выхода «Проблем развития психики» — в его выступлении на дискуссии 1969 года.

Как мы уже видели, здесь Леонтьев специально останавливается на проблеме единиц деятельности. Понятие деятельности (акта деятельности) выделяется «по критерию завершаемости действия при удовлетворении потребности, то есть по критерию подчиненности мотиву» (Дискуссия..., 1990. С. 142). Далее выделяются действия как целеподчиненные процессы, которые реализуют дея-

тельность. «Теперь меня заинтересовали такие детали, <...> как, например, *целобразование как особый процесс*: мотив есть, но как осуществляется целобразование, мы не знаем. И вообще это специфический акт» (С. 142—143). И далее: «Мне представляется функционально важным — не растворять деятельность в действии и понимать, что имеется еще одна единица деятельности, которую я привык называть операцией, <...> это то, что выделяется по критерию условий, в которых дана цель. Я очень настаиваю на этом логическом критерии отношения цели и задачи <...>: задача есть цель, данная в определенных условиях, то есть в уже найденных условиях, иначе будет цель без условий, то есть никакого способа действия найти нельзя и цель не будет осуществлена» (С. 143).

«Наконец, я очень настойчиво хочу ввести еще такую единицу, о которой я уже упоминал, но которая в то время у меня не была разработана ни теоретически, ни вообще ни в каком смысле¹². Я имею в виду понятие психофизиологической функции <...>. Почему я говорю “психофизиологическая функция”? Потому что я имею в виду функцию, как действительное отправление системы органов, которое зависит от их устройства. Например, такова сенсорная функция» (С. 143).

Все эти единицы «...не представляют собой никаких отдельных, то есть это значит, что когда я имею живую деятельность, <...> то швы, по каким, например, может происходить этот обмен [обмен звеньями деятельности. — А.Л.], совпадают с этими единицами. Но если вы произведете мысленное вычитание из деятельности действий, операций или из операций функций, то вы получите дырку от бублика <...>. Деятельность может включать в себя одно-единственное действие. Она тогда ни из чего не складывается, она есть это действие. Действие может включать в себя единственную операцию <...>. Эта операция есть вместе с тем действие. Словом, нельзя их рассматривать как некоторые кирпичи, только разные. Так не выйдет» (С. 143—144).

И наконец, хотя «эти единицы — не отдельные, однако связаны между собой переходами. Кстати, это и заставляет выделять их <...>. Нечего уж говорить о том, что мы имеем постоянный переход операций из одного действия в другое. Вы никогда не

---

¹² Имеются в виду, вероятно, «Основные процессы психической жизни», где, как мы помним, говорится, что «в осуществлении всякой деятельности, действия или операции обнаруживают себя многообразные психофизиологические функции организма».

знаете, с чем вы имеете дело. На разных уровнях развития, например, это резко не одно и то же. Скажем, то, что для ученика первого класса есть действие арифметическое, целенаправленное, сознательное и т.д., то для ученика четвертого класса является операцией, способом решения задачи, а действие — решение задачи, нахождение условий, порядка операций, но не сами операции, которые выполняются совершенно независимо <...>. Вот эти швы верифицируют правомерность такого рода анализа. Александр Романович [Лурия. — А.Л.] часто говорил: “Ломается мозг по его естественным структурным швам, швам процессов” <...>. Эти обмены, эти переходы тоже идут по естественным структурным швам естественного процесса живой деятельности. <...> Например, по отношению к функциям. Ведь и функции не создаются независимо от развития деятельности. Это какие-то окаменевшие процессы, зафиксированные морфофизиологически, даже, я скажу грубее, морфологически» (С. 144—145).

Далеко не все эти мысли вошли в «Деятельность. Сознание. Личность». Выделим только некоторые из них, не изложенные в предыдущем разделе.

Наряду с «сознанием-образом» там вводится понятие «сознания-деятельности», а в целом сознание определяется как внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельности (Леонтьев А.Н., 1975. С. 157).

Еще и еще раз подчеркивается: действия — не особые «отдельности» в составе деятельности; человеческая деятельность не существует иначе, как *в форме действия* или цепи действий (С. 104). Один и тот же процесс выступает как деятельность в своем отношении к мотиву, как действие или цепь действий — в своем подчинении цели. Таким образом, действие не компонент и не единица деятельности: это ее образующая, ее *момент*.

Далее более подробно анализируется соотношение мотивов и целей. Вводится понятие «мотива-цели», то есть осознанного мотива, выступающего в роли «общей цели» (цели деятельности, а не действия), и «зоны целей», выделение которой только и зависит от мотива; выбор же конкретной цели, процесс целеобразования связывается с «апробированием целей действием» (С. 106). Вместе с тем вводится понятие о двух аспектах действия. «Помимо своего интенционального аспекта (*что* должно быть достигнуто) действие имеет и свой операционный аспект (*как*, каким способом это может быть достигнуто)» (С. 107). Отсюда несколько иное определение операции — это качество действия, образующая дейст-

вия. Если генезис действия — в обмене деятельностями, в соотношении «совокупного субъекта» (Маркс) и индивидуального субъекта, то генезис операции — в соотношении действий субъекта, их включенности одно в другое (см. также следующий раздел).

Ставится вопрос о расчленении деятельности на более дробные, чем операция, единицы. В этой связи одобрительно упоминается идея «функциональных блоков» В.П.Зинченко.

Концепция структуры деятельности, в особенности в том виде, в каком она зафиксирована в последней книге Леонтьева, в силу своей внутренней логики широко открыта для дальнейшего развития. Она открыта и «вниз», и «вверх». «Вниз», так как требует исследования интрацеребральных (психофизиологических) процессов и структур, которые порождаются филогенетическим и онтогенетическим развитием самой предметной деятельности, то есть требует исследования их как зависимых от деятельности и, вместе с тем, как обуславливающих возможность ее реализации. Она открыта также «вверх», так как необходимо обращение к понятиям и категориям, имеющим более глобальный характер, чем понятие деятельности (как единицы), и прежде всего — к понятиям системы и иерархии деятельностей. Но это обращение естественно предполагает соотнесение строения деятельности со строением сознания и далее — с понятием личности, включение анализа строения деятельности в контекст более широкого психологического анализа. Мы вернемся к этой проблеме в следующем разделе, посвященном альтернативным (по отношению к взглядам А.Н.Леонтьева) позициям в рамках принципиально единого потока развития психологической теории деятельности.

Пока же целесообразно, забегаая несколько вперед, остановиться только на одной альтернативе, представленной взглядами В.П.Зинченко на структуру и единицы деятельности и соотнесенной с уже частично описанной выше методологической концепцией Э.Г.Юдина.

Выше мы уже довольно подробно излагали методологический подход Юдина к проблеме деятельности. Теперь изложим его позиции по вопросу о структуре деятельности.

Юдин считает, что в теории деятельности предметом собственно психологии является лишь уровень действия, а два других уровня выполняют скорее «пояснительную роль»: деятельность — как способ связать психологию с социально-философским контекстом, операция — как то, что связывает психологию с нейрофизиологией (Юдин, 1976. С. 75). Он полагает, что эти

уровни — лишь «схема объяснения», неосознанно принимаемая и как «схема предмета».

Принимая с порога, что понятия, выделяемые Леонтьевым в системе деятельности, суть «единицы анализа», Э.Г.Юдин отмечает далее, что «в трехчленной структуре деятельности свое особое место занимают такие категории, как мотив, цель и условие» и что, по-видимому, «они должны образовать особый ряд единиц» (*Там же*. С. 77). В другой работе (1976 а) Юдин полагает, что трехчленная схема, достаточная как *объяснительная* схема, требует специальной верификации как характеристика *предмета* изучения. При этом он упрекает Леонтьева в том, что тот объясняет психологические явления прямыми ссылками на явления социально-экономические (разделение труда и т.п.). Автор вообще считает, что неправомерно определять сознание и личность «целиком через деятельность» (*Юдин*, 1977. С. 36), и призывает к созданию психологической таксономии.

Если в психологической теории деятельности подчеркивается неаддитивный характер деятельности и она рассматривается как развивающаяся система, которая характеризуется движением ее внутренних образующих, ее моментов и их трансформациями, то в работах Э.Г.Юдина выступает понятие собственно единиц, их рядов, их связей как отдельностей, их таксономии.

По В.П.Зинченко, мотивы, цели и условия — это компоненты деятельности; они тесно связаны с тремя типами единиц. Каждая из таких единиц есть в свою очередь система взаимосвязанных единиц предыдущего уровня; в целостном акте деятельности ее организация реализуется «в объединении функционально определенных процессов (элементов), подчиненных одному и тому же мотиву» (*Зинченко, Гордон*, 1976. С. 83). В этой связи в психологической теории деятельности, по Зинченко, встают задачи, требующие дополнения ее категориального аппарата. Так, например, в определенных конкретных видах деятельности выступают не все потенциально возможные свойства действий и операций, а только необходимые для данных условий деятельности, для данной поставленной цели. Поэтому следует поставить вопрос о построении новых единиц деятельности, в частности таких, которые опираются на функциональные зависимости и отношения между отдельными элементами (действиями, операциями) и их свойствами в структуре деятельности как целого» (*Там же*. С. 101). Отсюда — категория «функциональной структуры».

Анализируя операции, В.П.Зинченко предлагает разложить их «на еще более дробные единицы». Такой единицей он считает *функциональный блок*, который, однако, может не иметь «непосредственного выхода в поведение» (то есть быть только элементом операции), а может иметь такой выход — «тогда он практически совпадает с тем, что в теории деятельности называется операцией» (*Там же*. С. 113). Автор видит, однако, принципиальное различие между отношением, характерным для структуры функционального блока и структуры операции («онтологическое отношение») и отношениями элементов собственно деятельности («гносеологические отношения»).

В статье В.П.Зинченко и В.М.Мунипова, относящейся примерно к тому же периоду, вводится несколько иная, чем у А.Н.Леонтьева, трактовка операций: они детерминируются «...не условиями осуществления действия как таковыми, а лишь функционально значимыми свойствами, входящими в условия» (*Зинченко, Мунипов, 1976. С. 51*). Условия же даны в *предметных* свойствах реальности, которые отличаются от *функциональных*. Существует, по В.П.Зинченко, особый уровень анализа ситуаций, определяемый предметными свойствами ситуации: это и есть уровень функциональных блоков.

Создается, таким образом, определенная концепция уровней деятельности: единицы микроанализа (блоки и субблоки) позволяют наполнить деятельность определенным предметным содержанием, так как «непосредственно связаны с реальностью» лишь более элементарные единицы. Поэтому снизу вверх, от элементарных единиц, идет *предметность* деятельности, а сверху вниз — *осмысленность*. «Их встреча и рождает деятельность» (*Там же*. С. 53).

Анализируя работы Зинченко, можно видеть некоторые параллели со взглядами Э.Г.Юдина. Пусть не в явной форме, Зинченко то и дело трактует структуру деятельности как объяснительную модель (хотя в других местах она понимается им как свойство предмета, то есть самой деятельности). Но что особенно обращает на себя внимание — это все же аддитивное понимание В.П.Зинченко самой «единицы» деятельности. Для него это единица без кавычек. Отсюда и предлагаемые им три рода единиц деятельности — оперативные, когнитивные и истинно-личностные (*Зинченко, 1977. С. 23*) и квалификация действия и операции как «оперативных» единиц деятельности. На той же идее отдельности, аддитивности единиц покоится, на наш взгляд, идея

«функциональной структуры»: она едва ли правомерна при другом их понимании. В сущности, *всякая* структура деятельности «функциональна» в смысле Зинченко: у нее и нет никакой иной структуры.

Сложнее обстоит дело с операцией. Э.Г.Юдин, как известно, считает ее понятием не вполне психологическим, а скорее физиологическим. Сразу скажем, что это совершенно неверно по отношению к сознательным операциям; это, несомненно, понятие глубоко психологическое. (Заметим, что А.Н.Леонтьев, вводя в «Проблемах развития психики» различие сознательных и приспособительных операций, позже как будто забывает об этих последних, имея в виду под операциями только сознательные операции.) Что же касается операций второго рода, приспособительных, и их отношения к сознательным операциям, вопрос этот остается открытым. Несомненно одно — что внутри общего класса «операций» есть свои отношения включения и подчинения (в частности, сознательные операции могут включать в себя приспособительные). Именно поэтому в наших собственных работах по анализу речевой деятельности оказалось необходимым ввести понятие «макроопераций» (например, трансформация предложения) и «микроопераций» (например, выбор слова). Однако и эти последние разветвляются на гораздо более сложном психофизиологическом базисе, чем функциональные блоки В.П.Зинченко (см., например, *Леонтьев А.А., 1974*).

Идя «снизу вверх», В.П.Зинченко от функциональных блоков приходит, на наш взгляд, к приспособительным операциям, когда функциональные блоки «имеют выход в поведение», и к сознательным операциям, когда такого непосредственного выхода нет. Во всяком случае он как будто отдает себе отчет, что между операцией и функциональным блоком, а тем более субблоками, есть качественный скачок, переход в какую-то иную действительность. Эта действительность для него в одном случае психофизиологическая, в другом — «предметная». Думается, что в данном случае неправомерно говорить о «предметном содержании»: предметность деятельности — нечто иное, она характеризует как раз уровень деятельности и уровень действия. Едва ли элементарные единицы вообще ближе к реальности — они ближе к «внечеловеческой», мертвой реальности.

До сих пор мы опирались на публикации В.П.Зинченко середины 1970-х годов. В известной книге 1982 г. (*Гордеева, Зинченко, 1982*) проблема единиц анализа психики рассматривается очень

подробно. При этом вводится восемь требований к единицам анализа психики, с которыми можно безусловно согласиться — другой вопрос, здесь не обсуждаемый, насколько эти требования соблюдены в работах самого Зинченко. Нам представляется, что это вообще лучшее, что он опубликовал до сих пор (его известная книга «Образ и деятельность» представляет собой сборник более ранних публикаций — см. *Зинченко, 1997*). Еще в 1990 году В.П.Зинченко написал блистательную статью о действии — и опять-таки именно с позиций психологической теории деятельности (*Зинченко, 1990*). К сожалению, в последние годы В.П.Зинченко заметно отошел от своих взглядов 1970—1980-х годов. Правда, не всегда понятно, в какую именно сторону — во всяком случае, его книга о Г.Г.Шпете (*Зинченко, 2000*) представляет собой по существу развернутое обвинение психологической теории деятельности в «бездушности», марксизме и других «грехах» (Шпет здесь последовательно противопоставляется А.Н.Леонтьеву), но, кроме самых общих деклараций, позитивной позиции эта книга не содержит.

Именно поэтому с упомянутой книгой едва ли стоит дискутировать, тем более, что она написана, — как бы выразиться поточнее? — более чем раскованно, так сказать, излишне субъективно и публицистично: всерьез отвечать на эту книгу — значит становиться на ее уровень. В то же время в ней есть интересные и важные идеи, которые мы в настоящей книге учитываем.

Одна из позиций, сформулированных в этой книге, гласит: «А.Н.Леонтьев, многократно излагая свою схему анализа деятельности, не использовал того эмпирического и теоретического богатства, которое на протяжении многих лет накапливали его соратники, ученики и коллеги» (*Зинченко, 2000. С. 126*). Так ли это?

Альтернативы внутри теории деятельности. Конечно, в рамках данной книги невозможно изложить в подробностях все те работы, которые велись в рамках школы Выготского даже только самыми яркими ее представителями (мы не затрагиваем в этом разделе ни Леонтьева, взглядам которого посвящена большая часть текста, так как анализ их становления и изменения позволяет раскрыть внутреннюю логику развития теории деятельности в целом, ни Лурия, огромный вклад которого в психологию лежит вне основной проблематики нашей книги). Тем не менее попытаемся очертить индивидуальный вклад в психологическую проблематику деятельности по крайней мере трех непосредственных соратников Леонтьева — это П.Я.Гальперин, А.В.Запорожец и Д.Б.Эльконин. Кроме того, целесообразно кратко обрисовать не-

которые позиции, развивавшиеся (в том числе и при жизни Леонтьева и при его активном участии и поддержке) его более молодыми учениками.

Начнем с взглядов П.Я.Гальперина.

Он начал свой творческий путь как ортодоксальный (если такие были!) психолог Харьковской группы. Вспоминая об этом в 1959 году, Гальперин подчеркивал, что он «принимал активное участие в разработке взглядов этого направления, и приводимая ниже критика этих взглядов является критикой моих собственных взглядов того периода» (*Гальперин*, 1959. С. 443; интересно, что составители тома избранных работ Гальперина в серии «Психологи отечества» не включили в том эту статью). Конечно, уже в диссертации, защищенной Гальпериным в 1935 году, можно увидеть корни будущей концепции Гальперина (см. *Подольский*, 1992. С. 1). Некоторые отличия от позиции Леонтьева намечаются только в 1950-е годы, когда создается знаменитая гальперинская теория поэтапного формирования умственных действий¹³.

Суть критики была в том, что «и в этой системе взглядов проблема конкретного содержания психических процессов не решалась, а отодвигалась <...>. Как успешность психических процессов зависит от структуры осмысленной деятельности — это изучалось, но что такое сами эти психические процессы — это не изучалось. Изучалась зависимость структуры осмысленной деятельности от реальных условий жизни, но процесс становления этой осмысленной структуры, самый процесс осмысления — не изучался. В обоих случаях собственно психологические процессы “выносились за скобку” как нечто постоянное — если не вообще, то на известном отрезке времени, для каждого уровня развития <...>. Таким образом, развитие теоретической мысли все ближе подводило к

---

¹³ Хотелось бы сразу и со всей определенностью подчеркнуть, что несогласие по тому или иному вопросу между Леонтьевым и Гальпериным, Леонтьевым и Запорожцем, Леонтьевым и Элькониным *никогда* не приводило к напряженности в их личных отношениях и не влияло на — позволю себе сказать — нежность, с которой они общались друг с другом. Тому свидетель я сам. Даже после двух серьезных и нелицеприятных разговоров Леонтьева с Гальпериным по поводу «Введения в психологию» они оставались близкими друзьями. К сожалению, из психологов более молодого поколения это умение разделять личные отношения и профессиональные убеждения мало кто сохранил — назову здесь в качестве положительного примера, увы, покойного Василия Васильевича Давыдова.

вопросу о конкретном строении психической деятельности. Вместе с тем становилось все более ясно, что его решение зависит от решения другого вопроса — об отношении между психической и внешней деятельностью» (Гальперин, 1959. С. 444). Именно попытка решить эти вопросы привела к появлению гипотезы поэтапного формирования умственных действий.

Ее основное положение, по Гальперину, в том, что «психическая деятельность есть результат перенесения внешних материальных действий в план отражения — в план восприятия, представлений и понятий. Процесс такого переноса совершается через ряд этапов, на каждом из которых происходит новое отражение и воспроизведение действий и его систематические преобразования» (Там же. С. 446). При этом существенно, что «полноценное действие более высокого порядка не может сложиться без опоры на предшествующие формы того же действия и, в конечном счете, на его исходную форму. Последняя представляет собой действие, выполняемое в полном составе своих операций как внешний, чувственно воспринимаемый материальный процесс» (Там же. С. 447).

Второе важное положение Гальперина — это положение о формировании ориентировочной основы действия как главной задаче и главном содержании первого этапа формирования действия.

Третье положение касается генезиса образа. «Понятие как целостный образ получается тогда, когда действие, на основе которого оно формируется, пройдя поэтапную обработку, становится обобщенным, сокращенным, автоматическим и подсознательным умственным процессом <...>. Образы восприятия строятся в сущности таким же путем, но на основе действий, которые могут и не проходить речевой обработки. В этих случаях действия, направленные на выяснение свойств вещей, складываются стихийно и не переходят в умственный план, а остаются в плане восприятия. Сначала такие познавательные действия имеют тоже материальный характер <...>. В конце концов достаточно бросить мимолетный взгляд, чтобы совокупность признаков знакомого предмета или знакомой обстановки выступила сразу как определенное целое» (Там же. С. 465).

Итог: «Формирование умственного, обобщенно говоря — идеального, действия составляет основу для формирования других психических явлений. А так как эти идеальные действия суть не что иное, как материальные действия, перенесенные в план отражения и многократно измененные, то генетически и функционально еди-

ная система всех этих отраженных форм предметного действия и составляет конкретное содержание психической деятельности, скрытой за разными психическими явлениями» (*Там же*. С. 466).

Это теоретическое представление, конкретизированное в гипотезе поэтапного формирования умственных действий, в 1950—1960-е годы было *практически полностью* включено в концепцию А.Н.Леонтьева¹⁴.

Шестидесятые годы в наследии Гальперина отмечены прежде всего статьей «Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий», опубликованной в 1966 году. Она содержательно примыкает к цитированной статье 1959 года и кое в чем ее воспроизводит, в то же время развивая ее теоретическое содержание. Так, четко фиксируется мысль, что «в мышлении предметный процесс не просто повторяется, а выступает как образ и притом в определенной функции — служить отображением оригинального процесса и ориентировать в нем. *Мышление является формой ориентировки* <...>. Ориентировка поведения <> на основе образа и есть та специфическая “сторона” деятельности человека и животных, которая является предметом психологии» (*Гальперин*, 1998. С. 281).

Вслед за статьей 1959 года Гальперин здесь приходит к идее своеобразного «утроения» предметного действия в генезе действия умственного. Речь идет о познавательной, планирующей и контрольной функции ориентировочной части предметного действия. «Каждая из них реализуется определенным действием, которое проходит в общем тот же путь формирования, становится идеальным и сокращается» (*Там же*. С. 292). Здесь корни известной гальперинской теории внимания.

В рамках нашей книги просто невозможно проследить всю теоретическую логику концепции П.Я.Гальперина — см. в этой связи *Подольский*, 1992; *Подольский*, 1998; *Обухова*, 1998. Поэтому остановимся далее только на выступлении Гальперина в дискуссии 1969 года, его статье о деятельности, опубликованной в 1977 году, и на его полемике с Леонтьевым вокруг «Введения в психологию», которые, насколько нам известно, не были до сих пор предметом специального анализа.

---

¹⁴ См., например, *Леонтьев А.Н.*, 1959. С. 33—34; эта статья вошла в «Проблемы развития психики»; *Леонтьев А.Н.*, 1958 — этот доклад интересен, в частности, тем, что в его обсуждении приняли участие Поль Фресс, Рене Заззо и Жан Пиаже.

Одна из главных мыслей Гальперина в дискуссии — что из теоретического и экспериментального осмысления (Петр Яковлевич всегда говорил «осмысления») в теории деятельности выпала операциональная сторона деятельности, ее операциональное содержание. Показано, *что* действие, операционная сторона влияет на формирование психических образований, но не показано, не раскрыто, *как* это происходит. Подлинным орудием являются не внешний артефакт и не внутреннее значение, а *«разнообразные приемы анализа предмета»*, и «мощным вспомогательным средством этого анализа становится материализованная схема этого предмета» (Дискуссия..., 1990. С. 159).

«Мы могли думать о себе все, что угодно, но мы не меняли старую психологию по существу <...>. Если мы будем продолжать эту линию исследования, которая продолжалась и 1950-е, и все 1960-е годы, то мы придем только к тому, к чему мы уже, собственно говоря, пришли, то есть что понятие деятельности совершенно выхолощено» (*Там же*. С. 161). Например, что исследует Ю.Б.Гиппенрейтер? Такие процессы, «которые вообще не могут быть деятельностью субъекта, субъект не действует в таком диапазоне времен. Значит, одно из двух — или это отложение каких-то собственно субъектных действий, и тогда надо начинать с тех действий, отложением которых являются эти процессы, или это просто сопутствующие физиологические процессы» (*Там же*).

Особой критике подвергается известная трехчленная схема А.Н.Леонтьева. «Деление на деятельность, действия, операции идет у Алексея Николаевича не по предметному, операционному их содержанию, а по мотивационному. Деятельностью называется то, в чем совпадает цель и мотив, действием называется то, в чем цель уже не совпадает с мотивом, но еще выступает как промежуточная цель, а операция — то, что вообще потеряло всякую самостоятельность, автоматизированная часть, в которой даже ее результат не выступает как цель. Это же мотивационная характеристика, а не операционная. Я не говорю о том, правильно это или неправильно. Я говорю о том, что это не то» (*Там же*. С. 162).

«Если мы действительно хотим продолжать то дело, которое начато Львом Семеновичем и следующим шагом которого был переход к осмысленной деятельности <...>, мы должны сделать следующее: эта внешняя предметная деятельность должна стать не условием какой-то психической деятельности <...>. *Мы должны саму психическую деятельность понять как разновидность, как дериват, как отражение этой внешней, предметной, осмысленной дея-*

тельности <...>. *Психическая деятельность есть по природе своей внешняя деятельность»* (Там же. С. 163)¹⁵.

Следующее за выступлением Гальперина выступление Д.Б.Эльконина, как нам кажется, представляет собой ответ Гальперину. Вот в чем мысль Эльконина: «..Умственная деятельность, возникшая генетически из внешней практической деятельности субъекта, приобрела характер совершенно самостоятельной деятельности, имеющей свои собственные задачи и построенной в принципе по той же структуре, по которой построена внешняя практическая деятельность <...>. Представление об этой так называемой внутренней, или я лучше буду говорить, умственной деятельности, смешалось с вопросом о делении всякой деятельности, в том числе и умственной, на ее ориентировочную и исполнительную части <...>. Подмена <...> вопроса о выделении из всякой деятельности ее собственно психологического звена, то есть ее ориентировочной части <...>, вопросом о выделении и становлении умственной деятельности как самостоятельной деятельности субъекта мне представляется важной логической ошибкой <...>. *Всякую внутреннюю умственную деятельность мы представляли себе как психическую деятельность <...>. Такое положение <...> было верно тогда, когда задача заключалась в том, чтобы отказаться <...> от дуалистического противопоставления, отрыва внутренней умственной деятельности от внешней практической деятельности, то есть в том, чтобы показать их генетическое единство. Но это вовсе не означает, что тем самым была показана функция одной по отношению к другой, то есть что эта внутренняя умственная деятельность выступала по отношению к внешней практической деятельности как ее ориентировочная часть. <...> Она возникает из внешней, которая просто ее создает как особую форму жизни субъекта, такую же, как практическая деятельность <...>. Такая умственная деятельность действительно может иметь какой-то свой продукт, в виде внешнего эффекта или продукта культуры или какого-то продукта техники. Она экстерииоризуется. Психическая же деятельность как ориентировочная часть любой из них — и умственной, и практической — вообще не имеет своего экстерииоризованного продукта.*

---

¹⁵ Отвлекаясь от сути сказанного, нельзя не заметить, что это выступление Петра Яковлевича производит несколько сумбурное впечатление. Гальперин все время возвращается к одним и тем же общим тезисам, звучащим достаточно декларативно и по ходу выступления не развиваемым.

Ее продукт есть лишь ориентировочная сфера, то есть само движение исполнительской части <...>.

Мне кажется, что мы могли бы сформулировать следующее положение: так называемая умственная деятельность есть тоже деятельность. Она осуществляет такие же задачи, она так же построена, как внешняя, физическая трудовая деятельность; она так же имеет свою ориентировочную и исполнительную часть; она так же не вся является предметом психологического исследования в собственном смысле этого слова. <...> Здесь проходит граница между логикой и психологией, граница не менее важная, чем между психологией и физиологией, потому что если мы возьмем и рассмотрим в этом аспекте ее операциональное строение, то мы, кроме логики, ничего не найдем. Поэтому-то, если умственная деятельность рассматривается как психическая деятельность, а последняя в своей операционной части ничего, кроме логических операций, не имеет, то и получается, что вся психология сводится к логике, и ничего другого там, собственно говоря, нет. Таким образом, мне кажется, здесь произошла подмена предмета исследования и предмета изучения» (Дискуссия..., 1990. С. 167—169).

Доклад Гальперина о деятельности, как уже говорилось, опубликованный в 1977 году, восходит, конечно, к началу 1970-х годов, как указывают комментаторы к его вторичной публикации в томе избранных трудов Гальперина. Думается, он был написан по прямым следам дискуссии 1969 года и даже текстуально частично совпадает со стенограммой выступления Петра Яковлевича в этой дискуссии. Здесь Гальперин еще более резко отстаивает мысль о том, что в «канонической» теории деятельности «...процессуальное содержание предметной деятельности оставалось за пределами психологии, а содержание самой психической деятельности — за границами предметной деятельности. Без вовлечения предметного содержания внешней деятельности в сферу “психического” проблема осмысленной деятельности оставалась принципиально незаконченной и не могла получить принципиального значения в психологии» (Гальперин, 1977. С. 27).

И далее: «Отсутствие психологической теории о “предметном”, операционном содержании деятельности (и, как следствие этого, отсутствие его психологического исследования) коренилось в непреодоленном “классическом” представлении о предмете психологии. Вследствие этого “проблема деятельности” в психологии не могла получить дальнейшего развития. Постепен-

но она теряла первоначальное общее значение и объективно сходила на положение важного, но частного учения о мотивах. Меняясь фактически, психология оставалась теоретически связанной прежним пониманием “психики”, “сознания”, своего предмета» (Там же. С. 31).

Рассуждая далее, Гальперин приходит к выводу, что именно «структура ориентировочной деятельности — ее формирование, развитие и характерные особенности на каждом этапе развития функции в каждом периоде жизни субъекта — составляет подлинный предмет психологии» (Там же. С. 38). Прежде всего формирование! Не случайно текст доклада завершается цитатой из Маркса: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». В сущности, по Гальперину, именно педагогический психолог выступает в функции Господа Бога — он «пересаживает» и «преобразует» материальное в идеальное. И совершенно не случайно замечание в дневниках Д.Б.Эльконина: «То, что строит Петр Яковлевич и его ученики, должно быть построено самим человеком» (Эльконин, 1989. С. 516).

Книга «Введение в психологию» была написана примерно в это же время, в начале 1970-х годов. Петр Яковлевич дал ее для чтения А.Н.Леонтьеву, и в апреле 1972 г. последний написал «Замечания на брошюру П.Я.Гальперина “Введение в психологию”», резко критические и имел с Петром Яковлевичем многочасовой разговор по этому поводу (вспоминаю, как трудно этот разговор дался Алексею Николаевичу!), в результате которого рукопись была значительно переработана. Как мы с Д.А.Леонтьевым пишем в комментариях к «Философии психологии», основные замечания Леонтьева были связаны с тем, что Гальперин обходит в своем тексте ряд фундаментальных вопросов, неудобоваримых для развиваемого им подхода, игнорирует альтернативные взгляды на ряд проблем¹⁶.

Во всяком случае, нам доступен только переработанный вариант книги. Она в целом развивает уже известные нам мысли Гальперина. Так, по его мнению, «ориентировочная деятельность

---

¹⁶ Думается, что то, что мы называем докладом о деятельности, могло быть частью книги «Введение в психологию», снятой после обсуждения с А.Н.Леонтьевым. Тогда, впрочем, непонятно, почему Петр Яковлевич все-таки опубликовал эту работу, причем при жизни Леонтьева.

не ограничивается одними интеллектуальными функциями, даже во всем их диапазоне — от восприятия до мышления включительно. И потребности, и чувства, и воля <...> с психологической стороны представляют не что иное, как разные формы ориентировочной деятельности субъекта в различных проблемных ситуациях, разных задачах и с разными средствами их решения» (Гальперин, 1998. С. 186—187). И вообще «все формы психической деятельности <...> представляют собой различные формы ориентировки субъекта в проблемных ситуациях» (С. 188). Соответственно «только ориентировочная деятельность и составляет предмет психологии» (С. 191). И «психология является наукой, которая изучает формирование, строение и динамику ориентировочной деятельности» (С. 195). Или, другими словами, «психология изучает деятельность субъекта по решению задач ориентировки в ситуациях на основе их психического отражения» (С. 198).

Психическая деятельность вообще и есть, по Гальперину, «ориентировочная деятельность в плане образа» (С. 219).

Когда книга была опубликована, она вновь вызвала у Леонтьева необходимость отреагировать на позицию Гальперина. Его материалы, написанные для очередного разговора с Петром Яковлевичем, сейчас опубликованы в «Философии психологии». Главные претензии Леонтьева к книге вновь касаются нечеткости, неадекватности ее ключевых формулировок и используемой терминологии (см. Леонтьев А.Н., 1994. С. 259—262).

Можно ли было включить в общий «корпус» теории деятельности взгляды П.Я.Гальперина 1970-х годов? Иными словами, прав ли А.Н.Леонтьев, когда не воспроизводит эти позиции в своих публикациях тех лет и, в частности, в книге «Деятельность. Сознание. Личность»? (А как выяснилось сейчас, и в лекциях для студентов по общей психологии.)

Думаю, прав. Прочитую еще раз наш комментарий к «Философии психологии»: теория поэтапного формирования П.Я.Гальперина, опираясь в ряде существенных положений на деятельностный подход А.Н.Леонтьева, по сути представляла собой его редуцированный вариант, доказавший свою практическую эффективность в ряде прикладных областей, однако, вряд ли подходивший для выполнения роли общепсихологической теории. Тем не менее Гальперин в 1970-е годы активно стремился утвердить свою теорию именно в статусе методологической основы общей психологии.

В конце концов никто не препятствовал Петру Яковлевичу в распространении его взглядов ни на факультете психологии МГУ, ни в психологическом сообществе в целом. Единственный случай — отказ в публикации первого варианта «Введения в психологию». Но и здесь Леонтьева можно понять — явная и не всегда обоснованная оппозиционность многих основных идей книги по отношению к позициям кафедры общей психологии и самого Леонтьева, к содержанию учебников и теоретических курсов требовала большой аккуратности в подготовке текста. Судя по всему, именно этой аккуратности Петр Яковлевич в первом варианте книги не проявил. И книга ведь все-таки вышла — и стала знаменитой. Но это был авторский текст самого Гальперина, внутренне достаточно четко противопоставленный леонтьевскому варианту теории деятельности.

Кстати, обратим внимание на то, что Гальперин всюду в своих поздних работах исходит из понятия ситуации, из представления о человеке, стоящем перед этой предметной ситуацией «тет-а-тет». А Леонтьев в своих работах последнего десятилетия как раз стремился уйти от этого представления.

А.В. Запорожец уже упоминался на страницах нашей книги в связи с тем, что именно в его работах Харьковская группа (и школа Выготского вообще) пришла к синтезу леонтьевской концепции о роли практических действий в онтогенезе психики и концепции самого Выготского о единстве аффекта и интеллекта. Как мы знаем, этот синтез был полностью принят Леонтьевым.

Но этим роль Запорожца в становлении и дальнейшем развитии теории деятельности не ограничивается. Так, именно ему и его ближайшим сотрудникам, в числе которых тогда был и В.П. Зинченко, принадлежат пионерские исследования перцептивных действий; при этом он пошел дальше, чем использовавший эти работы А.Н. Леонтьев, говоря не только об уподоблении субъекта объекту (динамики процессов в реципирующей системе свойствам внешнего воздействия), но и об «уподоблении объекта субъекту», о переводе получаемой информации «на свой собственный “язык” оперативных единиц восприятия, которые уже хорошо усвоены субъектом, признаки которых ему хорошо известны и функциональное значение освоено» (*Запорожец*, 1968. С. 123). Отсюда известная концепция эталонов (или оперативных единиц восприятия) как «системы чувственных мерок <...> для анализа окружающего и упорядочивания своего опыта» (*Запорожец*, 1986. С. 109). При этом, по Запорожцу, «процесс зрительного восприятия

представляет собой сокращенное ориентировочное действие, которое первоначально складывается на основе развернутой практической деятельности с предметом в тесной связи с ее исполнительской частью и лишь постепенно приобретает свою относительную самостоятельность и свою идеальную форму» (Запорожец, 1986. С. 90). «Предметное моделирование, которое первоначально строится как внешнее, материальное, действие, затем, при определенных условиях, может превратиться путем последовательных изменений и сокращений в действие внутреннее, направленное уже на создание не внешней, материальной, а внутренней, идеальной, модели — перцептивного образа воспринимаемого предмета» (Там же. С. 97—98).

Перцептивные действия, говорит Запорожец, отличаются от интеллектуальных тем, что они производятся не со знаковыми заместителями предметов, а с самими реальными предметами и приводят к созданию конкретного образа предмета (его перцептивной модели).

Очень важна мысль Запорожца о взаимоотношениях чувственной ткани образа и биодинамической ткани движения: «Движение как изначально, так и в конечном счете представляет собой как бы субстанцию образа <...>. Эволюция образа <...> состоит в трансформации пространственного образа в перцептивные схемы, в значения, в символы. В последних усиливаются элементы абстрагирования от реальности и соответственно уменьшается удельный вес биодинамической и особенно чувственной ткани» (Там же. С. 153).

Еще в конце тридцатых годов Запорожец высказал мысль об опредмечивании действия и возможности для него занять в структуре деятельности место цели, стать самостоятельным предметом понимания, осмысления и формирования. В целом надо отметить, что Запорожец концептуально был едва ли не наиболее близким к А.Н.Леонтьеву из его соратников по Харьковской группе и являлся в известном смысле «соавтором» многих его идей, в то же время четко определяя приоритеты в своих публикациях.

Не излагая многих других идей А.В.Запорожца, не менее существенных для теории деятельности, остановимся только на его выступлении в уже хорошо нам известной дискуссии 1969 года.

Первое положение выступления Запорожца: в характеристику деятельности как предмета психологии следует внести исправления и дополнения. «Социологическое» моделирование деятельности психологами, по-видимому, необходимо; но оно должно быть

обновлено. Так, надо изменить понятие о цели, «поскольку здесь имелись <...> в виду первоначально какие-то более примитивные виды деятельности, где речь шла о <...> овладении объектом, в то время, как в продуктивной деятельности цель заключается в видоизменении этих объектов в известном направлении» (Дискуссия..., 1990. С. 151—152). Операции характеризовались не по тому же признаку, что деятельность и действие, «то есть с точки зрения того, что они автоматизированы, что они выходят из поля сознания и т.д.» (Там же. С. 151). Кроме того, то, как мы применяем понятие операций в психологии, «приходит в противоречие с тем, как оно применяется в логике и в других науках, по-видимому, — в технологии, в военном деле и т.д., то есть где под операцией понимается целая система каких-то действий, как автоматизированных, так и не автоматизированных» (Там же. С. 152).

Наконец, Запорожец призывает «...преодолеть в этой характеристике своеобразную робинзонаду, в том смысле, что мы хотя и имели в виду все время, что субъект действия есть социальное существо — человек, однако в изучении деятельности мы не принимали во внимание того, что *здесь производится постоянное включение действия одного человека в совокупную деятельность группы людей и в связи с этим формы этих объединений — по мотиву, по цели, по задачам, по средствам, различные формы координации*, — по-видимому, должны учитываться при характеристике структуры деятельности. Во всяком случае, некоторых структур некоторой деятельности, так как это имеет важное методологическое значение» (Там же).

Вторая позиция Запорожца касается отношения материальной, практической деятельности к психическому отражению. Здесь он солидаризируется с Леонтьевым в принципе, но добавляет, что это отношение «представляет какой-то реальный процесс, имеющий свое собственное содержание, переходы, трансформации, превращение в материальные действия, в идеальные и т.д.» (Там же). «По существу мы долгое время вынуждены были довольствоваться тем, что устанавливались какие-то внешние коррелятивные зависимости между деятельностью и психическим процессом, например, констатируя, что при таких особенностях деятельности, при такой ее структуре, при такой ее мотивации и т.д. происходят такие-то изменения психических процессов, хотя механизм этих изменений и сама природа этих психических процессов не подвергались специальному изучению. <...> Тут, по-видимому, обнаруживаются какие-то общие законы. <...> Прихо-

дится констатировать, что *дело начинается с первоначально внешних аффективных действий, потом они претерпевают изменения и переходят в план внутренних переживаний по поводу воспринимаемых или предполагаемых событий*. На основе этих действий складывается то, что мы называем аффективным образом, в котором кристаллизуются смысловые характеристики ситуации и ее значение для субъекта, и на этой основе производится дальнейшее эмоциональное регулирование действий. Оно касается динамической, этической стороны этих действий. Все это наталкивает на естественно возникающее гипотетическое предположение, что эта ориентировочно-исследовательская деятельность не является психической деятельностью в широком смысле слова. Она возникает на основе исполнительской деятельности, а затем выполняет в ней регулирующую, корректирующую роль» (*Там же*. С. 152—153).

Третья позиция Александра Владимировича касается соотношения развития и обучения, и мы сейчас не будем ее затрагивать.

«Главная книга» Даниила Борисовича Эльконина — это, несомненно, знаменитая «Психология игры». Трудно переоценить ту роль, которую она, а вернее, положенная в ее основу серия теоретических и экспериментальных исследований, сыграла в становлении психологической теории деятельности: ведь принципиально важная статья А.Н.Леонтьева, вошедшая в «Проблемы развития психики» — мы имеем в виду «Психологические основы дошкольной игры» — написана в основном по результатам исследований Эльконина и его сотрудницы Ф.И.Фрадкиной¹⁷. При этом особенно существенна для нашей книги разработанная Даниилом Борисовичем модель отношений значения, смысла, действия и деятельности в развитии игры.

Однако роль исследований Эльконина в становлении и развитии теории деятельности не ограничивается только игрой. Назовем еще несколько его идей, имеющих фундаментальное общепсихологическое значение.

Во-первых, это идея формирования образа действия с предметом (предметом-орудием) как условия приспособления к объективным свойствам предмета, а также анализ роли взрослого в этом процессе (именно здесь возникает знаменитая формула Элькони-

---

¹⁷ Однако сам Эльконин считал «деятельностную» психологическую теорию детской игры результатом коллективного творчества Выготского, Леонтьева и самого Эльконина с участием Гальперина и Запорожца — см. *Эльконин*, 1978. С. 10.

на, что «с определенного момента развития ребенок — это всегда два человека — Он и Взрослый» (Эльконин, 1989. С. 141).

Во-вторых, это введенное Эльconiным понятие «неклассической психологии». Напомним раскрытие им этого понятия: «Для классической психологии, включая самые передовые ее направления, все психические процессы уже заданы и социальные отношения выступают лишь как факторы психического развития. Для Выготского психические функции даны в форме социальных отношений, которые выступают источником возникновения и развития самих этих функций у человека. Данное положение представляется принципиально важным — в нем содержится *неклассический подход к сознанию*» (С. 473). Буквально накануне кончины Эльконин еще раз подчеркнул, что Выготский является основоположником неклассической психологии, «то есть психологии, которая представляет собой науку о том, как из объективного мира искусства, из мира орудий производства, из мира всей промышленности рождается и возникает мир отдельного человека» (С. 478).

В-третьих, это развивающая первая мысль о том, что предметное действие не просто предметное — оно есть «единица социального взаимодействия. Оно содержит внутри себя противоречие. 1) Оно человеческое, через него отношение к обществу и к природе человека. 2) Оно материальное, через него отношение к природе вещи» (С. 488). В другом месте: «...Есть две структуры отношений, которые все время меняются местами: 1) ребенок — предмет — взрослый, 2) ребенок — взрослый — предмет <...>. Предметное действие есть единица, в которой в нерасчлененном единстве представлены социальное и операционально-техническая сторона; задача, всегда социально мотивированная, а также предметы и способы действия с ними» (С. 497).

В-четвертых, это разведение ориентировочной деятельности вообще и ее идеальной формы и «распространение идей об ориентировочной деятельности с ее специфической для человека идеальной формой на проблему потребностей и аффектов» (С. 488). В научных дневниках Даниила Борисовича эта мысль появилась в 1967 году и, как мы помним, была четко выражена им в дискуссии 1969 года. В 1969 же году, но несколько раньше (в августе) Эльконин записывает для себя: «Интересная мысль о том, что внутренний план действий порождается из совместных действий с другими. Вернее, из передачи другому способа действия и привлечения другого к совместным действиям <...>. Как это ни парадоксально, дифференциация внешней и внутренней деятельнос-

ти = социализация <...>. Внутренний план действий — это только тогда и там, где есть ориентировка на характер и результат действий другого человека = партнера или конкурента.

Как он поступит? И как я должен поступить, если он так <...>. Что он в это время делает?

Это механизм, координирующий совместную деятельность, но не рядом, а в сотрудничестве при наличии общей цели. Кажется, в этом суть дела!» (С. 499).

В-пятых, это мысль о том, что «действия ребенка определяются не вещью, а ее смыслом» (С. 489) и что именно через социальную сторону предметного действия это происходит. Анализ «децентрации» (термин Пиаже), понимаемой Элькониным как «возможность произвести ряд действий и отнестись к другому с точки зрения фиктивного “я”: с другой точки зрения, с другой позиции» (*Там же*). Этот ход мысли получил развитие в многочисленных соображениях Даниила Борисовича о переходе ребенка от стадии «субъекта деятельности» к стадии личности. Сюда же примыкают его соображения о том, что психологический механизм «потери непосредственности» (Выготский) «заключается в возникновении особой внутренней ориентации в смыслах дальнейших отношений со взрослым или будущего положения в кругу сверстников, то есть смысловой ориентации на социальную позицию, которая может возникнуть в результате выполнения данного поступка.

Это важная мысль: все поведение приобретает ориентацию на будущее, но не продукт предметного действия, а на результат поступка» (С. 501).

И еще позже: «Ориентация в свойствах предметов оказывается включенной в ориентацию на образец! Может быть, это и есть собственно предметные действия, и дело не в приспособлении руки к орудию и его свойствам, а в ориентации на образец» (С. 510).

И снова: «“Центрация” и “децентрация” — необходимые моменты всякого предметного действия. Во-первых, любое действие, направленное на достижение цели, очень субъективно, ибо отбор свойств объекта происходит в соответствии с целью. Во-вторых, с самого начала формирования собственного предметного действия всегда есть другой человек. Я действую, как другой, а это и есть начало “децентрации”» (С. 513).

В-шестых, у Эльконины возникает чрезвычайно важная интерпретация знака. По его мнению, «значение знака в той функ-

ции другого человека, в которой он вводится в организацию поведения. Они могут быть различны (решающий, контролер, вообще помогающий, напоминающий о ком-то). Знак — нечто вроде подарка. Ведь подарок — напоминание о том, кто его сделал» (С. 514). И знаменитые примеры Выготского истолкованы им не так. «Жребий — призыв другому человеку решить проблему. Сон кафра — пусть кто-то решит за меня» (С. 515).

В самые последние годы мысли о природе знака постоянно беспокоили Даниила Борисовича. Так, в июне 1982 года он записывает: «Я думал, что знак — другой человек. Это верно. Но значение знака — то, что по поводу действия передал мне другой человек» (С. 516).

И особенно важно: отраженное «должно быть означено, то есть приведено в связь — отождествлено с отражаемым <...>. Как же происходит такое отождествление?» Между реальной и отраженной действительностью «стоит слово, которое и есть отождествление их, соотнесение их. Слово триполярно ориентировано: а) на образ, б) на предмет, в) на другого человека <...>. Значение есть только у слова. Слово получает значение не тогда, когда оно начинает указывать на предмет, а когда оно показывает связь образа и предмета <...>. Эти две идеи: 1) слово как связи D_1 [реальная действительность. — А.Л.] и D_2 [отраженная действительность. — А.Л.] и 2) знака как замещения другого человека — близки друг другу» (С. 517).

Конечно, «знак в функции включения одного человека в организацию поведения другого человека — только начальная и первичная его функция, от которой потом отделялись другие <...>. Важно собрать эти функции и построить в единый генетический ряд.

У взрослого человека и сейчас существуют знаки в функции включения других людей в свое поведение» (С. 518).

«А не может ли быть, что ролевая игра и есть первое собственно знаковое действие? Если верно мое предположение, что знак в своей генетически исходной форме обозначает другого человека, то роль в игре и есть первое знаковое образование <...>. Ребенок остается самим собой, но в своих собственных глазах приобретает значение взрослого <...>. Перенос значений с одного предмета на другой вторичен по отношению к роли. В развитой форме игры кубик приобретает значение автомобиля потому, что ребенок стал шофером» (С. 518—519).

И в-седьмых, у Эльконина появляется мысль о том, что «ориентация на материально-предметные условия подчинена ориента-

ции на действия другого <...>. Главное, что непосредственная ориентировка на реальные предметные условия действия (то, что А.Н.Леонтьев называл операцией) включена и определена в совокупном действии ориентацией на действия другого! Я действую так, чтобы организовать, подготовить действия другого. Одной рукой я держу гвоздь, а другой его забиваю. Но я держу так, чтобы облегчить забивание. Две руки — как два человека. Это и есть интёрпсихическое. Вот *что* вращивается! Вращивается Другой.

Совокупное действие и есть единство аффекта и интеллекта. Аффект — ориентация на другого, это социальный смысл. Интеллект — ориентация на реальные предметные условия осуществления действия» (С. 518).

Из всех соратников и друзей моего отца мне всегда был наиболее близок именно Даниил Борисович Эльконин. Он был моим первым детским воспоминанием в возрасте 3 лет. Он выступал оппонентом на защите моей докторской диссертации по психологии. Дело, впрочем, не в том: наверное, даже из того, *как* я пишу о нем в этой книге, видно, что его мысли для меня особенно органичны, что они как-то особенно естественно «присваиваются» мной. Наверное, если бы я не был учеником А.Н.Леонтьева, я стал бы учеником Эльконина. Впрочем, полагаю, что я им был — и остаюсь.

Ведь, как совершенно правильно говорил (в одном из последних выступлений) В.В.Давыдов, то, что характеризует направление Выготского — это сочетание единства принципиальных идей и автономности отдельных школ в рамках этого направления.

Научные внуки Выготского. Совершенно естественно, что в этом параграфе мы не претендуем на описание всего дальнейшего развития школы Выготского. Ограничимся краткой характеристикой двух наиболее ярких представителей «промежуточного» поколения — В.В.Давыдова и В.П.Зинченко — и некоторых идей прямых учеников А.Н.Леонтьева, начинавших свою научную деятельность при его жизни и под его руководством — А.Г.Асмолова и В.А.Петровского.

Одна из главных идей Давыдова, касающаяся деятельности, заключается в том, что структура деятельности, так сказать, по определению не может быть узко психологической — она является междисциплинарной. В то же время понятие деятельности — основополагающее для всей психологии человека, она образует ее исходную «клеточку». Именно с идеей междисциплинарности структуры деятельности связано понятие «нужды» как основы

потребности, о котором мы уже упоминали выше при изложении основных принципов деятельностного подхода в версии Давыдова.

Вторая существенная идея Давыдова — это понятие *преобразования*. Под ним Давыдов понимает «изменение внутреннего образа объекта» (Давыдов, 1996. С. 24). Подлинное преобразование может быть осуществлено лишь в процессе такой деятельности, которая нацелена на реализацию внутренних потенций объектов, на проявление и развитие функций действительности по ее собственным законам.

Следующая мысль В.В.Давыдова касается опять-таки структуры деятельности. Он соотносит понятие мотива не с абстрактным действием или деятельностью, а с задачей, для решения которой предпринимаются те или иные действия при наличии тех или иных материальных и знаково-символических средств (Давыдов, 1998. С. 10). Задачи могут быть в плане перцепции, мышления и т.д. При этом можно выделить ориентировочные, исполнительные и контрольные моменты не только в действии, как это делает П.Я.Гальперин, но и в деятельности. «Исполнительная часть — это целостная деятельность по достижению цели и тем самым — по удовлетворению потребности и снятию нужды <...>. Ориентировочная часть — это перечисленные планы» (С. 11). Что касается контрольной части, то она соотнесена с волей, то есть реализацией намеченного в ориентировочной части пути достижения цели. Воля есть контроль внимания.

Соответственно строится типология видов деятельности. Нет ни перцептивной, ни мнемической, ни мыслительной деятельности — а вот «действия мыслительные есть, потому что они направлены на решение мыслительных задач» (С. 12). Зато есть научная деятельность, при выделении которой главное, как и в других «настоящих» деятельности, потребностно-эмоциональная сфера.

Что касается эмоций, то они «позволяют человеку поставить ту или иную жизненную задачу; но это полдела. А самое главное — эмоции позволяют человеку сразу же интегративно определить его физические, духовно-нравственные средства для решения этой задачи. Есть такие средства — человек включает аналитический аппарат условий достижения цели. Эмоции говорят: нет, таких средств нет — человек отказывается от принятия этой задачи.

Кстати, большинство исследований в области психологии мышления как-то затушевывают этот момент: на каком основа-

нии человек принимает ту или иную задачу и пытается ее, удачно или неудачно, решать?» (С. 14).

Далее (мы цитируем сейчас доклад Давыдова 1997 года) идет анализ «клеточки» деятельности. Ее основной компонент — это «преобразование действительности коллективным субъектом в <...> коллективной деятельности» (*Там же*). Здесь можно говорить и о *единице деятельности*, под которой понимается некоторая целостность, которая обязательно присутствует в любой деятельности.

Деятельность невозможна без общения как «обращения отдельных индивидов к коллективному осуществлению той или иной деятельности <...>. Когда я обращаюсь за чем-то к другому, то это означает, что у меня присутствует представленность возможностей других людей <...>. Вот такую представленность у отдельных индивидов позиции возможностей всех других людей Э.В.Ильенков называл *идеальным* у человека. Я называю это, вслед за Ильенковым, *идеальным планом*, наличествующим у индивида» (С. 15).

Именно идеальный план, возникающий из обращения людей друг к другу, есть основа человеческой культуры. «На основе этих обращений в коллективе возникают нормы как прообразы культуры. То есть — по каким поводам можно обращаться к другим, если сам малосилен» (*Там же*).

Идеальное есть основа сознания, условием возникновения идеального является общение (в очерченном смысле этого термина). И «сознание — это воспроизведение человеком идеального плана своей целеполагающей деятельности и идеального представительства в ней позиций других людей» (*Давыдов, 1996. С. 43*). (Кстати, Давыдов критически отзывается о концепции сознания у А.Н.Леонтьева.)

Взгляды В.П.Зинченко мы частично уже анализировали выше. Остановимся только на некоторых его позициях, представляющих, с нашей точки зрения, наибольший интерес в плане дальнейшего развития психологической теории деятельности.

В качестве генетически исходной единицы психической реальности Зинченко рассматривает «живое движение» (термин Н.А.Бернштейна); «живое» движение противопоставляется механическому как такое, которое «представляет собой не только и не столько перемещение тела в пространстве и времени, сколько *овладение* пространством и временем, то есть оно обладает чертами активного хронотопа» (*Зинченко, Смирнов, 1983. С. 112—113*). Концепция «живого движения» вообще чрезвычайно интересна,

хотя мы не имеем возможности здесь ее анализировать; по Зинченко, это живое движение «и есть чувственно-предметное действие субъекта» (Там же. С. 123). В действии, как и в слове, должны быть выделены внешняя и внутренняя форма. Вслед за Д.Б.Элькониным Зинченко трактует действие как «интериндивидуальную реальность» (Зинченко, 1990. С. 16), а вслед за А.А.Ухтомским и А.Н.Леонтьевым — как «функциональный орган». Чувственно-предметное действие «содержит в себе важнейшие компоненты психического: когнитивные, исполнительные и эмоционально-оценочные <...>. Не задав с самого начала связи между перечисленными компонентами чувственно-предметного действия, потом поздно соединять движение и чувство, образ и действие. В свете этого рассуждения сознание, психические интенциональные и эмоциональные процессы с самого начала привлекаются к анализу не только как отношение к действительности, но, прежде всего, как отношение в действительности» (Гордеева, Зинченко, 1982. С. 21).

«Деятельность представляет собой сложнейшую функциональную организацию целого ряда когнитивных, исполнительных, целеобразующих, эмоционально-оценочных и прочих процессов, осуществляющихся на различных уровнях, между которыми существуют весьма подвижные взаимоотношения. В определенном акте деятельности проявляются не все потенциально возможные свойства компонентов, входящих в его структуру, а чаще всего свойства, необходимые для достижения цели в тех или иных конкретных условиях деятельности. В равной степени это относится и к типам взаимосвязей между компонентами на том или ином уровне осуществления деятельности <...>.

Целостная структура деятельности, равно как и действия, может включать в себя образования, принадлежащие к различным уровням (развития, функционирования). Так, например, тот или иной когнитивный компонент (сенсорный эталон, образ, схема и т.д.) может входить в состав деятельности, действия, операции и даже функционального блока. К этому может быть добавлена и вариативность эмоционально-оценочных компонентов. Другими словами, возможно большое число комбинаций из компонентов, принадлежащих к разным уровням. Эти различные комбинации диктуются предметным содержанием и задачами деятельности. Последние определяют, какой из компонентов деятельности может взять на себя функцию доминирующего, системообразующего фактора <...>.

Для описания подобной целостности оказывается недостаточным понятие иерархической структуры <...>. Сейчас накапливается все больше данных, свидетельствующих о том, что управление психическими процессами и взаимодействие субъекта с предметным миром протекают по типу полифонического или гетерархического объединения иерархий, подчас тесно связанных друг с другом, но не имеющих фиксированного центра управления» (С. 171—172).

Но эта полицентричность системы деятельности была бы невозможна, указывает Зинченко, если бы эта система состояла из принципиально разнородных элементов. Их принципиальная «родственность» друг другу и позволяет осуществляться разного рода трансформациям компонентов деятельности.

Деятельность есть саморегулирующаяся система, хотя в ней могут быть структуры других типов — жесткие и самонастраивающиеся.

Функциональная модель предметного действия включает у Зинченко образ ситуации и образ действия.

«Образ ситуации, понимаемый как поле действия, является смысловым образованием, в котором ситуация отражена не беспристрастно, а в контексте текущей и предстоящей деятельности. Поэтому в образе ситуации в той или иной форме присутствует и сам субъект познания и действия <...>.

Предметно-временные свойства образа ситуации являются и продуктом, и базой построения образа действия <...>. В хорошо сформированном действии разделение образа ситуации, образа действия и его программы весьма условно <...>.

Можно предположить, что образ ситуации предстает субъекту симультанно, а образ действия разворачивается во времени. После его развертывания и складывается «актуальное будущее поле», приобретающее также симультанный характер. Теперь образ уже несет в себе не только схему понимания, но и схему действия. Перефразируя слова Л.С.Выготского, <...> можно сказать: то, что в образе содержится симультанно, то в процессе решения двигательной задачи разворачивается сукцессивно. Образ можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождем действий» (С. 177—178).

«Временная организация целенаправленного действия не может быть представлена как линейная последовательность состояний, обладающая определенной направленностью. В “актуальном будущем поле” время представлено пространственно, это актив-

ный хронотоп, в котором существуют настоящее, прошедшее и будущее вместе с вариантами перехода одного времени в другое» (С. 187). Хронотоп живого движения «может разворачиваться во внешнем пространстве и времени лишь благодаря тому, что в нем присутствует свое собственное, внутреннее, субъективное пространство и время, которое вместе с тем является столь же реальным, как объективное пространство и время» (С. 194).

Итог: «...В действии строится образ, а в образе строится действие» (С. 188).

Теперь остановимся на том, как В.П.Зинченко трактует понятия интериоризации и экстериоризации.

«Если с самого начала признать, что она [предметная деятельность. — А.Л.] в такой же степени материальна, как и идеальна; в такой же степени предметна, сколь и ментальна, а порой и духовна; если признать, что живое движение живо не только (и не столько) своими внешними формами, но и формами внутренними; если признать, что предметное действие не только опосредствовано внешними орудийными и знаковыми средствами, но и содержит в себе, в своей внутренней картине, или форме, образ, цель, интенции, мотив, слово; если признать, наконец, что сама предметная деятельность есть идеальная форма, то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним <...>. Изначально имеющиеся в предметной деятельности зачатки ментальных образований никуда не интериоризируются, а, напротив, объективируются, экстериоризируются, то есть вырастают и автономизируются от предметной деятельности» (Зинченко, 1997. С. 13). Само предметное действие не только внешнее, «но и внутреннее, то есть наполненное когнитивными, аффективно-смысловыми образованиями» (Там же. С. 14). Если, по А.В.Запорожцу, действие способно опредмечиваться, становиться «внешним субъектом», то «овеществленная и персонифицированная субъектность действия — это уже не вполне действие, а Действо, Деяние» (Там же).

В публикациях последних лет В.П.Зинченко вводит понятие *медиатора*. Это понятие обобщает различные виды средств, используемых в деятельности, — как внешние (орудие труда, игрушка, символ, миф), так и внутренние (движение, действие). Однако «внешние» медиаторы становятся внутренними в процессе интериоризации; «конечно, интериоризируются не внешние (вещные) орудия, а их значения и смыслы» (Зинченко, 1997 а. С. 145).

«Нет сомнений в том, что существует не только внешняя форма движений, но и их внутренняя репрезентация в форме слов, образов, планов, схем, правил, программ, команд исполнения. Нет сомнений и в том, что обе эти формы как-то связаны друг с другом.

Но как они связаны?» (Там же. С. 146). Ответа нет — или, вернее, он дается в предельно абстрактной форме «вертикали духовного развития», включающей и такие явно непсихологические (и не укладывающиеся в гегелевски ориентированную философию) понятия, как «лик» и «Духочеловек». Вообще доминантой новой парадигмы, предлагаемой Зинченко, является абстрактная идея «духовности» (и соответственно «бездуховности» психологической теории деятельности). А основным средством построения этой парадигмы — набор *метафор*.

Одной из наиболее ярких публикаций молодых учеников А.Н.Леонтьева, вышедшей еще при его жизни, является известная статья А.Г.Асмолова и В.А.Петровского «О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности» (в авторском сборнике Асмолова, по которому мы будем ее цитировать, она называется «Динамический анализ»). Здесь, во-первых, излагается концепция установки как единицы анализа движения деятельности (см. выше в разделе о Д.Н.Узнадзе). Во-вторых, вводится понятие надситуативной активности. Что это такое? «Понятие “надситуативная активность” <...> фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности» (Асмолов, 1996. С. 64—65).

В чем основное содержание излагаемой концепции? В теории деятельности можно выделить две парадигмы исследования: морфологическую (представленную и работами самого А.Н.Леонтьева) и динамическую. При анализе деятельности в рамках морфологической парадигмы исследуются структурные единицы деятельности (через много лет примерно то же В.А.Иванников назвал «технологическим анализом деятельности» — Иванников, 1999).

«При исследовании деятельности в рамках динамической парадигмы открывается *движение* самой деятельности. Это движение характеризуется такими находящимися в единстве и борьбе моментами, как *надситуативная активность* (тенденция, избыточная по отношению к исходной деятельности), порождаемая в самом процессе деятельности и выступающая как прогрессивный момент ее движения и развития, и *установка* (тенденция к сохра-

нению направленности деятельности), являющаяся стабилизатором деятельности, своеобразным инерционным моментом ее движения <...>. Установки исходного уровня деятельности и связанные с ними адаптивные [в широком смысле — к наличным условиям и характеристикам деятельности. — А.Л.] интересы субъекта, «барьеры внутри нас», как бы пытаются удержать деятельность в наперед заданных границах, а надситуативная активность — движение «поверх барьеров» — рождается и обнаруживается в борьбе с этими установками. Без введения этих понятий нельзя объяснить ни процессы развития деятельности как ее самодвижения, ни устойчивый характер направленной деятельности субъекта.

<...> Динамической парадигме деятельности еще предстоит утвердиться как особой парадигме» (Асмолов, 1996. С. 70—71).

Несколько позже, в 1982 году, Асмолов вслед за Д.Н.Узнадзе ввел понятие «функциональной тенденции»: «Деятельность может активизироваться не под влиянием потребности, а сама по себе содержит тенденцию к активизации. Именно функциональная тенденция является источником игры и творчества» (Там же. С. 83). В той же работе вслед за Выготским формулируется понятие «динамических смысловых систем личности»: их центральной характеристикой является «производность динамических смысловых систем от порождающей их совокупности деятельностей» (Там же. С. 86). Развитием этого последнего понятия является статья, написанная совместно Асмоловым, В.А.Петровским, Б.С.Братусем, Б.В.Зейгарник, Е.В.Субботским, А.У.Харашем и Л.С.Цветковой и вышедшая под названием «О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности» тремя годами раньше, в 1979 году (в авторском сборнике Асмолова — «Перспективы»).

Не проследивая дальнейшей эволюции взглядов А.Г.Асмолова и В.А.Петровского, отметим лишь, что и в их последующих публикациях, вплоть до наших дней, прослеживается все тот же принципиальный подход: см., например, *Asmolov, 1998; Петровский, 1997*.

Предварительный итог: «Лекции по общей психологии» и «Образ мира». Мы говорим о «предварительном» итоге — но где окончательный? Его не было. Совершенно очевидно, что к концу 1970-х годов А.Н.Леонтьев, оставшись неудовлетворенным монографией (которая носила все-таки в основном ретроспективный характер), пытался еще раз пересмотреть свои взгляды: на это указывают и поворот к понятию образа мира, и поддержка им

«динамической парадигмы» деятельности, и все растущий его интерес к философским позициям Мераба Мамардашвили, чуть не вылившийся в совместную с ним и Зинченко статью в «Вопросах философии»¹⁸. Но осуществить такой новый пересмотр Леонтьев просто *не успел*.

Поэтому для нас особенно важно внимательно отнестись к самым последним работам Алексея Николаевича — иначе говоря, к тому, что он написал в середине и конце 1970-х годов. (Не забудем, что «Деятельность. Сознание. Личность» — это книга, написанная на основе трех статей в «Вопросах философии», опубликованных соответственно в 1972, 1972 и 1974 годах, а авторское предисловие к ней датировано июнем 1974 года. Таким образом, ее основной текст, в частности главы о деятельности и сознании, восходит отнюдь не к 1975, а к 1971—1972 годам.)

В этом отношении исключительный интерес представляет недавно вышедшая книга «Лекции по общей психологии», изданная на основе стенограмм лекций Леонтьева, прочитанных на факультете психологии в 1973—1975 годах. Любой вузовский преподаватель знает, что в студенческих лекциях «степень свободы» выше, чем в специально написанных статьях и книгах: *скажешь* всегда больше (и резче), чем *напишешь*. И после выхода этой книги мы имеем уникальную возможность понять, что *думал*, а не публиковал Леонтьев в середине семидесятых.

Конечно, в дальнейшем мы будем вынуждены вырывать отдельные мысли Леонтьева из контекста.

В лекциях уже говорится об образе мира, причем на первых же страницах — в связи с понятием отражения. Последнее понятие рассматривается Леонтьевым как исходное для современной психологии, и «когда мы говорим об отражении, то мы имеем в виду не только познавательные процессы, восприятие или мышление. Эта категория должна быть распространена на весь круг психических явлений» (Леонтьев А.Н., 2000. С. 8).

---

¹⁸ Она вышла в 1977 году только под двумя фамилиями — Мамардашвили и Зинченко. В процессе подготовки статьи Алексей Николаевич почему-то снял свое имя. Почему, не знаем ни Зинченко, ни я — можно только предполагать, что концепция Мамардашвили, которой Леонтьев не мог не симпатизировать, показалась ему все же слишком радикальной; как-то он шуточно сказал мне, что снял свое имя, потому что в процессе работы перестал понимать, что получается...

«Основная мысль состоит в том, что психическое отражение характеризуется не только тем, что оно всегда принадлежит некоему субъекту <...>, но также и тем, что это есть всегда активный процесс, активный и в том отношении, что он порождается жизнью, и в том, что эти явления участвуют в осуществлении жизни, регулируют ее, ориентируя субъекта <...> в том мире, в котором он живет, в той действительности, в которой он существует» (С. 11).

«Каково строение его [человека. — А.Л.] деятельности, таково и строение психического отражения реальности» (С. 82). В структуре деятельности выделяются как ее «моменты» деятельность (как акт), действие, операция и, наконец, психофизиологические механизмы, реализующие деятельность во всех ее моментах.

Анализируется соотношение предмета, образа и слова. Здесь нам придется привести обширную цитату.

«Афферентатором», управляющим процессами деятельности, *первично* является сам предмет и лишь *вторично* — его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание <...>. Итак, мы имеем дело с некоторыми целенаправленными действиями, которые реализуют некоторый образ. Этот образ проявляется дважды: во-первых, в форме чувственного исходного представления предмета, афферентирующего процесс; во-вторых, в своей реализованной, объективно существующей форме. Предмет должен быть изменен. Представление об измененном предмете управляет действием, изменением этого предмета, но когда это действие осуществлено, то измененный предмет существует как бы дважды: во-первых, первоначально как исходное представление; во-вторых, как осуществленное и, тем самым, объективно существующее передо мной. Получается своеобразное удвоение жизни этого образа, этого представления: 1) его существование в виде субъективного образа; 2) его существование в виде объективного предмета. Предмет, выступающий как реализованное, овеществленное представление достигнутой цели, есть как бы объективное, материальное зеркало моего образа, моего представления о цели <...>.

Он был в моей голове как представление, как цель, как замысел. Теперь он передо мной, в объективном мире. Этот объективный мир и выступает как зеркало моего представления. Восприятие же воплощенного в предмете образа и есть его осознание <...>. Нечто стало восприниматься, приобретая форму объективно су-

шествующего предмета. Это и есть сознание этого предмета, видение собственно образа, но это видение начинается вовсе не с того, что я его вижу в себе <...>. Самонаблюдение не способно выполнить этой роли. Я его вижу в чем-то!

<...> Видение в предмете образа нуждается еще в одном условии. Этот предмет должен выступить передо мной в особой форме, чтобы я мог увидеть в нем свой исходный образ, то есть представление о представлении, воплотившееся в какой-то объективности. Эта объективность, говоря философским языком, должна еще быть идеализирована, то есть должна найти форму своего существования для меня, для сознания человека. Она должна существовать в чем-то, что не есть предмет, иначе предмет закроет то содержание, которое в нем воплощено.

<...> Язык и есть то необходимое условие, единственно посредством которого предмет может получить свою жизнь в голове человека, свое существование в идеализированной форме и, следовательно, преобразовать форму отражения <...>. Предмет начинает жить для человека не только в своей вещественной форме, а и в теле слова» (С. 93—95).

Не правда ли, неожиданный и в то же время — в свете эволюции взглядов Леонтьева — вполне логичный поворот мысли? Не субъективный мир отражает объективный, а совсем наоборот — объективный мир есть зеркало моего представления! Восприятие не сводится к отображению предметов — напротив, это «преобразование из первоначальной смутно чувствуемой формы в форму обьективированную» (С. 94). В то же время эта концепция, как небо от земли, далека от разнообразных идеалистических, субъективистских философско-психологических построений философии XIX—XX веков (первая ассоциация — «мир как воля и представление»)¹⁹.

Теперь о языке. «С точки зрения человеческой деятельности, язык может быть по своему структурному месту приравнен к орудю. Это орудие, будучи своеобразным “оперантом”, задает тот

---

¹⁹ Давайте все-таки назовем кошку кошкой. Принимаем мы или нет марксистскую точку зрения, представляем мы или нет историю философии исключительно как борьбу материализма с идеализмом и наоборот, — все равно материализм остается материализмом, идеализм — идеализмом, позитивизм — позитивизмом. Не надо делать из этих терминов обвинительные ярлыки — это другой вопрос.

способ действия, который к нему должен быть приложен. Так, значение сначала задает способ перехода, отнесения значения к означаемому, а затем отнесение одного значения к другим значениям и тем самым выступает как оператор мыслительных операций <...>. По сути, усвоение слова в такой же мере есть усвоение операций, способов действия со словом, в какой усвоение орудия есть усвоение способа его употребления <...>.

Мы пришли к одному очень важному положению: вместе с развитием сознания и языка возникает особый род операций — языковые операции. К таким операциям, кроме операции общения, <...> относится также и операция, предворяющая действие. Это умственная операция, которая происходит собственно в плане сознания. Такая операция состоит в преобразовании значений <...>.

Далее, значения, начиная свое существование в человеческой голове, меняются, утрачивают свою внешнюю языковую форму. Иными словами, собственно языковая форма истончается как бы до ее исчезновения <...>.

Значение выступает как “момент” сознания, которое, как и деятельность, имеет сложное строение» (С. 95—96). Какое именно?

Здесь Леонтьев возвращается к известным понятиям «чувственной ткани», «значения» и «личностного смысла», но опять-таки не совсем так освещает их, как делал это раньше.

«Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не *в* сознании, а *вне* его сознания — как объективное “поле” и объект его деятельности <...>. Итак, чувственная ткань, присутствующая в любых формах сознания, — это один из *моментов* (этот термин лучше, чем “образующая”) сознания, подчеркиваю, именно моментов, а не элементов, не кирпичиков <...>» (С. 97, 100).

Вторым таким моментом являются значения. Здесь Леонтьев в сущности воспроизводит то, что уже говорилось в «Деятельность. Сознание. Личность» и в других его работах. Но акценты расставлены несколько иначе. «Существуют два разных движения. Одно движение — это объективное движение значений в языке <...>. Другое их движение: их функционирование в процессах деятельности и сознания конкретных индивидов, хотя посредством этих

процессов они только и могут существовать <...>. В этом новом движении происходит удивительное событие, а именно возвращение абстракций значения к той реальной действительности, от которой в свое время значение было отвлечено, отторгнуто и начало свое самостоятельное движение в истории языка, истории общества, культуры и науки» (С. 101).

«Движение, соединяющее абстрактное значение с чувственным миром, представляет собой одно из существеннейших движений сознания». [Здесь сноска А.Н.Леонтьева: «Движение, соединяющее чувственность и значение, есть не что иное, как отражение движения самой жизни человека. Я же заменяю понятие “жизнь” менее общим и более специальным понятием “деятельность”» — А.Л.].

Вновь вводится понятие «пристрастности» значения. «Чтобы не быть равнодушным, сознаваемое объективное значение должно превратиться в значение *для субъекта*, приобрести *личностный смысл*. Личностный смысл и является третьей “образующей” сознания» (С. 103). Вводится различие «значения-в-себе» (или «значения-для-себя») и «значения-для-меня» — это последнее и есть смысл. Функция мотивов, безразлично, осознаваемых или нет, «состоит в том, что они как бы “оценивают” жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах <...>. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой жизни в этом мире» (*Там же*). Внутренние же переживания (интерес, скука, влечения и т.п.) выполняют своеобразную функцию — функцию наведения субъекта на их действительный источник. «Они *сигнализируют* о личностном смысле событий, разыгрывающихся в жизни субъекта, заставляют его как бы приостановить на мгновение поток своей активности, всмотреться в сложившиеся у него жизненные ценности, чтобы найти себя в них или, может быть, пересмотреть их» (С. 104).

Дальнейший ход мысли — через анализ восприятия — приводит Алексея Николаевича к понятию образа мира.

При этом исходным является положение, что «субъект со всеми своими состояниями, в том числе и с теми явлениями, которые мы называем “образом”, “представлением” и так далее, находится изначально не перед миром, а в самом мире, в самой этой действительности, то есть с самого начала этот субъект <...>

составляет часть его <...>. Он <...> включен в единый материальный мир. В этом мире единственно и существует» (С. 139).

«Мы имеем амодальный мир, который в терминах модальности сам по себе не описывается. Мы имеем взаимодействие предметного мира, вот этой действительности. И, заметьте, в эти взаимодействия входит также и субъект» (С. 140). Если мир обнаруживает себя во взаимодействии «объект—субъект», то мы имеем дело с восприятием. Если же мы «судим о свойстве одной вещи по изменению “поведения” другой, то <...> этот второй путь будет <...> “познанием путем мышления”» (С. 141).

Обращаясь к предметности и категориальности восприятия, Леонтьев предостерегает слушателей от того, чтобы они поняли идею «входа» значений в образ так, «что в конце концов слово, входя в порождение образа, выполняет функцию своеобразного демиурга этого образа, командует образом <...>. Речь идет не о том, что признаки соединяются по команде, а речь идет о том, что значение должно как-то найти себя в этих признаках, а признаки, напротив, найти себя и выразить себя в этом значении. Опять метаморфозы, опять взаимные переходы, а не накладывание одного на другое <...>. И вот задача-то психолога <...> заключается в том, чтобы проникнуть в это очень сложное движение, дающее в результате сознательную картину предметного многомерного мира» (С. 200).

Задача поставлена, хотя и в самой общей и абстрактной форме — но нет и попытки конкретизировать ответ. Что такое «как-то найти себя»? Как именно? Какие метаморфозы и переходы имеются в виду?

Столь же расплывчато рассуждение о значении в лекции, посвященной опосредствованному запоминанию. «Значение в современном понимании <...> есть не что иное, как кристаллизация познавательных операций, движений обобщения. Что такое значение? Это способ движения, свойственный данному обобщению <...>. Это есть движение, только представленное в виде вот этого своеобразного образа-обобщения, отражения обобщений, причем обобщения, которое несет в себе не индивидуальный опыт, не опыт индивидуальной практики, а обобщенный человеческий опыт, то есть обобщенный опыт общественной практики, которым мы овладеваем как способом понимания мира, мышлением о мире. Так океан истории вливается в микрокосм, в малый мир отдельного человеческого сознания» (С. 311).

Опять-таки: *как* он вливается? Что стоит за термином «движение»? Что такое, кроме метафоры, «кристаллизация»?

Говоря о мышлении, Леонтьев очень четко говорит о том, что мыслительное действие, в отличие от других, выполняется при неполных условиях. Кроме того, в познавательных задачах «существуют два решения: одно решение — открытие условий, другое — их использование и выполнение решения» (С. 345). Отсюда очень сложная динамика, нарушение монотонности, возвраты, сосуществование разных решений. Существенным отличием человеческого мышления является его полиморфность: более ранние формы мышления не исчезают в ходе дальнейшего развития, а сохраняются в преобразованном, трансформированном виде на фоне логического дискурсивного мышления (которое Леонтьев считает высшей формой мышления).

Следует, по Леонтьеву, последовательно различать три процесса в развитии мышления. Это появление языковой формы, в которой начинает существовать познавательный продукт деятельности. Это, далее, отделение познавательной фазы от непосредственного практического эффекта. И это «история отделения, наконец, самого познавательного процесса как процесса мыслительного, от практической деятельности, их раздвоение и, наконец, переход этого процесса из преимущественно внешне-двигательной формы в процесс внутренний, его интериоризация» (С. 352).

«Мышление не может быть равнодушным процессом! <> То, что мыслит <...>, — это *личность!*» (С. 367).

О личности в опубликованном тексте лекций сказано очень немного, и это немногое в основном соответствует последней монографии. Замечательно, впрочем, чем кончается последняя лекция о личности. «Я очень рад, что мне удалось всунуть в последнюю минуту своей речи слово “совесть”. Потому что, если вы дадите мне учение о личности без этого слова, я, наверное, скажу, что это учение о чем-нибудь, только не о личности. В лучшем случае о личности, потерявшей совесть» (С. 505).

Рукопись А.Н.Леонтьева, впервые опубликованная под названием «Психология образа» (1979) и получившая широкую известность под измененным заглавием «Образ мира», была найдена на его письменном столе буквально на следующий день после его кончины. Строго говоря, это не самая последняя из работ Леонтьева — она была подготовлена им (и прозвучала на заседании кафедры общей психологии) еще в ноябре 1975 года (публикация

представляет собой синтез авторского конспекта и направленной стенограммы доклада). Она связана с планами Леонтьева написать книгу «Психология образа» (или «Образ мира») — планами, увы, неосуществившимися. Кроме данной публикации, напечатаны его рукописные наброски к задуманной книге (Леонтьев А.Н., 1986).

Главная, исходная идея: «Проблема восприятия должна быть поставлена и разрабатываться как проблема психологии образа мира» (Леонтьев А.Н., 1979. С. 4). И с самого начала четко формулируется положение «о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это — “смысловое поле”, система значений <...>. Когда я воспринимаю предмет, то я воспринимаю его не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении» (С. 5).

«Свойства осмысленности, категориальности суть характеристики сознательного образа мира, не имманентные самому образу, его сознанию. Они, эти характеристики, выражают объективность, раскрытую совокупной общественной практикой, идеализированной в системе значений, которые каждый отдельный индивид находит как «вне-его-существующее» — им воспринимаемое, усваиваемое — и поэтому, также, как то, что входит в его образ мира.

Выражу это иначе:

Значения выступают не как то, что лежит перед вещами, а как то, что лежит за обликом вещей — в познанных объективных связях предметного мира, в различных системах, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства. Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это — мерность *внутрисистемных связей самого объективного предметного мира. Это и есть пятое квазиизмерение его!*

Итак, я резюмирую.

Защищаемый тезис заключается в том, что в психологии проблема восприятия должна ставиться как *проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности*. Что, иначе говоря, психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, как в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира — мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это — знание также о том, как функционирует образ мира, опосредствуя их деятельность в *объективно реальном мире*» (С. 5—6).

Здесь возникает противоречие между пониманием восприятия как процесса построения образа многомерного мира и неизбеж-

ным анализом любого психологического и психофизиологического исследования. «Изолируя в эксперименте изучаемый процесс, мы имеем дело с некоторой абстракцией; <...> следовательно, тотчас же встает проблема возвращения к целостному предмету изучения — в его реальной природе, происхождении и специфическом функционировании.

Применительно к исследованию восприятия это есть возвращение к построению в сознании индивида образа *внешнего многомерного мира*, мира *как он есть*, в котором мы живем, в котором мы действуем, но в котором наши абстракции сами по себе не «обитают», как не обитает, например, в нем столь подробно изученное и тщательно измеренное «фи-движение»» (С. 7).

Дальнейшее рассуждение почти полностью совпадает с текстом «Лекций» — оно касается амодальности образа мира, двух родов свойств вещей и того факта, что всякое актуальное воздействие вписывается в образ мира. Еще раз крайне резко фиксируется: «*Не восприятие полагает себя в предмете, а предмет — через деятельность — полагает себя в образе*» (С. 11).

Образ мира имеет специфическую пространственную характеристику и характеристику временную — «образ принципиально есть продукт не только симультанного, но и *сукцессивного* совмещения, слияния [в стенограмме добавлено: «Никто из нас не отодвинет стула, если он знает, что за письменным столом витрина книжных полок. Они здесь, в картине мира, присутствуют, а в зрительном мире актуальном не присутствуют» — А.Л.]» (С. 11).

Очень важна мысль (хотя и не развитая в докладе) о том, что «предмет не складывается из “сторон”: он выступает для нас как *единое непрерывное; прерывность есть лишь его момент*» (Там же). Отсюда явление «ядра» предмета, которое и выражает предметность восприятия; процессы восприятия подчиняются этому ядру.

Еще несколько принципиально значимых положений:

«*Мир приобретает в образе пятое квазиизмерение*» (С. 12).

«В картине мира входят невидимые свойства предметов: а) амодальные — открываемые промышленностью, экспериментом, мышлением; б) «сверхчувственные» — функциональные свойства, качества и такие, как «стоимость», которые в субстрате объекта не содержатся. — Они-то и представлены в значениях!

Здесь особенно важно подчеркнуть, что природа значения не только не в теле знака, но и не в формальных знаковых операциях, не в операциях значения. Она — *во всей совокупности челове-*

ческой практики, которая в своих идеализированных формах входит в картину мира.

Иначе это можно сказать так: знания, мышление не отделены от процесса формирования чувственного образа мира, а входят в него, прибавляясь к чувствительности. *НВ!* [Знания входят, наука — нет!]*» (Там же).*

«Образ мира слепоглохого не другой, чем образ мира зряче-слышающего, а создан из другого строительного материала» *(Там же).*

И резюме: «Включенность живых организмов, системы процессов их органов, их мозга в предметный, предметно-дискретный мир приводит к тому, что *система этих процессов наделяется содержанием, отличным от их собственного содержания, содержанием, принадлежащим самому предметному миру.*

Проблема такого “наделения” порождает предмет психологической науки!» (С. 13).

В заключение несколько фрагментов из подготовительных материалов к книге, не имеющих прямого аналога в других текстах Леонтьева.

«Функция образа: самоотражение мира. Это функция “вмешательства” природы в самое себя через деятельность субъектов, опосредствованную образом природы, то есть образом субъективности, то есть образом мира» *(Леонтьев А.Н., 1986. С. 73).* Это очень гегелевская идея. Она продолжается в следующей формулировке: «Мир, открывающийся через человека самому себе» *(Там же).*

«Не Образ полагает себя в объекте (“объективируется”), объект через деятельность человека, работу его мозга *полагает себя в Образе*» *(Там же).*

«Мифотворчество: миф как картина, образ мира. Лучше сказать — миф в картине, образе мира» *(Там же. С. 75).*

И еще один листок, воспроизведенный мной в биографической статье о Леонтьеве, написанной в 1983 году. Его содержание перекликается с введенным в последней монографии очень важным, но до конца нами еще не осмысленным понятием горизонта личности.

«РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО:

поле активно воспринятое

поле воспроизведенное

поле представления (воображаемое)

= до планетарного и космического

Оно уже не мое, а человеческое!

РАСШИРЯЮЩЕЕСЯ ВРЕМЯ:

будущее:

- 1) перспектива — планируемое
- 2) биографическое
- 3) “постбиографическое”, конкретное (дети, внуки)
- 4) историческое (общественное)

прошлое:

- 1) биографическое
- 2) “предбиографическое”
- 3) историческое (общественное)

Это все равно = “СЕЙЧАС”:

Не локализованное

Локализованное в биографическом

Локализованное в историческом (общественном)» (см. Леонтьев, 1983. С. 37—38).

Здесь очевиден совершенно новый ход — проблема образа мира ставится не только в пространственном аспекте, но и во временном. Но развитие этих мыслей оборвалось со смертью Алексея Николаевича.

Закончим этот раздел (и всю вторую часть книги) словами А.Н.Леонтьева из тех же подготовительных материалов к книге, возвращающими нас к проблематике первой части и составляющими своего рода эпиграф к четвертой, последней части нашего исследования:

«Психологическая наука *целиком* охватывается тремя взаимосвязанными и переходящими одна в другую проблемами:

I. Психология *образа* (все когнитивные процессы, включая внимание *etc.*).

II. Психология *деятельности* (всех видов и форм, включая общение, эстетическую деятельность).

III. Психология *личности* (индивид — личность, плюс дифференциальная психология личности).

Это три момента, отражающих движение самого предмета!» (Леонтьев А.Н., 1986. С. 75—76).

Библиография к Части 2

Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.

Абульханова-Славская К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л.Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубин-

штейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М., 1989.

Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.—Воронеж, 1996.

Басов М.Я. Методика психологических наблюдений над детьми. Изд. 2. Л., 1924.

Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М., 1975.

Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969.

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

Блонский П.П. Курс педагогики. Изд. 2. М., 1918.

Блонский П.П. Реформа науки. М., 1920.

Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. М., 1961.

Блонский П.П. Избранные психологические произведения. М., 1964.

Брушлинский А.В. С.Л.Рубинштейн — основоположник деятельностного подхода в современной науке // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М., 1989.

Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.

Велихов Е.П., Зинченко В.П., Лекторский В.А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопр. филос. 1988. № 11.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982. Т. 1.

Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка // Педология. 1928. № 1.

Выготский Л.С. Педология подростка. М.—Л., 1931.

Выготский Л.С. Проблемы умственной отсталости // Умственно отсталый ребенок. Вып. 1. М., 1935.

Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.

Из записок-конспекта Л.С.Выготского к лекциям по психологии детей дошкольного возраста // *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., 1978.

Выготский Л.С. О связи между трудовой деятельностью и интеллектуальным развитием ребенка // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М., 1980.

Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959.

Гальперин П.Я. Проблема деятельности в советской психологии // Проблема деятельности в советской психологии / Тезисы докл. к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Часть 1. М., 1977.

Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1998.

Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1959.

Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук: в 3 т. М., 1977. Т. 3.

- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Функциональная структура действия. М., 1982.
- Давыдов В.В.* Учение А.Н.Леонтьева о взаимосвязи деятельности и психического отражения // А.Н.Леонтьев и современная психология (сб. статей памяти А.Н.Леонтьева). М., 1983.
- Давыдов В.В.* Да, нам необходима монистическая теория бытия // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М., 1996.
- Давыдов В.В.* Последние выступления. Рига, 1998.
- Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Дискуссия о проблемах деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Запорожец А.А.* Проблема генезиса, функций и структуры перцептивных действий // Третий Всесоюзный съезд Общества психологов СССР. Т. 1. М., 1968.
- Запорожец А.А.* Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1986.
- Зинченко В.П.* Принципы анализа функциональной структуры познавательной и исполнительной деятельности // Деятельность и психические процессы. М., 1977.
- Зинченко В.П.* Психологическая теория деятельности и психология действия // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Зинченко В.П.* Образ и деятельность. М.—Воронеж, 1997.
- Зинченко В.П.* Посох Осипа Манделъштама и Трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. М., 1997.
- Зинченко В.П.* Мысль и Слово Густава Шпетта (возвращение из изгнания). М., 2000.
- Зинченко В.П., Гордон В.М.* Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования. Ежегодник 1975. М., 1976.
- Зинченко В.П., Мунипов В.М.* Эргономика и проблема комплексного подхода к изучению трудовой деятельности // (Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 10.) М., 1976.
- Зинченко В.П., Смирнов С.Д.* Методологические вопросы психологии. М., 1983.
- Иванов В.П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977.
- Имедадзе И.В.* Категория поведения и теория установки: Автореф. докт. дис. ... по психологии. Тбилиси, 1989.
- Каган М.С.* Человеческая деятельность. М., 1974.
- Коришонов А.М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
- Кристосурьян Н.Г.* Категория деятельности в системе научных понятий // (Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 10.) М., 1976.
- Лазурский А.Ф.* Психология общая и экспериментальная. Л., 1925.

Лекторский В.А. Принципы предметной деятельности в марксистской теории познания // (Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып.10.) М., 1976.

Леонтьев А.А. Психологические основы обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1974. № 4.

Леонтьев А.А. «Единицы» и уровни деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1978. № 2.

Леонтьев А.А. Деятельность и общение // Вопр. филос. 1979. № 1.

Леонтьев А.А. Некоторые проблемы психологической теории деятельности (ПРД) на современном этапе // Тезисы докл. Всесоюзной конференции «Развитие эргономики в системе дизайна». 29 октября—2 ноября 1979. Боржоми, 1979.

Леонтьев А.А. Творческий путь А.Н.Леонтьева // А.Н.Леонтьев и современная психология (сб. статей памяти А.Н.Леонтьева). М., 1983.

Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. М., 1990.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.—Воронеж, 2001.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Предисловие // *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. Из научного наследия. М., 1994.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. А.Н.Леонтьев и его теория филогенеза психики // *Леонтьев А.Н.* Эволюция психики. Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1999.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1983.

Леонтьев А.Н. Психическое развитие ребенка и обучение. // Тезисы докладов на пленарном заседании научной сессии 17—19 декабря 1938 года. Харьков, 1938 (стеклограф).

Леонтьев А.Н. Об историческом подходе в изучении психики человека // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 3. М., 1972.

Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1979. № 2.

Леонтьев А.Н. Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М., 1980.

Леонтьев А.Н. К психологии образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1986. № 3.

Леонтьев А.Н. О системном анализе в психологии // Психол. журн. Т. 12. № 4. 1991.

Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия. М., 1994.

Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского (критический анализ) // Вопр. психол. 1998. № 1.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.

Лурия А.Р. О естественнонаучных основах психологии // Естественнонаучные основы психологии. М., 1978.

Малоизвестные статьи и архивные материалы С.Л.Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М., 1989.

Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1957.

Обухова Л.Ф. П.Я.Гальперин и Ж.Пиаже: два подхода к проблеме психологического развития ребенка // *Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1998.

Огурицов А.П. От принципа к парадигме деятельности // (Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып.10.) М., 1976.

Павлов И.П. Мозг и психика. Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1996.

Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997.

Подольский А.И. Об общетеоретических и психологических взглядах П.Я.Гальперина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1992. № 4.

Подольский А.И. Предисловие // *Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1998.

Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997.

Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М., 1935.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // *Вопр. психол.* 1986. № 4.

Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.

Узнадзе Д.Н. Теория установки. М.—Воронеж, 1997.

Ухтомский А.А. Избранные труды. М., 1978.

Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997.

Швырев В.С. Задачи разработки категории деятельности как теоретического понятия // (Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 10.) М., 1976.

Щедровицкий Г.П. К характеристике категориальных определений деятельности // Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докл. к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Часть 1. М., 1977.

Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1978.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.

Юдин Э.Г. Понятие деятельности как методологическая проблема // (Труды ВНИИТЭ. Сер. Эргономика. Вып. 10.) М., 1976.

Юдин Э.Г. Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // Вопр. филос. 1976. № 5.

Юдин Э.Г. Деятельность и системность // Системные исследования. Ежегодник 1976. М., 1977.

Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М., 1978.

Ярошевский М.Г. Иван Михайлович Сеченов. 1829—1905. Л., 1968.

Ярошевский М.Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.

Ярошевский М.Г. Иван Петрович Павлов — основоположник учения о нервно-психической регуляции поведения // *Павлов И.П.* Мозг и психика. Избранные психологические труды. М.—Воронеж, 1996.

Asmolov A. Vygotsky Today: Up the stairs of On the Verge Of Non-Classical Psychology. Moscow, 1998.

Leontiev A.N. Reflexes conditionnes, apprentissage et conscience // Le conditionnement et l'apprentissage. Paris, 1958.

Часть 3. Избранные главы неклассической психологии

Глава 1. Вступительные замечания

Прежде чем перейти к итоговой части, в которой мы намерены синтезировать подходы, подробно освещенные в первых двух частях, необходимо кратко изложить несколько философско-психологических проблем, без анализа которых наша позиция будет как минимум неаргументированной, а может быть, и вообще непонятной. Таких проблем мы видим пять.

Начнем с того, что отказ от картезианского видения отношения человека и мира, очевидным образом напрашивающийся после работ С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, М.М.Бахтина и других, требует изложения альтернативной трактовки. Мы и попытаемся ее дать, не претендуя, естественно, на то, чтобы раскрыть полностью ее историко-философские корни. Но, с другой стороны, из такой альтернативной трактовки должна следовать и трактовка собственно психологическая. Ее суть — в первичности *непосредственного, осуществляемого в реальном времени и пространстве взаимодействия мира и человека*. Иначе говоря, мы попытаемся предварительно очертить психологию «не-алиби человека в мире», как выражался Бахтин. Именно к такой психологии, как видно из сказанного выше, шли и Леонтьев, и Рубинштейн.

Вторая проблема. Изложив выше понимание А.Н.Леонтьевым образа мира, необходимо продолжить и развить это понимание, опираясь на взгляды учеников Леонтьева и на очень важную идею двух способов представления информации, развиваемую как в рамках самой психологии, так и в рамках информатики.

Третья проблема, проблема личностного смысла, исчерпывающим образом проанализирована Д.А.Леонтьевым в его книге (*Леонтьев Д.А., 1999*) и серии статей. Однако в концепции Д.А.Ле-

онтьева отсутствует такое принципиально важное понятие, как понятие смыслового поля, которое можно найти и у Выготского, и у А.Н.Леонтьева. Поэтому к проблеме смысла нам необходимо специально вернуться.

Четвертая проблема много раз ставилась в психологии, обычно как проблема поступка. Мы называем эту проблему проблемой «психологии деяния», связывая ее с понятием личности в школе Выготского.

И пятая проблема, вновь выводящая нас на психологию личности и на педагогическую психологию, — это проблема дифференцированного становления личности в процессе ее социализации и, в частности, в процессе образования. Вслед за финским психологом Тимо Ярвилехто, одним из первых обратившимся к анализу этой проблемы и бросившим крылатую фразу «Учение как жизнь», мы считаем то или иное решение данной проблемы системообразующим для судеб образования вообще и в нашей стране — в частности.

Бесспорно, даже сам выбор этих проблем, не говоря уже об их трактовке в нашей книге, не может не быть субъективным. Но нам представляется, что эта трактовка органично вытекает из всей истории исследования отношений отражения и деятельности, описанной в предшествующих частях.

Итак, о психологии «большого мира».

ГЛАВА 2. ПСИХОЛОГИЯ «БОЛЬШОГО МИРА»

Декартово противопоставление внутреннего мира субъекта и внешнего мира или «объективной действительности», отразившееся и в марксистской гносеологии (или, точнее, в том варианте этой гносеологии, который имел хождение в советской философии тридцатых—пятидесятых годов под названием «марксистско-ленинской теории отражения»), не является единственным способом структурирование мира как целостности (тотальности). Русская философия и психология XX века знают по крайней мере шесть попыток построить альтернативные модели мира. Все они сходятся в идее единого континуума «субъект—объект». Некоторые из затрагиваемых ниже концепций (взгляды Бахтина, Шпета, Рубинштейна, Леонтьева) уже были описаны в первой и второй частях настоящей книги.

П.А.Флоренский: «Я живу в мире и с миром». По Флоренскому, «основное самочувствие человечества — “я живу в мире и с миром” — подразумевает существование, подлинное существование в качестве реальности, как *меня*, самого человечества, так и того, что *вне* меня, что существует помимо, или, точнее сказать, независимо от сознания человечества. Но наряду с этой двойственностью бытия, сознание человечества подразумевает и некоторое объединение или преодоление этой двойственности, причем тоже подлинное. Подлинно объединены познающий и познаваемое; но столь же подлинно соблюдается в этом объединении и их самостоятельность. В акте познания нельзя расщепить субъект познания от его объекта: познание есть и тот и другой сразу; точнее сказать, оно есть именно познание субъектом объекта, — такое единство, в котором только отвлеченно может быть различаем тот и другой, но вместе с тем, этим объединением объект не уничтожается в субъекте, как последний в свой черед — не растворяется во внешнем ему предмете познания. И соединяясь, они не поглощают один другого, хотя, храня самостоятельность, не остаются и разделенными. Богословская формула “неслиянно и нераздельно” в

полной мере применима к познавательному взаимоотношению субъекта и объекта <...>.

<...> У бытия есть сторона *внутренняя*, которой оно обращено к себе самому, в своей неслиянности со всем, что не оно, а есть сторона *внешняя*, направленная к другому бытию. Две стороны, но они не присоединены одна к другой, а *суть* в единстве первоначальном; они — одно и то же бытие, хотя и по различным направлениям. Одна сторона служит самоутверждению бытия, другая — его обнаружению, явлению, раскрытию или еще каким угодно называть именем эту жизнь, связующую бытие с другим бытием. По терминологии древней, эти две стороны бытия называются *сущностью* или *существом* <...> и *деятельностью* или *энергией* <...>. Все подлинно существующее имеет в себе жизнь и проявляет эту жизнь, — свидетельствует о своем существовании — проявлением своей жизни, и притом свидетельствует не другим только, но и себе самому. Это проявление жизни и есть *энергия существа*.

Но если так, то тогда бытия могут, оставаясь по сущности своей неслиянными, не сводимыми друг на друга, не растворимыми друг в друге, — могут быть и подлинно объединены между собою своими энергиями: тогда это объединение может быть мыслимо не как приложение деятельности к деятельности, не как механический толчок одним бытием другого, а в виде взаимопрорастания энергий, со-действия их, <...> в котором нет уже врозь ни той, ни другой энергии, а есть нечто *новое*» (Флоренский, 1990. С. 284—285).

Вот эта-то связь бытий через взаимодействие энергий «есть синэнергия, со-деятельность бытий» (Там же. С. 286).

Остановимся здесь, ибо дальнейшее рассуждение Флоренского касается природы слова, к чему нам еще придется вернуться. Мысль уже и так ясна: тотальность мира предстает перед нами как «взаимодействие энергий», применительно к человеческому миру — как взаимодействие деятельностей, раскрывающее сущность вещей через их взаимодействие, взаимодействие их «энергий». Познающий человек не оторван от целостности мира — он «встроен» в нее. Субъект отделен от объекта, но не противопоставлен ему, а объединен с ним процессом деятельности.

Человеческий разум есть «орган человека, его живая деятельность, его живая сила, логос <...>. Акт познания есть акт не только гносеологический, но и онтологический, не только идеальный, но и реальный. Познание есть реальное *выхождение* познаю-

шего из себя или, — что то же, — реальное *вхождение* познаваемого в познающего, — реальное единение познающего и познаваемого <...>. Познание не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом, а живое нравственное *общение* личностей, из которых каждая для каждой служит и объектом, и субъектом. В собственном смысле познаваема только личность и только личностью.

Другими словами, *существенное познание*, разумеемое как акт познающего субъекта, и *существенная истина*, разумеемая как познаваемый реальный объект, — обе они — одно и то же реально, хотя и различаются в отвлеченном рассудке» (Флоренский, 1990 а. С. 73—74).

Итак, основная мысль П.А.Флоренского сводится к тому, что существует единое и реальное субъект—объектное пространство, вне единства которого и субъект, и объект становятся отвлеченностью, абстракцией. Это пространство конституируется и цементируется взаимодействием деятельностей.

М.К.Мамардашвили: «*единый континуум бытия-сознания*». Эта мысль Мамардашвили проводится им уже в ранних его работах о превращенной форме (см. об этом понятии в Части 4). Вот его позиция: «...Приходится оперировать понятием единого континуума бытия-сознания и рассматривать “бытие” и “сознание” лишь в качестве различных его моментов, имея в виду области, где теряют смысл классические различения объекта и субъекта, реальности и способа представления, действительного и воображаемого и т.д. Но здесь как раз и появляются <...> превращенные объекты <...> как знаки, “свидетельства” неустрашимого различия между бытием и сознанием, как символы того, что при всей слитости в некотором общем континууме бытие и сознание не могут быть отождествлены. Наличие оператора “превращенность” в концептуальном аппарате теории указывает как раз на это» (Мамардашвили, 1992. С. 281).

В более поздней работе, написанной совместно с А.М.Пятигорским, Мамардашвили высказывает сходный тезис в более радикальном варианте: «...Если с самого начала принять гипотезу о принципиальной равноценности (в отношении возможностей их описания) субъекта и объекта, то становится возможным представление о том, что существует какая-то универсальная синтезирующая категория, опираясь на которую мы могли бы перейти к рассмотрению субъектного и объектного планов. Поскольку мы живем в определенной культуре, мы привыкли мыслить и описы-

вать события в более или менее строгом дихотомическом плане “субъект—объект”. Допустим, возникает какое-то иное представление — представление о том, что план “субъекта—объекта” — не считается нами первичным планом умозрения, что первичный план иной, во-первых, не дихотомический, во-вторых; что существует какой-то абстрактный синтезирующий план, от которого мы могли бы перейти к плану “субъект—объект”. Иначе говоря, мы предлагаем в качестве первичного способа описания такой способ, когда вводится сфера сознания, в которой нечто описывается без присутствия субъекта или объекта» (*Мамардашвили, Пятигорский, 1999. С. 46*).

И еще одно высказывание Мераба Константиновича, на этот раз в его ВГИКовских лекциях по античной философии 1979—1980 годов: «Мышление и бытие совпадают; эта область есть реальность, объемлющая по отношению к объективной действительности (вне ее), так как под объективной действительностью подразумевается то, что мы можем, объективировав содержание наших представлений, утверждать о предметах и утверждать, что это происходит в мире в виде объектов и их связей» (*Мамардашвили, 1999. С. 179—180*).

Мы, естественно, не можем здесь изложить, тем более конспективно, всю логику М.К.Мамардашвили в его последних работах и лишь сошлемся на них — см. *Зинченко, Мамардашвили, 1977; Мамардашвили, 1984; Зинченко, Мамардашвили, 1991; Мамардашвили, 1993; Мамардашвили, 1997* и др. Однако на нескольких его идеях, которые понадобятся нам в дальнейшем, имеет смысл остановиться.

Это, во-первых, ключевая идея концепции человека у Мамардашвили. Она в том, что «человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий <...>. То есть Человек есть такое существо, возникновение которого непрерывно возобновляется. С каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» (*Мамардашвили, 1992. С. 58—59*). При этом «человек, может быть, есть единственное, уникальное в мироздании существо, способное складываться, организовываться, формироваться вокруг такой ориентации [ориентации в познании на внечеловеческое. — *А.Л.*], развиваться посредством нее, то есть посредством культивирования объективного восприятия того, чем это существо не является. Это одна из человекообразующих сил» (*Там же. С. 124—125*).

Еще одна важнейшая мысль касается невозможности рассматривать субъективное вне системы экстрацеребральных явлений

(Зинченко, Мамардашвили, 1977). И, наконец, еще одна, казалось бы, вскользь брошенная Мерабом Константиновичем идея заключается в том, что «мы все время находимся, как сказали бы математики, в пространстве событий — не в пространстве вещей и предметов, а в пространстве *событий*» (Мамардашвили, 1997. С. 538).

М.М.Бахтин: «мое не-алиби в бытии». Бахтину принадлежит важнейшая идея «моего не-алиби в бытии». «В данной единственной точке, где я теперь нахожусь, никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находился <...>. То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может» (Бахтин, 1986. С. 112). Именно *совершенно!* Ведь «можно осознать жизнь только как событие, а не как бытие-данность» (Там же. С. 124). Бытие человека в мире деятельностно по определению. При этом вещь и личность, по Бахтину, — взаимосвязанные пределы познания. «Вещь, оставаясь вещью, может воздействовать только на вещи же; чтобы воздействовать на личности, она должна раскрыть свой *смысловой потенциал*» (Бахтин, 1979. С. 367). И далее: «Смысл не может (и не хочет) менять физические, материальные и другие явления, он не может действовать как материальная сила. Да он и не нуждается в этом: он сам сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преобразование бытия)» (Там же).

Появление человека и человеческого общества, таким образом, радикально меняет саму сущность бытия, сущность вещи, обретающей свой смысловой потенциал. При этом мир приобретает новое измерение — время. Действие, деятельность «принципиально отрицает ценностную самостоятельность всего данного, уже наличного, имеющегося, завершенного, разрушает настоящее предмета ради его будущего, превосхищенного изнутри. Предстоящая *цель* действия разрушает данную наличность внешнего предметного мира, *план* будущего осуществления разлагает *тело* настоящего состояния предмета...» (Бахтин, 1979. С. 42). См. выше, в Части 1, близкую мысль Ю.М.Лотмана.

Как выглядит мир по Бахтину? «Мир, где действительно протекает, совершается поступок, — единый и единственный мир, конкретно переживаемый: видимый, слышимый, осязаемый и мыслимый, весь проникнутый эмоционально-волевыми тонами

утвержденной ценностной значимости <...>. Эта утвержденная причастность моя <...> превращает каждое проявление мое: чувство, желание, настроение, мысль — в активно-ответственный поступок мой.

<...> В соотношении с моим единственным местом активного исхождения в мире все мыслимые пространственные и временные отношения приобретают ценностный центр, слагаются вокруг него в некоторое устойчивое конкретное архитектурное целое — возможное единство становится действительной единственностью...» (*Бахтин*, 1986. С. 124—125; ср. *Леонтьев А.А.*, 1990). Но суть такого подхода непонятна, если вслед за Бахтиным не допустить, что смысловое единство мира определяется диалектикой взаимодействия различных ценностных центров. «...Быть — значит общаться диалогически» (*Бахтин*, 1979. С. 294). Мир (если он не «деперсонифицирован», то есть если это человеческий мир) предполагает диалектику «я» и «другого».

Выше, говоря о концепции Бахтина, мы лишь упомянули о введенных им понятиях «большого» и «малого» опыта. «Малый опыт, практически осмысленный и потребляющий, стремится все омертвить и овеществить, большой опыт — все оживить (во всем увидеть незавершенность и свободу, чудо и откровение). В малом опыте — один познающий (все остальное — объект познания), один свободный субъект (все остальное — мертвые вещи), один живой и незакрытый (все остальное — мертво и закрыто), один говорит (все остальное безответно молчит).

В большом опыте все живо, все говорит, этот опыт глубоко и существенно диалогичен. Мысль мира обо мне, мыслящем, скорее я объектен в субъектном мире» (*Бахтин*, 1986. С. 519—520).

Вслед за Флоренским и Г.Г.Шпетом Бахтин констатирует, что «*организм и мир встречаются <...> в знаке*» (*Волошинов*, 1929. С. 34). Знак есть материальная часть самой действительности. Однако Бахтин вводит исключительно важное понятие *внутреннего знака*. Этот последний связан с внешним («идеологическим») знаком отношениями преобразования. «*Психика снимает себя, уничтожается, становясь идеологией, и идеология снимает себя, становясь психикой*; внутренний знак должен освободиться от своей поглощенности психическим контекстом <...>, перестать быть субъективным переживанием, чтобы стать идеологическим знаком; идеологический знак должен погрузиться в стихию внутренних субъективных знаков, зазвучать субъективными тонами, чтобы остаться живым знаком» (*Там же*. С. 50—51). Отсюда идея

(хотя и терминологически не оформленная) интериоризации и экстериоризации.

С.Л.Рубинштейн: «Человек находится внутри бытия». У него нас интересуют прежде всего философские рукописи двадцатых—начала тридцатых годов. Повторно (см. Часть 2) процитируем наиболее характерные их фрагменты, перекликающиеся с взглядами Бахтина, изложенными выше.

«Образование в бытии субъектов — центров перестройки бытия <...>. Активность субъектов и их бытие. Бытие — это не в их независимости друг от друга, а в их соучастии <...>. Преодоление концепции бытия как комплекса друг другу внешних изолированных данностей...» (см. *Абульханова-Славская*, 1989. С. 14).

«Подлинность бытия объекта — не в его внешней данности и независимости в этом смысле от познания, а в закономерности, “обоснованности” субъектом его содержания. Поэтому, когда познание взрывает независимость от субъекта, внешнюю данность объекта, он (объект) в этом процессе познания, проникающего в свой предмет, не теряет, а обретает свое бытие. Таким образом, теория познания и теория действия исходят из одного и того же принципа» (*Там же*. С. 19—20).

И, наконец, наиболее важная мысль: «Вместо дуалистической схемы: мир или среда, с одной стороны, субъект, личность — с другой (как бы вне среды и мира), поставить вопрос о *структуре мира или среды, включающей, внутри себя имеющей субъекта, личность как активного деятеля*. Предметом фундаментального изучения должна быть *структура мира с находящимся внутри него субъектом и изменения этой объективной структуры в различных установках субъекта*» (Малоизвестные статьи..., 1989. С. 367).

После долгого перерыва С.Л.Рубинштейн вновь возвращается к этой мысли в незаконченной книге «Человек и мир»: «Человек как субъект должен быть введен внутрь, в состав сущего, в состав бытия <...>. Человек выступает при этом как сознательное существо и субъект действия, прежде всего как реальное, материальное, практическое существо <...>. Стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком...» (*Рубинштейн*, 1973. С. 259). Ср. у Бахтина: «Мысль мира обо мне, мыслящем, скорее я объектен в субъектном мире...».

И далее: «Человек находится *внутри* бытия, а не только бытие внешне его сознанию» (*Рубинштейн*, 1973. С. 262). Мир, по Рубинштейну, — «это общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей» (*Там же*. С. 264). «Человек должен быть взят

внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни <...>. Бытие как объект — это бытие, включающее и субъекта» (Там же. С. 332).

А.Н.Леонтьев: «Мир, открывающийся через человека самому себе». Еще в 1930-е годы Леонтьев, по видимости излагая марксистскую («марксистско-ленинскую») философскую концепцию, писал, что «дух и материя — это различные формы “единой и неделимой природы”, следовательно, их противоположность не абсолютна» (Леонтьев А.Н., 1994. С. 26—27). Правда, тут же он рассматривает их как «противоположности»: но при этом, по Леонтьеву, они, образуя единство, не только «“переходят” друг в друга», но и «бывают тождественными» (Там же. С. 27). И дальше: «*Всякое отражение действительности в сознании человека <...> и тот процесс, в котором оно формируется и раскрывается [то есть деятельность. — А.Л.], образуют диалектическое единство (то есть не мыслимы одно без другого, составляют противоположность, бывают тождественными — переходят друг в друга). Основным в этом единстве является процесс, который всегда есть процесс, связывающий <...> субъекта с действительностью*» (Там же. С. 43).

И дальше принципиальное утверждение, жестко противопоставляющее позицию Леонтьева не только картезиански ориентированной классической психологии сознания, но и «ленинской теории отражения»: «*Действительная противоположность есть противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а вовсе не противоположность сознания, как внутреннего, предметному миру, как внешнему*» (Там же. С. 43).

Примерно в это же время, в статье о среде, Леонтьев подчеркивал, что «субъект, вне его деятельности по отношению к действительности, к его “среде”, есть такая же абстракция, как и среда вне отношения ее к субъекту» (Леонтьев А.Н., 1998. С. 112).

Из более поздних положений Леонтьева мы прежде всего должны выделить логически следующую из изложенного идею «экстрацеребральности» применительно к психической жизни человека. Она развивалась Леонтьевым во многих его статьях и книгах (см. выше Часть 2); на методологическом уровне она формулируется в его выступлении 1969 г. в форме утверждения, что внешний мир — «это *одухотворенный мир, одухотворенный человеческой деятельностью*» (Дискуссия..., 1990. С. 141). Там же возникает важнейшая мысль об «отслаивании» культуры от деятельности. Впрочем, еще в самом начале 1930-х годов Леонтьев, как известно, говорил: «Ищите сознание человека здесь, в предметном мире!»

Уже в конце жизни Леонтьев предвидел «возвращение к построению в сознании индивида образа *внешнего многомерного мира*, мира *как он есть*, в котором мы живем, в котором мы действуем, но в котором наши абстракции сами по себе не “обитают”» (Леонтьев А.Н., 1983. С. 255). Ср. у М.М.Бахтина противоположение «конкретной архитектоники переживаемого мира» в реальном пространстве—времени и «не-временного и не-пространственного, и не-ценностного систематического единства абстрактно—общих моментов» (Бахтин, 1986. С. 512).

Интереснейший поворот (хотя и не неожиданный) можно найти в «Лекциях по психологии», где говорится об «объективном мире как зеркале моего представления» — в том смысле, что предмет реализует субъективный образ (см. Часть 2) — и о том, что «предмет начинает жить для человека не только в своей вещественной форме, но и в теле слова» (Леонтьев А.Н., 2000. С. 95). Ср. мысль Г.Г.Шпета о том, что «реализация идеального <...>, сложный процесс развития смысла, содержания — перевод в эмпирическое, *единственно* действительное бытие <...>. Предмет есть подразумеваемая форма называемых вещей» (Шпет, 1989. С. 395). В лекциях Леонтьева содержится и прямая философская квалификация отношений субъекта и мира: «Субъект со всеми своими состояниями <...> находится изначально не перед миром, а в самом мире, <...> составляет часть его и вне этого мира вообще не существует. Иначе говоря, он не изъят, а включен в единый материальный мир. В этом мире единственно и существует» (Леонтьев А.Н., 2000. С. 139).

В последних рукописных фрагментах А.Н.Леонтьева, посвященных образу мира, прямо говорится о «*включенности* [подчеркнуто нами. — А.Л.] живых организмов, системы процессов их органов, их мозга в предметный, предметно-дискретный мир» (Леонтьев А.Н., 1979. С. 13). Но главная новая мысль этих, самых последних, лет — гегельянский тезис: «Функция образа: самоотражение мира. Это функция “вмешательства” природы в самое себя через деятельность субъектов, опосредствованную образом природы, то есть образом субъективности, то есть образом мира <...>. Мир, открывающийся через человека самому себе» (Леонтьев А.Н., 1986. С. 73).

В заключение этого раздела остановимся на взглядах более молодых психологов круга Леонтьева, принадлежащих, впрочем, к разным научным поколениям.

В.П.Зинченко в своей последней книге очень остро ставит вопрос об отношениях «внешнего» и «внутреннего» мира. «*Внешний*

мир строится внутри, то есть в феноменальном, символическом поле — пространстве — теле <...>. *Внутренний мир строится вовне*. Едва ли следует говорить, что акты построения миров не изолированы друг от друга. Если воспользоваться ныне вошедшим в моду старинным термином, они синергичны. Эта синергия как бы обеспечивает два встречных процесса: объективацию субъективного и субъективацию объективного» (Зинченко, 2000. С. 163).

А.Г.Асмолов констатирует, что «окружающие людей предметы человеческой культуры действительно имеют, по выражению К.Маркса, “социальную душу”. И “душа” эта — не что иное, как поле значений, существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности в орудиях труда схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, церемоний, различных социальных символов и норм <...>. Иными словами, в окружающем человека мире объективно существует особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человека, — поле значений» (Асмолов, 1996 а. С. 98).

Ф.Е.Василюк противопоставляет две онтологические концепции. Это «онтология изолированного индивида», где «первичной для последующего теоретического развертывания считается ситуация, включающая, с одной стороны, отдельное, изолированное от мира существо, а с другой — “объекты”, точнее вещи, существующие “в-себе”. Пространство между ними, пустое и бессодержательное, только отъединяет их друг от друга. И субъект и объект мыслятся изначально существующими и определенными до и вне какой бы то ни было практической связи между ними, как самостоятельные натуральные сущности. Деятельность, которая практически свяжет субъект и объект, еще только предстоит: чтобы начаться, она должна получить санкцию в исходной ситуации разъединенности субъекта и объекта» (Василюк, 1984. С. 83). И это «онтология жизненного мира». «Обыденная “очевидность” отделенности живого существа от мира не может служить исходным онтологическим положением, ибо мы нигде не находим живое существо до и вне его связанности с миром. Оно изначально вживлено в мир <...>. Этот мир, оставаясь объективным и материальным, не есть, однако, физический мир, то есть мир, как он предстает перед наукой физикой, изучающей взаимодействие вещей, это — жизненный мир <...>. Предмет деятельности предстает в рамках этой абстракции не в своей самодостаточности и самодовлении, не вещью, представляющей самое себя, а как “единица”, репре-

зентирующая жизненный мир» (*Там же*. С. 86). Ср. также развитие концепции «жизненного мира» у Д.А.Леонтьева (1999).

Концепция субъект—объектного пространства. Итак, попытаемся сформулировать следующий из описанных выше концепций подход к отношениям субъекта и объекта.

1. Начнем с того бесспорного тезиса, что человек живет не в абстрактном физическом мире — он живет в мире *человеческом*. Что это означает? Во-первых, его отношения к физическому миру преобразуют вещи в предметы, «одухотворяют» мертвую действительность. Во-вторых, он в очень большой степени сам конструирует эту действительность, опредмечивая в ней свою деятельность и создавая себе среду человеческих предметов, не существующих до и вне человека («овеществленная сила знания», как говорил Маркс).

2. Мир, в котором живет и действует человек, есть мир не мертвых отдельных вещей, существующих изолированно, сами по себе. Это мир свойств и отношений между предметами, возникающих как проявление их сущности. Условием проявления этих свойств и отношений является совокупная деятельность человечества в вешном (предметном) мире. Одним словом, человек окружен не вещами, а событиями: он живет в *мире событий*, мир для него, как говорил Флоренский, — «взаимодействие энергий», взаимодействие деятельностей и проявляющихся (и познаваемых нами) в деятельности взаимоотношений между предметами.

3. Онтологически первичен, является исходным пунктом для психолога (и любого «человековеда», гуманитария) не объектный мир и противопоставляемый ему субъект (картезианская точка зрения), а единый континуум, в котором субъект взаимодействует с миром объектов. Можно трактовать этот континуум в разной системе понятий и терминов («связь бытий через взаимодействие» Флоренского, «единый континуум бытия—сознания» Мамардашвили, «обретение объектом бытия» в процессе познания Рубинштейна, включенность людей в предметно-дискретный мир А.Н.Леонтьева, «вживленность» человека в мир Василюка и т.д.). Но независимо от той или иной терминологии важно, что во всех этих трактовках базисными не являются «полюса» взаимодействия (субъект и объект) — базисной является *деятельность*, связывающая их в онтологическое единство. Она не «прибавляется» к субъекту и объекту, а *конституирует* их. Не только субъект, но и объект (или предметный мир) просто не может существовать вне совокупной деятельности человечества в этом мире. Иначе он — мир вещей, а

не предметов (Шпет). Мир — это «общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей» (Рубинштейн) или, может быть, такая их совокупность, которая в их «общении» (взаимодействии) выступает как единая *система*. (Конечно, система понимается здесь не в духе Бергаланфи и вообще позитивистской системологии, а в духе Маркса — как система взаимодействующих факторов развития объекта.)

4. Предметный мир «одухотворяется», становится предметным, а не «вещным», благодаря тому, что не непосредственно чувственные свойства этого мира переносятся на данности особого рода — *знаки*, в частном случае — слова. Как именно это происходит, мы проанализируем в дальнейшем. Сейчас достаточно констатировать, что знаки суть для человека часть той же единой, «очеловеченной» или одухотворенной действительности и что их возникновение и объективное существование (вне сознания каждого отдельного человека) возможно лишь в результате совокупной, социальной по природе человеческой деятельности; что каждый отдельный человек в своем развитии усваивает (опять-таки в процессе деятельности) эти социальные по природе данности, делает их частью своего психического мира, так что они выступают как строительный материал его сознания и его личности. Речь идет не только о знаках как таковых, выступающих в теоретической (например, речевой) деятельности, но и о значениях, «оторванных» от тела знака и спроецированных в образ мира (то есть выступающих в качестве предметных значений — см. Часть 4). В этом смысле реальный предмет может реализовать субъективный образ. Он «начинает жить для человека не только в своей вещественной форме, но и в теле слова» (А.Н.Леонтьев). Предмет, по Шпету, выступает как «подразумеваемая форма называемых вещей».

5. Отношение каждого отдельного человека к человеческому миру может быть практическим, то есть реализоваться в виде непосредственно предметной деятельности, а может быть теоретическим, реализованным в виде познавательной деятельности, либо «встроенной» в практическое взаимодействие его с действительностью, либо осуществляемой им в отрыве от такого непосредственного взаимодействия.

6. Человеческий (жизненный) мир одухотворен *деятельностью*. Именно деятельность выступает как единица репрезентации жизненного мира.

7. Таким образом, субъект («со всеми своими состояниями» — А.Н.Леонтьев) составляет часть предметного мира и существует

только в этом качестве. С другой стороны, субъекты суть центры перестройки бытия (Рубинштейн), через них и благодаря им осуществляется само развитие предметного мира, включая то, что Лотман называл «семиосферой». В этом смысле мир непрерывно открывается через человека самому себе; природа вмешивается в самое себя через деятельность субъектов (А.Н.Леонтьев).

8. Отражение мира в сознании человека находится в единстве с процессом, в котором это отражение формируется и развивается, то есть деятельностью. И действительная противоположность (в диалектическом смысле, то есть и единство, и противоположность) — не между «внутренним» сознанием и «внешним» предметным миром, а между образом и процессом (деятельностью).

Архитектоника переживаемого мира. Начнем с того, что классическая, картезиански ориентированная психология исходит из своего рода «автономности» субъекта. В начале любого вузовского курса психологии — бихевиористское по существу представление о некоем существе, лишенном высших психических функций, отражения, переживания, да и самой деятельности. И мы как бы постепенно расширяем психический мир, постепенно вводя представление о восприятии, мышлении, внимании, эмоциях, пока наконец не получаем целостную картину этого мира.

Между тем реальный объект (объект, а не предмет) психологии — это процесс непрерывного взаимодействия каждого человека с окружающей его действительностью. От момента просыпания до момента засыпания каждый из нас *постоянно и непрерывно* находится с миром в тех или иных отношениях — воспринимает его, переживает его, осознает его, действует в нем и так далее. Отдельные компоненты психического мира — это абстракция от этого непрерывного *диалога человека с миром*.

В каждый данный момент человек непосредственно включен в жизненный контекст. Он занимает свою, уникальную нишу в том субъект—объектном пространстве, о котором мы только что говорили. Его деятельность осуществляется, по выражению Бахтина, в «едином и единственном» мире — мире «конкретно переживаемом». Это не только воспринимаемый мир (и тем более не модальный — «видимый, слышимый, осязаемый»): это, еще раз подчеркнем, мир переживаемый — осмысляемый человеком, ценностно значимый для него, мир, непосредственно включенный в его деятельность (поступок) или, если угодно, мир, в который эта деятельность непосредственно включена. С.Л.Рубинштейн очень точно отметил, что мир включает в себя субъекта именно как

«активного деятеля». Появление в мире каждого отдельного человека приводит ко все новому «смысловому преобразению бытия». Каждый из нас есть своего рода ценностный центр мироздания.

Но человеческий мир не в коем случае не есть проекция только «моей» системы ценностей. Это взаимодействие или диалог множества ценностных центров — поскольку человеческий мир есть взаимодействие множества деятельностей. Единство мира непременно предполагает наличие двух или многих точек зрения, их сосуществование, диалектику «меня» и «другого» (или «других»). Именно и только наличие многих взаимодействующих ценностных центров делает мир открытым для познания и освоения каждым отдельным человеком, превращает «малый опыт» в «большой», в котором «все живо, все говорит, этот опыт глубоко и существенно диалогичен» (Бахтин).

«Не-алиби» человека в мире характеризуется определенными пространственными и временными координатами. Здесь уместен термин «хронотоп», впервые введенный в российскую науку А.А.Ухтомским, но обычно связываемый с именем Бахтина. Иными словами, взаимодействие человека с миром осуществляется в реальном пространстве и времени. Эта хронотопичность является одной из характеристик «образа мира» в концепции А.Н.Леонтьева.

Вместе с тем образ мира, взаимодействие человека с миром имеет, по Леонтьеву, «пятое квазиизмерение». Мы живем не в непосредственно чувственном мире, а в то же время и в мире значений. И когда наша материальная деятельность в этом мире преобразуется в систему идеальных явлений, мы выходим из хронотопического мира в мир вне-временной и вне-пространственный, мир внеценностный — мир, в котором, по выражению Леонтьева, «обитают» наши абстракции, мир «систематического единства абстрактно—общих моментов» (Бахтин). В сущности, это мир рефлексии, мир сознания, мир, конституируемый (и конструируемый) системой значений, системой культурных явлений, «отслоившихся» от совокупной деятельности людей.

Этот мир идеального не отделен от хронотопического мира. С одной стороны, деятельность выводит действующего субъекта за границы *сиюминутного*, протекающего здесь-и-сейчас взаимодействия с предметной действительностью. По словам Бахтина, предстоящая цель действия разрушает «данную наличность» предметного мира. Деятельность обязательно предполагает «модель желаемого будущего» по Н.А.Бернштейну, она принципиально ориентиру-

вана на это будущее. Но, с другой стороны, интериоризованные, субъективизированные идеальные явления, выступающие в психике человека в преобразованной форме, в виде высших психических функций — памяти, мышления, воображения, восприятия, — позволяют ему как угодно широко использовать в процессе непосредственного взаимодействия с миром ранее накопленный социальный и — опосредованно — индивидуальный опыт. (См. у Выготского замечательное определение мышления как «участия всего нашего прежнего опыта в разрешении текущей задачи».) Таким образом, идеальное, система значений, позволяет человеку выйти из данного момента и в прошлое, и в будущее.

Но здесь есть и третья сторона. Дело в том, что, как мы видели, идеальные явления могут выступать для человека и как выключенная из непосредственного (хронотопичного) взаимодействия с миром система вневременных и внепространственных абстракций, как рефлексивный образ мира или, лучше сказать, как *образ мироздания*. Это прежде всего система научного и философского знания о мире. К этой проблеме мы еще вернемся в следующей главе.

И четвертая сторона все той же проблемы. Это способность человека, опираясь на систему идеальных явлений, выйти за пределы собственной, узко индивидуальной, позиции в мире. Именно это имел в виду А.Н.Леонтьев, говоря о «расширяющемся пространстве» и «расширяющемся времени» (см. конец Части 2).

Итак, картезианский способ научного мышления имеет в качестве одной из важнейших предпосылок четкое разграничение внутреннего (ментального) мира и действительного, реального Мира. Мы задаемся вопросом: как Мир отражается во «мне», в моем внутреннем мире? Но не можем при этом понять, что «я» — тоже часть Мира и что этот мир существует лишь при условии моего существования и моей деятельности в нем. Я — неразрывная, интегральная часть этого Мира.

В противном случае это — другой Мир.

ГЛАВА 3. ОБРАЗ МИРА И ДВА СПОСОБА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Понятие образа мира в школе А.Н.Леонтьева. Напомним, что для самого А.Н.Леонтьева образ мира — это отражение мира в сознании человека, непосредственно включенное во взаимодействие человека и мира. Такое отражение, во-первых, амодально и характеризуется «пятым квазиизмерением» — значениями, составляющими главную образующую этого образа мира. Во-вторых, речь идет не о значениях как таковых, абстрагированных от личности человека: составляющей образа мира является личностный смысл, «значение-для-меня».

Понятие образа мира интенсивно разрабатывалось после смерти А.Н.Леонтьева в его школе. Остановимся на некоторых концепциях, представленных в психологической литературе.

Основная мысль многочисленных публикаций на эту тему С.Д.Смирнова — это идея первичности образа мира по отношению к отдельным чувственным восприятиям. «Главный предрассудок, который необходимо преодолеть, чтобы пересмотреть всю проблематику познавательных процессов с новых позиций, — это предрассудок о существовании отдельного образа как единицы восприятия, как самостоятельного элемента, из совокупности которых складывается наше представление о реальности <...>. *Ориентирует не образ, а вклад этого образа в картину мира*» (Смирнов, 1981. С. 25). Еще одно, принципиально важное положение, связанное с только что приведенным и тоже имеющееся уже у самого Леонтьева — положение, что «образ мира <...> есть отражение будущего, то есть представляет собой систему прогнозов и экстраполяций» (Смирнов, 1983. С. 154; см. также Смирнов, 1985).

Примерно в том же направлении идет Б.М.Величковский, констатирующий, что «микрогенетические исследования в полном согласии с данными о фило- и онтогенезе позволяют описать восприятие как движение от глобально адекватного отражения к

отражению, адекватному также и в деталях. Пространственные и семантические контексты образуют систему открываемых в самой реальности координатных сеток, “прозрачных” по отношению к подлинным особенностям объектов. Успешность выделения таких систем отсчета и движения в них определяется не количеством накопленных в памяти фантомов объектов, а совершенствованием операций и действий ориентировки в естественном окружении. Наиболее перспективным направлением разработки проблемы образа мира поэтому является ее анализ в рамках современных представлений о развитии и функциональной организации деятельности» (Величковский, 1983. С. 165).

Ту же в сущности мысль проводит А.П.Стеценко на материале онтогенеза: «...Предметный мир изначально выступает перед ребенком как наполненный значениями, а не как нагромождение сырых сенсорных представлений, разрозненных чувственных данных, которые лишь постепенно им осмысливаются» (Стеценко, 1987. С. 34). При этом способы представления мира в его смысловых характеристиках, складывающиеся у ребенка, А.П.Стеценко связывает с отношениями ребенка и взрослого.

У Е.Ю.Артемьевой можно выделить два оригинальных подхода к понятию образа мира. Во-первых, она очень четко фиксирует «его свойство аккумулировать предысторию деятельности» (Артемьева, 1999. С. 30). В этой связи, во-вторых, она вводит представление о субъективном опыте, соотносящемся с образом мира, как частное с целым. И образ мира, и субъективный опыт — многослойные образования: внутри последнего выделяется «семантический слой». «Связь между семантическим слоем и образом мира в узком смысле гипотетически можно представить себе так: самая глубокая структура — Образ мира — внемодальна и относительно статична, так как перестраивается только в результате осуществления действия <...>, сдвигающего смыслы после достижения или недостижения цели, если цель признается фильтрующими системами достаточно значимой. Семантический слой — картина мира — являет собой структурированную совокупность отношений к актуально воспринимаемым объектам <...>. Она более подвижна, управляется из глубины образом мира, а строительный материал ей поставляет “перцептивный мир” и, возможно, непосредственно восприятие. Картина мира находится в своеобразном отношении гомоморфизма с образом мира: Образ мира управляет ею, отражаясь частью своих (в своем языке представленных) отношений, а картина мира “передает” ему

синтезированные по разномодальным свойствам отношения к объектам, связанным с предметом текущей деятельности» (Артемьева, 1999. С. 21; ср. Артемьева и др., 1983). Следует обратить внимание, что Артемьева считает элементами не только картины мира, но и образа мира (или, как она пишет, Образа), не образы объектов, а образы отношения к ним.

«Образ мира позволяет субъекту работать с преобразованной реальностью. Он позволяет вырваться из гомогенности мира, расставляя акценты значимости и формируя мир предметов» (Артемьева, 1999. С. 15). Образ мира, по Артемьевой, выступает «как интегратор следов взаимодействия человека (и человечества!) с объективной действительностью» (Там же. С. 11).

Своеобразный подход к трактовке образа мира, на котором мы сейчас не будем останавливаться, представлен у В.В.Петухова (Петухов, 1984).

Д.А.Леонтьев, говоря о структуре сознания, выделяет, во-первых, «образ мира, воспринимаемый нами как мир» (Леонтьев Д.А., 1999. С. 143). Второй подсистемой сознания является то, что «обладает бытийными (и поддающимися объективному анализу) характеристиками по отношению к сознанию в смысле индивидуально-психологической реальности» (Зинченко, 1981. С. 132). Третья подсистема осуществляет «соотнесение образа мира со смысловой сферой личности» (Леонтьев Д.А., 1999. С. 143). Далее, существует система механизмов, «выполняющих работу по соотнесению, упорядочению, иерархизации, и, в случае необходимости, перестройке мотивационно-ценностно-смысловой сферы личности. Эта <...> подсистема сознания может быть с тем же правом отнесена и к структуре личности; по сути, она связывает личность и сознание и соответствует тому, что в обыденном языке называется “внутренний мир человека”. Это наиболее глубокие, интимные и индивидуальные структуры и процессы, которым просто нет места в традиционном понимании сознания. Внутренний мир имеет свое специфическое содержание, свои законы формирования и развития, которые во многом (хотя и не полностью) независимы от мира внешнего. Основными составляющими внутреннего мира человека являются присущие только ему и вытекающие из его уникального личностного опыта устойчивые смыслы значимых объектов и явлений, отражающие его отношение к последним, а также личностные ценности, которые являются, наряду с потребностями, источниками этих смыслов» (Там же. С. 144).

Наконец, нельзя игнорировать и пятую подсистему — а именно рефлексию. Это понятие многозначно, но нас интересует сейчас первое из перечисляемых Д.А.Леонтьевым пониманий — осознание и произвольное оперирование в идеальном плане, направленное на «экран» сознания (первая подсистема сознания).

Образ мира и образ мироздания. Как мы уже отмечали выше, наиболее непосредственная ситуация встречи человека с миром — это непрекращающееся движение сознания в актуально воспринимаемом образе мира. Каждый из нас, воспринимая мир через образ мира, постоянно переносит светлое поле внимания с одного предмета на другой. Таким образом, в нашем образе мира, а вернее в том его ситуативном фрагменте, с которым мы в данный момент имеем дело, все время «высвечивается» отдельный предмет, а затем сознание переключается на другой — и так без конца. Но это непрерывное переключение сознания с одного предмета на другой предполагает одновременно переход предмета (его означенного образа) с одного уровня осознания на другой; в моем сознании в любой данный момент сосуществует то, что является объектом актуального осознания, и то, что находится на уровне сознательного контроля. Движение сознания в образе мира имеет не планиметрический, а трехмерный, стереометрический характер. Сознание имеет глубину.

Следовательно, в образе мира переплетаются непосредственное ситуативное отображение действительности и сознательное (рефлективное) отображение. Не выходя за границы одного и того же поля восприятия (в широком смысле), одного и того же отображаемого фрагмента действительности, я могу иметь с ним дело двояким образом: как с той реальностью, в которую я непосредственно включен, в которой я действую и к которой отношусь, и как с «встроенными» в этот образ мира обобщениями, абстракциями, доступными моей сознательной рефлексии, или — если угодно — с встроенным в образ мира моим *знанием о мире*. Я могу просто использовать карандаш по его прямому назначению, а могу отрефлексировать его как карандаш, назвать его этим словом (или, скажем, немецким словом *Bleistift*).

Делаем следующий шаг в нашем рассуждении. Образ мира может ведь быть не включенным в непосредственное восприятие, отделенным от этого восприятия и вообще от непосредственного действия в мире. Он, например, может выступать в процессах памяти или воображения. Такой образ всегда является ситуативным,

фрагментарным. И здесь он может быть более или менее рефлексивным.

И еще один шаг. Это уже шаг за пределы ситуации. Сделав его, мы встречаемся с глобальным, принципиально внеситуативным образом мира, с образом именно *мира*, а не какой-то его части. Такой образ всегда рефлексивен; другой вопрос, что глубина его осмысления, степень этой рефлексивности (осознанности) может быть разной. Можно построить континуум уровней рефлексии глобального мира; предельный уровень такой рефлексии соответствует научному и — еще далее — философскому осмыслению мира. Если раньше мы имели дело с более или менее непосредственным сознанием мира, то теперь — с теоретическим сознанием разного рода, почти освобожденным от чувственной ткани и от связанности с реальной ситуацией. Мы говорим «почти», потому что в принципе можем сделать «обратный» ход и спроецировать нашу глобальную научную или философскую рефлексию снова на ситуацию, превратив ее в *обобщенную ситуацию*.

Если до сих пор мы говорили об **образе мира** как таковом (или его ситуативном фрагменте), то теперь мы пришли к новому понятию, которое можно обозначить как **образ мироздания**. Это идеальное образование, связанное с нашей деятельностью в «непосредственном» мире только генетически. Если применительно к образу мира можно употребить метафору «картинки», то образ мироздания уже не картинка, а *схема*.

Вспомним, что говорил в своих заметках об образе мира А.Н.Левинштейн: «Знания, мышление не отделены от процесса формирования чувственного образа мира, а входят в него, прибавляясь к чувствительности. *NB!* [Знания входят, наука — нет!]». Весь вопрос в том, какие именно знания имеются в виду. Далее мы еще вернемся к этой проблеме применительно к педагого-психологической концепции В.В.Давыдова. Конечно, наука тоже входит в образ — но не в «чувственный образ мира», а во внечувственный, идеальный образ мироздания.

Говоря о чувственном образе мира (с разной степенью рефлексии этого образа), мы все время делали допущение, что у каждого человека есть свое индивидуально-личностное видение мира, опосредованное личностно-смысловыми образованиями. Но наряду с текучими, собственно индивидуально-личностными характеристиками эти личностно-смысловые образования имеют и некоторую культурную «сердцевину», единую для всех членов той или иной социальной группы или общности и как раз и фиксируемую в

понятии значения в отличие от личностного смысла. Иными словами, можно наряду с индивидуальными вариантами говорить о системе *инвариантных образов мира*, точнее — общих черт в видении мира различными людьми. Такой инвариантный образ мира непосредственно соотнесен со значениями и другими социально выработанными опорами (в частности, социальными ролями и социальными нормами, строго говоря, также относящимися к классу значений), а не с личностно-смысловыми образованиями.

С теоретической точки зрения таких инвариантных образов мира может быть сколько угодно — все зависит от классовой и вообще социальной структуры социума, от культурных, языковых, профессиональных различий в нем. Возьмем, например, понятие профессионального образа мира, формирование которого является одной из задач обучения специальности, — понятия, введенного И.Б.Ханиной (*Ханина*, 1990). Особое место занимает инвариантный образ мира, соотнесенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. Несомненно, что в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Сознание человека всегда этнически обусловлено (если, конечно, эта обусловленность не преодолевается специально; но мы имеем в виду здесь не научное сознание, не образ мироздания, а обыденное сознание, то есть образ мира в собственном смысле).

Уже из сказанного видно, что инвариантные образы мира взаимодействуют с соответствующими уровнями образов мироздания. Это взаимодействие различно — так, в случае профессионального образа мира, например образа мира врача, абстрактное научное знание врача органично включено в его мировидение, он как бы видит больного профессиональным глазом. А этнический образ мира не имеет или почти не имеет адекватного ему абстрактного знания: я веду себя так, а не иначе, отнюдь не потому, что у меня есть соответствующий сознательный или отрефлектированный образ мироздания.

Сказанное о рефлексии «внешнего» мира справедливо и применительно к саморефлексии, рефлексии внутреннего мира личности. «Образ моего Я» может быть относительно непосредственным, частью единого образа мира. Но он может находиться и в различных отношениях с теоретическим образом. Но здесь мы приходим к проблеме *профессионального образа мира психолога*, к сложнейшей системе взаимоотношений и взаимопереходов жи-

тейского и научно-психологического самосознания и т.п., о чем мы в данной книге говорить не можем.

Способы представления знаний¹. Развитие психики человека в онтогенезе представляет собой процесс взаимодействия двух способов (моделей) представления знаний. Это семантический (системный) способ, который в принципе может выступать также в виде логической модели или системы правил, и фреймовый (динамическо-ситуативный, событийный, сценарный) способ (Представление..., 1989).

Применительно к структуре психических процессов здесь существенен вывод Б.М.Величковского о том, что «семантическая информация может храниться в памяти в форме вложенных друг в друга пространственных и семантических контекстов. Благодаря такой форме организации, очевидно, обеспечивается колоссальная плотность “упаковки” сведений. Кроме того, эта форма представления может демонстрировать в зависимости от ситуации как эффекты иерархической организации, характерные для семантических сетей, так и классические эффекты ассоциативной близости и контраста, наиболее легко трактуемых в рамках пространственных моделей семантической памяти» (Величковский, 1987. С. 27). Имеются в виду именно фреймы (схемы сцен) и скрипты, или сценарии (схемы событий). Величковский вводит в этой связи понятие о «квазипространственном представлении ситуаций». Близкую идею «спасиализации», то есть трансформации ментальных сущностей в форму пространственных репрезентаций, много раньше высказывал известный франко-канадский лингвист Гюстав Гийом (Гийом, 1990).

Применительно к значениям и вообще языку наиболее интересной в этом плане представляется концепция В.Я.Шабеса (Шабес, 1989; Шабес, 1992). Опираясь на модель Р.Шенка и Р.Абельсона (Schank, Abelson, 1977, и др.), в частности, на понятие сцены («структура памяти, объединяющая действия, протекающие в одно и то же время с некоторой единой целью. Сцена дает последовательность обобщенных действий» — Schank, 1982. С. 95) и введенное Шенком понятие динамической памяти, а также на прототипическую теорию Э.Рош-Хайдер (Rosch, 1978), Шабес в своей концепции стремится преодолеть дискретный и статичный характер существующих моделей, вводя понятие *репрезентаций процес-*

---

¹ В основе этого раздела лежит статья, опубликованная совместно с Л.А.-Леонтьевым (Леонтьев А.А., Леонтьев Л.А., 1999).

суального типа. С другой стороны, семантический способ репрезентации топологичен по Н.А.Бернштейну, а фреймовый, кроме того, метричен (Бернштейн, 1966; Леонтьев А.А., 1983). Метричность фреймового способа репрезентации позволяет использовать при его описании теорию нечетких множеств Л.Заде (см. Леонтьев А.А., Шапиро, 1978).

Еще в 1988 году лингвист В.Б.Касевич отмечал: «На разных уровнях речевой деятельности языковые <...> сущности имеют двойное представительство: как целостные гештальты <...> — в субдоминантном полушарии и как расчлененные, структурно организованные, с поэлементным строением — в доминантном» (Касевич, 1988. С. 240). Современные исследования взаимодействия функций доминантного по языку (в норме левого) и субдоминантного (в норме правого) полушарий (Иванов, 1983; Деглин и др., 1983; Балонов и др., 1985; Нейропсихологический анализ..., 1986; Брагина, Доброхотова, 1988; Черниговская, 1993; Данилова, 1988 и др.) приводят к выводу, что правополушарные функции соотнесены с фреймовым способом репрезентации, а левополушарные, соответственно, с сетевым. В частности, «речь детей на ранних этапах формирования и фонетически, и грамматически, и по содержанию поразительно напоминает высказывания правого полушария» (Деглин и др., 1983. С. 40). Иначе говоря, ребенок начинает с фреймовой (ситуативной) репрезентации и лишь затем подключается сетевая (системная) репрезентация. Кроме того, речевые функции правого полушария имеют общие черты с глубинными структурами высказываний (Там же, 39), принципиально ситуативными. (Чрезвычайно интересно было бы систематически исследовать под этим углом зрения ситуативно связанную жестово-мимическую речь глухонемых детей.)

Образующим элементом при фреймовой репрезентации является предметное значение, которое может быть как конкретным, так и абстрактным (обобщенным). Понятие предметного значения как «правополушарного» (иконического) эквивалента вербального значения, возникающего и существующего на субстрате образа, связано с психологическими идеями, развивавшимися Д.Н.Узнадзе, Л.С.Выготским, С.Л.Рубинштейном, А.Н.Леонтьевым и др.

В соответствии с позицией М.С.Шехтера (Шехтер, 1959) можно выделить образы разного уровня обобщенности — первичные и вторичные. Соответственно не каждый образ обязательно должен быть конкретно-наглядным, эмпиричным и в этом плане проти-

вопоставляться значению слова (вербальному значению) как теоретическому.

Развитие познания у ребенка — это не только и не столько смена «житейских» понятий «научными» (см. ниже), сколько поэтапное формирование обоих видов или форм ментальной репрезентации в их единстве и взаимозависимости. Другой вопрос, что само понятие ситуации в психическом развитии ребенка может быть различным — она может быть наличной предметной ситуацией, может быть в разной степени обобщенной или воображаемой. Если подходить с позиций внешней формы выражения, то в индивидуальной истории психического развития преобладание опоры на чувственный образ предшествует преобладанию дискурсивного, теоретического рассуждения. Но если подходить с позиций внутреннего способа обобщения, то дело обстоит значительно сложнее. Даже если образ есть продукт оперирования конкретно-чувственными объектами на эмпирическом уровне, такое эмпирическое обобщение может быть более совершенным и более информативным, чем так называемое содержательное (теоретическое) обобщение. Так, едва ли при восприятии квазиобъекта искусства (*Леонтьев А.А.*, 1997. С. 326 и далее) соответствующее — явно эмпирическое, а не теоретическое — обобщение генетически и функционально предшествует и уступает содержательному (теоретическому) обобщению. С другой стороны, образ может, как и слово, отражать основополагающие, системообразующие внутренние отношения и связи предметов и тем самым выходить за пределы содержания обобщенных чувственных представлений в сферу подлинных абстракций (понятийную сферу).

Структура внутрифреймовых отношений даже при высокой степени их обобщенности качественно отлична от системы отношений в семантической сети. Применительно к вербальному ассоциативному эксперименту, например, отношения системного типа отражены в так называемых парадигматических ассоциациях (сильный—слабый). Однако к тому же классу парадигматических ассоциаций обычно относят ассоциации «по смежности», вроде пол—потолок, небо—земля, строящиеся по фреймовому типу. (Противопоставленные парадигматическим так называемые синтагматические ассоциации вроде маленький—мальчик, бежать—быстро, отображают обычно частотность совместной встречаемости или в предметной ситуации, или в тексте.) Классическая методика Выготского—Сахарова дает ярко выраженный фреймовый эффект у маленьких детей и бесспорный системный (сетевой) у взрослых.

Фрейдомый подход при моделировании реальной психической деятельности хорошо укладывается в деятельностную концепцию современной психологии.

«Знание предмета» и «вербально организованное сознание». Обратимся для начала к малоизвестной работе Э.В.Ильенкова, написанной еще в 1974 году, но впервые опубликованной только в 1991. Это «Деятельность и знание» (Ильенков, 1991). Вот логика Ильенкова.

«Знание в точном смысле этого слова есть всегда знание *предмета*» (С. 381) — вернее, системы действительных, реальных явлений. Это ни в коем случае не вербально организованное сознание, не «словесное оформление словесно неоформленного материала» (С. 382). Между тем в процессе усвоения знаний мы сталкиваемся именно с последним, превращаем знание в знание «языка науки». «Предмет тут — всегда словесно оформленный предмет, в том виде, в каком он существует до словесно-знакового «оформления», до его оречевления, он вообще в составе этой концепции не мыслится, *не существует* для нее» (С. 383).

Альтернатива — «организовать процесс усвоения знания как знания *предмета*», понимаемого «как *система вещей*, обладающая своей, ни от какого языка не зависящей, “внеязыковой” организацией и связью, — как *конкретное целое*» (С. 383). Между тем сейчас «вместо реального предмета ученику предъявляется <...> искусственно выделенный фрагмент предметной действительности, в точности соответствующий его словесному описанию, то есть образный эквивалент заданной абстракции <...>. Внимание ученика с самого начала ориентируется на активное отыскание таких чувственно воспринимаемых явлений, которые в точности согласуются с их собственным описанием, — на выделение тех “признаков” предмета, которые уже получили свое однозначное выражение в словесных формулах» (С. 384). Чувственно воспринимаемые вещи, случаи, ситуации превращаются в «овеществленные абстрактные представления»: «Этим именно и воспитывается представление о самодостаточности абстрактных схем» (Там же), дополненное идеей конкретного «воплощения» абстрактного правила.

Ученику не предлагается строить образ — он предъявляется готовым, этот «*заранее организованный словами образ*, и ученику остается лишь одно — *обратный* перевод этого образа в словесную форму» (С. 385). «Никакой деятельности с *предметом* при этом не совершается. С чем ученик действительно *действует* — так это с

образом, вынесенным за пределы его головы, с овеществленным представлением» (Там же). А с предметом он сталкивается лишь в мире реальной практической жизни — и возникает «щель» между житейскими и научными понятиями.

Требуется, следовательно, особый вид деятельности — «деятельность, изменяющая предмет, а не образ его. Ибо только в ходе этой деятельности впервые и возникает образ...» (С. 387).

Остановимся на одной из ключевых идей этой статьи Ильенкова — на идее о том, что противоположение житейских и научных понятий соответствует различию деятельности с предметом и деятельности со словесной схемой, переведенной в образную форму. Откуда вообще возникло это противоположение? Как известно, в отечественной психологии оно впервые было развито Л.С.Выготским и его ученицей Ж.И.Шиф. По Выготскому, специфика научного понятия по сравнению с житейским в том, что «момент появления научного понятия как раз начинается со словесного определения, с операций, связанных с таким определением» (Выготский, 1996. С. 360). Аналогична мысль А.Н.Леонтьева, что научное понятие возможно, когда спонтанное (житейское) ставится в дискурсивный контекст (Леонтьев А.Н., 1980). Но главное отличие научного понятия от житейского — его системность и осознанность.

Как Выготский, так и Леонтьев подчеркивали, что научные понятия не противопоставлены житейским. Хотя способ усвоения у них различен и даже в известной мере противоположно направлен (ср. известную параллель с усвоением родного и иностранного языка, проводимую Выготским), для усвоения научных понятий необходимы сформированные житейские понятия, хотя эти последние фрагментарны, не систематизированы в сознании ребенка, он не способен с ними произвольно и сознательно оперировать. Развитие житейского понятия «должно достигнуть известного уровня для того, чтобы ребенок вообще мог усвоить научное понятие и осознать его <...>. Научные понятия прорастают вниз через житейские. Житейские понятия прорастают вверх через научные» (Выготский, 1982. Т. 2. С. 262—263).

Логика неумолимо подсказывает, что подлинная теория учения не может концентрироваться только на формировании научных понятий. Она должна включать как изучение механизма спонтанного формирования «житейских» понятий, так и изучение оптимальных путей перехода от этих последних к «научным» понятиям.

Большой вопрос, насколько правомерны вообще эти термины (и соответствующие им понятия). Например, можно ли говорить о научных понятиях применительно к первым знаниям младшего школьника об окружающем мире или к математике для дошкольников? Но и житейскими эти понятия едва ли можно называть.

Житейские понятия, говорит Выготский, сильны «в сфере спонтанного, ситуационно осмысленного, конкретного применения, в сфере опыта и эмпиризма» (*Там же*). Нам кажется, что в этой формулировке есть внутренняя несогласованность. Конечно, — и об этом много писал сам Выготский, — на стадии формирования и функционирования житейских понятий существуют обобщения, причем отнюдь не только эмпирические и применяемые отнюдь не обязательно спонтанно. Недаром сам Выготский говорил о «первом абрисе детского мировоззрения», о том, что в дошкольном возрасте «закладывается общее представление о мире, о природе, об обществе, о самом себе» (*Выготский, 1996 а. С. 130*). Отличие их от подлинных, научных обобщений не только и не столько в том, что на стадии житейских понятий мы имеем дело с формальными обобщениями, а на стадии научных — с содержательными обобщениями, как полагает В.В.Давыдов (*Давыдов, 1996. С. 500—501*). Гораздо важнее другое — их «ситуационная осмысленность», связанность этих обобщений с ситуацией, центром которой является сам ребенок. Обобщения дошкольника или, по Выготскому, его «общие представления», позволяют ему, «если грубо сказать, вырвать предмет мышления из конкретной временной и пространственной ситуации, в которую он включен» (*Выготский, 1996 а. С. 129*), — но этот предмет остается в рамках ситуационных связей, хотя и по-своему обобщенных. Ребенок от реальной ситуации переходит к «воображаемой ситуации», как говорил (применительно к игре) Д.Б.Эльконин, у него формируется «образ действия». При этом воображаемая, обобщенная ситуация, а вернее, «то значение, которое ребенок вкладывает в эту ситуацию» (Выготский), образует для ребенка «возможность воплощения замысла, возможность идти от мысли к ситуации, а не от ситуации к мысли».

Можно ли сказать, что такое — ситуативное — представление знания принципиально уступает системному (внеситуативному), является более элементарным, отражает более низкую ступень развития мышления? В сегодняшней педагогической психологии получается именно такая картина. Но дело обстоит на самом деле несколько иначе — и гораздо сложнее.

Именно и только введение в анализ понятия предметного значения возвращает нас к исходным идеям Э.В.Ильенкова. Представляется, что это — единственный путь примирения «теоретичности» взгляда на мир с преодолением «вербализации» этого мира. Предметный образ абстрактен — но он абстрактен по-другому, чем вербальное понятие, выраженное в слове или в тексте. И он *богаче*, чем вербальное теоретическое понятие, за счет не индивидуального, «эмпирического» опыта как такового, а за счет *личностного* опыта, опыта переживания ситуации, смыслового видения ее, за счет «моего не-алиби» (Бахтин) в этой ситуации.

ГЛАВА 4. СМЫСЛ И СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ

Смысл как образующая образа мира. Согласно Д.А.Леонтьеву, смысл выступает в психологии в трех плоскостях, трех самостоятельных, но взаимосвязанных ипостасях. «Первая из них — это плоскость объективных отношений между субъектом и миром. В этой плоскости объекты, явления и события действительности, входящие в жизненный мир субъекта, обладают для него **жизненным смыслом** в силу того, что они объективно небезразличны для его жизни <...>. Жизненный смысл есть объективная характеристика места и роли объектов, явлений и событий действительности и действий субъекта в контексте его жизни <...>. Жизненный смысл и отражающаяся в нем динамика жизненных отношений — это **онтологический аспект** смысла.

Вторая плоскость — это образ мира в сознании субъекта, одним из компонентов которого является **личный смысл**. Личный смысл является формой познания субъектом его жизненных смыслов, презентации их в его сознании <...>. Личный смысл и отражающаяся в нем динамика субъективного образа реальности — это **феноменологический аспект** смысла.

Наконец, третья плоскость — это психологический субстрат смысла — неосознаваемые механизмы внутренней регуляции жизнедеятельности. В этой плоскости смыслоносущие жизненные отношения принимают форму **смысловых структур личности**, образующих целостную систему и обеспечивающих регуляцию жизнедеятельности субъекта в соответствии со специфической смысловой логикой <...>. Смысловые структуры и отражающаяся в них динамика деятельности (жизнедеятельности) — это **деятельностный, или субстратный, аспект** смысла <...>.

Итак, смысл предстает перед нами как отношение, связывающее объективные жизненные отношения субъекта, предметное содержание сознания и строение его деятельности» (Леонтьев Д.А., 1999. С. 112—113).

Согласно этому подходу, базисными образующими образа мира личности являются инвариантные смысловые образования как устойчивые системы личностных смыслов, содержательные модификации которых обусловлены особенностями индивидуального опыта личности (определение Н.Н.Королевой, приведенное в *Леонтьев Д.А.*, 1999. С. 146—147).

В настоящей книге мы не видим необходимости подробно излагать взгляды Д.А.Леонтьева на смысл, тем более что в части, касающейся соотношения смысла и значения, они в значительной степени опираются на наши более ранние публикации (*Леонтьев А.А.*, 1969 и др.). Обратим внимание лишь на одно принципиально важное определение, данное им значению: это определение значения (под психологическим углом зрения) «как системного качества, приобретаемого смыслом слова или высказывания (или компонентом этого смысла) в условиях единства смыслообразующего контекста» (*Леонтьев Д.А.*, 1999. С. 382). Однако субстратом смысла (и значения) может быть не только слово (или языковой образ), но и образ предмета или ситуации как непосредственный компонент образа мира: в этом случае мы и говорим о предметном значении.

Под этим углом зрения важным представляется понятие, не проанализированное Д.А.Леонтьевым в его книге, но постоянно фигурирующее в классических работах Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева. Мы имеем в виду понятие *смыслового поля*.

Смысловое поле. В «каноническом» варианте концепции А.Н.Леонтьева это понятие отсутствует. Между тем он не раз возвращался в своих публикациях и рукописных материалах к этому понятию.

Впервые оно появляется в 1933 году — в рукописной записи о беседе с Выготским. «...Процесс развития в том, что меняется *смысловое поле*; это значит — в речи (слове) изменение значения слова <...>. Здесь значение слова есть его смыслообразующая способность. Здесь значение слова выступает как значение вещи...» (*Леонтьев А.Н.*, 1994. С. 22). И дальше: «Изменение значения = смыслового поля (= внешнего мира), отсюда степени свободы. Но и изменение внутреннего мира — внутренней свободы, внутренней воли» (*Там же*. С. 23).

Итак, уже здесь внешний мир выступает в виде «смыслового поля», конституируемого «значениями вещей», то есть предметными значениями.

Тогда же (а особенно в «Материалах о сознании») появляется как одно из ключевых понятие переноса, взятое Леонтьевым

у Келера через посредство Выготского. Вообще рассуждения Леонтьева в этот период часто идут в логике структуры ситуации — конечно, не в келеровском смысле. Эта ситуация есть ситуация деятельности человека в объективной действительности. Через много лет Леонтьев будет говорить о возвращении к построению в сознании индивида образа многомерного «мира *как он есть*». Смысловое поле и есть такой образ. Аналог такого понимания — хорошо известная нам идея Бахтина о «моем неалиби в мире».

Идея смыслового поля не случайно появляется у Леонтьева в контексте прямого диалога с Выготским. Как мы уже видели, в известном конспекте Выготского об игре, опубликованном в качестве приложения к книге Эльконина, это понятие играет важнейшую роль. Выготский прямо говорит о «расхождении видимого и смыслового поля» как «новом в дошкольном возрасте». Это «создание мнимых ситуаций» как «новая ступень абстракции, произвольности и свободы» (*Выготский*, 1978. С. 289). По Выготскому, в раннем возрасте видимое и смысловое поле слиты, в дошкольном они расходятся, а для школьника характерно «возникновение внутреннего смыслового поля, независимого, но не накладываемого сверху, а координированного с внешним (спортивная игра)» (*Там же*. С. 291).

Мы привыкли к тому, что у Выготского термин «смысл» употребляется чисто лингвистически, как своего рода результирующая значений слов, образующих высказывание, а в лучшем случае толкуется как «совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову» (*Выготский*, 1982. Т. 2. С. 346). В цитируемом контексте смысл понимается иначе, очень близко к «леонтьевскому» личностному смыслу. Но вот что интересно: применительно к слову Выготский говорит именно о значении, а применительно к вещи — о смысле. Ср.: «Слово биполярно ориентировано, оседая значением в мысли и смыслом в вещи; перенесение смысла внутрь — на свои процессы и действия» (*Выготский*, 1978. С. 292). Ниже: «...В игре ребенок открывает: каждая вещь имеет свой смысл, каждое слово имеет свое значение, которое может замещать вещь» (*Там же*. С. 293). Дальнейший анализ игры приводит Выготского к противоположению «реального действия» и «смысла действия». При этом возможно «чистое оперирование смыслами действий» — это, по Выготскому, и есть волевой выбор, решение, борьба мотивов — вообще процессы, «резко оторванные от выполнения» (*Там же*).

Итоговый вывод Выготского: «Действие в игре впервые приобретает смысл: то есть осознается. Действие замещает другое действие, как вещь — другую вещь. Как же ребенок переплавляет одну вещь в другую, одно действие в другое? Через движения в смысловом поле, не связанные видимым полем, реальными вещами, которые подчиняют себе все реальные вещи и реальные действия. Это движение в смысловом поле есть самое главное в игре...» (*Там же*. С. 294).

Очевидна преемственность понятия смыслового поля у Выготского и Леонтьева: даже идея Леонтьева о том, что «перенос смысла раскрывает его строение», а возможно, смысл «не только раскрывается, но и формируется в переносе» (*Леонтьев А.Н.*, 1994. С. 168), находит полную параллель в этих словах Выготского.

У самого Леонтьева понятие смысла появляется в его докторской диссертации. Это «то отношение объективных воздействующих свойств, которому подчиняется деятельность субъекта» (*Там же*). Применительно к животным Леонтьев употребляет понятие «инстинктивного смысла» (позже он говорит о «биологическом смысле»). Вот описание развития и трансформации смысла в филогенезе: «На низших ступенях развития психики животных это — всегда смысл отдельных воздействующих свойств, у более развитых животных это <...> — смысл отдельных предметов; на еще более высокой генетической стадии это — смысл определенных межпредметных связей, смысл ситуаций. Наконец, содержание того особого отношения, которое мы обозначили термином “смысл”, становится принципиально иным, как только мы переходим к человеку: биологический, инстинктивный смысл превращается в смысл сознательный, в основе которого лежат уже общественные по своей природе отношения» (*Там же*. С. 101). Позже, в «Очерке развития психики», Леонтьев говорит о «разумном смысле для человека того, на что направлена его активность» и о «сознании смысла действия <...> в форме отражения его предмета как сознательной цели» (*Леонтьев А.Н.*, 1972. С. 274—275). А главное — он вводит обобщающее понятие «жизненного смысла» (*Там же*. С. 288). Но в этой своей работе, как и в последующих публикациях, Леонтьев, вводя понятие личностного смысла, уже не возвращается к понятию смыслового поля.

Особенно любопытна трактовка рассматриваемой проблемы в «Методологических тетрадах». Смысл рассматривается там, как мы помним, в соотношении с понятием значения. Это отсылает нас, казалось бы, к более поздним работам 1940-х годов (а может быть,

напротив, к рассуждениям Выготского?). Однако в цитируемой работе есть нестандартный поворот — обращение к строению смысла как кристаллизации строения деятельности (имеется в виду, комментирует сам Леонтьев, *отношение* к действительности, а не действия, не операции, не приемы вообще). И далее как раз и говорится о «переносе смысла». Ниже, во второй тетради: «В языке *обратное*, чем в реальном действии: “перенос значения”, с точки зрения действительности, — “перенос смысла”, с точки зрения самого слова» (Леонтьев А.Н., 1994. С. 207).

«Смысл = интенция значения» (Там же).

Опять вводится понятие «смыслового поля», хотя и не раскрывается (Там же. С. 209).

И главное: «*Понятие смысла для психологии столь же важно, как и понятие стоимости для политической экономии <...>. Поэтому учение о деятельности есть альфа, учение о смысле — омега психологии!*» (Там же. С. 210). При этом есть «большие» и «малые» смыслы (смысл деятельности, действия, операции), венчаемые жизненным смыслом или смыслом жизни.

Понятие смыслового поля один-единственный раз вновь возникает у А.Н.Леонтьева — а именно в его докладе об образе мира. Но здесь «смысловое поле» синонимично системе значений, «пятому квазиизмерению».

Концепция смыслового поля интересна следующим. Развитие психики и в филогенезе, и в онтогенезе — это прежде всего развитие *отношений человека и мира, диалога мира и человека*. И не случайно понятие смыслового поля и у Выготского, и у Леонтьева связано с генетическим анализом. От полностью ситуативной модели мира через деятельность и благодаря деятельности животное и ребенок переходят к встроеному в эту ситуацию миру обобщений.

Но, как точно заметил Выготский, деятельность во внутреннем плане — это «чистое оперирование смыслами действий». И парадокс заключается в том, что чем больше мы от практической деятельности переходим к теоретической, тем большую роль начинают играть смысловые факторы.

Но это, как говорится, уже совсем другая история.

ГЛАВА 5. ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯНИЯ: СОЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ *VS* ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯНИЕ

Личность как момент деятельности. В настоящей книге мы, естественно, не можем обсуждать различные концепции личности. Поэтому выделим лишь то в психологии личности, что существенно для нашей проблемы.

Наша интерпретация категории личности коренится в последних работах Выготского, связанных с «вершинной психологией». В одной из рукописей конца 1920-х годов, а именно в «Конкретной психологии человека», Выготский высказал своеобразный взгляд на личность как на психологическую категорию, *первичную* по отношению к деятельности и сознанию. Не только деятельность и сознание, но в первую очередь именно личность социально (культурно) детерминирована, ее сущность — социальна.

Моя личность — это процесс (и результат) постановки меня как субъекта в ключевую позицию в мире «большого опыта» (Бахтин). Это — интериоризованный «единый и единственный» мир в его взаимоотношении с *моим* познанием и *моим* поступком, *моими* мотивами и *моей* волей, *моими* переживаниями и *моими* ценностями. Мир не есть «мир символов» (Дж.Брунер); познавательные процессы — только часть процессов интериоризации, они подчинены личности, определяющей и регулирующей их.

Что такое личность психологически? Ответ можно найти в работах Выготского: это динамическая смысловая система, включающая мотивационные, волевые, эмоциональные процессы, динамику действия и динамику мысли. Все эти компоненты могут быть в различных отношениях друг к другу, могут образовывать различные «сплавы». «В процессе общественной жизни <...> возникают новые системы, новые сплавы психических функций, возникают единства высшего порядка, внутри которых господствуют особые закономерности, взаимозависимости, особые формы связи и движения» (Выготский, 1984. Т. 6. С. 328).

В упомянутой выше рукописи «Конкретная психология человека» мы находим несколько иной ответ на поставленный вопрос: личность в принципе диалогична, это всегда драма, а не простой (пусть даже противоречивый) процесс или система процессов. Например, деятельность человека детерминирована различными социальными ролями, «проигрываемыми» этим человеком; и может возникнуть драматический конфликт между моей ролью судьбы («я должен осудить его») и мной как человеком («я его понимаю») (Неопубликованная рукопись..., 1986).

Подведем предварительный итог: личность есть процесс постоянного самоопределения человека в реальном мире, регулирующий познавательные процессы, поступки, переживания и т.п. Она первична по отношению к деятельности и сознанию.

А.Н.Леонтьев еще в конце 1930-х годов, как мы помним, четко сформулировал идею, что личность человека определяется не внутренними условиями, и не внешними, и не их совокупностью, а тем содержательным процессом, в котором все они преломляются и выступают в качестве внутреннего соотношения, «заключенного в самом процессе развития личности» (а не просто «движущих» этот процесс). А это значит — *личность определяется жизнью*. «Она и есть не что иное, как сгусток жизни, продукт ее кристаллизации в форме субъекта» (Леонтьев А.Н., 1994. С. 200).

В книге «Деятельность. Сознание. Личность» вводится понятие личности как внутреннего момента деятельности. Личность возникает в результате иерархизации системы деятельностей, это не данность, а *качество*. Отдельные деятельности связываются в «узлы», в результате чего образуется новый уровень сознания — *сознание личности*. (Вопрос в том, уровень ли это? А может быть, вообще нет никакого сознания, кроме сознания личности? К этой мысли, кажется, потом пришел и сам Леонтьев, говоря в лекциях, что то, что мыслит — это личность).

Особенно важен для нас конспект доклада о личности, относящийся к 1977 году и опубликованный только раз — в двухтомнике Леонтьева. Там говорится, что «личность есть *системное* и поэтому “*сверхчувственное*” качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его природными и приобретенными свойствами <...>. С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: *иное*, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это — исследование его места, *позиции* в системе, кото-

рая есть система общественных связей, *общений*, которые открываются ему; это — исследование того, *что, ради чего и как* использует человек врожденное ему и приобретенное им» (Леонтьев А.Н., 1983. Т. 1. С. 385).

Если главную задачу Леонтьев видит в том, чтобы осуществить «исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях» (Леонтьев А.Н., 1975. С. 173), а связь деятельностей осуществляется через смысловую сферу, можно вслед за Г.М.Андреевой (1983. С. 62) говорить о своеобразном «личностном выборе деятельности». Ср. у Д.Б.Эльконина: «Личность — высшая психологическая инстанция организации и управления своим поведением, заключающаяся в преодолении самого себя» (Эльконин, 1989. С. 517).

Социальная детерминированность личности и ее отношение к деятельности были зафиксированы еще П.А.Флоренским, хотя и в парадоксальной форме: «Предел дробления — не человеческий атом, от себя и из себя относящийся к общине, но общинная молекула, <...> являющаяся началом действий <...>. Это — новая антиномия, — антиномия личности-двоицы. С одной стороны, отдельная личность — *все*, но, с другой, она — нечто *лишь* там, где — “двое или трое” <...>. Абсолютно-ценную личность может быть не иначе как в абсолютно-ценном *общении*, хотя нельзя сказать, чтобы *личность* была первее общения, или *общение* — первее личности» (Флоренский, 1990 а. С. 419). Близкие мысли высказывал А.А.Ухтомский (у него личность обозначается термином «лицо»): «*Ни общее и социальное не может быть поставлено выше лица, ибо только из лиц и ради лиц существует; ни лицо не может быть противопоставлено общему и социальному, ибо лицом человек становится поистине постольку, поскольку отдается другим лицам и их обществу*» (Ухтомский, 1996. С. 267).

Леонтьевский подход к личности развит в работах А.Г.Асмолова. «*Совместная деятельность в конкретной социальной системе детерминирует развитие личности, но личность, все более индивидуализируясь, сама выбирает ту деятельность, а порой и тот образ жизни, которые определяют ее развитие*» (Асмолов, 1996. С. 470). «Быть личностью — значит иметь активную жизненную позицию, о которой можно сказать: на том стою, и не могу иначе. Быть личностью — значит осуществлять выборы, возникшие в силу внутренней необходимости, сметь оценить последствия принятого решения и держать за них ответ перед собой и обществом, в котором живешь.

Быть личностью — значит обладать свободой выбора и нести через всю жизнь бремя выбора. Быть личностью — значит осуществить вклад в общество, ради которого живешь и в котором жизненный путь индивидуальности превращается в историю Родины, сливается с судьбой страны. Через созидание ради общества, ради того образа жизни, который имеет для индивидуальности личностный смысл, она обретает свое социальное бессмертие» (*Там же*. С. 519).

Наиболее четкая психологическая характеристика личности под этим углом зрения дана, на наш взгляд, Д.А.Леонтьевым. Он, как известно, определяет личность следующим образом: «Личность <...> конституируется функциями выделения субъектом себя из окружающего мира, выделения, презентации и структурирования им своих отношений с миром и подчинения своей жизнедеятельности устойчивой структуре этих отношений, в противовес сиюминутным импульсам и внешним стимулам» (*Леонтьев Д.А.*, 1999. С. 154).

Завершим этот наикратчайший обзор словами Б.С.Братуся: «Формирование и самостроительство в себе человека, сама способность и возможность такого самостроительства подразумевают наличие некоего психологического орудия, органа, постоянно координирующего и направляющего этот невиданный, не имеющий аналогов в живой природе процесс. Этим органом и является личность человека» (*Братусь*, 2000. С. 55).

Начало личности — поступок. Как известно, под этим названием была в 1976 году опубликована (и затем перепечатана в двухтомнике) актовая речь А.Н.Леонтьева как декана психологического факультета МГУ, обращенная к студентам-первокурсникам. Это одна из немногочисленных работ Леонтьева, где вводится само понятие *поступка*. Различные интерпретации этого понятия А.Н.Леонтьевым и психологами его школы блестяще проанализированы Е.Е.Соколовой (*Соколова*, 1999), и мы в этом разделе остановимся только на одном аспекте понятия поступка — его отличии от действия.

Каноническая теория деятельности, как она обычно излагается, по существу приравнивает друг к другу любые действия человека. Как мы уже говорили в начале второй части нашей книги, она во многом «затехнологизована». Для нее принятие и осуществление жизненно значимого решения, например о поступлении в вуз, психологически эквивалентно покупке сигарет в ближайшем табачном киоске. В чем же (и есть ли вообще) принципиальное различие между этими двумя действиями?

Решение о покупке сигарет и само это действие не имеет для человека никакой личностной значимости. За ним не стоит свободного личностного выбора и прогнозирования своей дальнейшей жизнедеятельности. А.Н.Леонтьев только к концу жизни пришел к пониманию неадекватности расширительного понимания действия и отсюда вернулся к понятию поступка как выхода человека в сферу *созидания*, способности и возможности стать соучастником «всех событий окружающего мира», вообще *единицы личности* в том ее понимании, которое очерчено выше.

Поступок, по выражению В.П.Зинченко, есть «средство саморазвития личности» (Зинченко, 1997. С. 188). Но он только потому способен им стать, что является действием, «которое воспринимается и осознается самим действующим субъектом как *общественный акт*, как проявление субъекта, которое выражает отношение человека к другим людям» (Рубинштейн, 1940. С. 455). Такое действие «включается в более обширное целое деятельности *данной личности* [выделено нами. — А.Л.] и лишь в связи с ней оно может быть понято» (Там же. С. 468).

В 1990 году мы впервые употребили выражение «психология деяния» в противоположность психологии действия или деятельности (Леонтьев А.А., 1990. С. 13). Там же содержится мысль о том, что если «каноническое» понятие действия соотнесено с сознанием, то понятие деяния связано с личностью — сейчас мы бы сказали: с *сознанием личности*.

Деяние является своего рода единицей деятельности, но не всякой, а той системообразующей деятельности, которая «завязывает в узел» другие деятельности человека и соотнесено с прогнозированием и проектированием его жизненного пути, в свою очередь связанными с социальной ориентацией этого пути. Это единица *деятельности личности*.

«Человек не беспомощное существо: он сам распоряжается собой, и в его воле выбрать себе те или иные цели в жизни. Подросок, осознавший себя как член общества, ищет в нем “точку отсчета” для себя <...>. Юноша осмысливает свое место в этом мире, свои идеалы, движущие мотивы <...>. Наконец, зрелый человек определяет свои позиции <...>. Таково поступательное движение человеческой жизни, в процессе которого выкристаллизовывается наше “я”» (Леонтьев А.Н., 1983. Т. 1. С. 382).

ГЛАВА 6. УЧЕНИЕ КАК ЖИЗНЬ

Итак, жизненный путь человека — это путь самостроительства, самоопределения в системе жизненных (социальных) отношений, путь самоактуализации в процессе деятельностного взаимодействия с миром.

Развитие личности человека, следовательно, есть, с одной стороны, развитие системы «человек—мир» или, уже, «человек—социум». «В функциональном отношении человек и среда выступают всегда вместе, как единое целое» (*Ярвилехто*, 1998. С. 22). Но, с другой стороны, это процесс, в котором активно участвует сама личность, выступая как активное, творческое начало.

Если рассматривать образование как «систему процессов взаимодействия людей в обществе, обеспечивающих вхождение индивида в это общество (социализацию)» (*Леонтьев А.А.*, 2000. С. 233), то движущей силой так понимаемого образования выступает саморазвитие и самоактуализация личности. Все «*образование в школе должно быть организовано так, чтобы в нем ясно просвечивала будущая цель образования личности к свободному самоопределению*» (*Гессен*, 1995. С. 122). Поэтому «не школа и образование есть основа и источник самовоспитания и самообразования, а, наоборот, саморазвитие есть та необходимая почва, на которой школа только и может существовать» (*Каптерев*, 1982. С. 355). Эта мысль, впервые сформулированная Л.Н.Толстым, в дальнейшем развивалась также П.П.Блонским и Л.С.Выготским.

Выше, в первой главе этой части, мы цитировали М.К.Мамардашвили, говорившего о том, что человек есть такое существо, «возникновение которого непрерывно возобновляется», «с каждым индивидуумом и в каждом индивидууме». Иными словами, каждый человек активно «самостановится», самообразуется, включаясь в деятельность социума. Важнейшим условием этого процесса является способность каждого члена общества к самостоятельной творческой деятельности, результаты которой лежат

в основе обогащения, трансформации и развития социального опыта человечества. «Только то общество способно двигаться вперед, где целью школы является вырастить ученика, способного превзойти своих учителей» (Образовательная программа..., 2000. С. 21).

Школа не «формирует» ребенка по единому шаблону (или, по крайней мере, не должна этого делать). Она *выращивает* в нем личность, творческие способности и потребность в творчестве (включая творчество себя самого), ориентирует ученика на саморазвитие и самообразование, самоопределение и самоактуализацию. Она поддерживает в ребенке все то, что связано с развитием его личности. Одним словом, школа призвана выполнять жизненно важную функцию — функцию стимуляции, помощи и поддержки при вхождении молодого поколения в мир *социального опыта*.

Образование — не подготовка к жизни, оно не «прибавляется» к ней. «Жизнь и есть образование, и теория образования есть в сущности теория жизни» (Гессен, 1995. С. 55). Или, как пишет финский психолог Тимо Ярвилехто, «жизнь — это постоянное учение, и, напротив, без учения нет жизни. Учение как раз и представляет собой постоянное изменение системы, состоящей из организма и среды <...>. Жизнь — это рождение деятельностных единиц в системе организм—среда <...>. Для того, чтобы деятельность этой системы могла приносить результаты при постоянном изменении ситуации и поведенческих возможностей, системе организм—среда необходимо все время организовываться по-новому» (Ярвилехто, 1998. С. 23).

В этом суть и социальный смысл так называемого развивающего образования.

Библиография к Части 3

Абульханова-Славская К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л.Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М., 1989.

Андреева Г.М. Значение идей А.Н.Леонтьева для развития марксистской социальной психологии // А.Н.Леонтьев и современная психология. М., 1983.

Артемова Е.Ю., Серкин В.П., Стрелков Ю.К. Описание структуры субъективного опыта: контекст и задачи // Мышление, общение, опыт. Ярославль, 1983.

Артемова Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.—Воронеж, 1996.

- Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности: Дис. в виде научного доклада ... доктора психол. наук. М., 1996.
- Балонов Л.Я., Деглин В.Л., Черниговская Т.В. Функциональная асимметрия мозга в организации речевой деятельности // Сенсорные системы. Сенсорные процессы и асимметрия полушарий. Л., 1985.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. Изд. 2. М., 1988.
- Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология. М., 2000.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
- Величковский Б.М. Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н.Леонтьев и современная психология. М., 1983.
- Величковский Б.М. Функциональная организация познавательных процессов: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. М., 1987.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982—1984.
- Неопубликованная рукопись Л.С.Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1986. № 1.
- Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996.
- Выготский Л.С. (Антология гуманной педагогики). М., 1996.
- Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1990.
- Давыдов В.В. Проблемы педагогической и детской психологии в трудах Л.С.Выготского // Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996.
- Данилова Н.Н. Психофизиология. М., 1998.
- Деглин В.Л., Балонов В.Я., Долинина И.Б. Язык и функциональная асимметрия мозга // Текст и культура. Труды по знаковым системам XVII. Тарту, 1983.
- Дискуссия о проблемах деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Зинченко В.П. Идеи Л.С.Выготского о единицах анализа психики // Психол. журн. 1981. № 2.
- Зинченко В.П. Посох Осипа Манделъштама и трубка Мамардашвили. К началу органической психологии. М., 1997.
- Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпега. (Возвращение из изгнания). М., 2000.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопр. филос. 1977. № 7.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Исследование высших психических функций и эволюция категории бессознательного // Вопр. филос. 1991. № 10.

Иванов Вяч.Вс. Художественное творчество, функциональная асимметрия мозга и образные способности человека // Текст и культура. Труды по знаковым системам XVII. Тарту, 1983.

Из записок-конспекта Л.С.Выготского к лекциям по психологии детей дошкольного возраста // Д.Б.Эльконин. Психология игры. М., 1978.

Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.

Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.

Леонтьев А.А. *Ессе homo* («Вершинная» психология и перспективы исследования деятельности) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.

Леонтьев А.А. Психология общения. Изд. 2. М., 1997.

Леонтьев А.А. Образование // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000.

Леонтьев А.А., Леонтьев Л.А. Способы представления знаний и их компьютерное моделирование // Обработка текста и когнитивные технологии. Часть 3. Пушкино, 1999.

Леонтьев А.А., Шапиро Д.И. Расплывчатые категории в задачах принятия решений. Психолингвистический аспект // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 3. М., 1972.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1979. № 2.

Леонтьев А.Н. Овладение учащимися научными понятиями как проблема педагогической психологии // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. М., 1980.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1983.

Леонтьев А.Н. К психологии образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1986. № 3.

Леонтьев А.Н. Философия психологии. Из научного наследия. М., 1994.

Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского (критический анализ) // Вопр. психол. 1998. № 1.

Леонтьев А.Н. Лекции по психологии. М., 2000.

Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999.

Малоизвестные статьи и архивные материалы С.Л.Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М., 1989.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. Изд. 2. М., 1992.

Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб., 1997.

Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М., 1999.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. М., 1999.

Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. М., 1986.

Образовательная программа «Школа 2100» // «Школа 2100». Приоритетные направления развития образовательной программы. Вып. 4. М., 2000.

Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1984. № 4.

Представление и использование знаний. М., 1989.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1981. № 2.

Смирнов С.Д. Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н.Леонтьев и современная психология. М., 1983.

Смирнов С.Д. Психология образа. М., 1985.

Соколова Е.Е. Идеи А.Н.Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н.Леонтьева. М., 1999.

Стеценко А.П. Понятие «образ мира» и некоторые проблемы онтогенеза сознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1987. № 3.

Уттомский А.А. Интуиция совести. СПб., 1996.

Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. (1). М., 1990.

Ханина И.Б. Инварианты образа мира и их истоки // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.

Черниговская Т.В. Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. СПб., 1993.

Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.

Шабес В.Я. Речь и знание. СПб., 1992.

Шехтер М.С. Об образных компонентах речевого мышления // Доклады АПН РСФСР. 1959. №№ 2 и 3.

Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.

Ярвилехто Т. Учение, роль учителя и новые технические средства обучения // «Школа 2000...». Концепции, программы, технологии. Вып. 2. М., 1998.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and categorization. Hillsdale, 1978.

Schank R.C. Dynamic Memory. Cambridge, 1982.

Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale, 1977.

Часть 4. Соотношение знака, деятельности и личности в психологической теории

Глава 1. «Личная мысль» и «Соборный разум»

Человек, язык, мир. «Слово — столь же внутри нас, сколь и вовне, и если мы правы, почитая слово событием нашей сокровенной жизни, то должно нам не забывать, что оно есть нечто уже переставшее быть в нашей власти и находящееся в природе оторванно от нашей воли» (*Флоренский*, 1990. С. 252). Как посредник между миром внутренним и миром внешним, слово, по П.А.Флоренскому, является «амфибией». Оно объединяет в себе двоякую направленность — «деятельность, вторгающаяся из говорящего во внешний мир», и восприятие — «от внешнего мира к говорящему, внутрь его» (*Там же*). И в другом месте: «...Слово, как деятельность познания, выводит ум за пределы субъективности и соприкасается с миром, что по ту сторону наших собственных психических состояний. Будучи психофизиологическим, слово не дымом разлетается в мире, но сводит нас лицом к лицу с реальностью и, следовательно, прикасаясь к самому предмету, оно столь же может быть относимо к его, предмета, откровению в нас, как и нас — ему и пред ним» (*Там же*. С. 281).

Эта идея посреднической функции слова (знака) между человеком и миром, субъектом и объектом, и его (знака или слова) двойной онтологии уже не раз встречалась нам на страницах настоящей книги. Она лежит в основе концепции В. фон Гумбольдта и его ученика А.А.Потебни. Ее имел в виду М.М.Бахтин, говоря, что организм и мир встречаются в знаке. В последние годы ту же мысль развивал известный философ В.В.Бибихин: «Человек в сво-

ем существе, чистое присутствие и принимающее понимание, может дать слово миру. Человек в свою очередь требует мира, потому что иначе как в целом мире себя не узнает <...>. Мир требует человека, чтобы присутствовать в языке; человек осуществляется, давая слово миру. Это уравнение мира, человека и языка не похоже на математические уравнения. Оно не решаемое, а решающее» (Бибихин, 1993. С. 103).

У П.А.Флоренского есть еще одно очень важное для нас положение. Вот оно. «Мы дорожим языком, поскольку признаем его объективным, данным нам, как бы наложенным на нас условием нашей жизни; но говорим воистину лишь тогда мы, когда мы же, сами, заново переплавив язык до малейших его изгибов, заново отливаем его **по себе**, однако продолжая всецело верить в его объективность. И мы правы: ибо личная наша мысль опирается **не** на уединенный разум, коего самого по себе **вовсе нет**, но на Разум Соборный, на вселенский Логос...» (Флоренский, 1990. С. 163).

Что стоит за этой метафорой соборного разума? В XX веке было выдвинуто несколько концепций, включающих в себя то или иное, как правило, очень сходное, представление о мире знаков, в который человек входит, становясь человеком, и который он присваивает и преобразует. Это, конечно, идея ноосферы В.И.Вернадского, развитая его учеником Тейяром де Шарденом. Это уже известная нам по первой части данной книги концепция семиосферы, принадлежащая Ю.М.Лотману¹, и особый «мир знаков» у М.М.Бахтина, и «персоносфера» А.А.Ухтомского. Наконец, сюда тяготеет и «третий мир» К.Поппера — мир общего коммуникативно-конвенционального знания.

Будем пользоваться понятием «семиосферы» Лотмана.

Семиосфера обладает тем исключительно важным свойством, что она способна осуществлять для человека связь настоящего с прошедшим и будущим. Как мы помним, об этом писал еще И.Кант, а позже ту же мысль можно найти у таких различных мыслителей, как Бахтин и Ч.Пирс. Да и Выготский, как известно, считал, что именно благодаря знаку актуально воспринимаемые элементы настоящей ситуации включаются в одну структурную систему с символически представленными элементами будущего.

---

¹ Именно Лотману! Дело в том, что, например, у В.П.Зинченко в его книге «Живое знание» понятие семиосферы настолько расширено, что теряет какую-либо качественную определенность (Зинченко, 1998. С. 128—129).

Семиосфера не отделена от реального, предметного мира. Она не некоторое промежуточное в строгом смысле звено между миром и человеком — она есть одновременно и этот мир в его представленности человеку, и человеческий разум в его отнесенности к миру. Именно слово, знак, по П.А.Флоренскому, «соприкасает» нас с миром. И более того — **«слово есть самая реальность**, словом высказываемая, — не то чтобы дублет ее, рядом поставленная копия, а именно она, самая реальность в своей подлинности...» (Флоренский, 1990. С. 293). Мы, говорит Лотман, благодаря семиосфере и планета в интеллектуальной галактике, и образ ее универсума.

Мир человека одухотворен им, как бы мы ни понимали эту одухотворенность. Еще Гегель говорил: «Я вкладываю душу в предмет». У Г.Г.Шпета вещь реальна, но она становится предметом благодаря смыслу, сообщаемому ей словом (знаком). Аналогична мысль М.М.Бахтина о смысловом потенциале вещи: вещьную среду надо «заставить заговорить». Это можно сделать только при помощи деятельности — одухотворенный мир «одухотворен человеческой деятельностью», говорит А.Н.Леонтьев.

Мысль — внутри нас, но и мы — внутри мысли, говорит Лотман. Внешний мир строится внутри, а внутренний мир строится вовне, развивает это положение В.П.Зинченко.

Внутренний мир человека сущностен по определению, он входит как инфраструктура в суперструктуру общественных отношений (Леонтьев). Именно через «образ субъективности» мир открывается посредством человека самому себе.

В то же время предметный мир входит — благодаря деятельности — в психический мир субъекта как его неотъемлемая часть. Отсюда идея М.Я.Басова об экзопсихике, отсюда принципиально важное положение А.Н.Леонтьева о «размыкании» круга психических процессов навстречу предметному миру, о решающем характере «экстрацеребральных звеньев» деятельности.

Тот (предметный) мир, в котором живет и действует человек, не есть, однако, совокупность вещей или предметов. Он есть событие и деятельность. Для М.К.Мамардашвили мы находимся не в пространстве вещей (предметов), а в пространстве событий. А.А.Ухтомский констатирует: «Мир — не “предмет”, не “пространственное постоянство”, но текучее пространственно-временное содержание, процесс <...>. Лишь теперь мы с современной наукой можем подойти к текучему миру с более или менее точными понятиями и орудиями мысли.

Мы понимаем теперь условность, временную полезность (вроде постройки временных лесов) разобобщения опыта на отдельные постоянства “предметов”, но знаем также, что это нужно *лишь для постижения процесса...*» (Ухтомский, 1997. С. 193). По Флоренскому, связь бытий есть синэнергия, «со-деятельность бытий».

Каким же образом «событие мира» становится человеческим событием, как на основе мира внешнего строится мир внутренний?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется обратиться к понятию превращенной формы, разработанному М.К.Мамардашвили в его ранних работах.

Превращенная форма и понятие квазиобъекта. Понятие квазиобъекта было введено М.К.Мамардашвили в связи с анализом марковского понятия «превращенной формы» — понятия, неоднократно встречающегося на страницах «Теорий прибавочной стоимости» и «Капитала». Особенность превращенной формы, «отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем — именно своей обособленностью и бытийностью — роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. При этом связи действительного происхождения оказываются “снятыми” в ней. Прямое отображение содержания в форме здесь исключается» (Мамардашвили, 1970. С. 387). Примером может являться денежная форма, которая является превращенной товарной.

В превращенной форме важна, во-первых, сама «превращенность» отношений, во-вторых, ее качественно новый характер. Структуру превращенной формы «можно представить в виде следующей последовательности: выключение отношения из связи — восполнение его иной предметностью и свойствами — синкретическое замещение предшествующего уровня системы этим формообразованием» (Там же).

Итак, квазиобъект, будучи поставлен на место системы отношений, в которую включен своими существенными признаками

познаваемый нами предмет, как бы «привязывает» «проявление этих отношений к какой-либо субстанции, конечной и нерасчленяемой», и восполняет их «в зависимости от ее “свойств”» (*Там же*. С. 388). Отсюда возникают «мнимые предметы»: труд и капитал, знаки языка и т.д. «В предметах нет и на деле не может быть непосредственной связи между стоимостью и трудом, между знаком и объектом и т.д.» (*Там же*). При определенных условиях эти мнимости мистифицируют сознание, выступая в качестве «независимых» от человека, наделенных видимой «самостоятельностью» феноменов (отсюда фетишизм, феномены духовного отчуждения и т.п.).

Очерченное понимание исключительно важно и для собственно психологического исследования, прежде всего для полноценной методологической и теоретической трактовки явлений *сознания*. Она прежде всего требует отвлечения от замкнутого «в себе» изучения механизмов индивидуального сознания. «Чтобы проникнуть в процессы, происходящие в сознании, Маркс производит следующую абстракцию: в промежутке между двумя членами отношения “объект (вещественное тело, знак социальных значений)—человеческая субъективность”, которые только и даны на поверхности, он вводит особое звено: целостную систему содержательных общественных связей, связей обмена деятельностью между людьми, складывающихся в дифференцированную и иерархическую структуру. Затем он изучает процессы и механизмы, вытекающие из факта многократных переплетений и наслоений отношений в этой системе, по уровням и этажам которой объективно “растекается” человеческая деятельность, ее предметно закрепляемые общественные силы.

Введение этого посредствующего звена переворачивает все отношение, в рамках которого сознание изучалось. Формы, принимаемые отдельными объектами (и воспринимаемые субъективно), оказываются кристаллизациями системы (или подсистем) отношений, черпающими свою жизнь из их сочленений. А движение сознания и восприятия субъекта совершается в пространствах, создаваемых этими же отношениями, или, если угодно, ими замыкается. Через эти отношения и должен пролетать реальный путь изучения сознания, то есть того вида сознательной жизни мотивов, интересов и духовных смыслов, который приводится в движение данной общественной системой» (*Мамардашвили*, 1968. С. 17).

«Объективные мыслительные формы» — смыслы, значения и т.п. — это и есть, по Мамардашвили, результат движения в «про-

странстве» реальных отношений, но не прямое отображение этих отношений. Будучи перенесены на квазиобъект и в этом качестве став достоянием сознания, признаки, свойства, отношения действительности претерпевают кардинальное преобразование: форма, в которой они выступают, оказывается «снятой», свернутой, переструктурированной и дополненной тем, что содержится уже в самом квазиобъекте. Отсюда огромной важности гносеологическая задача — при каждом анализе конкретной «превращенной формы» четко разделять те связи, признаки и отношения, которые перенесены нами на квазиобъект и преобразованы в нем, и те, которые мы находим в самом квазиобъекте, которые образуют его сущность и специфику.

Язык и есть именно такая система квазиобъектов, где на место реальных отношений подставлена их «видимая форма». Если понимать язык таким образом, то ряд псевдопроблем в исследовании языкового знака сам собой отпадает, как например «проблема» идеальности и материальности знака, «проблема» предметной отнесенности (и вместе с нею знаменитый «треугольник» Огдена—Ричардса и все его модификации в последующих работах других авторов). То, что дано нашему сознанию в наблюдении, то в языке, что *предлежит* сознанию, ни в коей мере не исчерпывает сути дела. Поэтому-то узко семиотический и узко лингвистический подходы к знаку при всей видимой тонкости анализа *принципиально* не могут вскрыть его сущности.

Понятие превращенной формы анализировалось Мамардашвили также в книге (*Мамардашвили*, 1992), где цитированные ранее его работы даются в более полном виде.

Строго говоря, идея превращенной формы восходит даже не к Марксу, а к Гегелю. Напомним его высказывание, что «созерцание <...> приобретает, будучи употреблено в качестве знака, существенное определение обладать бытием лишь в качестве снятого» (*Гегель*, 1977. С. 295).

Идеальное. Понятие квазиобъекта как «превращенной формы» действительных отношений неразрывно с понятием *идеального*. Квазиобъект, прежде всего языковой знак, как раз и является «непосредственным телом идеального образа внешней вещи» (*Ильенков*, 1962. С. 224), основной образующей системы общезначимых форм и способов внешнего выражения идеальных явлений, продолжая в то же время сохранять, по выражению Маркса, «сущностную природу». Естественно, что при этом нельзя забывать, что само идеальное «непосредственно существует только как фор-

ма (способ, образ) деятельности общественного человека, т.е. вполне предметного, материального существа, направленной на внешний мир. Поэтому, если говорить о материальной системе, функцией и способом существования которой выступает идеальное, то этой системой является только общественный человек в единстве с тем предметным миром, посредством которого он осуществляет свою специфически человеческую жизнедеятельность. Идеальное ни в коем случае не сводимо на состояние той материи, которая находится под черепной крышкой индивида, то есть мозга. Идеальное есть особая функция человека как субъекта общественно-трудовой деятельности, совершающейся в формах, созданных предшествующим развитием» (*Там же*. С. 221). Идеальный образ «опредмечен в теле языка».

Понятие знака, собственно, и возникает как следствие из такого понимания идеального. *Знак — это квазиобъект в его отношении к реальному объекту*, как его заместитель в определенных ситуациях деятельности (см. *Полторацкий, Швырев*, 1970. С. 16—18). Квазиобъект, выступая как знак, может сохранять свое «материальное существование» (Маркс), свое «вещественное бытие». Но у знаков «функциональное бытие поглощает, так сказать, их материальное бытие» (*Маркс, Энгельс*. Т. 23. С. 140). Это означает, что в качестве знака (по терминологии Э.В.Ильенкова — символа) может, правда, выступать сама вещь как таковая. Но эта его материальная, вещественная оболочка является для него чем-то несущественным, и далее «материальное тело этой вещи приводится в согласие с ее функцией».

В результате символ превращается в знак, то есть в предмет, который *сам по себе* не значит уже ничего, а только представляет, выражает другой предмет, с которым он непосредственно не имеет ничего общего, как, например, название вещи с самой вещью» (*Ильенков*, 1962. С. 224; ср. *Коршунов*, 1971. С. 31). Это — путь к появлению языкового знака, который и есть, таким образом, квазиобъект «в чистом виде», материя которого полностью *подчинена* его функциональному бытию.

Знак, знаковый образ, знаковая модель. Из сказанного видно, что под одним и тем же названием знака в практике научного исследования выступают три различных, несовпадающих друг с другом понятия. Это, во-первых, знак как вещь или — применительно к языку — как материальное языковое «тело», включенное в систему деятельности человека и в ней обретающее свое функциональное бытие. В этом смысле мы можем говорить о **знаке** как

таковом. Это, во-вторых, знак как субъективный образ, как эквивалент реального знака в обыденном сознании. Это понятие мы будем обозначать далее как **знаковый образ**. В-третьих, это продукт научного осмысления структуры и функций реального знака — модель знака, или **знаковая модель**. Эти три аспекта понятия знака, как правило, нечетко разграничиваются или вообще не разграничиваются в ходе анализа, что порождает не только терминологическую омонимию, но и — нередко — путаницу по существу. Между тем для наших (психологических) целей их разграничение исключительно важно.

Если вернуться теперь к проблеме значения, то очевидно, что у знака (в только что оговоренном понимании этого термина) есть материальная сторона (его «тело») и есть та идеальная «нагрузка», которая в этом теле выражается и закрепляется. Эта — идеальная — сторона знака не сводима к субъективному представлению субъекта о содержании знакового образа: но она не есть и та реальная предметность, которая стоит за знаком (квази-объектом), не есть действительные свойства предметов объективного мира. Парадокс заключается в том, что, существуя до и вне конкретного знака, эти свойства могут быть рассмотрены как значение лишь будучи «превращенными», то есть когда мы вводим квазиобъект с его собственной содержательной характеристикой. Внеязыкового значения не существует, и прав И.С.Нарский, писавший: «Строго говоря, не существует значения, вводимого в некоторый объект или изымаемого из него, а существуют в этих случаях те или иные объекты, играющие роль значения или же утрачивающие ее» (Нарский, 1969. С. 19). С другой стороны, «знаковое» значение не есть простой слепок реальной предметности, это ее *осмысление или переосмысление*. Идеальная сторона знака есть результат перенесения, «превращения» в марксовом смысле признаков, связей и отношений реальной действительности, происходящего *в деятельности*.

Объективно знак предстоит субъекту как реальный знак, со всем тем, что за ним стоит, включая сюда и те функциональные характеристики, которые непосредственно определяются особенностями деятельности, в которую знак включен. Но субъективно он имеет дело с тем, что М.К.Мамардашвили удачно назвал «фигурой сознания», то есть с таким бытием знака как квазиобъекта, в котором реальное социальное содержание этого знака как бы смещено и преобразовано. Его сознание в этом случае остается созерцающим сознанием, и с его точки зрения знак выступает

как знаковый образ, а значение — как форма, в которой он «фиксирует и переживает свой социальный опыт сознания, не проникая в его реальные пути и генезис» (Мамардашвили, 1968. С. 21). Именно по этому пути идет большинство исследователей значения, манипулируя не с реальным знаком, а со знаковым образом и не отражая или лишь частично отражая в соответствующей знаковой модели те свойства знака, «в которых выражается социально-обусловленный способ его функционирования, его “функциональное бытие”» (Коршунов, 1971. С. 181). (Данный выше, в первой части настоящей книги, исторический очерк интерпретации проблемы знака и значения потому и не включает те концепции значения, которые оперируют исключительно со знаковым образом.)

С тем, что интуитивно понимается под значением, соотнесены несколько взаимосвязанных, но отнюдь не тождественных понятий. Это, во-первых, существующая до и вне отдельного знака система связей и отношений предметов и явлений действительности, так сказать, замкнутый на знаке фрагмент предметной действительности, связанный с той или иной социальной деятельностью человека в этой действительности — ведь именно в процессе этой деятельности свойства предметного мира проявляются, закрепляются и вообще могут существовать (не говоря уже о том, что значительная, если не основная часть человеческого предметного мира есть, по Марксу, «овеществленная сила знания», это *человеческие* предметы, созданные коллективным человеческим разумом и коллективной человеческой деятельностью). Эту систему можно назвать **объективным содержанием знака**. Это, во-вторых, идеальная «нагрузка» знака, идеальная сторона его, представляющая собой превращенную форму объективного содержания. Мы будем называть ее **идеальным содержанием знака**. Это, в-третьих, социальный опыт субъекта, спроецированный на знаковый образ, или, как мы будем говорить, **субъективное содержание знака (знакового образа)**.

До сих пор мы говорили о знаке как субъективном «заменителе» действительности, как феномене, выступающем перед субъектом в качестве носителя объективных признаков предмета, в качестве превращенной формы реальных связей и отношений, в которые этот предмет вступает в деятельности. Здесь перед субъектом стоит задача как бы вернуть квазиобъект (знак) в мир реальных объектов. Но все дело в том, что само существование знака связано с коллективностью, совместностью деятельности: он мо-

жет быть орудием *познания* лишь при условии, что одновременно выступает как средство *взаимодействия и общения*. Знак имеет двойную онтологию. И наряду с когнитивными проблемными ситуациями он может выступать в таких проблемных ситуациях, где его основная функция — опосредовать коммуникативное намерение субъекта. Здесь отношение реального знака и знакового образа как бы перевернуто. Коммуникатор имеет конечной целью создание у реципиента того или иного знакового образа, и для этой цели он должен объективизировать соответствующее содержание в реальном знаке. В сущности, вся основная психологическая проблематика речевого воздействия, и прежде всего массовой коммуникации, и может быть сведена к динамике соотношения деятельности реципиента, предлежащих ему квазиобъектов и субъективных образов его сознания, отражающих эти квазиобъекты. Именно в этом смысле А.А.Брудный говорит о двух возможных подходах к речевому выражению мысли: «...Любую законченную мысль, выраженную словами, следует рассматривать в двух отношениях: в отношении к действительности, которую эта мысль должна отразить, и в отношении к людям, которые эту мысль должны понять. Рассматривая мысль в первом отношении, мы проверяем, адекватно ли она отражает объективный мир, верна ли она. Когда мы берем мысль во втором отношении, то проверяем, адекватно ли понимание мысли ее действительному содержанию» (Брудный, 1969. С. 13).

Иными словами, возможны два пути анализа при интерпретации сущности знака. Можно отталкиваться от тех свойств реальных объектов, которые используются в деятельности как функциональные характеристики знака — иначе говоря, можно рассматривать готовый знак и соотносить его с объективной предметной и общественной действительностью и с предметной деятельностью человека в этой действительности. Возможен и другой путь: проследить, как человек воплощает в знаке свое восприятие и осмысление действительности и как он использует знак для того, чтобы передать другому человеку определенное психическое содержание (если вообще можно говорить о таком содержании вне его знакового воплощения — ср. приведенные выше соображения М.М.Бахтина о знаковости сознания). В первом случае мы анализируем знак через процессы *понимания*, через переход от объективного к субъективному, от знака к сознанию. Во втором — через процессы *объективизации* субъективного содержания и субъективного коммуникативного намерения в знаке, через переход от мысли (сознания) к знаку.

Итак, понятие знака (как реального знака) крайне тесно связано с такими гносеологическими (но имеющими и психологическую значимость) понятиями, как идеальный образ, квазиобъект, превращенная форма. В известном смысле знак есть *гносеологическая техника* — другой вопрос, что совершенно неправомерно, как это иногда делается, видеть в знаке не способ познания, а источник его. Но не менее важно подчеркнуть и то, что неправомерно вырывать знак из *системы деятельности* общественного человека, что это понятие только тогда имеет право на существование в материалистической психологии, когда мы видим за ним весь тот самый сложный механизм взаимоотношений личности и общества, идеального и материального, деятельности и сознания, который обслуживается знаком.

Квазиобъекты, используемые в общении и познании, не обязательно являются знаками, т.е. аккумулируют признаки, связанные со значением. Иными словами, усваиваемые нами в ходе общественно-практической деятельности знания об окружающей действительности совершенно не обязательно должны опредмечиваться, закрепляться в виде понятийных характеристик. Характернейшим примером может служить искусство, пользующееся специфическими квазиобъектами, а когда оно использует «чужие» квазиобъекты (например, в словесных искусствах — языковые знаки) — наслаивающее на них принципиально новые функции (Леонтьев А.А., 1997).

В принципе интеллектуальная деятельность человека может реализоваться не только при помощи словесных знаков и вообще знаковых систем разных уровней. Мышление можно и должно рассматривать и «как деятельность, созидающую науку и технику, то есть как реальный продуктивный процесс, выражающий себя не только в движении слов, а и в изменении вещей» (Ильенков, 1966. С. 33). Эта гегелевская мысль, как мы знаем, получила четкое психологическое осмысление в работах А.Н.Леонтьева и С.Л.Рубинштейна.

ГЛАВА 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ «ПЕРЕХОДА БЫТИЯ В ЗНАК»

Двуединство и интериндивидуальность деятельности. Как мы видели, деятельность есть не что-то прибавляемое к бытию, но способ бытия человека в мире, и сама сущность человека, как утверждал еще Гегель, деятельностна. Через деятельность и благодаря деятельности субъект, человек, и объект, вообще предметный мир, объединяются в единый субъектно-объектный континуум, который и является сферой исследования психолога, если он не замыкается в традиционных границах переживания, не трактует психологию лишь как науку о психических процессах и состояниях, если он, как это делали Рубинштейн и Леонтьев, отказывается от картезианского (и вульгарно-марксистского) представления о взаимоотношениях мира и человека.

Но у деятельности есть еще одно свойство, принципиально важное для нашего рассуждения. Это то, что Бахтин называл ее «двуединством»: она, как двуликий Янус, глядит «в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» (*Бахтин*, 1986. С. 83). Это становится возможным благодаря тому, что деятельность (действие) не просто перебрасывает мостик между миром и отдельным человеком, а, что гораздо важнее, с самого начала выступает как интериндивидуальная реальность. Оно, это действие, «социально по своему происхождению и сохраняет свой совокупный характер даже тогда, когда совершается вне социального контекста» (*Зинченко*, 1990. С. 16). Эта особенность действия или деятельности специально анализировалась, как мы знаем, Д.Б.Элькониным, писавшим, что в деятельности «ориентация на материально-предметные условия подчинена ориентации на действия другого» (1989. С. 518). Ту же мысль можно найти — в другом, разумеется, контексте — у М.М.Бахтина: «Высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конк-

ретное, архитектурно значимое противопоставление *я и другого*» (Бахтин, 1986. С. 137).

Генетически (в онто- и функциогенезе) все начинается с того, что практической деятельностью ребенка управляет предмет. Совместная деятельность со взрослым раскрывает ребенку сущность и функции предмета: предметная реальность первоначально выступает для него как предмет его действия в конкретной ситуации, а обобщение может быть только деятельностным и формируется путем переноса. Действие, по выражению А.Н.Леонтьева, кристаллизуется в структуре деятельности. Но дальше возникает другая форма, другой способ обобщения — кристаллизация информации о предметном мире в образе, который выступает как свернутый процесс. Условием этого является объективное существование и представленность индивиду языка, системы знаков или, вернее, системы значений, закрепленных в слове и в образе.

В последние годы обо всем этом хорошо писал философ Д.В.Пивоваров, развивающий идеи Э.В.Ильенкова. Он вспоминает, кстати, замечательную идею Канта об образе как синтезе схемы действия с материалом ощущений. «Схема действия есть операционная модель объекта. Практически преобразуя внешний мир, человек вольно или невольно дифференцирует его на дискретные вещи в соответствии со своим возрастающим умением по-разному действовать с тем или иным отрезком бытия. Чем больше кристаллизуется схем действий, тем больше вещей человек отличает друг от друга, тем дифференцированной мир отражается в субъективной сфере человека <...>. Вместе с тем дифференциация внешнего мира путем появления все новых и новых специфических схем действия является предпосылкой обнаружения общего в этих схемах действия, их обобщения <...>. Поскольку обобщенная схема действия уже не может прямо соотноситься с каким-либо конкретным индивидуальным предметом, ее функционально относят к особому предмету, замещающему многообразие вещей, к символу [в нашей терминологии — знаку. — А.Л.]» (Пивоваров, 1986. С. 75). (На дальнейших страницах своей книги Д.В.Пивоваров интересно анализирует соотношение операционного и предметного компонентов в содержании образа.)

Присваивая язык как систему осмысленных знаков, ребенок постепенно строит то, что Пивоваров удачно обозначил как «субъект-язык» (Там же. С. 105). Обобщенное знание о мире выступает для него в форме значений, закрепленных за словом или проецируемых на образ восприятия, памяти, воображения (см. ниже

о вербальных и предметных значениях). Эти образы, по А.Н.Леонтьеву, выполняют функцию ориентировки ребенка в предметном мире; устойчивые связи и свойства предметов отражаются в этих образах. С одной стороны, наряду с конкретным предметом деятельностью начинает управлять осмысленный, значимый образ. Возникает *сознание* как необходимый момент развитой деятельности, возникает внутренний, идеальный план, отличающийся тем, что в нем представлена позиция «другого» (Ильенков). С другой стороны, знак, слово выступает для ребенка в функции не только фиксатора, но и оператора (*Тюхтин*, 1963. С. 65); выстраивается (как любил говорить А.Н.Леонтьев, «простраивается») система теоретической деятельности, переплетенная с деятельностью практической. Наконец, возникает речевая деятельность как система воздействия на деятельность «другого» через знак, слово.

Внутренний план, теоретическая деятельность, общение. По А.Н.Леонтьеву, возникновение теоретической деятельности связано с разделением действия на два этапа — подготовка действия и само действие. Напомним, что под «подготовкой к действию» Леонтьев понимает «приведение ситуации в соответствие со способом действия». Иными словами, это — в самом широком смысле — ориентировка в условиях действия, приведение ситуации (имеется в виду, конечно, психологическая модель ситуации в сознании данного человека) к определенному виду, позволяющему строить оптимальную деятельность в этой ситуации. Так, например, у дошкольника в процессе игры как ее условие возникает определенный образ игровой ситуации, описанный Л.С.Выготским, А.Н.Леонтьевым и Д.Б.Элькониним.

Чтобы стала возможной подготовка к действию и — далее — самостоятельная теоретическая деятельность, необходимы несколько условий.

Первое. Сформированность «третьего звена» — осмысленных образов или понятий (знаков), на которые перенесены и в которых преобразованы выявленные в ходе практической деятельности существенные свойства объективной действительности. Здесь хотелось бы присоединиться к Д.В.Пивоварову в его утверждении, что идеальное есть процесс репрезентации именно существенных свойств, а не вещей (*Пивоваров*, 1986. С. 30). Слово, знак, осмысленный образ — не копия вещей, а результат их обобщения по тем или иным критериям, задаваемым деятельностью (это, собственно, писал уже Гегель): так, в игровой деятельности дошкольника в качестве «лошади» может выступать почти любой пред-

мет, и то, что все эти предметы объединяет — это использование их в идентичной функции.

Второе. Способность человека (ребенка) решать задачи при помощи знаков (слов, осмысленных образов), «обрабатывая» эти знаки или образы тем или иным способом, используя те или иные схемы и правила. Иначе говоря, это владение особыми видами деятельности, «синтаксисом» мысленного решения задачи и «синтаксисом» (впрочем, здесь не нужны кавычки) речевого воздействия на другого человека.

Третье. Наличие у человека двух первых предпосылок обеспечивает возможность для него выйти за пределы сиюминутной, конкретной ситуации и иметь дело либо с образом такой ситуации (воображаемой ситуацией), либо — на дальнейшем этапе развития — с ситуацией обобщенной и преобразованной, либо, наконец, вообще выйти за границы конкретной или обобщенной ситуации и оперировать с целостным знанием о мире, с образом мира как ориентировочной основой для деятельности в мире.

О первой из этих предпосылок мы будем говорить в следующей главе. Третьей предпосылке посвящен раздел в Главе 3 Части 3 нашей книги. Остановимся на второй предпосылке (см. также *Леонтьев, 1997. С. 108, 109*).

Будучи взят сам по себе, знак (слово, осмысленный образ) не есть ни орудие познания, ни орудие общения. Он — лишь своего рода «клеточка», используемая для общения и обобщения действительности в составе более сложных «построек».

Те структуры, в которые знак или слово входит как материал общения и материал обобщения, не тождественны. Эти структуры соответствуют различным задачам деятельности и соответственно — различным проблемным ситуациям использования языка как системы знаков. И в общении (речевой деятельности), и в обобщении (мышлении, восприятии) мы используем знаки, слова, образы как оперативные единицы, организуя при их помощи решение той или иной стоящей перед нами задачи. Способ такого использования не находится каждый раз *ad hoc*; существуют типовые, общественно закрепленные схемы проблемных ситуаций, выступающие либо в форме *правил использования знаков*, либо в форме *эталонных образов*. Такие типовые отображения ситуаций (или, точнее, способов поведения в ситуации) в той же мере представляют собой единство общения и обобщения, как знаки; но если знак есть такое единство в потенции, то в соответствующей единице более высокого порядка мы находим одну из этих деятельностей в снятом виде, в виде преобразованной формы.

Приведем пример. Если мы возьмем структуру предложения (высказывания), в ней несомненно отражена структура когнитивной проблемной ситуации. Именно она рождает, например, различие темы и ремы (актуальное строение высказывания). Но эта структура присутствует в строении предложения в неявном виде, мы не строим свое высказывание сознательно в соответствии с его когнитивным содержанием — в этом случае наша установка диктует нам приспособление к коммуникативной задаче, а когнитивный аспект остается как бы фоном, на котором происходит этот поиск. С другой стороны, когда мы стоим перед той или иной познавательной задачей, требующей участия речи, — скажем, решаем мыслительную задачу в речевой форме — мы при этом автоматически, как с чем-то данным, оперируем с грамматическими структурами, где точно так же коммуникативный аспект оказывается снятым в гегелевском смысле. Кстати, именно эта снятость и возможность замены реальных языковых (речевых) структур в целях познания любыми другими функционально равнозначными (в когнитивном аспекте) структурами образует для человека потенциальную возможность использования для когнитивных целей не только внешней, но и внутренней речи. В сущности, внутренняя речь есть — в общем случае — не что иное, как использование коммуникативных структур для когнитивных целей; в этом ее важнейшее отличие от внутреннего программирования, которое представляет собой в функциональном плане как раз обратное явление — использование когнитивных структур для коммуникативных целей.

В сущности, когда мы сталкиваемся с застывшими в виде схем, образов, систем правил когнитивными или коммуникативными структурами, мы можем считать, что имеем дело с квазиобъектами высших уровней или порядков².

Но вернемся к основной логике нашего рассуждения. Когда мы говорим о действиях или вообще активности субъекта во внут-

---

² Здесь нам хотелось бы подчеркнуть, что настоящая книга не исчерпывает нашей трактовки проблем, так или иначе замкнутых на знаке и языке. Читателю, желающему познакомиться с этой трактовкой в ее относительно полном виде, мы рекомендуем ранее изданные книги: «Слово в речевой деятельности». М., 1965; «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания». М., 1969; «Психология общения» (любое из трех изданий); «Основы психолингвистики». М., 1997; «Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды». М., 2001. См. также приложенный к настоящей книге список наших публикаций.

реннем плане, мы имеем в виду те компоненты деятельности в широком смысле, которые строятся на основе знаков или осмысленных образов и обеспечивают обобщение более высокого порядка, чем то, которое возможно в собственно практической деятельности путем простейшего переноса. Эти компоненты генетически (и в фило-, и в онтогенезе) восходят к практической деятельности. Однако, как совершенно точно отмечает Д.Б.Эльконин, генезис внутреннего плана связан с совместностью действий, так как предметное действие возникает и существует в качестве единицы социального взаимодействия, а знак есть орудие включения деятельности одного человека в деятельность другого (ср. также приведенные в части 1 нашей книги рассуждения М.М.Бахтина о социальной природе знака).

Говоря о теоретической деятельности, мы имеем в виду деятельность, не просто обеспечивающую практическую деятельность как ее ориентировочное звено, но направленную на решение специфических когнитивных задач и использующую для этого систему знаковых средств, включая и систему осмысленных образов.

Говоря о речевой деятельности или деятельности общения, мы имеем в виду использование тех же средств для целей общения (воздействия). В этом плане важно противопоставить социальное взаимодействие и собственно общение.

ГЛАВА 3. ОБРАЗ, СЛОВО, ЗНАЧЕНИЕ

Образ. Что такое вообще образ? Наиболее детальную дефиницию образа дал В.П.Зинченко. Он пишет: «Образы — это субъективные феномены, возникающие в результате предметно-практической, сенсорно-перцептивной и мыслительной деятельности. Образ — это целостное, интегральное отражение действительности, в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, время, движение, цвет, форма, фактура и т.д.). Важнейшей функцией образа является регуляция деятельности. Чтобы выполнить свою функцию, это отражение должно быть объективно верным» (Зинченко, 1977. С. 336—337).

Литература по психологии образа и философским аспектам образа совершенно неохватна, и мы не будем ее анализировать, сославшись лишь на несколько наиболее интересных, с нашей точки зрения, работ. Это, кроме цитированной книги Зинченко, известная книга А.М.Коршунова и В.В.Мантатова (1974), не менее известная книга В.А.Лекторского (1980), ряд публикаций В.С.Тюхтина, суммированный в его статье (Тюхтин, 1988), монография Н.Д.Заваловой, Б.Ф.Ломова и В.А.Пономаренко (Завалова, 1986).

В современной психологии понятие образа выступает в двух различных, если не противоположных исследовательских контекстах. Первый из них мы находим в цитированной книге В.П.Зинченко: речь идет о перцептивном (при этом модальном, например зрительном) образе в его соотношении с действием или «живым движением» (Н.А.Бернштейн). Обратим внимание, что и само определение образа, данное в этой книге Зинченко, принципиально модально — цвет, форма, фактура связаны с определенной модальностью (а цвет вообще только со зрительной). Второй контекст восходит к тому понятию идеального образа, которое мы находим в гегелевской «Философии духа» и других его работах и которое разрабатывалось, в частности, Э.В.Ильенковым; в психологии оно связано в первую очередь с понятием «образа мира»

А.Н.Леонтьева. Очень часто понятие образа выступает у одного и того же автора (например, Леонтьева) в обоих контекстах.

Нас будет интересовать здесь второй контекст, то есть генезис и функционирование образа как *идеального образа*. Иными словами, как инобытия или субъективного бытия предмета (Ильенков, 1984. С. 173). Строго говоря, вслед за Гегелем и Марксом здесь следует говорить о *представлении*. Ср. у молодого Маркса известные слова о том, что «действительный талер» существует только в общем или, скорее, общественном представлении людей (Маркс, Энгельс, 1957. Т. 40. С. 232). Гегель говорит в том же смысле (отсюда терминология Маркса) о «*всеобщих* представлениях», или представлениях в собственном смысле этого слова (Гегель, 1977. С. 290). С другой стороны, Ильенков описывает «идеальное полагание» как «полагание реального продукта как *идеального образа другого продукта*» (1984. С. 175): «Идеальное есть лишь там, где сама форма деятельности, соответствующая форме внешнего предмета, превращается для человека в предмет, с которым он может действовать особо, не трогая и не изменяя от поры до времени реального предмета. Человек <...> перестает «сливаться» с формой своей жизнедеятельности, он отделяет ее от себя и, ставя перед собой, превращает в представление. Так как внешняя вещь вообще дана человеку лишь постольку, поскольку она вовлечена в процесс его деятельности, в результате — в представлении — образ вещи всегда сливается с образом той деятельности, внутри которой функционирует эта вещь» (Там же. С. 81—182).

В связи с этими мыслями Э.В.Ильенкова возникает две проблемы, нуждающиеся в том или ином решении.

Проблема первая. Где лежит граница (да и существует ли она) между обобщенным представлением или образом вещи и идеальным образом, знаком или, по терминологии Ильенкова, символом? По-видимому, мы вправе говорить об обобщенном представлении уже тогда, когда происходит «разложение конкретной единичности образа и возникающая отсюда форма всеобщности» (Гегель, 1977. С. 290), когда возникает «некоторое представление, осуществляемое исходящим из интеллигенции *упразднением* эмпирической связи многообразных определений предмета» (Там же). Но возможен и другой случай: когда, по Гегелю, «освободившееся от содержания образа всеобщее представление становится чем-то созерцаемым в произвольно избранном им внешнем материале» (Там же. С. 294) — это *знак*; или возникает ситуация, когда человек (его «символизирую-

шая фантазия») «для выражения своих всеобщих представлений не избирает никакого чувственного материала, кроме того, *самостоятельное* значение которого *соответствует* определенному содержанию всеобщего, подлежащего оформлению в образах» (*Там же*. С. 293) — это *символ*. («Так например, сила Юпитера изображается посредством орла, потому что орла признают сильным» — *Там же*.)

Суммируя позицию Гегеля, можно видеть, что для него и собственно обобщенное представление, и знак, и символ — частные случаи одного родового понятия — обобщенного представления. Знак (как и символ) в этом смысле тоже является образом — с определенной позиции: вспомним, что раздел «Философии духа», из которого взяты все вышеприведенные определения, называется «Психология»...

Проблема вторая — в соотношении образа и действия, деятельности. Здесь следует выделить две основных позиции. Во-первых, это идея А.Н.Леонтьева о том, что процесс интериоризации, присвоения слова или знака как элемента культуры, есть процесс его обогащения до субъективного (и в то же время объективизация субъективного³) и «возвращения к чувственности». Во-вторых, это представление об образе как свернутом процессе, а значения — как движения в образе; ср. в этой связи мысль В.П.Зинченко о том, что и сама предметная деятельность есть идеальная форма.

Природа и формы существования значения. Итак, мы будем исходить из того, что предметный мир присваивается субъектом в идеальной форме, форме сознательного отражения. Анализируя процесс такого присвоения, А.Н.Леонтьев (1977) рассматривает значение как предметное содержание, освобожденное от своей вещественности и обретшее новую форму бытия — идеальную. Образы сознания, сознательные образы предметов — это *означенные* образы, наделенные значением. В них «освобожденное от вещественности» предметное содержание существует в чувственной ткани образа, слито с ней.

Однако уже сама эта чувственная ткань может иметь разную природу. Сошлемся в этой связи на статью М.С.Шехтера (1959), где проводится четкое разграничение «первичных» и «вторичных» образов. Можно видеть нарисованный конкретный треугольник и

---

³ Ср. у П.А.Флоренского мысль о том, что слово выводит ум за пределы субъективности.

воспринимать его именно как треугольник; можно — в ответ на услышанное слово «треугольник» — представить себе «треугольник вообще». В первом случае означенный образ треугольника непосредственно включен в процессы восприятия, в перцептивную деятельность, во втором он как бы выключен из нее.

На этом примере можно увидеть и другое различие — что является доминантой в функционировании данного образа в данной ситуации. Либо значение нужно нам, чтобы адекватно действовать с предметом, и его вещные, предметные свойства, отображаемые в образе предмета, как бы подчиняют себе значение; либо мы «подставляем» под значение некоторый условный предметный образ, не имеющий непосредственной отнесенности к конкретному предмету. Во втором случае соотношение значения и чувственной ткани будет иным: А.Н.Леонтьев говорит в этом смысле о непрямой чувственно-предметной отнесенности значения (Леонтьев А.Н., 1977. С. 148).

В последнем случае возможно «отслаивание» чувственной ткани образа, подстановка на место реального *объекта* некоторого *квазиобъекта* и, как следствие этого, — возникновение у такого квазиобъекта (знака) «двойной чувственности»: отнесенности знака к чувственности образа и чувственности языкового «материала», из которого этот знак построен.

Итак, мы видим, что значение чрезвычайно неоднородно по характеру взаимоотношений со своим «хозяином» — идеальным образом отражения.

Но этого мало. Ведь значение существует для субъекта в двойственном виде: с одной стороны, это *объект его сознания*, с другой — *способ и механизм осознания*. Значения являются одновременно элементами двух различных систем, ведут, по выражению А.Н.Леонтьева, «двойную жизнь» (см. ниже). Они входят в систему общественного сознания (социального опыта, социальной памяти), являются *социальными* явлениями; но одновременно они входят в систему личности и деятельности конкретных субъектов, являются частью *сознания личности* (и в этом качестве как раз и изучаются психологией). Их движение в одной системе ограничено другой системой — и наоборот.

Что значит «движение в системе»? Говоря о системе, мы, естественно, имеем в виду не «системологическое» ее понимание, а диалектическое, марксовское понимание системы как *системы развития*, в которой состояние системы есть *момент движения*. В

том числе и язык «есть категория, которой задана определенная форма движения» (Науменко, 1968. С. 238).

Что значит «ограничено»? Константность и всеобщность процессов деятельности задается в числе других социальных факторов социальными опорами в виде понятий, способов оперирования с ними, обобщенных и социализованных способов действия и т.п. Моя «индивидуальная» деятельность происходит по «выкройке» общества, но по одной выкройке можно сшить очень разную одежду. Но и общество, общественное сознание не свободно от субъективного фактора — ведь развитие общественного сознания происходит не в вакууме, а на субстрате миллиардов человеческих голов, о чем писал еще Ф.Энгельс.

Так или иначе, значение не может быть целиком локализовано ни в индивидуальной психике или сознании, ни в общественном сознании; у него двойная онтология. Точнее, важнейшая черта его онтологии — в описанной здесь двойственности. Кстати, именно поэтому исследование значения в его «двойной жизни» исключительно важно для психологии в методологическом отношении — раскрывая конкретные пути и закономерности формирования, развития, «двойного функционирования» и взаимопереходов значений, мы тем самым получаем уникальную возможность дать содержательную интерпретацию тезису о социальной природе психики человека, методологически бесспорному, но достаточно далекому от убедительного раскрытия на конкретном материале.

В свете сказанного нам должно быть ясно отношение между двумя распространенными интерпретациями термина «значение» — узким и широким.

Узкое понимание значения, особенно характерное для лингвистики, связано с понятием знака. Здесь речь идет только о словесном, вербальном значении.

Но возможно и более широкое понимание, принятое (хотя и не общепринятое) в психологии. А.Н.Леонтьев определяет значение как «идеализированные <...> продукты общественной практики» (1977. С. 147), как «преобразованную и свернутую <...> идеальную форму существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (Там же. С. 141). Наиболее характерно следующее его высказывание: «Значение — это ставшее достоянием моего сознания <...> обобщенное отражение действительности, выработанное человеком и зафиксированное в форме понятия, значения или даже

в форме умения как обобщенного “образа действия”, формы поведения и т.п.» (Леонтьев А.Н., 1972. С. 290). Очевидно, что при таком подходе значение — это любая форма социальной фиксации и кодификации деятельности, существующая также и в сознании. (Мы пока не затрагиваем проблему смысла.) Важно отметить, что деятельность может фиксироваться и в таких психологических образованиях, которые не являются социально кодифицированными, оставаясь тем не менее социогенными и социальными по своей природе. Примером может быть любая социогенная потребность. Такого рода образования, однако, не ведут «двойной жизни», не входят в систему общественного сознания и поэтому не могут быть отнесены к классу значений.

Узкое понимание значения является, как легко видеть, частным случаем широкого понимания. Лингвистике широкое понимание вообще чуждо. Что касается психологии, то в ней значение трактовалось то одним, то другим образом. Так, Выготский понимал его в «Мышлении и речи» узко, но в некоторых других работах, как мы видели, у него можно найти и широкое понимание. «Нет у орудия значения, нет и предметного значения»; «Всякое наше восприятие имеет значение <...>. Значение предмета не есть значение слова...»; «Вид предмета осмысливается значением».

Узкое понимание значения у Выготского связано с его известным тезисом о различных генетических корнях мышления и речи. В то же время Харьковская группа его учеников, как известно, настаивала на едином (деятельностном) генезе мышления и речи у ребенка (особенно интересна в этом плане диссертация Л.И. Божович «Речь и практическая интеллектуальная деятельность», защищенная в 1935 году). И указанное направление исследований не могло не привести учеников Выготского именно к расширенному пониманию значения. Не случайно в книге Леонтьева «Проблемы развития психики», откуда взяты приводимые выше «широкие» определения значения, они даются в историко-генетическом контексте — это часть «Очерка развития психики», впервые опубликованного в 1947 году и отражающего содержание докторской диссертации Леонтьева. Правда, в книге «Деятельность. Сознание. Личность» мы находим «узкое» понимание значения, однако это объяснимо тем, что в этой книге Леонтьев рассматривает проблему значения под совершенно определенным углом зрения. В то же время во вступительной статье к сборнику «Восприятие и деятельность» он четко говорил о необходимости в перцептивной деятельности «особых перцептивных операций, в которых в каче-

стве операнта выступает чувственная ткань, а в качестве оператора — значения, являющиеся продуктом кристаллизованного в них опыта предметной деятельности человека и человечества в предметном мире» (Леонтьев А.Н., 1976. С. 23—24), что предполагает, конечно, расширенное понимание самого значения. В другом месте той же статьи Леонтьев пишет: «...Мы воспринимаем предметный мир не только в координатах пространства и времени (в движении), но и еще в одном квазипространстве, которому в традиционной психологии приписывалось только субъективное существование; это — пространство значений. Но значения имеют и свое реальное существование в языке...» (Там же. С. 26). Здесь не вполне уместно только слово «реальное». Почему существование значения как оператора в восприятии менее «реально», чем его бытие в языке, как значения языкового? (Может быть, Леонтьев имел в виду, что значения имеют свое реальное существование и в языке.)

Легко заметить, кстати, что в цитированной статье уже в почти сформированном виде выступает концепция «образа мира». Напомним, что эта концепция в качестве одной из главных мыслей включает идею первичности образа мира по отношению к «отдельному» образу.

В конечном счете то или иное решение проблемы «узкого» и «широкого» значений зависит, — подчеркнем это еще раз, — от того, рассматриваем ли мы фило- и особенно онтогенез языкового значения в контексте внеязыкового (предметного) значения или разделяем их. Окончательный ответ на вопрос, в каких формах может существовать значение в деятельности человека, предполагает анализ зависимости языкового значения от практической деятельности и способов взаимосвязи языкового, словесного значения с другими формами его существования, более непосредственно вплетенными в практическую или познавательную деятельность.

Уже сейчас мы можем выделить по крайней мере три формы существования значения.

Первая из них — это **языковое значение** (или вербальное, знаковое, символическое — все эти термины употребляются синонимично, если, конечно, мы не разделяем знака и символа). Оно существует на *чувственной базе языка* как системы специфических квазиобъектов (знаков). Здесь значение спроецировано на слово или другой знак, приписано ему. Это позволяет не только «законсервировать» значение, отделив его от конкретной ситуации дея-

тельности, но и совершать с ним операции как с некоторой «внешней» данностью.

Вторая форма — **предметное значение**. Оно существует на *чувственной базе перцептивного* (в широком смысле) *образа* — образа восприятия, памяти, воображения. Легко видеть, что в принципе предметное значение может быть отделено от ситуации непосредственного восприятия, но оно, в отличие от языкового, предполагает обязательное присутствие реального предмета — в действительной или воображаемой форме — и включенность его в реальную или воображаемую *ситуацию*. Идея предметного значения есть у всех видных отечественных психологов XX века — Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейна, Д.Н.Узнадзе (см. об этом также *Леонтьев А.А.*, 2001). В 1970-х годах ее отстаивал видный западногерманский психолог-марксист Клаус Хольцкамп — см. *Holzcamp*, 1973; подробнее о его взглядах см. *Леонтьев А.Н.*, *Леонтьев А.А.*, 1975.

Третью форму можно условно назвать **ролевым значением**. Оно существует на *чувственной базе динамических компонентов самой деятельности*. Примером подобного рода значений являются, например, социальные нормы и социальные роли.

Все эти формы существования значения (их список, возможно, надо оставить открытым)⁴ в свою очередь выступают либо во внешней, социализованной, материально-идеальной форме (слова языка, осмысленные предметы или предметные образы, ролевая система), либо во внутренней, психологической, идеальной — то есть в сознании человека. Так, социальная роль есть, с одной стороны, система ролевых предписаний, предъявляемых индивиду обществом и сознательно (или частично сознательно) им усваиваемых, с другой же стороны, это то, что в социальной психологии называют «интернализированной ролью», то есть представления о роли, ролевые ожидания. Языковое значение есть нечто существующее «в словаре» — но одновременно оно существует и «в голове». Предметное значение существует как некоторая объективная характеристика предмета, отраженная в его образе, — но она может выступать и в процессах идеальной ретроспекции (память) или идеальной проспекции (воображение).

⁴ В этой связи нельзя не указать на дипломную работу и диссертацию А.П.Стеценко. Она обосновывает существование у ребенка особого рода значений — а именно, операциональных значений, которые «формируются в результате усвоения особого рода эталонов <...>, представляющих собой нормативные способы (схемы) действий...» (*Стеценко*, 1983. С. 28; см. также *Стеценко*, 1990). В цитированной статье дается также развернутый анализ понятия предметного значения.

Субъективное содержание знакового образа в системе психологии.

Итак, в самом общем смысле «за языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. Поэтому значения сами по себе, то есть в абстракции от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же не “психологичны”, как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними» (Леонтьев А.Н., 1977. С. 141). Они есть часть общественного сознания и общественно-исторического опыта; и в силу этого они развиваются по общественно-историческим законам, имманентным индивидуальному сознанию. Но в то же время они суть важнейшая образующая этого индивидуального сознания: действительность дана, презентирована в сознании каждого отдельного человека как означенная действительность, как объективная реальность, «переведенная» на язык значений. Значения суть форма идеального существования действительности; но, как ясно из всего предыдущего изложения, эта форма предполагает их включенность не только в деятельность, но и в сознание конкретных индивидов. «В этой второй своей жизни значения индивидуализируются и “субъективируются”, но лишь в том смысле, что непосредственно их движение в системе отношений общества в них уже не содержится; они вступают в иную систему отношений, в иное движение. Но вот что замечательно: они при этом отнюдь не утрачивают своей общественно-исторической природы, своей объективности» (Там же. С. 147—148).

Значение как субъективное содержание знакового образа не тождественно само себе в различных предметных ситуациях употребления знака. Но как бы оно не модифицировалось, в нем всегда остаются, с одной стороны, «когнитивный инвариант», то есть то, что диктуется содержанием знака — соотносительность с «системой содержательных общественных связей» (А.Н.Леонтьев), свернутых и закрепленных в знаке, с другой стороны, его «коммуникативный инвариант», то есть система операций с этим знаком, которая закреплена в нем и образует правила его употребления в составе более сложных коммуникативных структур.

«Когнитивным инвариантом» субъективного содержания знакового образа, как явствует из сказанного ранее, является в этом содержании то, что идет от социальной деятельности, закрепленной в знаке («обобщение, которое несет слово, есть не что иное, как кристаллизация познавательных операций» — Леонтьев А.Н.,

2000. С. 311), а «коммуникативным инвариантом» — то, что идет от деятельности, использующей знак. Оба аспекта (инварианта) не суть абстрактные отдельности: содержание знакового образа как бы «переливается» в ту сторону, куда мы «наклоняем» наш знак (метафора тазака). А наклоняем мы его в разные стороны в зависимости от включения знака в разные системы деятельности и в конечном счете — от различия целей деятельности и объективных задач, решаемых в процессе деятельности.

Одной из важнейших особенностей «второй жизни» значений является их отнесенность к чувственным воздействиям. Как объективное содержание знака значение лишено чувственности или, точнее, безразлично к ней. Даже выступая как его идеальное содержание, значение остается вневещным, ибо, хотя превращенная форма объективного содержания предполагает материю знака, он берется как внеиндивидуальное, абстрактное образование. Но как только мы переходим к значению как субъективному содержанию знака, оказывается, что его бытие в деятельности и его презентированность в сознании индивида неразрывно связаны с его предметной (чувственно-предметной) отнесенностью.

Эта предметность, эта чувственность значения, взятого как субъективное содержание знака, особенно ясно видна в процессах формирования значения у ребенка, овладевающего родным языком.

Отсюда один из компонентов значения, не сводимый ни к когнитивному, ни к коммуникативному его инварианту: мера и способ соотнесенности содержания (субъективного содержания знакового образа) с чувственностью и «наглядностью». Будем называть его *чувственной окрашенностью значения*. Еще один компонент — *потенциальная экспликативность значения*. Особо следует выделить, конечно, *смысловую окрашенность* субъективного содержания знакового образа (см. также следующую главу). И, наконец, мы имеем дело с *эмоциональной окрашенностью* значения (субъективного содержания знакового образа).

Мы сознательно не разворачиваем здесь всей логики нашего рассуждения, чтобы не дублировать ранее опубликованные наши работы. Поэтому настоящий раздел читателю следует дополнить знакомством со статьями (Леонтьев А.А., 1975; 1976; 1983). Первая и третья из них перепечатаны в Леонтьев А.А., 2001. См. также список наших публикаций, приведенный в приложении к настоящей книге.

Кратко изложим лишь одно положение статьи 1983 года, отослав читателя за аргументацией к тексту этой статьи. Это выделенные нами четыре основных функции предметного значения. Во-

первых, идеальный образ предмета может выступать в *мотивообразующей* функции (образ-мотив). Во-вторых, будучи связан с идеальным представлением о цели деятельности, он выступает в *целеобразующей* функции. Обе названных функции соотносены с интенциональной стороной психологической структуры деятельности — «что должно быть достигнуто» (Леонтьев А.Н., 1977. С. 107). Но деятельность не только планируется, она и осуществляется в соответствии с отраженными в психике объективными характеристиками предмета. А следовательно, образ предмета выступает и в операциональной стороне деятельности («как, каким образом это может быть достигнуто»). И здесь он тоже неоднозначен. Он является эталоном, на который мы ориентируемся в исполнительном звене деятельности, то есть выступает в *эталонной функции*. И, наконец, он диктует систему конкретных операций, которые учитывали бы свойства соответствующего предмета — здесь мы имеем дело с *операциональной функцией* осмысленного образа.

Перечисленные здесь четыре функции не исчерпывают, по видимому, возможных функций предметного значения в структуре деятельности, однако являются основными.

Слово как реальность. Закончим эту главу обширной цитатой из П.А.Флоренского, едва ли не первым четко сформулировавшего онтологический статус слова (знака).

«...Слово **есть** познающий субъект и познаваемый объект, <...> сплетающимися энергиями которых оно держится. Путнику, стоящему на одном берегу, разве мост не протягивается другим берегом, распространившимся до него самого. Это — отрог ему другого берега... А если бы путник был уже на другом берегу, то мост представительствовал бы пред ним за берег противоположный. Так и слово, этот мост между Я и не-Я.

Рассматриваемое с берега не-Я, — то есть из космологии, оно есть деятельность субъекта, а в ней — сам субъект, вторгающийся в мир <...>.

Напротив, рассматривая слово с берега Я, — свое собственное слово, под углом психо- и гносеологии, мы можем и должны говорить о нем: «Вот она — познаваемая реальность, вот он — познаваемый объект» <...>. А когда мы установили себе, что слово — это самый объект, познаваемая реальность, то тогда через слово мы проникаем в энергию ее сущности <...>. **Слово есть самая реальность**, словом высказываемая» (Флоренский, 1990. С. 292—293).

ГЛАВА 4. ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ

До сих пор мы в этой части книги оперировали только понятием значения. Но если оставаться на этом уровне анализа, нам в сущности нет нужды во введении в наше рассуждение понятия смысла, коррелятивного значению. Тогда «субъект-язык» (Пивоваров) выступает как прямое, изоморфное отражение в психике языка как социальной системы — ср. знаменитую метафору «экземпляров словаря» у Ф. де Соссюра.

Между тем, как тонко заметил Бахтин, значение есть лишь потенция смысла. В системе психики субъекта мы имеем дело всегда с *личностно-смысловыми образованиями*, а значение, как бы широко мы его ни трактовали, выступает в ней, с одной стороны, как *социальный инвариант смысла*, а с другой — как *непосредственный предмет рефлексии над смыслом*. (Естественно, эти два аспекта органически связаны друг с другом.)

Дальнейший существенный шаг в анализе соотношения значения и смысла сделал В.П.Зинченко. Он говорит: «Человек извлекает смысл из мира-текста, переводит его на свой язык предметных, операциональных или вербальных значений. Процедура в целом носит название означивания смысла. Означивание смысла, построение знака и “размещение” его между собой и миром — это и есть Культура. Культура все превращает в знак, в язык, понимаемые в самом широком смысле.

В обыденной жизни перевод смысла на язык вербальных значений избыточен. Огромное число проблемных ситуаций, требующих действия, разрешается без такого перевода, как бы непосредственно на языке движений, действий, эмоций и т.д. Однако это не меняет общего правила. Смысл означивается, так сказать, ответным действием, операциональным значением» (Зинченко, 1998. С. 102)⁵.

---

⁵ Ср. известные слова А.Н.Леонтьева об «отслаивании» культуры от деятельности. С другой стороны, А.Г.Асмолов обращает внимание на то, что «*проблема механизмов преобразования культуры в мир личности и*

Вещь или ее значение выступают как таковые только в контексте познавательных отношений, под углом зрения «механического» воздействия «вещной среды» на личность (М.М.Бахтин); чтобы воздействовать на личность, продолжает Бахтин, вещь должна раскрыть свой смысловой потенциал, а для этого необходимо слово с его возможным смысловым контекстом.

У Л.С.Выготского есть известное положение, что речь есть коррелят сознания, а не мышления. Это положение получает свой подлинный смысл только если учесть, что о сознании чуть выше говорится как о *смысловом образовании*. Вообще важнейшая позиция Выготского связана с его идеей динамической смысловой системы, представляющей собой единство аффективных и смысловых процессов. Это, а не просто некоторое абстрактное единство или взаимодействие аффекта и интеллекта, является центром концепции Выготского в последние годы его работы, и именно эта идея была в дальнейшем развита его учениками, в особенности Леонтьевым, Запорожцем и Элькониным. Напомним, что для Выготского слово биполярно ориентировано: оно оседает значением в мысли и смыслом в вещи, а затем происходит перенесение смысла внутрь, на свои процессы и действия.

Мышление, следовательно, для Выготского есть оперирование «чистыми» значениями, а практическое действие с вещью, предметное действие, связано со смыслом. Именно это понимание развивает А.Н.Леонтьев, когда он говорит, что смысл принадлежит не предмету, а деятельности как реализованному отношению к предмету. Поэтому-то изменение смысла вещи есть всегда изменение субъекта. Значение связано с операционной структурой деятельности, смысл — с актом деятельности в целом. Только мое отношение к значению (или к предмету *как значению*, то есть к предметному значению) сообщает значению (= предмету) смысл: смысл и есть «значение для меня значения».

Та же генеральная мысль Выготского реализуется в исследованиях А.В.Запорожца. Напомним, в чем для него главное различие интеллектуальных и перцептивных действий: если вторые имеют дело с самими реальными предметами, то первые — с их знакомыми заместителями. Но у Запорожца есть и еще одно важнейшее

особенно порождение в процессе развития личности иной культуры все еще остается на обочине социальной биографии культурно-исторической психологии» (Асмолов, 1996. С. 51).

положение, также восходящее к Выготскому: это идея аффективно-смыслового регулирования деятельности.

Когда А.Н.Леонтьев в конце 1930-х годов говорил о том, что личность определяется жизнью, что она есть продукт кристаллизации жизни в форме субъекта, то он исходил из того, что на определенном этапе филогенетического развития приоритет в детерминации отношения субъекта и мира переходит от отдельного отношения субъекта к действительности — к личности — «действительной, действующей, утверждающей свою жизнь». Аналогична мысль Эльконина об ориентировке человеческого поведения не на продукт предметной деятельности, а на результат поступка.

Таким образом, для Выготского и его школы соотношение значения и смысла связано с соотношением деятельности и личности. Согласно известному афоризму Леонтьева, учение о деятельности есть альфа, а учение о смысле — омега психологии. И в определенном смысле все, что лежит между ними, как в микрокосме, отражается в отношении значения и смысла.

А.Г.Асмолов, как известно, ввел понятие личностно-смыслового пространства как дальнейшей ступени развития пространства значений (1996. С. 116). Сходное понятие было уже в последних работах А.Н.Леонтьева. Вспомним его известную фразу о «смысловом поле». И введенное им понятие образа мира тесно связано именно с личностно-смысловым отношением человека к миру: можно сказать, что нет другого образа мира, кроме образа мира личности (как, по Леонтьеву, нет другого сознания и мышления, чем сознание и мышление личности). Из «чистых» значений складывается только образ мироздания.

Наверное, в пропорцию, намеченную выше (деятельность : личность = значение : смысл) можно внести еще одно звено — отношение образа мира и образа мироздания.

Остановимся на этом. Когда я в 1992 году, почти десять лет назад, выступал в Финляндии с докладом на тему о соотношении личности, культуры и языка (он опубликован в сокращении в книге *Леонтьев А.А.*, 2001), то завершил свое выступление словами о том, что приходится себя ограничивать — иначе мой доклад превратится в целую книгу, и надеюсь, что я успею ее написать.

Эта книга лежит перед читателем. Но и ее мне кажется мало: о многом не сказано, многое другое изложено не совсем так, как хотелось бы, в трактовке ряда вопросов нет четкости — потому что легко писать только о том, о чем писать не стоит вообще. Да и

можно ли в принципе вложить все, что хочется и нужно сказать, в **одну** книгу? Это не удалось, как мы знаем, даже таким гигантам, как Флоренский и Бахтин, Выготский и Леонтьев, Рубинштейн и Шпет.

Feci quod potui, faciant meliora potentes.

ГЛАВА 5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Когда я писал эту книгу, обильно цитируя Гегеля и Маркса, Бахтина и Шпета, Флоренского и Мамардашвили, Выготского и Леонтьева, меня все время преследовало ощущение, что все они работали в ином концептуальном пространстве, чем то, в котором привыкло работать более молодое, чем наше, научное поколение, испытавшее на себе влияние и неопозитивизма, и системологии Берталанфи, и феноменологии, и структурализма, и кибернетической метафоры. (Здесь можно было бы сказать «в другой парадигме», если бы этот куновский термин не был так затаскан.) Это связано даже с терминологией, которую они употребляли. Так, например, гегелевское понятие «момент» постоянно встречается у Леонтьева и чаще всего воспринимается читателем как обычная метафора: личность как момент деятельности. Аналогично восприятие сегодняшним читателем словосочетания «форма движения», понятия «кристаллизации» и т.д.

В небольшой, но исключительно важной для нас работе А.Н.Леонтьева (1991) четко сформулировано, что это за концептуальное пространство. Он утверждает там, что «методологию психологической науки и составляет метод марксистского системного анализа» (Леонтьев А.Н., 1991. С. 118—119). При этом Леонтьев справедливо говорит (в 1973 году), что «связного обобщенного изложения, раскрывающего метод системного анализа в марксистском его понимании, пока в научной литературе не существует...» (С. 119). Хотелось бы только добавить к этому, что многое из того, что Леонтьев здесь атрибутирует Марксу, на самом деле восходит к Гегелю.

Мне довелось заниматься проблемой системного анализа еще в конце 1960-х годов, хотя и применительно к другому объекту — языку. Своего рода открытием для меня тогда явилась книга Б.А.Грушина (*Грушин*, 1961). Именно в этой книге вводится понятие составляющих процесса (подразделяемых в свою очередь на образующие и условия процесса), различие эмпирических (внеш-

них) и внутренних составляющих, а на основе всех этих понятий дается представление об эмпирической истории объекта, структуре развития объекта, эмпирическом описании объекта и структуре объекта. Процесс воспроизведения развития объекта, по Грушину (собственно, по Марксу), есть процесс взаимодействия исследований его структуры и структуры его развития. И единицей генетического исследования является не историческое изменение элемента как такового, а историческое изменение связи. Далее, опять-таки вслед за Марксом, вводится различие логического и исторического, понятие «генетической пары» и «клеточки» системы (см. раздел «Диахрония, история, развитие языка» в работе *Леонтьев А.А.*, 1969).

Попытки дать последовательное (в духе Гегеля и Маркса) методологическое осмысление проблем психологии предпринимались неоднократно. Полностью еще не осмыслен нами методологический подход Л.С.Выготского, сформулированный, кстати говоря, не только в «Историческом смысле психологического кризиса», но и во многих других работах, например, в «Проблеме возраста». Достаточно процитировать только одну его мысль: «Психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке» (*Выготский*, 1982. Т. 1. С. 347). Трактровка Выготским проблемы развития ребенка через А.М.Деборина прямо восходит к диалектике Гегеля и Маркса. Наконец, в самых последних работах, написанных Выготским, вводится многократно цитированное различие элемента и единицы анализа, понятие динамической смысловой системы и т.д. — мы попытались проанализировать логику его рассуждения в *Леонтьев А.А.*, 1990 и в первых двух частях настоящей книги.

А.Н.Леонтьев уже в 1930-х годах стремился вырваться за узкие рамки тогдашнего представления о марксизме (диалектическом материализме и теории познания), вернувшись к Гегелю и подлинному Марксу. В послевоенное время его особенно привлекал ранний Маркс, наиболее «гегельянский» — это можно видеть уже по цитируемым в его книгах и статьях работам, среди которых преобладают «Экономическо-философские рукописи» и другие книги и статьи того времени.

Напомним некоторые позиции упомянутой выше работы А.Н.Леонтьева. «Существуют переходы одних форм движения материи в другие высшие ее формы, характеризующие новыми зависимостями, связями, отношениями. Эти переходы осуществляются через продукт...

И обратное движение: низшие формы — реализаторы высших (механизмы). Мозг реализует мысль, логику; логика задает работу мозга. В более общем виде: мозг кристаллизует функцию = деятельность = образ жизни...

...Апории: дух и материя, мышление и протяжение.

Снятие этого — в категории предметной деятельности.

...Апория: “заколдованный круг”: образ ориентирует деятельность, деятельность развивает, обогащает образ.

Гегель: человек (субъект вообще) начинает с того, что он действует!

...“Переходы деятельности”.

...Проблема Образа (внутренней деятельности) — есть проблема идеального, то есть преобразованных форм...

...Жизнь объекта в значении = в теле слова!

...Образ предмета, значение живет в теле мозга.

Пример системного анализа значения: объективное движение значения = движение в голове: *возвращение к чувственности, воплощение эмоционального смысла.*

= Движение.

...Системный анализ есть анализ движения, порождающего явления, составляющие предмет познания, то есть *раскрытие субстанции* этих явлений (их сущности), которое включает в себя и сами эти явления [«явления существенны». — А.Л.]. Порождаемые явления имеют свою реальную функцию, реальное существование. (За стоимостью, ценой раскрывается обмен, но “рынок” — действующая причина!)

...Почему примеры из политэкономии?

Психика — тоже *сверхчувственное* свойство!..

...“Механизмы” развития и познания: расщепления, противоречия, они-то и движут!

...Системный анализ есть анализ жизни, движения форм непосредственного существования материи» (Леонтьев А.Н., 1991. С. 119—120).

Кстати, из этого текста видно, в каком философском круге билась мысль Леонтьева. Это, конечно, Мамардашвили с его замечательным анализом превращенной формы. Это Ильенков. Мы назвали бы еще одного философа того же поколения, работавшего в том же русле, автора по существу одной книги, но *какой* книги! Это Л.К.Науменко («Монизм как принцип диалектической логики»). Его книга (Науменко, 1968) была внимательно прочитана и «расчеркана» Леонтьевым, причем в подавляющем боль-

шинстве случаев эти пометки и комментарии на полях показывают, что Леонтьев был с автором книги согласен. Приведем только один пример. Науменко пишет: «В общем виде мы можем сказать, что своеобразный предмет науки есть продукт включения одной системы вещей в некоторую другую систему вещей, имеющую природу, отличную от этой первой» (С. 295). Леонтьев подчеркивает эту фразу, ставит на полях «нота bene» с восклицательным знаком, а на полях пишет: «Включение функций живого организма в его жизнь, в предметный (*resp.* социальный) мир? *S.* [тогда] эти функции выражают отличное от них содержание (жизн. связей)...». Не отсюда ли леонтьевская идея «инфраструктуры психологического» внутри социальной суперструктуры, высказанная в 1969 году?

Можно назвать еще немало имен философов и психологов 1960—1970-х годов и более позднего времени, в той или иной степени работавших в том же концептуальном пространстве или, во всяком случае, задававшихся сходными вопросами. Мне повезло: я еще в конце 1950-х годов был частым участником знаменитого полуподпольного методологического семинара Г.П.Щедровицкого, в котором тогда принимали участие и М.К.Мамардашвили, и Э.В.Ильенков, и Г.С.Батишев, и В.В.Давыдов, и В.П.Зинченко, и А.А.Зиновьев, и Ф.Т.Михайлов, и А.С.Арсеньев, и, если меня не подводит память, В.А.Лекторский, В.С.Тюхтин и А.П.Огурцов, и еще многие другие. Можно, кстати, не соглашаться со Щедровицким в его трактовке тех или иных проблем (и не случайно практически все названные здесь люди потом отошли от круга Щедровицкого), но нельзя не признать, что он сыграл революционную роль в методологическом «расковывании» нашего научного мышления в эпоху поздней оттепели. И, думаю, не случайно многие из тогдашних участников семинара Щедровицкого (надеюсь, и меня можно отнести к числу этих «многих») унесли в свою дальнейшую творческую жизнь этот заряд и — пусть, повторяю, не всегда и не во всем — развивали системно-диалектический подход, с особенной ясностью выступающий у Мамардашвили, Ильенкова и Науменко. Сошлюсь, в частности, на работу Зинченко, Смирнов, 1983 и другие книги В.П.Зинченко, на целый ряд методологически значимых публикаций В.В.Давыдова и т.д. Следующее за нашим поколение дало, в частности, А.Г.Асмолова, В.А.Петровского, Б.С.Братуся.

Совершенно очевидно, что в данной книге невозможно системно изложить всю гегелевско-марксовскую методологию пси-

хологии, хотя, учитывая, что курс «Методологические основы психологии» вошел в федеральный стандарт для студентов-психологов, рано или поздно такое изложение будет необходимо. В особенности интересны вопросы, связанные с понятием, введенным, кажется, В.П.Зинченко (во всяком случае, кроме него и его ученика Б.М.Величковского, я этого понятия ни у кого не встречал), — понятием *гетерархии*. Напомним, что под гетерархиями понимаются «коалиции иерархий, взаимодействующие в решении познавательных или двигательных задач» (Величковский, 1983; Величковский, Зинченко, 1979). В другой работе прямо говорится, что «управление психическими процессами и взаимодействие субъекта с предметным миром протекают по типу полифонического или гетерархического объединения иерархий, подчас тесно связанных друг с другом, но не имеющих фиксированного центра управления» (Гордеева, Зинченко, 1982. С. 172).

Задача этой небольшой главки — не дать сколько-нибудь исчерпывающее описание того концептуального пространства, о котором упоминалось в ее начале, а обратить внимание на необходимость такого описания. Иначе многое и у Выготского, и у Леонтьева, и у Рубинштейна останется непонятым нами и будет, как и раньше, восприниматься как система ярких, но не всегда наполненных философским и психологическим содержанием метафор. Может быть, нам — в эгоистических, точнее, корпоративных целях — стоило бы еще раз перечитать Гегеля, чтобы усвоить наконец, что такое кристаллизация и преобразование, момент и снятость...

Чтобы быть психологом, нельзя не быть философом. Прав был Л.С.Выготский, писавший: «Предмет психологии — самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений и предосторожностей, чтобы дать то, чего от него ждут» (Выготский, 1982. Т. 1. С. 416).

Конечно, можно строить систему психологии и без таких философско-методологических ухищрений. Мы уже имеем такой печальный опыт в истории нашей науки. Важно осознать этот опыт и никогда на этот уровень не возвращаться.

Библиография к Части 4

Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности: Дис. ... в виде научн. доклада доктора психол. наук. М., 1996.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Бибихин В.В. Язык философии // Путь. Международный философский журнал. 1993. № 3.

Брудный А.А. Коммуникация и сознание // Известия АН Киргизской ССР. 1969. № 6.

Величковский Б.М. Образ мира как гетерархия систем отсчета // А.Н.Леонтьев и современная психология. М., 1983.

Величковский Б.М., Зинченко В.П. Методологические проблемы современной когнитивной психологии // Вопросы философии. 1979. № 7.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. 1982. Т. 1.

Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук: в 3 т. М., 1977. Т. 3.

Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1982.

Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М., 1961.

Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М., 1986.

Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности и психология действия // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.

Зинченко В.П. Образ и деятельность. М.—Воронеж, 1997.

Зинченко В.П. Живое Знание. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Изд. 2. Самара, 1998. Ч. 1.

Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983.

Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.

Ильенков Э.В. К истории вопроса о предмете логики как науки // Вопросы философии. 1966. № 1.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Изд. 2. М., 1984.

Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

Коришунов А.М. Теория отражения и творчество. М., 1971.

Коришунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974.

Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.

Леонтьев А.А. Знак и деятельность // Вопросы философии. 1975. № 10.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.

Леонтьев А.А. Л.С.Выготский. М., 1990.

Леонтьев А.А. Психология общения. Изд. 2. М., 1997.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.—Воронеж, 2001.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 3. М., 1972.

Леонтьев А.Н. О путях исследования восприятия (вступительная статья) // Восприятие и деятельность. М., 1976.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд. 2. М., 1977.

Леонтьев А.Н. О системном анализе в психологии // Психол. журн. 1991. № 4.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.

Леонтьев А.Н., Леонтьев А.А. Об одной психологической концепции чувственного познания // Вопросы психологии. 1974. № 4.

Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6.

Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. Изд. 2. М., 1992.

Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 23. М., 1957.

Нарский И.С. Диалектические противоречия и логика познания. М., 1969.

Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алмата, 1968.

Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа. Операционный аспект. Свердловск, 1986.

Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. М., 1970.

Стеценко А.П. К вопросу о психологической классификации значений // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1983. № 1.

Стеценко А.П. О роли принципа предметности в теории деятельности (критика «извне» и критика «изнутри») // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.

Тюхтин В.С. О природе образа. М., 1963.

Тюхтин В.С. Понятие отражения и его значение для психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.

Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997.

Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990.

Шехтер М.С. Об образных компонентах речевого мышления // Докл. АПН РСФСР. 1959. № 2, 3.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.

Holzkamp K. Sinnliche Erkenntnis. Frankfurt am Main, 1973.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая одну из своих более ранних работ (*Леонтьев А.А.*, 1983), я привел отрывок из стихотворения Олжаса Сулейменова:

...Слово,
проникая в глушь души,
ей сообщает
собственную форму.

Так, в мир входя,
мы изменяем мир,
он — оболочка,
мы — его основа,
мой мир,
рябясь, морщинась, как эфир,
приобретает очертанье СЛОВА.

Основным предметом данной книги и явилась попытка раскрыть те процессы и механизмы, которые позволяют слову общаться душе «собственную форму», а нам изменять мир, становясь его основой. Для этой цели нам пришлось вместе с читателем проделать большой путь, показав, каким путем современная психология, идя рука об руку с философией, пришла к сегодняшнему видению этой проблемы; введя ряд новых понятий и переосмыслив некоторые уже существующие; сопрягая иногда «далековатые идеи» и стремясь уйти от привычных историко-психологических и общепсихологических стереотипов; пытаясь осмыслить стоявшие перед нами вопросы с позиций *единого гуманитарного знания*, а не узко психологических или исключительно философских. Мы не считаем, что все это в книге полностью удалось — но, по крайней мере, мы, как нам представляется, четко обозначили наш подход и заложили основу для дальнейшей работы в данном направлении.

Почему эта книга называется «Деятельный ум»? Это парафраза известного рассуждения Мераба Мамардашвили. Он говорил:

«Обычно под мыслью понимают некое ментальное состояние, которое мы получаем шагами рассудка, рассуждения. В этом случае ее называют еще отражением реальности. А я хочу сказать другое: хотя мысль, несомненно, ментальное состояние <...>, но по сути, в своем фундаменте она есть действие, благодаря которому у нас и появляется, помимо отражения, возможность создать что-то» (Мамардашвили, 2000. С. 139—140).

Но с таким же правом книгу можно было бы назвать «Деятельная личность». Еще раз процитируем Мамардашвили: «Нельзя восполнить или заменить некоторый акт, который может быть только сам и единичным образом в конкретном человеке. Именно этот опыт имеет незаменимую, или бесконечную, ценность <...>. В этом смысле личность одна, в одиночестве перед миром, потому что <...> вместо нее, в помощь ей, коллегиально с нею никто и ничто не может работать. То есть эта точка тем более важна, что, оказавшись в ней, человек не может сослаться на то, что что-то со временем само сделается <...>. Тогда он перестанет быть личностью. Тогда исчезает эта тяжелая точка, а вместе с ней исчезает и то, что могло бы случиться в мире.

Поэтому можно сказать так: когда случается удар какого-то впечатления, в ответ на который человек осуществляет свой незаместимый акт, в этот момент или миг весь мир как бы находится в сдвиге или склонении, но склонение проходит через него в каждой такой точке. Если я не осуществляю личностный акт, то через меня же этот мир уйдет в небытие. И в нем никогда не будет чего-то, что могло бы быть; это невозместимо никаким социальным сотрудничеством, никаким временем» (Там же. С. 111).

Значит, каждый из нас в каком-то смысле определяет судьбы мира. Он будет таким, каким мы его сделаем сегодня и будем делать завтра, каким мы его научим делать наших учеников, которые (если мы сумеем добиться этого) примут из наших рук (но не снимут с наших плеч!) тяжелый груз ответственности каждой личности за наступление «желаемого будущего».

Именно это имел в виду Алексей Алексеевич Ухтомский, писавший о личности (напомним, что он употреблял в этом смысле термин «лицо»):

«Живое интегральное, конкретное единство, приходящее в мировую историю, чтобы внести в нее нечто совершенно исключительное и ничем никогда не заменимое, — стало быть, существо страшно ответственное и, вместе с тем, требующее страшной ответствен-

ности в отношении себя со стороны других, — вот что такое <...> лицо человека.

<...> Нам приходится реально нести на себе тяготу истории как ее участникам...» (*Ухтомский*, 1996. С. 266, 268).

И если попытаться теперь стянуть всю проблематику нашей книги в одну емкую формулу, то это будет формула Михаила Михайловича Бахтина:

«Мое не-алиби в бытии».

БИБЛИОГРАФИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.

Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000.

Ухтомский А.А. Интуиция совести. СПб., 1996.

5 февраля 1999—5 февраля 2001

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ

(1958—2000)

А. Книги и другие отдельные издания

1963

1. Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 140 с.
2. Общелингвистические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания АН СССР, 1963. — 30 с.

1964

3. Некоторые вопросы глоттогенеза в свете современных психологических данных // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964. М.: Наука, 1964. — 10 с.
4. Some problems of glottogenesis in the light of modern psychology // VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Moscow, August 1964. Moscow: Nauka, 1964. — 13 p. *Англ. перевод* книги 3.

1965

5. Слово в речевой деятельности. М.: Изд-во АН СССР, 1965. — 246 с.
6. Язык и разум человека. М.: Политиздат, 1965. — 128 с.

1966

7. Языкознание и психология. М.: Наука, 1966. — 80 с.
8. El lenguaje ó la razyn humana // A.Leyntiev. Trad. directa de ruso por A.V.Roget. Biblioteca Filosofica para la Juventud. Montevideo: Ediciones Pueblos Unidos, 1966. — 154 p. *Испанский перевод* книги 6.

1967

9. Психоллингвистика. Л.: Наука, 1967. — 118 с.

1968

10. Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР. 1968. — 31 с.

1969

11. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. — 308 с.

12. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. — 216 с.

1970

13. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. — 88 с.

14. Возникновение и первоначальное развитие языка. — 159 с. *Японский перевод* книги 1.

1971

15. Sprache-Sprechen-Sprechfähigkeit / A.A.Leontjev. Übers. und hrsg. von C.Heeschen und W.Stolting. Stuttgart etc.: W.Kohlhammer, 1971. — 165 S. *Немецкий перевод* книги 12.

1972

16. Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи. М.: Знание, 1972. — 39 с.

17. Psicolinguistica / A.A.Leontjev. Pref. di F.Antinucci. Roma: Editori Riuniti, 1972. — 128 p. *Итальянский перевод* книги 9.

18. Zmogaus kalba ir protas. Vilnius: Mintis, 1972. — 103 p. *Литовский перевод* книги 6.

1973

19. Pszicholingvisztika és nyelvtanítás / Az orosz nyelv oktatásának néhány kérdése. Budapest: Tankönyvkiado, 1973. — 105 old. *Венгерский перевод* книги 13 (С. 5—6 — *введение издателя*).

20. Some problems in learning Russian as a foreign language (Essays on psycholinguistics) // Soviet Psychology. V. XI. Summer 1973. № 4. — 117 p. Спец. номер, содержащий только *англ. перевод* книги 13.

21. Языкознание и психология. — 147 С. *Японский перевод* книги 7.

1974

22. Лекция как общение. М.: Знание, 1974. — 40 с.

23. Папуасские языки / Сер. «Языки народов Азии и Африки». М.: Наука, 1974. — 116 с.

24. Психология общения / Учебное пособие для студентов-психологов. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1974. — 220 с. См. также книгу 46. *Расширенные издания* — книги 68 и 72.

25. Psycholinguistik und Sprachunterricht. Stuttgart: W.Kohlhammer, 1974. — 122 S. *Немецкий перевод* книги 13 (С. 9—14 — *предисловие редакторов немецкого изд.*).

1975

26. Психология речевого общения: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. М.: АПН СССР, НИИ общей и педагогической психологии. 1975. — 40 с.

27. Psycholinguistische Einheiten und die Erzeugung sprachlicher Äußerungen // In dt. Spr. hrsg. von F.Juttner. Berlin: Akademie-Verlag, 1975. — 337 S. *Dasselbe*: München, Huber, 1975. — 337 S. *Немецкий перевод* книги 11.

1976

28. Что такое язык / Библиотечка Детской энциклопедии: Ученые школьнику. М.: Педагогика, 1976. — 96 с.

1977

29. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии // Лингвистика — научно-техническому прогрессу. М.: Наука, 1977. — 63 с. *А.А.Леонтьевым написаны разделы: Речь как источник информации в следственном процессе; Психолингвистический аспект проблемы объективности и достоверности в советском судопроизводстве.*

1978

30. Kostomarov V.G., Leontyev A.A. Russian for Tourists. Moscow: Russian Language Publishers, 1978. — 200 p. *Англ. вариант* книги.

31. Kostomarov V.G., Leontjev A.A. Russisch für Reisende. Moskau: Russkij Jazyk, 1978. — 199 S. *Немецкий вариант* книги.

1979

32. Педагогическое общение / Серия «Педагогика и психология». М.: Знание, 1979. — 47 с. / Новое в жизни, науке, технике. 1979. № 1.

33. Психологический портрет лектора. М.: Знание, 1979. — 47 с.

34. Психологический портрет лектора / Мат-лы Ун-та лекторов г. Москвы / Вып. 8. М.: Знание, 1979. — 44 с. *Сокращ. переизд.* книги 33.

35. Kieli ja ajattelu. Helsinki: Kansankulttuuri Oy, 1979. — 93 p. *Финский перевод* книги 6.

1980

36. Лекторнинг психологик киёфаси. Тошкент: Ўзбекистон, 1980. — 48 с. *Ўзбекский перевод* книги 33.

37. Хэл гэж юу вэ? Уланбаатар: 1980. — 96 с. *Монгольский перевод* книги 28. (С. 3—4 — *предисл. автора к монгольскому изд.*)

38. Leontiev A.A., Chakhnaróvitch A.M., Bátov V.I. A Lingua na Criminologia e na Psicologia Judiciária. Braga: Livraria Cruz, 1980. — 54 p. *Португальский перевод* книги 29.

39. Mis on keel. Tallinn: Valgus, 1980. — 136 p. *Эстонский перевод* книги 6.

1981

40. Психологический портрет лектора / Мат-лы Университета лекторов г. Москвы. М.: Знание, 1981. — 43 с. *Сокращенное переиздание* книги 33.

41. Психологические особенности деятельности лектора. М.: Знание, 1981. — 80 с. *Расширенное переиздание* книг 16, 22 и 33.
42. Путешествие по карте языков мира / Книга для учащихся 5—7 классов. М.: Просвещение, 1981. — 96 с.
43. Дьячков М.В., Леонтьев А.А., Торсуева Е.И. Язык ток-писин (неомеланезийский) / Сер. «Языки народов Азии и Африки». М.: Наука, 1981. — 72 с.
44. Psychology and the Language Learning Process. Oxford etc.: Pergamon Press, 1981, XIII+159 p. / Language teaching methodology series. *В книгу вошли в англ. переводе ранее опубликованные работы.*
45. Kostomarov V.G., Leontjew A.A. Russisch für Reisende / 2. Auflage. Москва: Русский язык, 1981. — 200 с. *Переиздание немецкого варианта* (см. книгу 31).

1982

46. Psychologie des sprachlichen Verkehrs. Weinheim u. Basel: Beltz, 1982. — 191 S. *Немецкий перевод* книги 24. (С. 7—15 — *вступительная статья* М. Вернера, С. 135—147 — *перевод* статьи 461).

1983

47. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М.: Наука, 1983. — 77 с.

1984

48. Мир человека и мир языка. М.: Детская литература, 1984. — 127 с.
49. Костомаров В.Г., Леонтьев А.А. Русский язык для туристов. М.—Токио: 1984. — 160 с. *Японский вариант* книги.

1985

50. Леонтьев А.А., Маковецкая Р.В., Мельникова В.А., Никитина Н.Д. Программа спецкурса «Методика преподавания русского языка как иностранного» для студентов-нефилологов. М.: Русский язык, 1985. — 22 с.
51. Kostomarov V.G., Leontyev A.A. Il russo per turisti. Mosca: Lingua Russa, 1985. — 182 p. *Итальянский вариант* книги.
52. Kostomarov V.G., Leontyev A.A. Le russe pour les touristes. Moscou: Russki yazyk, 1985. — 173 p. *Французский вариант* книги.

1986

53. Леонтьев А.А., Утес С. Новые тенденции в психологии и педагогике и их значение для методики преподавания русского языка / VI Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Основной секционный доклад. Будапешт: 1986. — 18 с.

1989

54. Леонтьев А.А. и др. Концепция обучения предметам языкового цикла (Материалы для обсуждения). М.: Временный научно-исслед. коллектив «Школа», 1989. — 31 с.

55. Программа курса «Культура и языки народов СССР». М.: Временный научно-исслед. коллектив «Школа», 1989. — 25 с.

56. *Леонтьев А.А. и др.* Программа курса «Методика преподавания русского языка как иностранного» для зарубежных студентов-филологов (включенное обучение). М.: Русский язык, 1989. — 24 с.

1990

57. Л.С.Выготский. Книга для учащихся 9—11 классов средней школы. М., 1990. — 158 с.

58. Путешествие по карте языков мира / Книга для внеклассного чтения учащихся 5—7 классов средней школы / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1990. — 143 с. *См. книгу 42.*

1991

59. Концепция языковой политики применительно к школам РСФСР. М.: без года и места изд. — 16 с. *Автор в выходных данных не указан.*

1992

60. Opetusprosessi ajattelun kehittäjäнд / Helsingin Yliopisto. Vantaan täydennys koulutuslaitos. Helsinki: 1992. — 10 p.

1993

61. Sprachtätigkeitstheorie und Linguistik / Gibt es eine spezielle Linguistik für die Sprachtätigkeitstheorie? / Vortragstext für das gleichnamige Kolloquium. Saarbrücken: Juli 1993. — 9 S. *Ротапринтное издание для обсуждения.*

1995

62. *Леонтьев А.А. и др.* Федеральная программа «Система языкового образования в России»: Проект. М.: 1995. — 70 с.

63. *Леонтьев А.А. и др.* Федеральная программа «Система языкового образования в России»: Проект (Испр. и доп. вариант). М.: 1995. — 63 с.

1996

64. Педагогическое общение / 2-е изд., переработ. и дополн. М.—Нальчик: Эль-Фа, 1996. — 96 с. *Авторский текст — С. 15—95; текст беседы в составе раздела «Вместо предисловия» — С. 7—14. См. книгу 32.*

1997

65. Добрый город. Стихи. Переводы. Рязань: Узорочье, 1997. — 80 с.

66. Основы психолингвистики / Сер. «Психология для студента». М.: Смысл, 1997. — 287 с.

67. *Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А.* Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Сер. «Фонд защиты гласности». М.: Права человека, 1997. — 128 с.

68. Психология общения / Сер. «Психология для студента». Изд. 2, испр. и доп. М.: Смысл, 1997. — 365 с. *См. книгу 24. В книгу включены также другие ранее опубликованные работы.*

1998

69. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии / Учебно-справочное пособие. М.: Моск. психолого-социальный ин-т—Изд-во «Флинта», 1998. — 312 с.

70. Психолого-педагогические основы обновления методики преподавания иностранных языков. Лекция-доклад / Школа-семинар «Создание единого информационного пространства системы образования». М., 1998. — 24 с.

71. Recent Writings of A.A.Leont'ev // Journal of Russian & East European Psychology. March—April 1998. V. 36. № 2. Armonk: Sharpe, 1998. — 88 p. *Сб. англ. переводов статей.*

1999

72. Психология общения / Сер. «Психология для студента». Изд. 3. М.: Смысл, 1999. — 365 с. *См. также книги 24, 68.*

(2001)

72 а. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии / Избр. психол. труды. М.—Воронеж: Моск. психолого-социальный ин-т; Изд. НПО «МОДЭК», 2001. — 448 с. *Включает ранее опубликованные работы и частично первые публикации статей.*

Б. Статьи, тезисы, рецензии

1958

73. О методологических основах концепции С. К.Шаумяна // Научные докл. высшей школы. Филологические науки. 1958. № 4. С. 151—156.

1959

74. Общелингвистические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ // Вопр. языкознания. 1959. № 6. С. 115—124.

75. Леонтьев А.Н., Леонтьев А.А. О двояком аспекте языковых явлений // Научные докл. высшей школы. Философские науки. 1959. № 2. С. 116—125. *Включено в сокращении в книгу 12.*

76. Leontiev A.N., Leontiev A.A The Social and Individual in the Language // Language and Speech. 1959. V. 2. P. 4. P. 193—204. *Англ. вариант предыдущей работы.*

77. Леонтьев А.А. Перевод, публикация, вступительная заметка к: Бодуэн де Куртенэ И.А. Основы общей фонетики. Из курса лекций // Вопр. языкознания. 1959. № 6. С. 124—127.

1960

78. Бокарева Л.Е., Леонтьев А.А. Список трудов И.А.Бодуэна де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И.А. К 30-летию со дня смерти. М.: АН СССР, 1960. С. 82—119.

79. Статьи в макете т. 1 «Краткой литературной энциклопедии»: Балли — с. 181 (в соавт. с В.В.Ивановым), Бенвенист — с. 232 (то же), Бетлингк —

с. 249—250, *Блумфилд* — с. 270 (в соавт.), *Боас* — с. 270—271 (в соавт.), *Борковский* — с. 291, *Брауне* — с. 304, *Брендаль* — с. 306—307 (в соавт.), *Брокельман* — с. 311, *Буга* — с. 318, *Будагов* — с. 319, *Бюиссанс* — с. 342, *Вайан* — с. 351, *Вайсгербер* — с. 351—352, *Вандриес* — с. 363, *Вартбург* — с. 368, *Вестерман* — с. 406, *Винтелер* — с. 421. *Внутренняя форма* — с. 430, *Вондрак* — с. 448—449, *Габеленц* — с. 471, *Георгиев* — с. 514. — *Без титульного листа* (1960).

80. Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И.А.Бодуэна де Куртенэ // И.А.Бодуэн де Куртенэ. К 30-летию со дня смерти. М.: АН СССР, 1960. С. 5—27.

81. *Leontiev A.N., Leontiev A.A. Cu privire la problema «sistemului linguistic individual»* // *Revista de psihologie*. 1960. An. VI. № 4. P. 7—19. *Румынский вариант статей 75 и 76.*

1961

82. И.А.Бодуэн де Куртенэ и петербургская школа русской лингвистики // *Вопр. языкознания*. 1961. № 4. С. 116—124.

83. О понятии формально-грамматического слова (на материале немецкого языка) // Третья научная сессия по вопросам германского языкознания: Тезисы докл. М., 1961. С. 22—23.

84. Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи // *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*. М.: АН СССР, 1961. С. 163—190.

1962

85. Будагов // *Краткая литературная энциклопедия*. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 762.

86. Будде // *Там же*. С. 762. *Без подписи.*

87. Буква // *Там же*. С. 764—765. *Без подписи.*

88. Булич // *Там же*. С. 771. *Без подписи.*

89. Вундт // *Там же*. С. 1064—1065.

90. Языковая система и языковая способность // Тезисы докл. межвузовской конференции на тему «Язык и речь». М., 1962. С. 42—44.

91. Рецензия на книгу *Slama-Cazacu T. Langage et contexte* // *Вопр. языкознания*. 1962. № 3. С. 131—134.

92. Рецензия на книги *Косериу Э. Структурно-типологические исследования*. М.: АН СССР, 1962. С. 206—210.

93. Публикация материала «Из лингвистического наследия Л.В.Щербы», а также вступительная статья к нему // *Вопр. языкознания*, 1962. № 2. С. 96—101. *Вступит. статья — с. 96—98.*

1963

94. Аналитические формы и проблема «единства слова» // Аналитические конструкции в языках различных типов. Тезисы докл. Л., 1963. С. 8—9.

95. Красная строка // *Лексикографический сборник*. Вып. VI. М.: АН СССР, 1963. С. 164—165.

96. Лексемный и морфемный синтаксис и вопросы типологии // Совещание по типологии восточных языков / Тезисы докл. М., 1963. С. 80—82.
97. О написании иностранных имен. Письмо в редакцию // Вопросы культуры речи. Вып. IV. М.: АН СССР, 1963. С. 154—156.
98. О понятии формально-грамматического слова (на материале немецкого языка) // Проблемы морфологического строя германских языков. М.: АН СССР, 1963. С. 48—53.
99. О «префонологических тождествах» // Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докл. М., 1963. С. 76—77.
100. О специфике слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л.: АН СССР, 1963. С. 133—137.
101. The Plurality of Language Models and the Problems of Teaching Languages and Grammar // International Review of Applied Linguistics. V. I. 1963. 3—4. P. 211—222.
102. Ответы на вопросы V съезда славистов // Славянска филология, 1: Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание. София: 1963. С. 244—245, 250, 281—282.
103. Публикация материала «Из неопубликованного наследия Е.Д.Поливанова», а также вступительная статья и комментарий // Вопр. языкознания. 1963. № 1. С. 96—112. *Вступит. статья — с. 96—98.*
104. Публикация материала «Бодуэн де Куртенэ И.А. Замечания о русско-польском словаре. Образец русско-польского словаря», а также вступительная заметка к нему // Лексикографический сб. Вып. VI. М.: АН СССР, 1963. С. 139—147. *Вступ. заметка — с. 139.*
105. *Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию* / Сост. В.П.Григорьев, А.А.Леонтьев. Т. 1—2. М.: АН СССР, 1963. С. 384, 391.
- Т. 1: Введение (в соавторстве). С. 3—5; Библиографич. комментарий к Т. 1. С. 377—381; перевод: Человечество языка. С. 258—265.
- Т. 2: Библиографич. комментарий к т. 2. С. 356—359; переводы: К критике международных искусственных языков. С. 139—140; Классификация языков. С. 187—188; Влияние языка на мировоззрение и настроение. С. 331—336; Факультативные звуки языка. С. 337—341; Именной указатель к томам 1—2: С. 362—370; Предметный указатель к томам 1—2 (совм. с В.Н.Телия): С. 371—377; Алфавитный указатель основных работ И.А.Бодуэна де Куртенэ: С. 378—381; Список основных работ о И.А.Бодуэне де Куртенэ: С. 382—385; Список рукописных материалов И.А.Бодуэна де Куртенэ: С. 386—389.
106. Статьи по лингвистике, написанные совместно с Т.В.Вентцель и И.А.Мельчуком // Энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1—2. М.: Советская энциклопедия, 1963.

1964

107. Галлицизмы // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 46—47.
108. Германизмы // Там же. С. 137—138.

109. Готский язык // Там же. С. 302.
110. Леонтьев А.А., Слободкин Г.С. Гумбольдт Вильгельм фон // Там же. С. 442—443.
111. Е.Д.Поливанов, его слово и слово о нем // Правда Востока (Ташкент). 5 сентября 1964 г.
112. Ернштедт // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 894.
113. Леонтьев А., Ройзензон Л., Хаютин А. Жизнь и труд Е.Д.Поливанова // Правда Востока (Ташкент), 22 сентября 1964 г.
114. Звукоподражание (в лингвистике) // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 1008.
115. К проблеме авторства «вульфилианского» перевода // Проблемы сравнительной филологии. М.—Л.: АН СССР, 1964. С. 271—276.
116. Некоторые вопросы лингвистической теории письма // Вопросы общего языкознания. Ин-т языкознания АН СССР. М., 1964. С. 70—79.
117. Некоторые проблемы сопоставительного синтаксиса предложения в английском и немецком языках // Четвертая научная сессия по германскому языкознанию. Тезисы докл. М., 1964. С. 10—11.
118. Окаем // Вопросы культуры речи. Вып. V. М.: АН СССР, 1964. С. 164—171.
119. Леонтьев А.А., Суперфин Г.Г. Современное состояние разработки биографии и архивного наследия Е.Д.Поливанова // Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова». Т. 1. Самарканд: 1964. С. 3—4.
120. Формирование фонологической системы при овладении первым и вторым языком // Система языка и обучение речи. Тезисы докл. Минск: 1964. С. 17—19.
121. Леонтьев А.А. «Экономия произносительных усилий» — фикция или действительность? // Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова». Т. 1. Самарканд, 1964. С. 59—60.
122. Рецензия на книгу Кукушкина Е.И., Степанова А.Г. Библиография библиографий по языкознанию // Вопр. языкознания. 1964. № 4. С. 147—150.
123. Рецензия на книгу Jakobson R. Studies in Russian Philology // Вопросы общего языкознания. Институт языкознания АН СССР. М.: 1964. С. 99—101.

1965

124. Аналитические формы и проблема «единства слова» // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.—Л.: Наука, 1965. С. 94—99.
125. И.А.Бодуэн де Куртенэ и его учение о языке (к 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1965. № 2. С. 87—93.
126. К этимологии некоторых готских глаголов // Этимология. 1964. М.: Наука, 1965. С. 255—258.
127. Лексемный и морфемный синтаксис и проблемы типологии // Лингвистическая типология и восточные языки. М.: Наука, 1965. С. 199—204.

128. Несколько возражений проф. Г.П.Сердюченко // *Там же*. С. 286.
129. Фиктивность «семантического критерия» при определении частей речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докл. Л., 1965. С. 33—34. *Включено* в книгу 12.
130. The Concept of the Formal Grammatical Word // *Linguistics*. V. 15. 's-Gravenhage: Mouton, 1965. P. 33—39. *Английский перевод* работы 88.
131. Рецензия на: *Linguistics*. V. 1—7 // *Вопр. языкознания*. 1965. № 2. С. 116—123.
132. Ответы на вопросник по норме // *Вопросы культуры речи*. Вып. VI. М.: Наука, 1965. С. 215—217.
133. Предисловие к статье Кондратова А. «Бессловесные?...» // *Нива*, 1965. № 8. С. 32.

1966

134. Бодуэн и французская лингвистика // *Известия АН ОЛЯ*. 1966. Вып. 4. С. 329—332.
135. Е.Д.Поливанов и обучение русскому языку в национальной школе // *Русский язык в нац. школе*. 1966. № 2. С. 55—60.
136. Игра слов // *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 47.
137. Иноязычные вкрапления в русскую речь // *Вопросы культуры речи*. Вып. VII. М.: Наука, 1966. С. 60—68.
138. Мышление // *Детская энциклопедия*. Изд. 2. М.: Педагогика, 1966. Т. 7. С. 303—312.
139. *Костомаров В.Г., Леонтьев А.А.* Некоторые теоретические вопросы культуры речи // *Вопр. языкознания*. 1966. № 5. С. 3—15. *Частично включено* в книгу 12.
140. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты // *Язык и общество: Тезисы докл.* М.: 1966. С. 21—22.
141. О некоторых основных категориях историко-лингвистического исследования (диахрония, история, развитие языка) // *Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка»*. Часть 1. Самарканд: 1966. С. 12—15.
142. О предмете общей теории речевой деятельности // *Первая республиканская межвузовская лингвистическая конференция: Тезисы докл.* Фрунзе, 1966. С. 7—8.
143. О «префонологических тождествах» // *Исследования по фонологии*. М.: Наука, 1966. С. 166—171.
144. О различии психологической основы психолингвистических исследований // *Семинар по психолингвистике: Тезисы докл.* М., 1966. С. 3—5.
145. О различных видах осознания речи носителем языка // *XVIII Международный психологический конгресс / Часть 2. Проблемы общей психологии. Тезисы сообщ.* М., 1966. С. 355 (*английский перевод* — с. 355—356).
146. Речь // *Детская энциклопедия*. Изд. 2. Т. 7. М.: Педагогика, 1966. С. 313—322.
147. Языковые семьи // *Наука и жизнь*. 1966. № 7. С. 33—35.

148. Рецензия на книги «Общее языкознание», «Структурное и прикладное языкознание» // Известия АН ОЛЯ. 1966. Вып. 2. С. 159—160.
149. Рецензия на книгу: *Mayers M.K. The Pocomchi. A Sociolinguistic Study* // Известия АН ОЛЯ. 1966. Вып.3. С. 271—273.

1967

150. Будущее языка как проблема культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. VIII. М.: Наука, 1967. С. 7—15. *Включено в сокращении* в книгу 12.
151. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания // Вопросы порождения речи и обучения языку. М.: МГУ, 1967. С. 6—16.
152. *Климов Г.А., Леонтьев А.А. Марр* // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 652—653.
153. Мейе // *Там же*. С. 732.
154. Мелодика стиха // *Там же*. С. 751—753.
155. Младogrammatизм // *Там же*. С. 899—900.
156. Некоторые психолингвистические предпосылки отбора и подачи грамматического материала // Психология и методика обучения второму языку. Критерии отбора языкового материала: Тексты докл. М., 1967. С. 26—36.
157. Речь // Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 506—507.
158. Теория речевой деятельности и проблемы обучения русскому языку. Статья 1 // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 25—29. *Включено в сокращении* в книгу 12.
159. Теория речевой деятельности и проблемы обучения русскому языку. Статья 2 // Русский язык за рубежом. 1967. № 2. С. 22—27. *Включено в сокращении* в книгу 12.
160. Три психолингвистические модели порождения высказывания // Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967. С. 189—193.
161. Языковой знак как проблема психологии // Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967. С. 34—39.
162. Рецензия на книгу: *Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. Изд. 2* // Иностранные языки в школе. 1967. № 1. С. 87—89.
163. *Леонтьев А.А., Новиков Л.А.* Рецензия на книгу: *Степанов Ю.С. Основы языкознания* // Научные докл. высшей школы. Филологические науки. 1967. № 5. С. 107—111.
164. Ответы на вопросы анкеты в сборнике «Материалы конференции “Язык как знаковая система особого рода”». М., 1967. С. 10. Академия наук СССР. Институт языкознания

1968

165. *Верещагин Е.М., Леонтьев А.А. Б.В.Беляев (1900—1968)* // Психология грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 117—118.
166. *Верещагин Е.М., Зарубина Н.Д., Леонтьев А.А., Рябова Т.В.* Библиография советских исследований по психологии речи и психологии обучения

- языку за 50 лет (часть 1) // Психология грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 197—232. *Вступит. заметка А.А.Леонтьева — с. 197—198.*
167. Введение // ТРД, 1968. С. 3—13. *Включено* в книгу 12.
168. Внеязыковая обусловленность речевого акта как проблема обучения языку // Иностранные языки в школе. 1968. № 2. С. 29—35.
169. Дофонологический этап в истории русской фонологии // Фонологический сборник. Донецк, 1968. С. 8—10.
170. *Леонтьев А.А., Ройзензон Л.И., Хаютин А.Д.* Жизнь и деятельность Е.Д.Поливанова // Е.Д.Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 7—30.
171. Предисловие к публикации «Из неизданных материалов Л.С.Выготского» // Психология грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 180—181. *Публикация — с. 182—196. Перепечатано в книге: Л.С. Выготский. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 156—167 (текст публикации). С. 466 (предисловие).*
172. Исследования по поэтической речи // Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968. С. 143—150 (*литература — с. 150—153*).
173. Место семантических проблем в современных психолингвистических исследованиях // ТРД, 1968. С. 120—130. *Включено* в книгу 12.
174. Неогумбольдтианство // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 228—229.
175. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 99—110. *Включено* в книгу 12.
176. Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // ТРД, 1968. С. 14—36. *Включено* в книгу 12.
177. О речевой ситуации и принципе речевых действий // Русский язык за рубежом. 1968. № 2. С. 19—23. *Включено* в книгу 12.
178. *Леонтьев А.А. и др.* Основы теории речевой деятельности: Проспект коллективной монографии // Материалы Второго симпозиума по психолингвистике / Под ред. А.А.Леонтьева. М., 1968. С. 90—103.
179. Остранение // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 488—489.
180. Письменность // Детская энциклопедия. Изд. 2. Т. 11. М.: Педагогика, 1968. С. 59—65.
181. Поливанов // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 843.
182. Понятие единицы в лингвистике и психолингвистике // В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 8—25.
183. *Леонтьев А.А., Цейтлина Р.М.* Потребия // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 913—914.
184. Предисловие // *Ф.М.Березин.* Очерки по истории языкознания в России. М.: Наука, 1968. С. 3—24. (*Это не предисловие, а большая статья по истории русского языкознания.*)
185. Психолингвистическая значимость трансформационной порождающей модели // Психология грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 5—49.

186. Психолингвистические проблемы порождения фразы. Современное состояние проблемы // Теория речевой деятельности, 1968. С. 77—89. *Включено* в книгу 12.

187. Психологическая структура значения // Материалы Второго симпозиума по психолингвистике. М.: 1968. С. 53—55.

188. Речевые ошибки как проблема психологии // Третий всесоюзный съезд Общества психологов СССР. Том 1. М.: 1968. С. 299—300.

189. *Костомаров В.Г., Леонтьев А.А.* Русский язык без труда // Русский язык за рубежом. 1968. № 3. С. 3—6.

190. Фиктивность «семантического критерия» при определении частей речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л.: Наука, 1968. С. 80—86. *Включено* в книгу 12.

191. Языки мира // Детская энциклопедия. Изд. 2. Т. 11. М.: Педагогика, 1968. С. 29—43.

192. Составление, комментарий, справочный аппарат в книге: *Полливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.

1969

193. Активное и пассивное, «рецептивное» и «продуктивное» в обучении языку // Проблемы прикладной лингвистики: Тезисы межвузовской конференции / Часть 2. М.: 1969. С. 204—205.

194. *Верещагин Е.М., Зарубина Н.Д., Леонтьев А.А., Рябова Т.В.* Библиография советских исследований по психологии речи и психологии обучения языку за 50 лет. Часть 2 // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 156—168.

195. «Ваш эксперимент меня заинтересовал...» // Русская речь. 1969. № 5. С. 2. 104—105.

196. *Леонтьев А., Рябова Т.* Введение // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 3—4.

197. Внутренняя мотивированность языкового знака как лингвистическая и психологическая проблема // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л.: 1969. С. 51—53.

198. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания // *Ji gen ken kokugo*. 1969. № 5. С. 40—48. *Перевод на японский язык* статьи 151.

199. Иерархия речевых умений как объект тестирования // Психология и методика обучения второму языку. Объективные методы текущей проверки уровня языковых умений: Тезисы докл. и сообщений. М.: 1969. С. 28—32.

200. Понятия «стиль речи» и «стиль языка» в ряду других понятий лингвистики речи // Научная конференция «Проблемы лингвистической стилистики»: Тезисы докл. М.: 1969. С. 83—85.

201. Проблема уровней как психолингвистическая проблема // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 263—266.

202. Психолингвистика // Русская речь. 1969. № 1. С. 99—104.

203. Психолингвистическая структура речевого действия и программное обучение языку // Информационное письмо № 2: Теоретические вопросы программированного обучения иностранным языкам. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1969. С. 30—32.

204. *Зимняя И.А., Леонтьев А.А.* Психологические особенности владения иностранным языком // Международная конференция преподавателей русского языка и литературы «Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы». Тезисы докл. и выступлений. М., 1969. С. 146—148.

205. *Костомаров В.Г., Леонтьев А.А.* Русский язык без труда // Русский язык за рубежом. 1969. № 1. С. 3—8.

206. «Словарь стереотипных ассоциаций русского языка», его теоретические основы, задачи и значение для обучения русскому языку иностранцев // Вопросы учебной лексикографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 114—127.

207. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 56—61. *Включено* в книгу 72 а.

208. Собственный кроссворд (*в составе статьи Э.Церковера*) // Неделя. 1969. № 44 (504).

209. Социальное и биологическое в семиотике // Материалы к XIX Международному психологическому конгрессу / Short Communications prepared for the XIXth International Psychological Congress. М., 1969. С. 79—80 (*русский текст*); с. 74—75 (*английский текст*).

210. «Туристский язык»: из опыта работы над ситуативным разговорником для иностранцев // Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 85—92.

211. Inner speech and the processes of grammatical generation of utterances // Soviet Psychology. V. VII. 1969. № 1. P. 11—16. *Английский перевод* работы 151.

212. Честь и место. Выступление на «Круглом столе» // Литературная газета. 1969. № 35. С. 8.

213. Psychological structure of meaning // Soviet Psychology. V. VII. 1969. № 3. P. 37—38. *Английский перевод* работы 187.

214. Рецензия на книгу: *Болла К., Палл Э., Панн Ф.* Курс современного русского языка. Будапешт, 1968 // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 117—119.

215. *Luria A.R., Leont'ev A.A.* Рецензия на книгу: *Jakobson R.* Child Language, Aphasia and Phonological Universals // Contemporary Psychology. 1969. V. 14. № 11. P. 580—581.

216. Рецензия на книгу: *Titone R.* La psicolinguistica oggi // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 221—223.

1970

217. Аделунг // БСЭ. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 221.

218. Айнский язык // *Там же*. С. 307.

219. Андаманские языки // *Там же*. Т. 2. С. 10.

220. Беседы в Космосе // Программы радио и телевидения. 1970. № 5 (28 января). С. 34.

221. Библиография советских публикаций по психолингвистике и смежным проблемам за 1966—1968 гг. (в соавторстве) // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 143—144 (*вступит. заметка А.А.Леонтьева*), 144—165 (*библиография*).

222. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Введение // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 3—4.

223. К проблеме отождествления личности по речи // Материалы Третьего Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. М., 1970. С. 58—60.

224. Лингвистика XXI века // Семья и школа. 1970. № 8. С. 48—50. *Включено* в книгу 28.

225. Лингвисты слушают малышей // Семья и школа. 1970. № 9. С. 22—23.

226. Національна специфіка мови і творче мислення студента // Проблеми формування і розвитку творчого мислення студентів у процесі навчання. Запоріжжя: 1970. С. 7—8.

227. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 314—370.

228. Речь // Общая психология / Под ред. А.В.Петровского. М.: Просвещение, 1970. С. 185—201.

229. Словарь ассоциативных норм русского языка (пробные статьи) // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 117—119 (*вступит. статья А.А.Леонтьева*), 119—142 (*словарные статьи, в соавторстве*).

230. Слово // *Философская энциклопедия*. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 30—31.

231. Социальное и естественное в семиотике // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 73—82. *См. также* работу 263. *Включено* в книгу 72 а.

232. Три психолингвистических модели высказывания // Actes du Xe Congrès International des linguistes. III. Bucarest, 1970. P. 229 (*ответы на вопросы* — р. 231, 232).

233. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Фазовая структура речевого акта и прихода Планов // Планы и модели будущего в речи: Материалы к обсуждению. Тбилиси: 1970. С. 27—32.

234. Язык / *Раздел в коллективной статье, совм. с А.Спиркиным, В.Сомовым, В.В.Ивановым, Ю.Поповым, А.Ивиным, Т.Дридзе* // *Философская энциклопедия*. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 605 (*вся статья с. 604—611*).

235. Языки народов мира. Языки народов СССР. Как устроена грамматика? От рисунка к современным алфавитам // Познание продолжается. М.: Педагогика, 1970. С. 424 (*вкладка*), 426, 437, 142.

236. Языковая норма как социальная норма // II Международный коллоквиум по социальной психологии: Тезисы. Тбилиси: 1970. С. 70—72. *Включено в книгу 72 а.*

1971

237. Внутренняя форма в языкознании // БСЭ. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 167.

238. *Леонтьев А.А., Наумова Т.Н.* Гипотеза Сепира-Уорфа и семантика целого высказывания // Вопросы семантики: Тезисы докладов. М., 1971. С. 140—141.

239. Глоссология // БСЭ. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 600.

240. Межкультурные исследования, психолингвистика и обучение иностранному языку // Научно-методическая конференция «Лингво-психологические проблемы обоснования методики преподавания иностранных языков в высшей школе»: Тезисы докл. Часть 1. М.: 1971. С. 225—230. *См. также работу 258.*

241. Мысли о транскрипции // Фонетика, фонология, грамматика. М.: Наука, 1971. С. 351—359.

242. Неизданные работы Е.Д.Поливанова по общей фонетике и фонологии // Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 188—232 (*вступит. заметка — с. 188, комментарий — с. 231—232*).

243. Некоторые психолингвистические аспекты начального этапа процесса овладения языком // Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 29—39.

244. О месте психолингвистики и социальной психологии речи в общей системе исследований речевой деятельности // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов (СССР). Тбилиси: 1971. С. 324—325.

245. От редактора // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 3—4.

246. *Леонтьев А.А., Рябова Т.В.* От редакторов // Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 5—6.

247. Памяти С.И.Бернштейна // Известия АН ОЛЯ. 1971. № 1. С. 102—103.

248. Первое впечатление о лекторе / Как оно влияет на успех выступления // Знания — народу. 1971. № 9. С. 23—27.

249. Проблема опоры на родной язык и типология речевых актов // Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 17—28.

250. Психолингвистический аспект проблемы объективности и достоверности в советском судопроизводстве // Вопросы судебной психологии: Тезисы докл. и сообщений на Всесоюзной конференции по судебной психологии. М., 1971. С. 99—101. *То же в сокращении в сб.: Четвертый Всесоюзный съезд Общества психологов СССР / Проблемы судебной психологии. М., 1971. С. 29—30.*

251. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 7—19. *Включено в книгу 72 а.*
252. *Зимняя И.А., Леонтьев А.А.* Психологические особенности начального овладения иностранным языком // Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 39—48.
253. Речь и лингвистика // Научная сессия по проблеме «Язык и речь»: Тезисы докл. Тбилиси, 1971. С. 24—26.
254. Ритм // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 297—302. (*В соавт. с М.М.Гуришманом, которому принадлежит раздел «Ритм в прозе» на с. 301.*)
255. Слово (в поэтической речи) // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 958—961.
256. Суггестопедия: проблемы обучения и сверхпамяти. Выступление на «Круглом столе» // Знание — сила. 1971. № 11. С. 36—37.
257. Функциональная классификация русских знаков препинания для целей обучения иностранцев русскому языку // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: Сб. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 99—106.
258. Функциональное использование звуковысотных различий в языках мира. Обзор // Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 160—187.
259. Эффективность лекционной пропаганды и пути ее научного изучения // Знания — народу. 1971. № 3. С. 33—38.
260. Crosscultural investigations, psycholinguistics, and foreign language teaching. Association internationale de psychologie appliquée / XVII Congrès international. Liege, 1971. P. 198—199.
261. Einige psycholinguistische Aspekte der Anfangsetappe bei der Spracherlernung // Deutsch als Fremdsprache. 8. Jg. 1971. № 3. S. 151—155. *Немецкий перевод работы 243.*
262. Principales tendances de la psycho-linguistique appliquée en URSS // Etudes de linguistique appliquée. Paris: 1991. P. 31—48. *Французский вариант работы 279.*
263. Social and natural in semiotics // Biological and Social Factors in Psycholinguistics / J.Morton (Ed.). London: Logos, 1971. P. 122—130. *Английский вариант работы 231.*
264. *Верещагин Е.М., Леонтьев А.А.* Рецензия на кн.: *K.L.Pike* Language in Relation to a Unified Theory of Human Behavior // Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 242—255.

1972

265. Важнейшие проблемы сопоставления русского языка и языков Востока (в связи с задачами обучения русскому языку) // Международный симпозиум «Актуальные проблемы преподавания русского языка в стра-

- нах Азии, Африки, Среднего и Ближнего Востока». Тезисы докл. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 23—52.
266. Детская речь // БСЭ. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 158.
267. Женевская школа // БСЭ. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 167.
268. Жестов язык // *Там же*. С. 181.
269. Заумь // *Там же*. С. 389.
270. Звукопись // *Там же*. С. 439.
271. Долгопольский А.Б., Леонтьев А.А. Знаки препинания // *Там же*. С. 550—551.
272. Изолирующие языки // БСЭ. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 92.
273. Интеграция языков // *Там же*. С. 310.
274. Коммуникативная ситуация и устный перевод // VIII научно-методическая конференция «Формирование профессиональных переводческих навыков на старших курсах языкового вуза»: Тезисы докл. М.: Воен. ин-т иностр. языков, 1972. С. 34—37.
275. К психологии речевого воздействия // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: 1972. С. 28—41. *Включено* в книги 68 и 72.
276. Мышление на иностранном языке как психологическая и методическая проблема // Иностранные языки в школе. 1972. № 1. С. 24—30. *Включено в англ. переводе* в книгу 44.
277. Некоторые новые тенденции в советской психолингвистике // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 131—142.
278. Леонтьев А.А., Рохлин Л.Л., Савицкая А.Б., Уфимцева Н.В., Шахнарович А.М. Некоторые проблемы речевой патологии при шизофрении // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972. С. 135—140.
279. Основные направления прикладной психолингвистики в СССР // Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики. М.: Наука, 1972. С. 7—24. *Русский вариант* работы 262.
280. От редактора // Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики. М.: Наука, 1972. С. 5—6.
281. Проблема глоттогенеза в современной науке // Энгельс и языкознание. М.: Наука, 1972. С. 135—157.
282. Работы С.И.Бернштейна о специфике речи в массовой коммуникации // Речевое воздействие: Проблемы прикладной психолингвистики. М.: Наука, 1972. С. 195—106 (*вводная статья*), 107—126 (*публикации*).
283. Ильясов И.И., Леонтьев А.А. Речь // Практикум по психологии / Под ред. А.Н.Леонтьева, Ю.Б.Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 175—194.
284. Современная психолингвистика за рубежом // Психолингвистика за рубежом. М.: Наука, 1972. С. 3—20.

285. Социально-психологические проблемы обучения языку // Психологические вопросы обучения иностранцев русскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 5—10.

286. Страноведение и социальная психология // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 109—113.

287. Топонимика поэтическая // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 579—580.

288. *Zimnija I., Leontjew A. Właściwości psychologiczne początkowego stadium opanowania języka obcego // Podstawy naukowe nauczania języka rosyjskiego / Pod red. S.Siatkowskiego. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1972. S. 181—188. Польский перевод работы 252.*

1973

289. Взаимоотношение общения и познания // Материалы Всесоюзного симпозиума по проблеме «Мышление и общение». Алма-Ата: 1973. С. 182—184.

290. Искусство как форма общения: К проблеме предмета психологии искусства // Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д.Н.Узнадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1973. С. 213—222.

291. Казанская школа // БСЭ. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 138.

292. Как цитировать с трибуны // Знания — народу. 1973. № 7. С. 27—33.

293. Кинема // БСЭ. Т. 12. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 116.

294. *Леонтьев А.А., Рохлин Л.Л., Савицкая А.Б., Шахнарович А.М.* Клинико-психологическое исследование разорванности речи у больных параноидальной формой шизофрении // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. 1973. № 6. С. 1858—1863.

295. К определению речевой ситуации // Тезисы докладов IX научно-методической конференции «Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков в специальном языковом вузе». М.: Военный ин-т иностр. языков, 1973. С. 58—60.

296. К современному состоянию вопроса об аллитерации в тюркской народной поэзии. Комментарий к статье Е.Д.Поливанова «О приеме аллитерации...» // Проблемы восточного стихосложения. М.: Наука, 1973. С. 107—110. См. работу 302.

297. *Леонтьев А.А., Носенко Э.Л.* Некоторые психологические характеристики спонтанной речи в состоянии эмоционального напряжения // Общая и прикладная психолингвистика. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1973. С. 88—113.

298. *Леонтьев А.А., Шахнарович А.М.* От редакторов // Общая и прикладная психолингвистика. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1973. С. 3—4.

299. *Леонтьев А.А., Жинкин Н.И., Шахнарович А.М.* От редакции // Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1973. С. 3—5.

300. О некоторых путях научного изучения эффективности лекционной пропаганды // Вопросы лекционной пропаганды: Теория и практика. Вып. 1. М.: Знание, 1973. С. 26—35.

301. Первое впечатление о лекторе: Как оно влияет на успех выступления? // Там же, С. 108—115. *Перепечатка* работы 248.

302. Публикация и вступительная заметка к работе: *Поливанов Е.Д.* О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других «алтайских» народностей // Проблемы восточного стихосложения. М.: Наука, 1973. С. 100—106 (*вступит. заметка* — С. 100).

303. Понятия «стиль речи» и «стиль языка» в ряду других понятий лингвистики речи // Сб. научных трудов. Вып. 197. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1973. С. 46—51.

304. Поэтический язык как способ общения искусством // Вопросы литературы. 1973. № 6. С. 93—115. *Включено* в работы 68 и 72.

305. Программа спецкурса по психолингвистике: Проект // Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1973. С. 6—21.

306. Продуктивность чтения. Скорость чтения. Стратегия чтения. Читательность // Словарь библиотечных терминов. Вып. 4: Работа с читателями. М.: Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И.Ленина, 1973.

307. *Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Сорокин Ю.А., Дергачева Л.А.* Психологические аспекты восприятия рекламы и пути повышения ее эффективности // Общая и прикладная психолингвистика. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1973. С. 173—184.

308. Психологические основы наглядности в учебнике русского языка для иностранцев // Аудиовизуальные пособия и психологические основы наглядности в учебниках русского языка / Второй Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Докл. советской делегации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. С. 14—25. *Включено* в книгу 72 *а и в англ. переводе* — в книгу 44.

309. Психофонетика // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению: Материалы межвузовской научно-методической конференции. М.: УДН им. П.Лумумбы, 1973. С. 69—70.

310. *Буй Динь Ми, Леонтьев А.А.* Экспериментальное исследование роли языка в перцептивной и мнемической деятельности // Общая и прикладная психолингвистика. М.: Ин-т языкознания АН СССР. 1973. С. 62—80.

311. Collocazione dei problemi semantici nelle attuali ricerche psicolinguistiche. Teoria dell'attività verbale / La psicolinguistica in URSS. Roma, Bari: Laterza, 1973. P. 133—144. *Итальянский перевод* работы 173.

312. Die poetische Sprache als Form des menschlichen Verkehrs durch die Kunst // Kunst und Literatur. 1973. № 12. S. 1197—1210. *Немецкий перевод* работы 304.

313. Die psychophysischen Mechanismen der Rede // Allgemeine Sprachwissenschaft. Band I / Existenzformen, Funktionen und Geschichte der

Sprache. Berlin (DDR): Akademie-Verlag, 1973. S. 255—304. *Немецкий перевод* работы 227. *Издан также в ФРГ.*

314. Introduzione // Teoria dell'attività verbale: La psicolinguistica in URSS. Roma, Bari: Laterza, 1973. P. 3—14. *Итальянский перевод* работы 167.

315. Le principe heuristique dans la perception, la production et la compréhension du langage // Bulletin de psychologie, 304 (1972—1973). № 5—9. P. 260—269.

316. Materia e oggetto della psicolinguistica e suo rapporto con le altre scienze dell'attività verbale // Teoria dell'attività verbale: La psicolinguistica in URSS. Roma, Bari: Laterza, 1973. P. 17—40. *Итальянский перевод* работы 176.

317. Problems and methods of psycholinguistics in face to face interaction // IXth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Plan of the Congress and Resumes of Contributions to the Congress received before 31.1.1973. S. 1., 1973. P. 140.

318. Speech Norm as Social Norm // International Journal of Psycholinguistics. 1973. V. 2. P. 49—53. *Английский перевод* работы 236.

319. Stato attuale della questione (generazione della frase) // Teoria dell'attività verbale: La psicolinguistica in URSS. Roma, Bari: Laterza, 1973. P. 85—98. *Итальянский перевод* работы 186.

320. Рецензия на кн.: *Брудный А.А.* Семантика языка и психология человека // *Вопр. филос.* 1973. № 3. С. 173—174.

321. Рецензия на книгу: Human Communication. A Unified View // *Новые книги за рубежом* (Серия Б: «Техника»). 1973. № 12. С. 55—57.

1974

322. Исследование грамматики // *Основы теории речевой деятельности* / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 161—187.

323. Исследования детской речи // *Там же.* С. 312—317.

324. Лингвистическое моделирование речевой деятельности // *Там же.* С. 36—63.

325. *Леонтьев А.А., Бгажноков Б.Х.* Научно-техническая революция и социально-психологический аспект массовой коммуникации // *Научно-техническая революция и функционирование языков мира: Тезисы докл.* М., 1974. С. 36—38.

326. *Леонтьев А.Н., Леонтьев А.А.* Об одной психологической концепции чувственного познания // *Вопр. психол.* 1974. № 4. С. 3—10.

327. Онтологическая характеристика языкового значения // *Методологические и логические проблемы языка. Симпозиум: Тезисы докл.* Ереван: 1974. С. 32—34.

328. Основные проблемы и основные направления исследования речи // *Основы теории речевой деятельности* / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 328—332.

329. От редактора // *Там же.* С. 3—4.

330. От редактора // *Психолингвистические проблемы массовой коммуникации.* М.: Наука, 1974. С. 3—4.

331. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: Материалы научной конференции. Ч. 1. М., 1974. С. 168—172.
332. Проблемы и методы психолингвистики в межличностном общении // Исследование рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата: Казахский пед. ин-т им. Абая—Казахское республ. отд. Общества психологов, 1974. С. 3—11.
333. Проблемы математического моделирования речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 73—80.
334. Проблемы описания языка в учебных целях // Русский язык в современном мире. М.: Наука, 1974. С. 222—231.
335. Психолингвистическая проблематика массовой коммуникации // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М.: Наука, 1974. С. 28—52. *Включено в сокращения* в книги 68 и 72.
336. Психологические аспекты личности и деятельности // Иностранн-ые языки в школе. 1974. № 5. С. 80—86. *Включено в английский перевод* в книгу 44.
337. Психологические основы обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1974. № 4. С. 54—60.
338. Психология общения (в статье Е.Лебедевой «Узоры слов») // Неделя. 1974. № 29 (15—21 июня). С. 4.
339. Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 21—28.
340. Речь и общение // Иностранн-ые языки в школе. 1974. № 6. С. 80—85. *Включено в англ. перевод* в книгу 44.
341. Слова холодные и горячие // Наука и жизнь. 1974. № 4. С. 77—78.
342. Костомаров В.Г., Леонтьев А.А., Шварцкопф Б.С. Теория речевой деятельности и культура речи // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 300—311.
343. Факторы вариантности речевых высказываний // Там же. С. 29—35.
344. Функции и формы речи // Там же. С. 241—254.
345. Что такое психология // Иностранн-ые языки в школе. 1974. № 4. С. 65—70. *Включено в англ. перевод* в книгу 44.
346. Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопр. психол. 1974. № 5. С. 53—62. *Русский вариант* работы 315. *Включено* в книгу 72 а.
347. Baudouin de Courtenay / Review Article // Semiotica. X. 1974. № 4. P. 399—403. *На французском языке.*
348. Cross-cultural investigations, psycholinguistics and foreign language teaching // XVII Congr s international «Association internationale de psychologie appliqu e»: Actes. Bruxelles: (1974). P. 1813.
349. Die Sprache // Allgemeine Psychologie / Hrsg. von A.W.Petrowski. K ln: Pahl-Rugenstein, 1974. S. 205—222. *Немецкий перевод* работы 228.
350. Psychologische Grundlagen der Anschaulichkeit im Russischlehrbuch f r Ausl nder // Fremdsprachenunterricht. 1974. № 4/5. S. 163—169. *Немецкий перевод* работы 308.

351. Structure sémantique et associations sémantiques de mots // Bulletin de psychologie. V. XXVIII (318). 1974—1975. № 16—17. P. 821—826. *Французский перевод* работы 251.

352. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М. Рецензия на книгу «Вопросы методики и психологии обучения русскому языку в таджикской высшей школе». Сб. статей. Вып. 1 и 2 // Русский язык в нац. школе. 1974. № 4. С. 88—89.

353. Рецензия на книгу «Общее и прикладное языкознание»; Указатель лит-ры, изданной в СССР с 1963 по 1972 год // Вопр. языкознания. 1974. № 1. С. 89.

354. Составление, редактирование совместно с другими лицами, заметка «От редактора», вступит. статья в соавт. с А.Хаютиным и Л.Ройзензоном, комментарии и пр. к публикации работы Polivanov E.D. Selected Works: Articles on General Linguistics / Compiled by A.A.Leont'ev. Translated by D.Armstrong. The Hague—Paris: Mouton & Co, 1974. — 386 p. (Janua linguarum / Studia memoriae Nicolai van Wijk dedicata / Series Major, 72). *Англ. перевод работ 170 и 192.*

1975

355. Быстрое и медленное чтение: как их различие отражается на восприятии пропаганды и на ее языке // Проблемы обучения чтению литературы на иностранном языке. М., 1975. С. 108—112.

356. Возникновение понятия фонемы / Обзор отечественной и зарубежной литературы // Уровни языка. Проблемы фонологии и морфонологии: Обзоры. М.: ИНИБОН АН СССР, 1975. С. 7—38. (*Замаскированная под обзор литературы совершенно самостоятельная статья о фонологических взглядах И.А.Бодуэна де Куртенэ.*)

357. Еще раз о словах «горячих» и «холодных» // Наука и жизнь. 1975. № 3. С. 115.

358. Знак и деятельность // Вопр. филос. 1975. № 10. С. 118—126. *Включено* в книгу 72 а.

359. Какой быть школе будущего? (Выступление в дискуссии) // Детская литература. 1975. № 10. С. 7—8.

360. Леонтьев А.А., Мельникова О.Т. Массовая коммуникация и педагогическое общение // Место и функции массовой коммуникации (радио, телевидение, кино, пресса) в процессе педагогического воздействия / Материалы I Всероссийской научно-теоретической конференции. М.: Педагогич. об-во РСФСР, Секция массовой коммуникации, 1975. С. 4—14.

361. Место психологии в современной науке о чтении // Проблемы социологии и психологии чтения. М.: Книга, 1975. С. 39—46. *Включено* в книгу 72 а.

362. Мышление. Речь // Детская энциклопедия. Изд. 3. М.: Педагогика, 1975. Т. 7. С. 253—271.

363. Мышление в усвоении иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1975. № 5. С. 95—99. *Включено в английский перевод* в книгу 44.

364. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 106—123.

365. Общение как социально-психологическая проблема // Социальная психология: Краткий очерк / Под ред. Г.П.Предвечного и Ю.А.Шерковина. М.: Политиздат, 1975. С. 154—164. *Существует испанский перевод (Куба).*
366. О начале человеческой истории. Размышления над книгой Б.Ф.Поршнева // Советская этнография. 1975. № 5. С. 138—147. *Включено в книгу 72 а.*
367. Он умел воздействовать на слушателей. Государственный деятель, пропагандист партии // Слово лектора. 1975. № 11. С. 56—57. [*О А.В.Луначарском.*]
368. Ориентировочная деятельность при понимании иноязычного текста // Иностр. языки в высшей школе. Вып. 10. М.: Высшая школа, 1975. С. 96—103.
369. Память в усвоении иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1975. № 3. С. 91—96. *Включено в английский перевод в книгу 44.*
370. Папуасские языки // БСЭ. Т. 19. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 164.
371. Поливанов // БСЭ. Т. 20. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 191—192.
372. *Леонтьев А.А., Цейтлина Р.М. Потебня // Там же. С. 427.*
373. Предисловие к книге: *Гегечкори Л.* К проблеме интенсификации процесса обучения взрослых иностранной речи. Тбилиси: 1975. С. 5—35.
374. Психологические основы красноречия // Политическое самообразование. 1975. № 7. С. 119—124.
375. Психологические основы обучения русскому языку как иностранному. Заочный курс повышения квалификации зарубежных преподавателей русского языка как иностранного. Выпуски 1—4 / Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. М.: Русский язык, 1975. С. 24—38.
376. Психология восприятия и восприятие речи // Иностранные языки в школе. 1975. № 1. С. 76—81. *Включено в английский перевод в книгу 44.*
377. Психология киновосприятия // Аудиовизуальные и технические средства в обучении. М.: МГУ, 1975. С. 42—57. *Включено в английский перевод в книгу 44.*
378. Психология общения: Спецкурс // Программы спецкурсов и спецсеминаров для студентов, специализирующихся по кафедре социальной психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 21—24.
379. Психология общения в профессиональной деятельности лектора // Вопросы лекционной пропаганды: Теория и практика. Вып. 2. М.: Знание, 1975. С. 54—61.
380. Психология общения и речи // Программа общего курса психологии. Проект. Для студентов факультета психологии / Под ред. проф. А.Н.Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 36—41.
381. Рай для лингвистов // Знание — сила. 1975. № 5. С. 58—59.
382. Речь // БСЭ. Т. 22. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 73—76. (*Вторая часть статьи написана Ю.И.Кузьминым — с. 74—76.*)

383. Социальные, лингвистические и психолингвистические факторы языковой ситуации на Новой Гвинее // Советский нац. Тихоокеанский комитет АН СССР: Информационные сообщения. Январь—март. М., 1975. С. 12—13.

384. Управление усвоением иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1975. № 2. С. 83—87. *Включено в английский перевод* в книгу 44.

385. Фолика // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 46—47.

386. Щерба // *Там же*. С. 820—821.

387. Эмоционально-волевые процессы в овладении иностранным языком // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 93—97. *Включено в английский перевод* в книгу 44.

388. Якубинский // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 1069—1070.

389. Das Problem der Sprachentstehung in der heutigen Wissenschaft // Probleme der Psycholinguistik. Berlin (DDR): Akademie-Verlag, 1975. S. 17—37. *Немецкий перевод* работы 281.

390. K psychologii verbálního ovlivnování // Masová komunikace a propaganda. Praha: Svoboda, 1975. P. 184—191. *Чешский перевод* работы 275.

391. Problems and Methods of Psycholinguistics in Face-to-Face Communication // Organization of Behavior in Face-to-Face Interaction. The Hague: Mouton, 1975. P. 339—353. *Англ. перевод* работы 332.

392. The Heuristic Principle in the Perception, Emergence, and Assimilation of Speech // Foundations of Language Development. Vol. 1: A Multidisciplinary Approach. New York—San Francisco—London: Academic Press, 1975. P. 43—58. *Англ. вариант* работы 315 (346).

393. Vorwort // Probleme der Psycholinguistik. Berlin (DDR): Akademie-Verlag, 1975. S. 7—15.

394. Zur Psychologie der sprachlich-kommunikativen Einflußnahme // *Ibidem*. S. 57—67. *Немецкий перевод* работы 275.

395. Публикация работы *Бернштейн С.И.* Наблюдения над языком радиолекций // Вопросы лекционной пропаганды: Теория и практика. Вып. 2. М.: Знание, 1975. С. 147 (*вводная заметка*), 147—152 (*публикация*).

396. Статья в дискуссии по обучению иностранным языкам // Литературная газета. 1975. № 30.

1976

397. Возрастные и индивидуальные особенности школьников в процессе обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. 1976. № 1. С. 97—101. *Включено в английский перевод* в книгу 44.

398. Знак // Философские проблемы психологии общения. Фрунзе: Илим, 1976. С. 3—12.

399. Контакт с аудиторией в выступлениях А.В.Луначарского // А.В.Луначарский — оратор и публицист ленинской школы. М.: Знание, 1976. С. 50—53.

400. *Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Некоторые проблемы психологии телевидения // Телевидение и дети. М.: Искусство, 1976. С. 34—40.

401. От редактора // Д.Слобин, Дж.Грин. Психоллингвистика. М.: Прогресс, 1976. С. 5—16.

402. *Дридзе Т.М., Леонтьев А.А.* Предисловие // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М.: Наука, 1976. С. 3—4.

403. Предисловие // М.Я.Демьяненко и др. Основы общей методики обучения иностранным языкам. Киев: Вища школа, 1976. С. 3—6.

404. Признаки связности и цельности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М.: Наука, 1976. С. 46—47.

405. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза / Вып. 103. М.: 1976. С. 60—70.

406. Психоллингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 46—73.

407. *Илясов И.И., Леонтиев А.А.* Речь // «Ръководство за практически занятия по психология». София: Наука и изкуство, 1976. С. 190—210. *Болгарский перевод работы* 283.

408. Социальная психология в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1976. № 2. С. 70—74. *Включено в англ. переводе в книгу* 44.

409. Социальное и естественное в семиотике // Философские проблемы психологии общения. Фрунзе: Илим, 1976. С. 40—53. *Перепечатка работы* 231.

410. Теория речевой деятельности на современном этапе и ее значение для обучения иностранцев русскому языку // Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы: Докл. советской делегации. III Конгресс МАПРЯЛ. М.: 1976. С. 100—112. *Включено в англ. переводе в книгу* 44.

411. Эволюция звука // Курьер ЮНЕСКО, декабрь 1976. С. 22, 25—27. *То же в сокращении на языках: английском, французском, немецком, испанском, арабском, японском, итальянском, хинди, тамильском, иврит, персидском, нидерландском, португальском, турецком. Включено в книгу* 72 а.

412. Язык как социальное явление: К определению объекта языкознания // Известия АН ОЛЯ. Т. 35. 1976. № 4. С. 299—307.

413. Язык, познание и общение // Методологические проблемы анализа языка. Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1976. С. 40—56.

414. *Myślenie w jęzuku obcym jako problem psychologii i metodyki // Nauchanie jęzuka rosyjskiego a języcznawstwo i psychologia / Pod red. S.Siatkowskiego. Warszawa: Wyd. Szkolne i Pedagogiczne, 1976. S. 32—41. Польский перевод работы* 276.

415. Sense as a psychological concept // Soviet Studies in Language and Language Behavior / Ed. by J.Průcha. Amsterdam: North-Holland PC, 1976. P. 81—90. *Англ. перевод работы* 207.

416. Some new trends in Soviet psycholinguistics // Soviet Psychology. V. XV. 1976—1977. № 2. P. 15—25. *Англ. перевод* работы 277.

417. *Leontiev A.N., Leontiev A.A. Über eine psychologische Konzeption des sinnlichen Erkenntnis // Beiträge zur kritischen Psychologie. Bd. 111: Fachschrift Psychologie und Pädagogik der Universität Marburg. Marburg: 1976. S. 55—72. Немецкий перевод* работы 326. С. 55 — *предисловие переводчика.*

418. Рецензии на англ. и франц. языках на книги: *De Vito J.A. Communication; Shands H.S. War with Words; Steinthal H. Kleine sprachtheoretische Schriften // Linguistics. T. 168. 1976. Pp. 85—86, 105—107, 107—109. (Рец. на кн. Шэндса написана совместно с А.А.Брудным.)*

419. Понимание текста. Скорость чтения // Словарь библиотечных терминов. М.: Книга, 1976. С. 119—120, 152. (*Без указания автора.*)

1977

420. Генетические корни мышления и речи // Введение в языкознание: Хрестоматия. Минск: Высшая школа, 1977. С. 327—340. *Сокращенная перепечатка* работы 1.

421. Говорить от имени науки // Просто о сложном: По материалам Всесоюзной научно-методической конференции на тему «Научно-техническая революция и проблемы популяризации естественнонаучных и научно-технических знаний». М.: Знание, 1977. С. 42—45.

422. Деятельность, сознание, язык // *Вопр. филос.* 1977. № 12. С. 66—68.

423. Интересный опыт болгарских друзей // Советская культура. 1977. № 77 (5085).

424. Использование тестов при обучении русскому языку иностранцев: Психологические основы и некоторые выводы // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. М.: Русский язык, 1977. С. 56—68.

425. Место интенсивных методов в обучении иностранным языкам // Проблемы краткосрочного обучения русскому языку иностранцев. М.: Русский язык, 1977. С. 5—20. *Включено в англ. переводе* в книгу 44.

426. *Бгажноков Б.Х., Леонтьев А.А.* Научно-техническая революция и социально-психологический аспект массовой коммуникации // НТР и функционирование языков мира. М.: Наука, 1977. С. 57—62.

427. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 5—14. *Включено* в книгу 72 а.

428. *Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.* Комментарий // Н.А.Рубакин. Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. С. 234—263.

429. Общение как объект психологического исследования // Советская психология (на японском яз.). Октябрь 1977. № 24. С. 11—22. *Японский перевод* работы 364.

430. О Н.А.Рубакине // Н.А.Рубакин. Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. С. 3—5.

431. Предисловие // Очерки методики обучения чтению на иностранных языках. Киев: Вища школа, 1977. С. 3—5.

432. *Леонтьев А.А., Зарубина Н.Д.* Предисловие // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. М.: Русский язык, 1977. С. 3—4.

433. Речевая деятельность // Хрестоматия по психологии / Под ред. проф. А.В.Петровского. М.: Просвещение, 1977. С. 223—228. *Перепечатка* работы 329.

434. Речь и общение // Общая психология / Под ред. А.В.Петровского. Изд. 2. М.: Просвещение, 1977. С. 210—228.

435. Русский язык и национальные особенности общения народов Кавказа // Национальная культура и общение. Материалы конференции. М.: Институт языкознания АН СССР— Кабардино-Балкарский государственный университет. 1977. С. 45—47.

436. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

Введение (с. 3—4); Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах (с. 5—16); О методике составления ассоциативного словаря (совм. с Н.Д.Зарубиной. С. 53—55); Некоторые результаты массового ассоциативного эксперимента (с. 56—58); Данные о некоторых ранее проведенных (опубликованных и неопубликованных) ассоциативных экспериментах на материале русского языка (с. 59—61); Список слов, использованных в эксперименте (с. 61—66); О словарных статьях (с. 67—68); текст словаря (с. 69—191).

437. Социальные, лингвистические и психологические факторы языковой ситуации в Папуа-Новой Гвинее // О языках, фольклоре и литературе Океании. М.: Наука, 1977. С. 5—15.

438. Теория речевой деятельности на современном этапе и ее значение для обучения иностранцев русскому языку // Русский язык за рубежом. 1977. № 3. С. 57—61. *Перепечатка* работы 410.

439. *Леонтьев А.А., Крылова Н.Г.* Фонетический минимум в преподавании русского языка // *Phonetische Grundlagen der Ausspracheschulung*, I. Forum Phonicum 4 / Hrsg. von H.H.Kelz. Hamburg: H. Buske, 1977. S. 137—145.

440. La teoria dell'attività verbale nella fase attuale e il suo significato nell'insegnamento della lingua russa agli stranieri // *Rassegna Italiana di Linguistica Applicata*. Anno IX. 1977. № 3. P. 1—13. *Итальянский перевод* работы 410.

441. Probleme pädagogischer Sprachbeschreibung // *Die russische Sprache in der heutigen Welt*. Leipzig: Enzyklopädie, 1977. S. 198—204. *Немецкий перевод* работы 334.

442. Some New Trends in Soviet Psycholinguistics // *Recent Trends in Soviet Psycholinguistics* / Ed. by J.Wertsch. New York: Sharpe, 1977. P. 10—20. *Англ. перевод* работы 277 (*перепечатка* работы 416).

443. The Psycholinguistic Aspect of Linguistic Meaning // *Ibidem*. P. 21—64. *Англ. перевод* работы 406.

444. Towards a Psychology of Effectiveness in Speech // *Linguistics*. V. 200. 1977. P. 27—34. *Англ. перевод* работы 275.

445. *Leontjew A.N., Leontjew A.A.* Zu einer psychologischen Konzeption der sinnlichen Erkenntnis // *Probleme und Ergebnisse der Psychologie*. Bd. 61. Berlin (DDR): 1977. S. 5—12. *Немецкий перевод* работы 326.

1978

446. Где искать животворящее слово? К итогам дискуссии // Литературная учеба. 1978. № 5. С. 222—224. *Без подписи (в оглавлении: К итогам дискуссии о языке)*.

447. «Единицы» и уровни деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1978. № 2. С. 3—13. *Включено в книгу 72 а.*

448. Поэты и поэтика // Литературная учеба. 1978. № 4. С. 167—172.

449. Проблема системности в методике обучения иностранцев русскому языку и понятие интенсификации // Русский язык за рубежом. 1978. № 6. С. 47—51.

450. Психологические и социально-психологические функции начального обучения // Проблемы преподавания русского языка и литературы в грузинской школе. Материалы республиканской конференции. Тбилиси, 1978. С. 15—19.

451. Психологический подход к анализу искусства // Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: педагогические проблемы. М.: Педагогическое общество РСФСР. Центральный совет, 1978. С. 26—57. *Включено в книги 68 и 72.*

452. Леонтьев А.А., Шапиро Д.И. Расплывчатые категории в задачах принятия решений. Психо-лингвистический аспект // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М.: 1978. С. 143—151.

453. Язык в пропагандистском общении // Знания — народу. 1978. № 10. С. 28—34.

454. Якубинский // БСЭ. Т. 30. М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 488.

455. Публикация, вступительная заметка, комментарии к работе: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературная учеба. 1978. № 1. С. 200—219 (*заметка — с. 200, комментарии — с. 219*).

456. Отзыв за экспериментальный фильм «Златната Мадона» // Руски и западни езици. 1978. № 2. С. 58.

457. Предисловие к кн.: Слобина Д., Грин Дж. Психолингвистика // Зарубежная лингвистика. 1978. № 2 (*на китайском языке; см. перевод работы 401*)

1979

458. Бодуэн де Куртенэ // Русский язык: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 33—34. (*Без подписи.*)

459. Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистич. и лингвистич. природа текста и особенности его восприятия / Под ред. Ю.А.Жлуктенко, А.А.Леонтьева. Киев: Вища школа, 1979. С. 18—29. *Включено в книгу 72 а.*

460. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 18—36. *Включено в книгу 72 а.*

461. Деятельность и общение // Вопр. филос. 1979. № 1. С. 121—132. *Включено в книги 68 и 72.*

462. Миша, Мкртчич и Мауи. Часть 1 // Знание — сила. 1979. № 3. С. 34—36; Часть 2 // *Там же*. 1979. № 4. С. 34—36; Часть 3 // *Там же*. 1979. № 5. С. 30—31. Главы из книги 42.
463. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному в свете тенденций современной советской педагогики и психологии / Русский язык за рубежом. 1979. № 3. С. 63—67.
464. Некоторые проблемы психологической теории деятельности (ПТД) на современном этапе // Тезисы докладов всесоюзной конференции «Развитие эргономики в системе дизайна» / 29 октября—2 ноября 1979. Боржом: 1979. С. 286—290. Включено в книгу 72 а.
465. Описание фонетической системы языка для целей обучения // Звуковой строй языка. М.: Наука, 1979. С. 179—184.
466. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психолингвистич. и лингвистич. природа текста и особенности его восприятия / Под ред. Ю.А.Жлуктенко, А.А.Леонтьева. Киев: Вища школа, 1979. С. 7—18. Включено в книгу 72 а.
467. Предисловие // *Там же*. С. 3—6.
468. Происхождение языка // Русский язык: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 236—238.
469. Психолингвистика // *Там же*. С. 242—243.
470. Сила и слабость слова // Литературная учеба. 1979. № 3. С. 216—222.
471. Функции иллюстраций в учебнике иностранного языка // Психолингвистич. и лингвистич. природа текста и особенности его восприятия / Под ред. Ю.А.Жлуктенко, А.А.Леонтьева. Киев: Вища школа, 1979. С. 237—246. *Перепечатка (с незначительными изменениями)* работы 308.
472. Die Redetätigkeit // Fremdsprachenunterricht und Psychologie: Ausgewählte Beiträge sowjetischer Autoren. Berlin (DDR): Volk und Wissen, 1979. S. 99—112. *Перепечатка немецкого перевода* работы 339.
473. «Einheiten» und Niveaus der Tätigkeit // Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. 1979. № 4. S. 405—416. *Немецкий перевод* работы 447.
474. Kommunikation und Kommunikationstätigkeit // Linguistische Studien. Reihe B: Sowjetische Arbeiten zur sprachwissenschaftlichen Methodologie. Berlin (DDR), 1979. S. 96—151. *Немецкий (сокращенный) перевод* книги 24.
475. Psycholinguistik. Vorwort zu: *Slobin D.I., Greene J.* Sprachpsychologische Aspekte des Sprachunterrichts. Einige psycholinguistische Aspekte der Anfangsetappe... // Texte und Aufgaben zur Sprachtheorie / Hrg. von G. Michel, T. Schippan, L. Wilske. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1979. S. 49—50, 215—219. *Частичный немецкий перевод* работы 401 и *перепечатка отрывков из немецких переводов других работ*.
476. Sign and Activity // The concept of activity in Soviet psychology / James V. Wertsch (Transl. and ed.). New York: Sharpe, 1979. P. 241—255 (с. 241—242 — *вступительная заметка составителя*). Англ. перевод работы 358.
477. Культура общения // Пресс-бюро «Комсомольской правды», 1 стр. (конец 1970-х годов).

1980

478. Личность «живущая» и личность действующая. // Личность в системе коллективных отношений. Тезисы докладов Всесоюзной конференции в г. Курске 20—22 мая 1980 г. М.: 1980. С. 142—143. *Включено в книгу 72 а.*

479. Обучение умениям педагогического общения и проблемы подготовки преподавателей русского языка как иностранного // Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения: Докл. советской делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ. М.: Русский язык, 1980. С. 55—64.

480. Общение в деятельности лектора и пропагандиста // НМС по теории и методике лекционной пропаганды. Теория и методика лекционной пропаганды: Аннотированная тематика лекций. Вып. 1. М.: Общество «Знание» РСФСР. 1980. С. 16—18.

481. *Кедров Б., Давыдов В., Леонтьев А.* Обыкновенное чудо // Правда. 1980, 27 сентября.

482. О докладе А.В.Луначарского на съезде психологов в 1930 г. // Психология процессов художественного творчества. Л.: Наука, 1980. С. 204—208.

483. О некоторых грамматических функциях редупликации в папуасском языке телефол // Языки Юго-Восточной Азии: Проблемы повторов. М.: Наука, 1980. С. 126—138.

484. О специфике заочного обучения // Русский язык за рубежом. 1980. № 3. С. 47—48.

485. От редактора // Т.М.Дридзе. Язык и социальная психология. М., 1980. С. 3—5.

486. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* Список печатных работ А.Н.Леонтьева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1980. № 4. С. 54—62.

487. Apprentissage intensif en état de réceptivité inconsciente // Perspectives. V. X. 1980. № 4. P. 428—439.

488. Aprendizaje intensivo en estado de receptividad inconsciente // Perspectivas. V. X. 1980. № 4. P. 429—439. *Испанский вариант предыдущей работы.*

489. Azione verbale e situazione verbale // Glottodidacticae discipline linguistiche: prospettive attuali / A cura di Anna Ciliberti: Zanichelli, 1980. P. 87—105.

490. Intensive learning without sensations // Prospects. 1980. № 46. P. 392—402. *Англ. вариант работ 487 и 488.*

491. *Японский перевод глав из кн.* «Основы теории речевой деятельности». 1980: в 2 т. 237 + 220 с.

492. *Добрый город* // Литературная Грузия. 1980. № 2. С. 119—120. (*Стихотворение. Автор назван «Александр Леонтьев»*)

493. Публикация работы и вступительная заметка к книге *Поливанов Е.Д.* Рифмология Маяковского // Известия АН ОЛЯ. Т. 39. 1980. № 2. С. 153—162 (*заметка — С. 153*).

1981

494. Актуальное членение и способы его выражения в русском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л.: Наука, 1981. С. 167—172.

495. Интенсивное обучение и обучение педагогическому общению: две стороны одной медали // Психолого-педагогические проблемы интенсивного обучения иностранным языкам. М.: НИИ содержания и методов обучения АПН СССР, 1981. С. 10—16.

496. Краткосрочное обучение как экспериментальная модель учебного процесса // Методические материалы по краткосрочному обучению русскому языку как иностранному. М., 1981. С. 74—75.

497. Личность как историко-этническая категория // Советская этнография. 1981. № 3. С. 35—44. *Включено* в книгу *72 а и в английском переводе* в книгу 71.

498. Л.С. Выготский и предмет научной психологии // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: Тезисы докладов всесоюзной конференции. М., 1981. С. 84—91.

499. Об одной модели описания русского языка как иностранного // Содержание и структура учебника русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1981. С. 108—120.

500. Предисловие к книге: *Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М.* Язык и дети. М.: Наука, 1981. С. 3—4.

501. *Леонтьев А.А., Китайгородская Г.А.* Содержание и границы понятия «интенсивное обучение» // Психолого-педагогические проблемы интенсивного обучения. М.: НИИ содержания и методов обучения АПН СССР, 1981. С. 3—10.

502. *Kedrov B., Davydov V., Leontyev A.* Man Can Do Anything! // Social Sciences. 1981. № 4. P. 110—114. *Англ. (в СССР) перевод работы* 481.

503. Публикация работы и вступительная заметка к *Леонтьев А.Н.* Психология искусства и художественная литература // Литературная учеба. 1981. № 2. С. 177—185 (*заметка — с. 177, публикация совместно с А.Г. Асмоловым*).

1982

504. *Виншалек А., Леонтьев А., Степанова Л.* Научные основы принципа активной коммуникативности // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Докл. советской делегации. М.: Русский язык, 1982. С. 72—80.

505. Принцип коммуникативности и психологические основы интенсификации обучения иностранным языкам // Русский язык за рубежом. 1982. № 4. С. 48—52. *Включено* в книгу *72 а*.

506. Психологические основы обучения русскому языку как иностранному // Методика (Зарубежному преподавателю русского языка). 3-е изд. М.: Русский язык, 1982. С. 4—11.

507. Psychological foundations of accelerated teaching and learning of languages by adults: Final Document. January 30, 1982, Moscow // Rassegna Italiana di linguistica applicata. 1982. № 1. P. 191—196 (без подписи).

1983

508. К теоретическому обоснованию универсально-сопоставительной функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Тезисы конференции (Звенигород, 1—2 апреля 1983). М.: Институт языкознания АН СССР—Научный Совет «Теория советского языкознания», 1983. С. 27—29.

509. Национальная психология и этнопсихология // Советская этнография. 1983. № 2. С. 80—82. Включено в книгу 72 а.

510. Обучающие функции языковой среды и проблема интенсификации включенного обучения // Русский язык за рубежом. 1983. № 4. С. 60—63.

511. Понятие психолингвистической модели в прошлом, настоящем и будущем // Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. Часть 3: Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М., 1983. С. 666—668.

512. Психолингвистика // Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983. С. 289—290. (Без подписи.)

513. Психологическая сущность «психологической войны» // Актуальные проблемы методики лекционной пропаганды в условиях обострения идеологической борьбы. Зональный семинар: Тезисы выступлений. Таллин, 1983. С. 23—25 / Правление Общества «Знание».

514. Вступительная заметка и публикация: Ранние работы А.Н.Леонтьева о психологии деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1983. № 2. С. 4—5 (заметка), 5—18 (публикация).

515. Речь письменная // Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983. С. 326. (Без подписи.)

516. Речь устная // Там же. С. 326-327. (Без подписи)

517. Семиотика // Там же. С. 334. (Без подписи)

518. Словарь активный. Словарь пассивный // Там же. С. 343. (Без подписи)

519. Леонтьев А.А., Китайгородская Г.А. Содержание и границы понятия «интенсивное обучение» // Краткосрочное обучение русскому языку иностранцев: Формы и методы. М.: Русский язык, 1983. С. 57—64. Перепечатка работы 501.

520. Содержательный аспект сопоставления русского и родного языка для целей обучения // Тезисы докл. VII Зональной конференции прибалтийских республик «Учет специальности при обучении русскому языку в национальном вузе». 10—14 мая 1983. Тарту: МВиССО ЭССР—Тартуский ГУ, 1983. С. 24—27.

521. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Список печатных работ А.Н.Леонтьева // А.Н.Леонтьев. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. С. 262—293.

522. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н.Леонтьев и современная психология: Сб. статей памяти А.Н.Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 6—39.

523. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 5—20. *Включено* в книгу 72 а.

523. Язык пропаганды: социально-психологический аспект. Обзор // Язык как средство идеологического воздействия: Сб. обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1983. С. 15—33.

524. *Leontiev Alex A., Kitaigorodskaya Galina. Contents and Boundaries of Understanding «Intensive Trainings» // Journal of the Society for Accelerative Learning and Teaching. 1983. № 8 (3 and 4). P. 107—114. Англ. перевод* работы 501.

525. Комментарии // А.Н.Леонтьев. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 386 (О Л.С.Выготском), 386—387 (Борьба за проблему...), 387 (Психологическое исследование речи), 389—390 (Овладение...).

526. Комментарии // А.Н.Леонтьев. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. С. 296 (Опыт структурного анализа...), 297—298 (Некоторые проблемы...), 298 (О дальнейшем...), 299 (Образ мира).

1984

527. Активная и пассивная грамматика // Энцикл. словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 16—18.

528. Время глагола // *Там же*. С. 55—57.

529. Генетические корни мышления и речи // Введение в языкознание: Хрестоматия. 2-е изд. Минск: Вышэйшая школа, 1984. С. 323—335. *Перепечатка* работы 420, т.е. сокращенного варианта книги 1).

530. Интерференция // Энцикл. словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 113—114.

531. Лектор в аудитории: проблемы общения // Знания — народу. 1984. № 7. С. 34—38.

532. Методика — теория обучения русскому языку как иностранному. Связь методики с другими науками. Основные принципы советской методики // Пособие по методике преподавания русского языка как иностранного для студентов-нефилологов. М.: Русский язык, 1984. С. 5—26.

533. Методические проблемы выделения гетерогенных языковых общностей // III Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания «Типы языковых общностей и методы их изучения»: Тезисы. М.: Институт языкознания АН СССР—Научный Совет «Теория советского языкознания», 1984. С. 86—88.

534. Модальность // Энцикл. словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 175—176.

535. Наклонение // *Там же*. С. 179—180.

536. От редколлегии // Русский язык за рубежом. 1984. № 4. С. 56. (*Без подписи. Введение к статьям по проблеме аспектности и комплексности в обучении.*)

537. Понятие аспекта и комплексности в свете современной методики преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом. 1984. № 4. С. 57—59.

538. Происхождение языка // Энцикл. словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 242—243.

539. Телевизионное искусство глазами психолога // Телевидение вчера, сегодня, завтра. Вып. 4. М.: Искусство, 1984. С. 50—61. *Существует также немецкий перевод (ФРГ). Включено в книги 68 и 72.*

540. Что привлекает в этой гипотезе (В.Файвишевский. Слово, которое было в начале) // Наука и религия. 1984. № 9. С. 33.

541. Язык и мышление // Энцикл. словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984. С. 341—343.

542. Prefazione // E.I.Negnevickaja, A.M.Sachnaroviè. Le lingue straniere e i bambini: L'inglese a cinque anni. Roma: Armando Armando, 1984. P. 15—16. *Итальянский перевод работы 500.*

543. Sprachliche Tätigkeit. Psychologie der Kommunikation. Tätigkeit und Kommunikation // Grundfragen einer Theorie der sprachlichen Tätigkeit. Berlin (DDR): Akademie, 1984. S. 31—215. *То же: Stuttgart, Kohlhammer, 1984. Немецкий перевод работ 339, 24, 461.*

544. Рец. на книгу: Андреев И.Л. Происхождение человека и общества // Советская этнография. 1984. № 2. С. 132—134.

1985

545. Методологические альтернативы психологии бессознательного // Бессознательное: Природа. Функции. Методы исследования. IV. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 199—210. *Включено в книгу 72 а.*

546. Программно-целевой подход в организации включенного обучения иностранных студентов-филологов // Методические проблемы включенного обучения иностранных студентов-филологов. М.: МВиССО СССР—ИРЯ им. А.С.Пушкина, 1985. С. 13—17.

547. Психолингвистика. Речь. Речь внутренняя. Речь устная // Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985.

548. Психологические предпосылки раннего овладения иностранным языком // Иностранные языки в школе. 1985. № 5. С. 24—30. *Включено в книгу 72 а и в англ. переводе в книгу 71.*

549. Раннее обучение детей языкам: что нас всех объединяет?: К итогам Международного совещания экспертов ЮНЕСКО—МАПРЯЛ по проблемам обучения языкам детей младшего возраста // Русский язык за рубежом. 1985. № 4. С. 50—53.

550. Резолюция Международного совещания экспертов ЮНЕСКО—МАПРЯЛ «Психолого-методические проблемы обучения языкам детей младшего возраста в духе взаимопонимания» // Русский язык за рубежом. 1985. № 4. С. 115—116. *(Автор не указан)*

551. «Трудный» русский язык // Рассказы о русском языке: Книга для учителя. Минск: Народная асвета, 1985. С. 17—18. *Перепечатка отрывка из книги 1.*

552. Russian: Teaching as a Foreign Language // International Encyclopedia of Pedagogical Sciences. Oxford: Pergamon, 1985. P. 4363—4365.

553. The productive career of Aleksei Nikolaevich Leont'ev // Soviet Psychology. V. XXIII. 1985. № 1. P. 6—56. *Англ. перевод работы 522.*

1986

554. Жизнь и творчество Л.П.Якубинского // Л.П.Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 4—12.

555. Комментарии // Там же. С. 199—206.

556. Леонтьев А.А., Утеc С. Новые тенденции в психологии и педагогике и их значение для методики как теории управления учебным процессом // VI Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы «Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы». Секция 1 «Психологические и методические проблемы обучения русскому языку»: Сб. тезисов. Будапешт, 1986. С. 96—98.

557. От редактора // Л.П.Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 3.

558. Принцип коммуникативности сегодня // Иностранные языки в школе. 1986. № 2. С. 27—32. *Включено в книгу 72 а.*

559. Психолингвистические и социолингвистические проблемы билингвизма в свете методики обучения неродному языку // Психология билингвизма: Сб. научных трудов. Выпуск 260. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1986. С. 25—31.

560. Список научных работ Л.П.Якубинского; Важнейшие работы о Л.П.Якубинском // Л.П.Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 13—16.

561. Methodologische Alternativen einer Psychologie des Unbewußten // Marxistische Studien. Jahrbuch des JMSF. B. 10/1. 1986. S. 112—125. *Немецкий перевод работы 545.*

1987

562. Актуальные вопросы совершенствования методической работы с лекторами // Вопросы лекционной пропаганды. М.: Знание, 1987. С. 23—32.

563. Каламбур // Литерат. энцикл. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 145.

564. К методологии исследования ранних этапов исторического развития психики у человека // VIII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Ч. 2. М.: 1987. С. 446—447.

565. Леонтьев А.А., Утеc С. Новые тенденции в педагогике и психологии и их значение для методики обучения русскому языку // Fremdsprachenunterricht. 1987. № 10. S. 473—476, 490. *Перепечатка работы 53.*

566. Общение лектора, пропагандиста с аудиторией. Речь лектора и пропагандиста. Умения публичной речи и обучение им. Психологический портрет лектора // Аннотированный каталог лекций по проблемам лекторского мастерства и риторики. М.: Правление Всесоюзного Общества

«Знание»—Комиссия по лекторскому мастерству—Отдел методики лекционной пропаганды, 1987. С. 38—39.

567. Предисловие // М.Юсселер. Социолингвистика. Киев: Вища школа. 1987. С. 5.

568. Слово в поэтической речи // Литерат. энцикл. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 387—388.

569. Это нечто второстепенное... // Учительская газета. 1987, 2 июня.

570. Языкознание // Литерат. энцикл. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 526—528.

571. Existenzformen der Bedeutung: Die Bedeutung als allgemeines wissenschaftliche Kategorie // Kritische Psychologie als Subjektwissenschaft / Klaus Holzkamp zum 60. Geburtstag. Frankfurt—New York: 1987. S. 128—147. *Немецкий перевод* работы 523.

572. Psycholinguistics. Speech. Internal Speech. Colloquial Speech // A Concise Psychological Dictionary. Moscow: Progress Publishers, 1987. *Англ. переводы статей* из работы 547.

1988

573. Актуальные вопросы обучения иностранным языкам. Выступление на «Круглом столе» // Иностранные языки в школе. 1988. № 2. С. 4—5, 6, 8.

574. Вижу революционное наследие // Учительская газета, 1988, 7 ноября.

575. Генезис семантической теории: античность и средневековье // Вopr. языкознания. 1988. № 1. С. 5—22.

576. Двойная бухгалтерия // Московская правда, 1988, 25 июля.

577. Из архива А.Н.Леонтьева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1988. № 3. С. 3—6.

578. Комментарий к публикации *Леонтьев А.Н.* Генез человеческой речи и мышления // Психол. журн. 1988. № 4. С. 149—150.

579. Ложные претензии // Учительская газета, 1988, 10 декабря.

580. *Леонтьев А.А., Андреева Н.Д.* Методика обучения русскому произношению // Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Русский язык, 1988. С. 53—67.

581. Преподавание иностранного языка в школе: мнение о путях перестройки // Иностранные языки в школе. 1988. № 4. С. 19—23.

582. Предмет методики. Методика и ее базисные науки. Психологические основы обучения русскому языку как иностранному. Основные положения советской методики обучения русскому языку как иностранному // Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Русский язык, 1988. С. 5—34.

583. Программа курса «Методика преподавания русского языка как иностранного (в соавт.)». Программа курса «Основы педагогики и психологии высшей школы». Психология обучения русскому языку как иностранному // Комплекс программ основных курсов ФПК. Отделение со-

ветских преподавателей русского языка как иностранного. Часть 1. М., 1988. С. 53—73.

584. Психолого-дидактические проблемы методики преподавания русского языка как иностранного // Проблемы совершенствования профессионально-методической подготовки и переподготовки преподавателей русского языка как иностранного. Межвузовский сб. научн. трудов. Иваново, 1988. С. 6—13.

585. Раннее начало обучения: «за» и «против» // Иностранные языки в школе. 1988. № 5. С. 16, 27—28. (*Заметка «От редакции» и заключение; без подписи.*)

586. *Найфельд М.Н., Леонтьев А.А.* Урок как основной компонент учебного процесса. Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Русский язык, 1988. С. 152—160.

587. Язык, деятельность, социальная память // Вопросы философии / Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6—7. Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1988. С. 340—345.

588. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Языковое сознание. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. С. 105—106.

589. Выступление // Материалы VII съезда Педагогического общества РСФСР. М.: Педагогика, 1988. С. 111—115.

1989

590. Общение лектора, пропагандиста с аудиторией. Речь лектора и пропагандиста. Обучение публичной речи. Психологический портрет лектора. Устное публичное общение в системе пропаганды // Аннотированный каталог лекций, циклов лекций и учебных курсов по мастерству устной публичной речи. М.: Правление Всесоюзного Общества «Знание» — Комиссия по лекторскому мастерству, 1989. С. 53—55.

591. Педагогическая ситуация. Чему учить? // Знание — сила. 1989. № 1. С. 64—69.

592. Предисловие // Психолого-педагогические проблемы обучения технике чтения, смысловому восприятию и пониманию текста: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. М.: Знание. 1989. С. 3—10. (*Это не предисловие к сборнику, а теоретическая статья.*) Включено (под названием «Чтение как понимание») в книгу 72 а и в англ. переводе в книгу 71.

593. Психолингвистика // Тенденции развития психологической науки. М.: Наука, 1989. С. 144—155. Включено в книгу 72 а.

594. Les alternatives méthodologiques de la psychologie de l'inconscient. L'inconscient: la discussion continue. Moscou: Progrés, 1989. P. 344—355. *Сокращенный французский (в СССР) перевод работы 545.*

595. Pedagogiczna kontrewolucja czy zdrowy rozsêdek? // O zasadnicza odnowe edukacji / Z warsztatu radzieckiego Zespolu «Szkoła». Poznań: 1989. S. 76—92.

1990

596. *Ессе Ното*: «Вершинная» психология и перспективы исследования деятельности // Деятельностный подход в психологии / Проблемы и перспективы. М., 1990. С. 5—14. Включено в книгу 72 а.

597. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М. Внутренняя речь // Лингвистич. энцикл. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 85.

598. Леонтьев А.А., Ленская Е.А., Розанова Е.Д. Единый подход к предметам языкового цикла // Иностранные языки в школе. 1990. № 5. С. 26—35.

599. Леонтьев А.А., Загорский А.П. Как мы учились // Семья и школа. 1990. № 11. С. 5—6, 8.

600. Леонтьев А.А., Нежнова Т.А. К 50-летию со дня рождения Е.Ю.Артемевой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1990. № 3. С. 3.

601. Лингвистика и преподавание иностранных языков в средней школе. Выступление на «Круглом столе» // Иностранные языки в школе. 1990. № 4. С. 50—52.

602. На экране — человек // Человек в кадре: Материалы научно-практической конференции. М.: ГК СССР по телевидению и радиовещанию—Всесоюзный институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 1990. С. 41—48.

603. «Новое учение о языке» // Лингвистич. энцикл. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 335.

604. Леонтьев А.А., Найфельд М.Н. Обучение грамматике // Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / Под ред. А.Н.Шукина. М.: Русский язык, 1990. С. 68—79.

605. Педагогическая ситуация: Как учить? // Знание — сила. 1990. № 2. С. 28—33.

606. Петербургская (Ленинградская) школа в языкознании // Лингвистич. энцикл. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 373—374.

607. Порождение речи // Там же. С. 386—387.

608. Предмет методики. Связь методики с другими науками. Комплексность и аспектность в обучении. Обучение произношению // Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / Под ред. А.Н.Шукина. М.: Русский язык, 1990. С. 6—15, 47—58.

609. Происхождение языка // Лингвистич. энцикл. словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 400—401.

610. Психолингвистика // Там же. С. 404—405.

611. Речевая деятельность // Там же. С. 412.

612. Речь. Речь внутренняя. Речь письменная. Речь устная. Речь эгоцентрическая. Текст. Психолингвистика // Психология: Словарь. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990.

613. Универсально-типологический подход при описании языков и проблема дидактически ориентированной типологической модели // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии: Тезисы докл. М.: Институт языкознания АН СССР, 1990. С. 94—96.

614. *Леонтьев А.А., Шужин А.Н.* Учебники и учебные пособия // Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение). М.: Русский язык, 1990. С. 173—178.

615. *Леонтьев А.А., Загорский А.П.* Школьный учебник и домашнее задание // Семья и школа. 1990. № 2. С. 7—9.

1991

616. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* В истине жизни: Из научного архива А.Н.Леонтьева // Художественное творчество и психология. М.: Наука, 1991. С. 170—178.

617. Естественность (личностность) иноязычного общения как основополагающий принцип обучения языку // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тезисы докладов X Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 3—6 июня 1991 г. М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. С. 159.

618. Коммуникативность: пришло или прошло ее время? // Иностранные языки в школе. 1991. № 5. С. 22—23.

619. *Леонтьев А.А., Загорский А.П.* Они пробиваются сквозь нас // Семья и школа. 1991. № 8. С. 6—7.

620. От составителя. Основные линии развития методики преподавания иностранных языков в СССР (40—80-е гг.). К определению речевой ситуации // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Сост. А.А.Леонтьев. М.: Русский язык, 1991. С. 3, 4—8, 161—162.

621. Роль и место иностранных языков в современной школе. Выступление на «Круглом столе» // Иностранные языки в школе. 1991. № 1. С. 81.

622. *Леонтьев А.А., Загорский А.П.* Свободный учитель в свободной школе // Семья и школа. 1991. № 1. С. 8—10.

623. «Эффект Цветковой»: Субъективные страницы о Зое Михайловне // Воспоминания о Зое Михайловне Цветковой — человеке, ученом, наставнике в науке и вере (90 лет со дня рождения). М.: 1991. С. 60—64.

624. Bilingualism and Bilingual Education in the USSR // Korean Linguistics and Korean Language Education in the USSR. Seoul, 1991. P. 195—205.

625. Editorial Note on the Manuscript «Conversation with Vygotsky» by A.N.Leontiev (1933) // Multidisciplinary Newsletter for Activity Theory. 1991. № 9/10. P. 50—51.

626. Ethno- und psycholinguistische Dimensionen des frühen Fremdsprachenlernens // Frühes Fremdsprachenlernen — Schulreform für Europa / Hrsg. von K.Ermert. Rehrburg-Loccum: Evangelische Akademie Loccum, 1991. S. 12—21.

1992

627. Ecce Homo: Methodological Problems of the Activity Theoretical Approach // Multidisciplinary Newsletter for Activity Theory. 1992. № 11/12. P. 41—45. *Англ. перевод работы 596.*

628. Personality-Culture-Language // Acquisition of Language — Acquisition of Culture / H.Nyyssynen, Leena Kuure (Ed.). Jyväskylä: 1992. P. 193—202.

1993

629. Бодуэн де Куртенэ // Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 107.

630. Двужычие // Там же. С. 247—248.

631. Булыгина Т.В., Леонтьев А.А. Карл Бюлер: жизнь и творчество // К.Бюлер. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. С. VII—XXIV.

632. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Комментарий к публикации: Леонтьев А.Н. О книге С.Л.Рубинштейна «Основы общей психологии» // Психол. журн. 1993. № 4. С. 150—151, 155—157.

633. Некоторые общие проблемы в преподавании иностранных языков сегодня // Глядя в будущее: Первый советско-американский симпозиум по теоретическим проблемам преподавания и изучения иностранных языков. М.: [1993]. С. 93—98.

634. Человек деятельности / А.А.Леонтьев, Д.А.Леонтьев // Психол. журн. 1993. № 2. С. 84—94.

635. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16—21. Включено в книгу 72 а.

636. Dominanz der Lehrstrategie oder der Lerntechnik— eine Prinzipienfrage der Fremdsprachendidaktik // X Internationale Deutschlehrertagung. Deutsch als Fremdsprache in einer sich wandelnden Welt / Thesen. Leipzig, 1993. S. 33.

637. Several General Issues in Foreign Language Teaching Today // Visions for the Future / Proceedings of the First Soviet—American Symposium on Theoretical Problems of Foreign Language Teaching and Learning. October 17—21, 1989, Moscow / T.J.Garza, A.A.Barchenkov (Eds.). Moscow: Rema Press, 1993. P. 85—89. Англ. перевод работы 633.

1994

638. Была ли господствующая идеология марксистской? // Из истории отечественной филологической науки (20-е—50-е годы): Тезисы докл. конференции. М.: Институт языкознания РАН, 1994. С. 36—37.

639. Личность, культура, язык // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения: Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1994. С. 161—168. Русский вариант работы 628. Включено в книгу 72 а.

640. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Предисловие. Комментарии к публикации Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 5—21, 279—286.

641. Языковые права человека // Обозреватель—Observer. 1994. № 1 (35). С. 55—58.

642. Will the Real Lev Vygotsky Please Stand Up? // Interdisciplinary Newsletter for Activity Theory. 1994. № 15/16. P. 63—65.

1995

643. К проблеме изучения языков в Российской Федерации // Национальная школа: Состояние, проблемы, перспективы. Докл. и сообщения научно-практической конференции. Москва, май 1994 г. М.: ИНПО—Международный фонд «Культурная инициатива», 1995. С. 130—134.

644. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Леонтьев Алексей Николаевич // Русская философия: Словарь. М.: Республика, 1995. С. 260—262.

645. Языковая политика, образование, языковое самоопределение личности // Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции (Москва, 13—15 декабря 1995 г.). М.: Министерство РФ по делам национальностей и региональной политике—Институт народов России, 1995. С. 90—91.

646. Языковые права человека и межнациональные отношения // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 1 (2). С. 23—28. Включено в книгу 72 а.

647. *Ecce homo* («Summit» Psychology and the Prospects of Investigating Activity) // Journal of Russian and East European Psychology. 1995. V. 33. № 4. P. 35—48. Перевод работы 596.

648. Linguistic Human Rights and Educational Policy in Russia // Linguistic Human Rights: Overcoming Linguistic Discrimination / T.Skutnabb-Kangas, R.Phillipson (Eds.), in collaboration with M.Rannut. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 63—70.

649. Multilingualism for all — Russians? // Multilingualism for all / T.Skutnabb-Kangas (Ed.). Lisse: Swets & Zeilinger, 1995. P. 199—213.

650. Politische und rhetorische Kultur in Rußland: eine verlorene Tradition // Europäische Versammlungskultur: Beiträge des 2. Kolloquiums / Hrsg. von H.Geissner, A.Herbig und R.Dahmen. Berlin: Duncker und Humblot, 1995. S. 119—130.

651. Sprache soll nicht «fremd» sein // Lerntheorie — Tätigkeitstheorie — Fremdsprachenunterricht. München: Judicium, 1995. S. 21—28.

1996

652. Выготский и «психолингвистика психолингвистики» // Международная конференция «Культурно-исторический подход: развитие гуманитарных наук и образования». Москва, 21—24 октября 1996 г. М., 1996. С. 7 (без пагинации).

653. «Как стать личностью». Рецензия на книгу: *Добровольский И.Л.* Как найти себя и начать жить. Воронеж, 1994 // Вопр. психол. 1996. № 2. С. 137—138.

654. Лев Семенович Выготский как первый психолингвист // Известия Академии педагогических и социальных наук. Вып. 1. Проблемы современной психологии. М.—Воронеж: 1996. С. 65—73.

655. От редактора. С.И.Бернштейн как фонетист. Список опубликованных трудов С.И.Бернштейна (совм. с Т.Н.Наумовой) // С.И.Бернштейн. Словарь фонетических терминов. М.: Восточная литература, 1996. С. 5—6, 7—17, 18—28.

656. Предисловие; Комментарий; Список основных печатных работ Л.С.Выготского // Выготский / Антология гуманной педагогики. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996. С. 5—18, 216—219, 220—221.

657. Психолингвистика // Психологический словарь. Изд. 2. М.: Педагогика-Пресс, 1996. С. 298.

658. Пути и возможности международного языкового сотрудничества в сфере языкового образования // Международное сотрудничество в области образования, подготовки и переподготовки специалистов: опыт, проблемы качества / Материалы международной научно-практической конференции. Тамбов, 1996. С. 80—83.

659. Речь письменная // Психологический словарь. Изд. 2. М.: Педагогика-Пресс, 1996. С. 335—336.

660. Речь устная // Там же. С. 336.

661. Русская фонетика в универсально-сопоставительном освещении // С.И.Бернштейн. Словарь фонетических терминов. М.: Восточная литература, 1996. С. 144—172.

662. Семиотика // Психологический словарь. Изд. 2. М.: Педагогика-Пресс, 1996. С. 348—349.

663. Сильный духом человек (Академик Лев Владимирович Щерба) // Русское подвижничество. М.: Наука, 1996. С. 331—337.

664. Система языкового образования в России // Проблемы образования на рубеже XXI века: международный диалог (8—11 апреля 1996 года, г. Курск). Тезисы докладов (11). (Министерство образования РФ—Курский ГПИ—Региональный открытый социальный институт). М.: Магистр, 1996. С. 30.

665. Словарь активный // Психологический словарь. Изд. 2. М.: Педагогика-Пресс, 1996. С. 358.

666. Словарь пассивный // Там же. С. 358.

667. Язык, культура, культуролингвистика // Linguisticulture: Where Do We Go from Here? Osaka, 1996. (Тезисы международной конференции в Осацком университете 5—6 июня 1996 г.) С. 20—21. (Японский перевод — с. 19—20).

668. Язык, культура, культуролингвистика // Linguisticulture: Where Do We Go from Here? Osaka: 1996. P. 163—168. То же на японском языке — с. 72—76.

669. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41—47. Русский перевод работы 651.

670. Бернштейн С.И. Словарь фонетических терминов / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Восточная литература, 1996. 175 с.

1997

671. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Алексей Николаевич Леонтьев. Комментарии к биографии (1903—1979) // Выдающиеся психологи Москвы / Под ред. В.В.Рубцова, М.Г.Ярошевского. М.: Психологический институт РАО—Междунар. образовательный и психологический колледж, 1997. С. 203—215.

672. Защита чести и достоинства. Теоретические и практические вопросы. М.: Шаг, 1997. С. 55—57. (*Выступление*)
673. Реформирование образования в России. Выступление на «Круглом столе» // Педагогика. 1997. № 5. С. 33—35.
674. Не надоело ли нам быть глухонемыми? // Педагогический вестник. 1997. № 12 (186). С. 11.
675. *Dergam A.* El presente no es actual. Tres visiones de ia psicologia post-sovietica. Alexei Alexeievich Leontiev // Anuario de Psicologia. 1997. № 74. P. 107—111. *На испанском языке. (Ответы на вопросник)*
676. Открытое письмо авторов программ и учебников «Школы 2000» // «Школа 2000». Концепция и программы непрерывных курсов для общеобразовательной школы. Вып. 1. М.: Баллас—С-инфо, 1997. С. 4 (*в соавторстве*). *То же*: Начальная школа. № 21 (97). Июнь 1997. С. 1.
677. Педагогика здравого смысла // *Там же*. С. 9—23. *То же*: Начальная школа. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». № 21 (97). Июнь 1997. С. 2—5. *Включено в книгу 72 а и в сокращ. англ. переводе. в книгу 71.*
678. Теория речевой деятельности и лингвистика (Существует ли лингвистика, ориентированная на теорию речевой деятельности?) // Текст: структура и функционирование. Сб. статей / Под ред. В.А.Пищальной. Вып. 2. Барнаул: Изд. Алтайского ун-та, 1997. С. 3—14. *Русский перевод работы 68. Включено в книгу 72 а.*
679. Appredimento dele lingue straniere e modeli cognitivi dell'attivita verbale // Studi di psicologia dell'educatione / Anno 14. Gen.—Dic. 1995. № 1—23. Roma: Armando Editore, 1997. P. 79—82.

1998

680. В.В.Давыдов // Начальная школа: плюс—минус. Август 1998. С. 94—95 (*без подписи*).
681. Методика обучения профессиональной коммуникации на иностранном языке на базе современных технологий // Вестник РГНФ. 1998. № 3. С. 205—209.
682. «Научите человека фантазии» (Творчество и развивающее образование) // Вопросы психологии. 1998. № 5. С. 82—85.
683. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики. // Хрестоматия по психолингвистике. Ч. 1 / Этнопсихолингвистика. М.: Институт молодежи. Факультет психологии, 1998. С. 127—139. *Перепечатка работы 427.*
684. Не надоело ли нам быть глухонемыми? // «Школа 2000». Концепции. Программы. Технологии. Вып. 2. М.: Баллас, 1998. С. 267—272. *Перепечатка работы 674.*
685. Не надоело ли нам быть глухонемыми? // Коммуникативное обучение иностранным языкам. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Москва, 1998. С. 3—8. *Перепечатка работы 674.*

686. Отзыв на статью В.В.Левицкого «Проблемы звукоимволизма» // В.В.Левицкий. Звуковой символизм. Основные итоги. Черновцы, 1998. С. 106. (*Публикация рукописного отзыва 1968 года*)

687. От редакции // «Школа 2000». Концепции. Программы. Технологии. Вып. 2. М.: Баллас, 1998. С. 96—97. *Без подписи*.

688. Отрывки из работ разных лет, включенные в хрестоматию: «Методика обучения русскому языку как иностранному» / Сост. проф. А.Н.Шукин. Воронеж: Изд. Воронежского гос. пед. ун-та, 1998. 368 с. (С. 25—26, 33—34, 35, 36, 38—40, 46, 47, 73, 74, 76, 82—83, 86, 87—88, 88, 89—90, 96—97, 99—100, 103, 105—106, 106—108, 120, 137—139, 144—145, 147—148, 152, 156—157, 182, 184—185, 186, 190—191, 305, 326—327.)

689. Переводы «Из Рильке» // Меценат и мир. № 6—7. 1997—1998. С. 119—123. *Частичная перепечатка работы* 65.

690. Предисловие // «Школа 2000». Концепции. Программы. Технологии / Вып. 2. М.: Баллас, 1998. С. 4—5. (*Без подписи*)

691. Психолингвистика. Программа спецкурса // Общая психология / Сб. программ дисциплин специализации. М.: Ф-т психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. С. 62—65.

691 а. Психология учения и обучения в дошкольном возрасте // Школа 2000. Концепции. Программы. Технологии. Вып. 2. М.: Баллас, 1998. С.29—32.

692. Развитие мышления в процессе обучения // Сибирский психол. журн. 1998. Вып. 8—9. С. 24—27. *Включено в книгу 72 а.*

693. Технология развивающего обучения: некоторые соображения // «Школа 2000». Концепции. Программы. Технологии. Вып. 2. М.: Баллас, 1998. С. 11—20. *Включено в книгу 72 а.*

694. Язык не должен быть «чужим» // Там же. С. 86—90. *Перепечатка работы* 669.

695. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. Комментарий к рукописи А.Н.Леонтьева // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 124—127. *Комментарий к публикации: А.Н.Леонтьев. Учение о среде в педологических работах Л.С.Выготского (критическое исследование)* // Вопр. психол. 1998. № 1. С. 108—124.

696. What is the Overlord Actually Doing with the Situation? // Studia Anglica Posnaniensia. XXXIII. 1998. P. 261—264.

1999

697. Алексей Николаевич Леонтьев, каким я его знал // Мир психологии. 1999. № 1. С. 14—17.

698. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А. А.Н.Леонтьев и его теория филогенеза психики // А.Н.Леонтьев. Эволюция психики. Избранные психологические труды. М.—Воронеж: Академия педагогических и социальных наук—Московский психолого-социальный институт, 1999. С. 13—21.

699. Психология учения и обучения в дошкольном возрасте // Начальная школа: плюс-минус. 1999. Март. С. 18—21. *Перепечатка работы* 691 а.

700. Непрерывность и преемственность образования // Начальная школа: плюс-минус. 1999. Апрель. С. 3—8.

701. Нереализованные идеи Алексея Николаевича Леонтьева // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н.Леонтьева. М.: Смысл, 1999. С. 118—124.

702. Образовательная программа «Школа 2100» (основные положения) // Начальная школа: плюс-минус. 1999. Апрель. С. 50—56.

703. Образовательная программа «Школа 2100». Проект. // «Школа 2100». Образовательная программа и пути ее реализации / Вып. 3. М.: Баллас, 1999. С. 7—70. (В соавторстве) См. также работу 725.

704. О книге Елены Юрьевны Артемьевой // Е.Ю.Артемьева. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука: Смысл, 1999. С. 5—9.

705. Половина жизни. Переводы // Меценат и мир. № 8—9—10. 1999. С. 654—658. Частичная перепечатка книги 65.

706. Предисловие // «Школа 2100». Образовательная программа и пути ее реализации / Вып. 3. М.: Баллас, 1999. С. 5—6. (Без подписи).

707. Принципы воспитания в образовательной программе «Школа 2001» // Начальная школа: плюс-минус. 1999. Июнь. С. 3—11.

708. Принципы воспитания в образовательной системе «Школа 2100» // Развитие личности. 1999. № 1. С. 40—52.

709. Психолого-дидактические основы школьных учебников нового поколения // «Школа 2100». Образовательная программа и пути ее реализации / Вып. 3. М.: Баллас, 1999. С. 74—84.

710. Психология обучения чтению // Начальная школа: плюс-минус. 1999. Октябрь. С. 9—13. Включено в книгу 72 а.

711. Леонтьев А.А., Леонтьев Л.А. Способы представления знаний и их компьютерное моделирование // Обработка текста и когнитивные технологии (3). Пушино: 1999. С. 120—123.

712. Стратегия и тактика овладения иностранным языком // Наш малыш. Ноябрь. 1999. С. 45—46.

713. Язык обучения // Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 654—655.

2000

714. А если опять двойка? // Наш малыш. Май. 2000. С. 22—23.

715. Базисный учебный план общеобразовательных учреждений РФ. Проект № Б-38 // Учительская газета. 2000. № 23. С. 4—5. (В соавторстве, без подписей)

716. Воспитание // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. С. 78—79.

717. Идея субъект—объектного пространства в работах отечественных ученых // Психология субъективной семантики в фундаментальных и прикладных исследованиях. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.Ю.Артемьевой (Москва, 24—26 мая 2000 г.). М.: Моск. ун-т им.М.В.Ломоносова. Факультет психологии, 2000. С. 5—8. Включено в книгу 72 а.

718. Книга для медленного чтения. Рецензия на книгу: Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2000. // Наше наследие. 2000. № 6. С. 158—159.

719. Концепция содержания непрерывного образования (дошкольное и начальное звено) // Содержание образования в 12-летней школе. М., 2000. С. 3—35. *То же* // Начальная школа: плюс-минус. 2000. № 8. С. 8—26. (В соавторстве)

720. Лев Толстой на фоне научной психологии (по поводу статьи Б.С.Братуся) // Психол. журн. Т. 21. 2000. № 5. С. 46—47. *Включено* в книгу 72 а.

721. Место категории общения среди других психологических категорий // Международная конференция «Психология общения 2000: проблемы и перспективы» / Тезисы докл. М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2000. С. 166.

722. Новое в российском образовании // Русский язык. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 2000. № 34 (250). С. 3.

723. Образование // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. С. 233—235.

724. Образовательная программа «Школа 2100» // «Школа 2100». Приоритетные направления развития образовательной программы. Вып. 4. М.: Баллас, 2000. С. 7—67. (В соавторстве) *Окончательный вариант включен* в работу 702.

725. От редактора (вступительная статья к публикации: *Леонтьев А.Н.* К вопросу о развитии арифметического мышления ребенка). *Там же*. С. 107—108.

726. От редактора (вступление к разделу: Национально-региональный компонент в содержании образования) // *Там же*. С. 174.

727. Предисловие // *Там же*. С. 5—6. (Без подписи)

728. Приоритетные направления развития образовательной программы «Школа 2100» (доклад) // Начальная школа: плюс-минус. 2000. № 6. С. 40—43.

728а. Психологический и психолингвистический аспекты анализа языка СМИ // Язык средств массовой информации / Программы курсов по специализации. М.: МГУ, 2000. С. 12—13.

729. Психологический смысл искусства // Искусство в школе XXI века. Сб. материалов VI Всероссийской конференции и Московского научно-практического семинара «Мастерская Б.М.Неменского-2000». М.: ГОМЦ «Школьная книга», 2000. С. 29—32.

730. Система образования в России // «Школа 2100». Приоритетные направления развития образовательной программы. Вып. 4. М.: Баллас, 2000. С. 71—106.

731. Содержательные линии развития в преподавании русского языка в школе // Язык образования и образование языка. Материалы международной конференции 11—13 июня. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2000. С. 181—183.

732. Универсально-сопоставительная лингвистика // Язык: теория, история, типология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 210—213.

733. Что такое виды речевой деятельности // Начальная школа: плюс-минус. 2000. №5. С. 3—5. *Включено* в книгу 72 а.

734. Леонтьев А.А. [Что читают] // Педология. Февраль 2000. № 1. С. 74.

В. Хроникальные заметки и интервью**1959**

735. Всесоюзная сессия по вопросам германского языкознания // Известия АН ОЛЯ. 1959. № 4. С. 386—390.

736. Хроникальные заметки (О своем докладе на методологическом семинаре) // Вопр. языкознания. 1959. № 2. С. 172—173.

737. Вторая научная сессия по вопросам германского языкознания // Научные докл. высшей школы. Филологические науки. 1959. № 3. С. 171—174.

738. Хроникальные заметки (О психолингвистической секции) // Вопр. языкознания. 1959. № 3. С. 150—154.

1960

739. Хроникальные заметки (О заседании памяти И.А.Бодуэна де Куртенэ) // Вопр. языкознания. 1960. № 4. С. 161—163.

1961

740. Выступление в прениях // Вопросы германского языкознания: Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания. М.—Л., 1961. С. 297—307.

741. Хроникальные заметки «Общее собрание ОЛЯ» // Вопр. языкознания. 1961. № 3. С. 155—156.

1962

742. Дискуссия о проблеме системности в языке // Известия АН ОЛЯ. 1962. № 4. С. 359—363.

1964

743. Хроникальные заметки «Научная жизнь» // Вопр. языкознания. 1964. № 4. С. 166—167.

744. *Леонтьев А., Ройзензон Л., Хайутин А.* «Поливановские чтения» // Ленинский путь (Самарканд), 19 сентября 1964 г.

745. Хроникальные заметки // Вопр. языкознания. 1964. № 1. С. 165—167.

1965

746. Хроникальные заметки. О поливановской конференции // Вопр. языкознания. 1965. № 1. С. 136—139.

1967

747. Психолингвистические исследования в Центре по изучению познавательных процессов // Вопросы порождения речи и обучения языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 141—143.

748. Хроникальные заметки (О XVIII Международном психологическом конгрессе) // Вопр. языкознания. 1967. № 2. С. 153—158.

1968

749. Проблемы русского языкознания и обучения языку на X Международном съезде лингвистов // Русский язык за рубежом. 1968. № 1. С. 122—123.

750. Психолингвистическая тематика на X Международном конгрессе лингвистов // Психология грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 258—259.

1969

751. О работе проблемной группы психолингвистики Института языкознания АН СССР // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 232—233.

1970

752. Интервью «О чем молчит родная речь?» // Московская правда, 1970, 1 августа.

1971

753. Семинар повышения квалификации преподавателей русского языка иностранцам // Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 282.

1973

754. Интервью «Psühholoog Moskvast» // Edasi (Tartu). 1973. № 229 (7225).

755. Интервью «Наука быть человеком» // Вечерняя Алма-Ата. 1973. № 129 (1656).

1975

756. Интервью «Язык, его прошлое, настоящее и будущее» // Книжное обозрение. 1975. № 50.

1979

757. Интервью «В ранге личности» // Сельская молодежь. 1979. № 5. С. 37—41.

758. Интервью «Талант общения — дар или труд?» // Клуб и художественная самодеятельность. 1979. № 21. С. 19—21.

1982

759. Интервью «Лектор проявляет себя в общении со слушателями» // Слово лектора. 1982. № 9. С. 55—58.

760. Peut-on apprendre une langue en 24 jours? // Les Nouvelles de Moscou. 1982. № 10. P. 10. (*То же в изданиях газеты «Московские новости» на других языках.*)

1983

761. Ответы на вопросы журналиста Фонтаса Ладиса // «Ризоспастис», 1983. (На греческом языке. Перепечатано в коммунистической печати Республики Кипр.)

762. A nyelvészet és a lélektan vonzásában. Beszélgetés A.A.Leontyevvel // Köznevelés. 1983. 38 szám. November 25. P. 3—5. (Беседа о преподавании языков с журналистом Дьердем Хорватом.)

1985

763. Интервью в составе статьи В.Дронова «Мнения ученых совпадают» // Голос Родины. № 11. Март 1985. С. 11.

1988

764. Интервью «Нам потрібна соціалістична школа!» // Філософська думка. 1988. № 4. С. 29—32.

1990

765. Леонтьев А.А., Родионов М.Л. IX конгресс Международной ассоциации прикладной лингвистики // Иностранные языки в школе. 1990. № 6. С. 98—99.

766. Интервью «Избавиться от “эффекта мясорубки”» // Вестник высшей школы. 1990. № 7. С. 22—23.

767. Международные организации преподавателей иностранных языков // Иностранные языки в школе. 1990. № 3. С. 105—106.

768. Учредительная конференция Международной ассоциации коллективного содействия изучению языков (ACCEL) // Иностранные языки в школе. 1990. № 5. С. 102—103.

769. Учредительная конференция Советской ассоциации коллективного содействия изучению языков (САКСИЯ) // Иностранные языки в школе. 1990. № 3. С. 103—105.

1991

770. Keski-vertovenääläinen ei tunne vähemmistö-kansallisuuksia // Kaleva (Oulu). 15—16.11. 1991.

1994

771. Интервью в составе статьи Д.Бондаря «В Институте Толстого будет много языка и много культуры» // Иностранец. 1994. 2 февраля.

772. Интервью в составе статьи Е.Прутковой «Смешная фамилия» // Московская правда. 11 октября 1994 г. С. 8.

1995

773. Интервью «Маленький вуз с большими надеждами» // Ставропольские губернские ведомости. 1995. 18 июля. С. 2.

774. Интервью «Парле ву Франсе? Ноу! Найн! Нет!» // Вечерний Ставрополь. 1995, 20 июля. С. 2.

1996

775. Wie erwirbt man geisteswissenschaftliche Hochschulbildung und wie wird man ein kulturelles Mensch (интервью) // Neues Leben. № 39. 28 Oktober 1996. S. 7.

1997

776. Интервью «Профессор Леонтьев: “Наука — занятие не для слабонервных”» // Друг для друга (Курск). № 11 (127). Март 1997.

1998

777. Интервью «Школьник не должен ориентироваться на “пятерки”» // Рабочий край (Иваново). № 95. 23 мая 1998 г. С. 2.

1999

778. Конференция «Образовательная программа «Школа 2100» и пути ее реализации» // Начальная школа: плюс-минус. 1999. Май. С. 75—76. (Без подписи)

2000

779. Интервью с академиком А.А.Леонтьевым // Начальная школа: плюс-минус. 2000. № 8. С. 28—29.

780. Леонтьев А.А., Яковлева Л.Н. Государственно-общественный фонд «Центр русского языка» // Русский язык. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». № 34 (250). Сентябрь. 2000. С. 1.

781. Интервью «Учебник для учителя» // Коммуна (Воронеж). № 182 (23605). 31 октября 2000 г. С. 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Часть 1. Психология отображения: знак и значение	
Глава 1. Вводные замечания	6
Глава 2. Знак и значение в философии античности и средневековья	8
Гераклит и Платон	8
Аристотель и стоики	14
От Филона до Абеяра	19
Дунс Скот и Оккам	25
Глава 3. Знак и значение в классической европейской философии	32
Кант	36
Гегель	38
Маркс	39
Постгегельянская европейская философия	40
Глава 4. Знак и значение в лингвистике и семиотике	42
Гумбольдт	42
Школа Гумбольдта: Штейнталь и Потенба	45
Бодуэн де Куртенэ	48
Соссюр	49
Пирс и зарождение семиотики	52
Классическая семиотика	54
Глава 5. Теория знака и значения у Л.С.Выготского и в ранних работах А.Н.Леонтьева	61
Контексты Выготского: Г.Г.Шпет	61
Контексты Выготского: М.М.Бахтин	65
«Классическая» культурно-историческая теория и место в ней понятия знака	73
Знак и значение в работах Выготского конца 20-х—начала 30-х гг	77
Харьковская альтернатива	87
Библиография к Введению и Части 1	92
Часть 2. Деятельность как психологическое понятие	
Глава 1. Вводные замечания	97
Глава 2. Философско-методологические предпосылки психологической теории деятельности	101
Маркс о деятельности	101
Философские проблемы деятельности	105
Три уровня психологической теории деятельности и ее исходные предпосылки	109
А.Н.Леонтьев как методолог деятельностного подхода	110

Основные постулаты теории деятельности по В.В.Давыдову	114
Основные принципы психологического анализа в теории деятельности по А.Г.Асмолову	116
Глава 3. Физиологические предпосылки психологии	
деятельности	118
И.М.Семенов	118
А.А.Ухтомский	119
И.П.Павлов и его школа. П.К.Анохин	121
Н.А.Бернштейн	123
Глава 4. Понятие деятельности в отечественной	
психологии 1920—1930-х гг.	127
Д.Н.Узнадзе	127
П.П.Блонский	130
М.Я.Басов	132
Л.С.Выготский	134
Глава 5. Ранние работы А.Н.Леонтьева и Харьковской	
группы по психологии деятельности	139
Анализ современных документов	139
Ближайшая ретроспектива	148
Дальняя ретроспектива	163
Первые итоги развития теории деятельности (к началу 1940-х годов)	164
Глава 6. Трактовка деятельности в работах	
С.Л.Рубинштейна 1930—1940-х годов	166
Генезис взглядов Рубинштейна на деятельность	166
Классические работы Рубинштейна 30-х гг.	169
«Основы общей психологии»	180
Дальнейшее развитие взглядов Рубинштейна. Основные расхождения в позициях Рубинштейна и А.Н.Леонтьева	184
Глава 7. Дальнейшее развитие психологической теории деятельности	
в работах А.Н.Леонтьева и его школы	189
40-е—60-е гг.: «Проблемы развития психики»	189
60-е—70-е гг.: «Деятельность. Сознание. Личность»	195
Проблема единиц и уровней деятельности. Структура сознания	200
Альтернативы внутри теории деятельности	210
Научные внуки Выготского	226
Предварительный итог: «Лекции по общей психологии» и «Образ мира»	233
Библиография к Части 2	244
 Часть 3. Избранные главы неклассической психологии	
Глава 1. Вступительные замечания	250
Глава 2. Психология «большого мира»	252
П.А.Флоренский: «Я живу в мире и с миром»	252
М.К.Мамардашвили: «Единый континуум бытия-сознания»	254
М.М.Бахтин: «мое не-алиби в бытии»	256
С.Л.Рубинштейн: «Человек находится внутри бытия»	258

А.Н.ЛЕОНТЬЕВ: «МИР, ОТКРЫВАЮЩИЙСЯ ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА САМОМУ СЕБЕ»	259
КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОГО ПРОСТРАНСТВА	262
АРХИТЕКТОНИКА ПЕРЕЖИВАЕМОГО МИРА	264
ГЛАВА 3. ОБРАЗ МИРА И ДВА СПОСОБА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ	267
ПОНЯТИЕ ОБРАЗА МИРА В ШКОЛЕ А.Н.ЛЕОНТЬЕВА	267
ОБРАЗ МИРА И ОБРАЗ МИРОЗДАНИЯ	270
СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ	273
«ЗНАНИЕ ПРЕДМЕТА» И «ВЕРБАЛЬНО ОРГАНИЗОВАННОЕ СОЗНАНИЕ»	276
ГЛАВА 4. СМЫСЛ И СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ	280
СМЫСЛ КАК ОБРАЗУЮЩАЯ ОБРАЗА МИРА	280
СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ	281
ГЛАВА 5. ПСИХОЛОГИЯ ДЕЯНИЯ: СОЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ vs. ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯНИЕ	285
ЛИЧНОСТЬ КАК МОМЕНТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	285
НАЧАЛО ЛИЧНОСТИ — ПОСТУПОК	288
ГЛАВА 6. УЧЕНИЕ КАК ЖИЗНЬ	290
БИБЛИОГРАФИЯ К ЧАСТИ 3	291

Часть 4. Соотношение знака, деятельности и личности в психологической теории

ГЛАВА 1. «ЛИЧНАЯ МЫСЛЬ» И «СОБОРНЫЙ РАЗУМ»	296
ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, МИР	296
ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА И ПОНЯТИЕ КВАЗИОБЪЕКТА	299
ИДЕАЛЬНОЕ	301
ЗНАК, ЗНАКОВЫЙ ОБРАЗ, ЗНАКОВАЯ МОДЕЛЬ	302
ГЛАВА 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ «ПЕРЕХОДА БЫТИЯ В ЗНАК»	307
ДВУЕДИНСТВО И ИНТЕРИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	307
ВНУТРЕННИЙ ПЛАН, ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОБЩЕНИЕ	309
ГЛАВА 3. ОБРАЗ, СЛОВО, ЗНАЧЕНИЕ	313
ОБРАЗ	313
ПРИРОДА И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ	315
СУБЪЕКТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЗНАКОВОГО ОБРАЗА В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИИ	321
СЛОВО КАК РЕАЛЬНОСТЬ	323
ГЛАВА 4. ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ	324
ГЛАВА 5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	328
БИБЛИОГРАФИЯ К ЧАСТИ 4	332
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	335
БИБЛИОГРАФИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ	337
ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ (1958—2000)	338

Научное издание

Леонтьев Алексей Алексеевич
Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность)

Редактор О.В.Квасова
Корректор Н.А.Степина
Компьютерная верстка Д.В.Чекалина
Художник А.Ф.Малаховский

Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
103050, Москва-50, а/я 158
тел./факс (095) 195-93-28, (095) 195-03-08
e-mail: smysl@smysl.ru
<http://www.smysl.ru>
Лицензия ИД № 04850 от 28.05.2001

Подписано в печать 19.11.2001. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times ET. Печать офсетная. Тираж 2000. Усл. печ. л. 24,5.